

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ

9(38)
И 90

X

II.

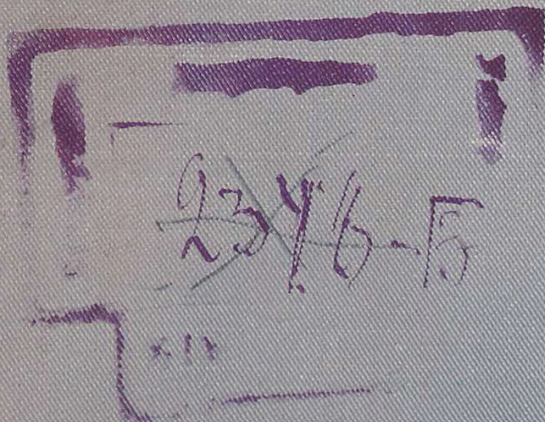
ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

СО ВРЕМЕНИ

ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, проф. П. Г. Виноградова, проф. Н. Я. Грота, М. И. Коновалова, П. Н. Милюкова, В. Д. Соколова и проф. А. И. Чупрова

ИСТОРИЯ ГРЕЦІИ

СО ВРЕМЕНИ

ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Установа адукацыі
"Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П. М. Машэрава"
БІБЛІЯТЭКА

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, проф. П. Г. Виноградова, проф. Н. Я. Грота, М. И. Коновалова, П. Н. Милюкова, В. Д. Соколова и проф. А. И. Чупрова.

Издание Т-ва И. Д. Сытина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ ВЫПУСКИ:

- I. **В. Минто.** Дедуктивная и индуктивная логика, перев. *С. А. Котляревскаго*, подъ редакціей *В. Н. Ивановаго*. XXIV + 539. Ц. 2 р.
- II. Исторія Греціи со времени пелопоннесской войны. Сборникъ статей, перев. подъ редакціей *Н. Н. Шамолина* и *Д. М. Петрушевскаго*. Вып. I. XXVII + 451 + IV. Ц. 1 р. 75 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДУТЬ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЕ ВЫПУСКИ «Б. для С.»

- II. Исторія Греціи со времени пелопоннесской войны. Сборникъ статей, перев. подъ редакціей *Н. Н. Шамолина* и *Д. М. Петрушевскаго*. Вып. 2.
- III. Римская исторія. 1. Исторія царскаго и республиканскаго періодовъ по Моммсену, перев. *А. К. Кедрова*.
- III. Римская исторія. 2. Исторія римской имперіи. Сборникъ статей, перев. *А. С. Милюковой*.
- IV. **Шенбергъ.** Положеніе труда въ промышленности, перев. *М. Н. Соболева*.
- V. **Ремсень.** Введеніе въ изученіе органической химіи, переводъ *Н. С. Дренгельна*.
- VI. **Кукъ.** Новая химія, перев. подъ ред. *М. И. Коновалова*.

ПРОГРАММЫ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ

на I-й годъ систематическаго курса,

издаваемая Комиссіей по организаціи домашняго чтенія, состоящей при Уч. Отд. Общества Распространенія Техническихъ вѣдѣній

(Москва, Большая Никитская, д. Рихтеръ, близъ Университета).

Издание третье, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе.—Правила для сношеній читателей съ Комиссіей.—Планъ систематическаго чтенія на четыре года.—Подробныя программы для 1-го года систематическаго чтенія и для чтенія по отдѣльнымъ темамъ.

Цѣна 25 к., съ перес.—35 к., наложеннымъ платежомъ—50 к.

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

СО ВРЕМЕНИ

ПЕЛОПОННЕСКОЙ ВОЙНЫ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. Н. ШАМОНИНА и Д. М. ПЕТРУШЕВСКАГО

ВЫПУСКЪ 1-й

МОСКВА

Тип. Высоч. утв. Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., с. д.

1896

524369

ОТЪ РЕДАКЦИИ «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ САМО- ОБРАЗОВАНІЯ».

Въ послѣдніе годы въ русскомъ обществѣ замѣчается несомнѣнное усиленіе интереса къ самообразованію. Оживленіе издательской дѣятельности, устройство въ провинціи курсовъ и публичныхъ лекцій, появленіе въ Москвѣ и Петербургѣ кружковъ специалистовъ, ставящихъ своей задачей помощь самообразованію,—все это дѣлаетъ очевиднымъ, что потребность въ серьезномъ чтеніи сознается у насъ все болѣе и болѣе широкими общественными кругами. Къ сожалѣнію, популяризація знаній, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка, далеко не идетъ вровень съ этимъ быстрымъ усиленіемъ спроса на чтеніе со стороны жаждущей просвѣщенія публики. Оригинальныхъ популяризаторовъ у насъ еще слишкомъ мало, а выборъ переводныхъ произведеній далеко не всегда дѣлается лицами, которыя бы соединяли въ себѣ пониманіе потребностей современнаго русскаго читателя съ хорошимъ знаніемъ иностранной популярной литературы. Отъ этого на нашемъ книжномъ рынкѣ такъ часто появляются книги, нужныя только тѣмъ, кто могъ бы прочесть ихъ и въ иностранномъ подлинникѣ; и наоборотъ, многихъ книгъ, которыя были бы нужны всякому образованному человѣку, на рус-

скомъ языкѣ не существуетъ. Въ результатѣ, одинаково страдаютъ и интересы издателей и интересы читающей публики. Не находя въ современной популярной литературѣ того, что имъ нужно, тѣ и другіе прибѣгаютъ, наконецъ, къ помощи старыхъ любимцевъ русской интеллигенціи. Перепечатка въ послѣдніе годы многихъ изданій шестидесятыхъ годовъ, безспорно, свидѣтельствуетъ какъ объ увеличеніи запроса на самообразовательное чтеніе со стороны читателей, такъ и о недостаткѣ на русскомъ языкѣ произведеній новѣйшей популярной литературы, которыя могли бы удовлетворить этому запросу.

Въ самое послѣднее время, однако, въ издательское дѣло начинаетъ замѣтно проникать свѣжая струя. Старыя и вновь возникающія фирмы принимаютъ за изданіе цѣлаго ряда серій популярныхъ книгъ для чтенія и самообразованія. Къ этого рода серіямъ принадлежитъ и «Библіотека для самообразованія». Но среди другихъ подобныхъ изданій она предполагаетъ занять свое особое мѣсто, въ связи съ той спеціальной цѣлью, которую она преслѣдуетъ. Эту цѣль, долженствующую сообщить всѣмъ томикамъ «Библіотеки для самообразованія» нѣкоторое внутреннее единство, редакція считаетъ нужнымъ особенно подчеркнуть.

«Библіотека для самообразованія» находится въ самой тѣсной связи съ московскою «Комиссіей по организаціи домашняго чтенія», начавшей свою дѣятельность при «Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній» въ текущемъ 1895 г. Редакторы «Библіотеки для самообразованія» всѣ состоятъ членами Комиссіи и принимаютъ участие

въ руководствѣ домашнимъ чтеніемъ по различнымъ отдѣламъ издаваемыхъ Комиссіей систематическихъ программъ.

Составляя эти программы, Комиссія, какъ видно изъ ея проспекта, имѣла въ виду соединить общедоступность чтенія съ его серьезностью и основательностью. Съ этой цѣлью въ каждой программѣ указанъ тотъ *необходимый минимумъ* познаній, безъ усвоенія котораго Комиссія считала невозможнымъ сколько-нибудь основательное ознакомленіе съ соответствующимъ отдѣломъ. *Всѣ* книги, необходимыя для пріобрѣтенія такого минимума познаній, указаны *на русскомъ языкѣ*, и почти всѣ онѣ доставляются читателямъ Комиссіей на льготныхъ условіяхъ (см. Правила для сношенія съ Комиссіей, перепечатанныя въ концѣ настоящаго тома). «Относительно способа усвоенія *необходимыхъ* пособій даны въ программахъ ближайшія указанія; по многимъ отдѣламъ къ программамъ присоединены провѣрочные вопросы... Всѣ указанія Комиссіи дѣлаются такъ, чтобы ими могли воспользоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе не имѣвшія возможности пріобрѣсти *правильнаго* средняго образованія, но болѣе или менѣе привыкшія читать серьезные книги популярно-научнаго содержанія; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица, окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью Комиссіи освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или пріобрѣсти новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ. При составленіи программъ Комиссія имѣла въ виду предполагаемый средній уровень читателей; этотъ средній уровень характери-

VIII

зуются въ глазахъ Комиссіи не столько количествомъ приобрѣтенныхъ свѣдѣній, сколько извѣстной привычкой къ серьезному чтенію. Умѣнье читать серьезную книгу есть необходимое условіе успѣшности самообразованія. Къ сожалѣнію, это умѣнье принадлежитъ къ числу навыковъ, которые трудно передать съ помощью однихъ письменныхъ сношеній. Комиссіи поневолѣ приходится предполагать, что у ея читателей этотъ навыкъ уже составленъ».

Содержаніе книжекъ, издаваемыхъ въ «Библиотекѣ для самообразованія», находится въ прямой зависимости отъ намѣченныхъ Комиссіей цѣлей, какъ онѣ характеризованы въ приведенныхъ выдержкахъ изъ ея проспекта. Редакція «Библиотеки для самообразованія» предполагаетъ вводить въ свою серію только такія книги, каждая изъ которыхъ давала бы «необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго нельзя познакомиться съ соответствующимъ отдѣломъ науки сколько-нибудь основательно». Другими словами, «Библиотека для самообразованія» будетъ состоять изъ ряда пособій, признанныхъ Комиссіей «необходимыми» для усвоенія ея систематическихъ программъ, но не существовавшихъ до сихъ поръ въ русской популярной литературѣ или же вышедшихъ изъ продажи, а также изданныхъ въ неудовлетворительномъ переводѣ. Съ подобными пробѣлами постоянно принуждена считаться всякая программа для самообразованія; и чѣмъ она общѣе и энциклопедичнѣе, тѣмъ пробѣловъ оказывается больше, и тѣмъ необходимѣе становится создать литературу, специально приспособленную для самообразовательныхъ цѣлей, какъ ихъ ставить та или другая программа. Англійскія и американскія обще-

ства содѣйствія самообразованію уже стали на этотъ путь — созданія специально-приспособленныхъ къ программамъ пособій. Подобную же попытку предполагаютъ сдѣлать и редакторы «Библиотеки для самообразованія». Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заграничной популярной литературѣ имѣются вполне подходящія сочиненія, редакція будетъ переводить ихъ или переиздавать уже переведенныя книги; если же подходящихъ пособій не имѣется, редакція будетъ издавать сборники, хрестоматіи, компіляціи или и оригинальныя произведенія, приспособленныя къ ея программамъ. Такимъ образомъ, руководители «домашняго чтенія» и ихъ читатели не будутъ зависѣть отъ случайнаго наличнаго состава популярной литературы, имѣющейся на русскомъ языкѣ, а читающая публика вообще получитъ рядъ общедоступныхъ руководствъ по всѣмъ отраслямъ общеобразовательныхъ знаній.

Благодаря содѣйствію издательской фирмы И. Д. Сытина, редакція имѣла возможность придать книжкамъ «Библиотеки для самообразованія» внѣшній видъ, соотвѣтствующій европейскимъ изданіямъ этого рода, не поднимая въ то же время цѣны изданія выше обыкновенной. Небольшой форматъ и прочный переплетъ должны отвѣчать назначенію «Библиотеки для самообразованія», цѣль которой — дать рядъ основныхъ пособій, предназначенныхъ для постояннаго употребленія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При составленіи настоящаго сборника имѣлось въ виду подобрать рядъ статей, характеризующихъ важнѣйшіе моменты внутренней исторіи грековъ за время отъ начала пелопоннеской войны до покоренія Греціи римлянами. Событія внѣшней исторіи должны были находить себѣ здѣсь мѣсто лишь настолько, насколько они оказывали вліяніе на ходъ внутренней исторіи, или, наоборотъ, насколько въ нихъ проявлялось вліяніе послѣдней. Отдѣльныя личности и событія должны были затрогиваться преимущественно для характеристики общихъ теченій эпохи.

Первый отдѣлъ предлагаемаго выпуска начинается статьями объ аѣинскихъ партіяхъ и о руководителяхъ политики Аѣинъ въ эпоху пелопоннеской войны, такъ какъ самый ходъ послѣдней главнымъ образомъ зависѣлъ отъ отношеній партій и политики ихъ руководителей. Въ первой статьѣ заслуживаетъ особаго вниманія читателя выясненіе того, что въ основѣ дѣленія на партіи лежало и въ Аѣинахъ сознаніе розни интересовъ различныхъ слоевъ населенія Атики. Статья «о стратегахъ и демагогахъ» выясняетъ, какъ руководство политикою Аѣинъ отъ первыхъ перешло къ послѣднимъ, чѣмъ вызвана была такая перемѣна, въ чемъ проявлялось вліяніе демагоговъ. Періодъ войны отъ смерти Перикла до Никіева мира характеризуется преобладаніемъ демагогіи;

главнымъ представителемъ ея является Клеонъ, которому посвящена статья, взятая у Ранке; здѣсь выяснено отношеніе демагога къ Спартѣ и къ союзникамъ по вопросу о наказаніи митиленянъ. Дополненіемъ къ этому служитъ статья VII с., гдѣ изложена рѣчь Клеона по Эукидиду. Во вторую половину войны типичными представителями Аѣинъ и Спарты являются Алкивіадъ и Лисандръ; ихъ характеристика дана въ статьѣ IV. Пораженіе Аѣинъ въ значительной степени было вызвано интригами олигарховъ; статья V изображаетъ организацію ихъ тайныхъ обществъ и роль послѣднихъ въ процессѣ гермокопидовъ, въ переворотѣ 411 г., во время осады Аѣинъ. Статья VI описываетъ установленное олигархами правленіе «тридцати» и столкновеніе между умѣреннымъ Тераменомъ и крайнимъ Критіемъ. Статьи VII — XI изображаютъ политическія настроенія, общественныя отношенія, духовныя теченія эпохи. Нѣсколько идеализированное изображение внутренняго строя и внѣшней политики Аѣинъ читатель найдетъ въ знаменитой «надгробной рѣчи» Перикла у Эукидида (ст. VII а). Не безъ прикрасъ изображаетъ значеніе Аѣинъ для Греціи и Эврипидъ (ст. IX); напротивъ, въ отзывахъ его о демократіи и демагогахъ послѣ Перикла слышится отголосокъ настроенія средняго класса, который выставляется у него настоящей опорой государства. Въ комедіи Аристофана мы находимъ уже не идеализацію, а гениальную карикатуру на современныя Аѣины, — карикатуру, которую до недавняго времени принимали за подлинное изображеніе. Тутъ Аристофанъ является отголоскомъ мнѣній своихъ покровителей изъ среды аристократіи, а въ восхваленіи мира пе-

редаеть также и настроеніе крестьянства Атики. Гораздо надежнѣе данныя его комедіи, касающіяся общественныхъ отношеній. Особенно интересны тутъ для насъ вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ людей разныхъ классовъ и объ уровнѣ общаго образованія тогдашнихъ аеинянъ. Совсѣмъ иное впечатлѣніе должны произвести на современнаго читателя такія выдержки изъ Фукидида, какъ мастерское описаніе борьбы партій въ Элладѣ (ст. VII. e), изложеніе переговоровъ аеинянъ съ меліанцами (ст. VII. d.) или указанная уже рѣчь Клеона противъ митиленянъ (VII. c.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ видно, какъ мало тогдашнее образованіе содѣйствовало смягченію междоусобной вражды и варварскаго военного права. На указанныхъ рѣчахъ Фукидида замѣтно сказывается вліяніе модныхъ наукъ эпохи — риторики и софистики, о которыхъ идетъ рѣчь въ статьѣ X. Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь опредѣленіе сущности новаго образованія, характеристика аеинянъ V вѣка и того вліянія, какое новыя науки оказали на политическую жизнь; ср. по этому поводу замѣчанія о вліяніи на своихъ учениковъ Сократа (стр. 38, 175, 179—180, 292). Самое осужденіе Сократа изображается въ статьѣ XI какъ слѣдствіе несоотвѣтствія его ученія съ наступившей послѣ изгнанія «тридцати» реакціей въ пользу язычества и демократіи.

Второй отдѣлъ выпуска посвященъ періоду отъ конца пелопоннеской войны до битвы при Мантиней. Въ политическомъ отношеніи время это отмѣчено преобладаніемъ Спарты, а затѣмъ борьбою ея съ Эвами за гегемонію, — борьбою, доведшею объ стороны до полнаго истощенія. Статьѣ XII излагаетъ

въ общемъ очеркъ тѣхъ измѣненій, какимъ въ началѣ періода подвергались отношенія Спарты и Персіи, а также то вліяніе, какое эти перемѣны оказывали на положеніе Спарты въ Греціи. Статья XIII изображаетъ всемогущество Спарты послѣ Анталкидова мира, возмущеніе противъ нея Фивъ и подчиненіе ими своему вліянію сначала Беотіи, а затѣмъ Пелопоннеса и остальной Греціи; всѣ эти движенія разсматриваются въ связи съ характеристикой главнаго руководителя еиванской политики и чистѣйшаго представителя эллинства, — Эпаминонда. Въ частыхъ войнахъ этого періода главную роль играли наемныя дружины; объясненію этого явленія, указанію причинъ, его вызвавшихъ, послѣдствій, его сопровождавшихъ, наконецъ формъ, которыя оно приняло, посвящена статья XIV. Наемничество было однимъ изъ симптомовъ разложенія стараго строя греческаго общества. Общее описаніе этого важнѣйшаго явленія эпохи читатель найдетъ въ статьѣ XV. Здѣсь указано, какъ неблагоприятное вліяніе экономическихъ перемѣнъ еще усиливалось вслѣдствіе отсутствія государственной власти, которая могла бы регулировать отношенія классовъ; какъ сильно поэтому обострялись отношенія общественныхъ классовъ, находившихъ оправданіе для своихъ стремленій въ образовавшейся подъ вліяніемъ софистовъ «догматикѣ эгоизма»; какія ужасныя формы принимала на этотъ разъ не столько политическая, сколько чисто экономическая борьба. Въ статьѣ XVI изложены тѣ новыя общественныя теоріи, которыя созданы были подъ впечатлѣніемъ современныхъ неурядицъ и противопоставлены оправдывавшимъ эти неурядицы теоріямъ софистовъ —

лучшими представителями философской мысли эпохи. Наконецъ, въ статьѣ XVII изложенъ взглядъ Платона на происхождение современнаго общественнаго строя и указано общее значеніе социальныхъ теорій грековъ. Статья XVIII покажетъ читателю, какъ подъ вліяніемъ политическихъ неудачъ и экономическихъ неурядицъ эпохи въ образованномъ классѣ явилось отрицательное отношеніе къ прежнимъ политическимъ формамъ, въ иныхъ случаяхъ, какъ, напр., у Исократы, ограничивавшееся идеализаціей гегемоніи въ цѣляхъ національной войны, а въ другихъ, какъ у Ксенофонта, доходившее до прославленія тиранніи и даже чисто восточнаго деспотизма. Такъ постепенно подготавливалась почва для подчиненія Греціи вліянію царей македонскихъ.

Но, конечно, такая крупная перемѣна безъ борьбы совершиться не могла. Въ этой борьбѣ главными защитниками свободы грековъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ раздробленности, выступили Аѣины. Описанію ихъ положенія въ половинѣ IV вѣка и посвящена первая статья III отдѣла. Общій выводъ изъ нея заключается въ томъ, что пораженіе Аѣинъ въ борьбѣ съ Филиппомъ зависѣло не отъ ихъ упадка, — напротивъ, въ политическомъ и общественномъ строѣ ихъ оказывается масса признаковъ здоровья, — а отъ невозможности для тогдашней демократіи объединить значительную часть Греціи и вести послѣдовательную внѣшнюю политику. Въ статьѣ (XX) читатель найдетъ нѣсколько идеализированное изображеніе македонской монархіи и Филиппа. Болѣе безпристрастно характеризуетъ Филиппа и его политику Шеферъ (ст. XXI). Здѣсь мы обращаемъ вниманіе читателя на конецъ статьи, гдѣ авторъ

разсматриваетъ вопросъ, какъ должны были относиться къ Филиппу греческіе патріоты. Въ статьѣ XXII излагаются политическіе взгляды главы аѳинскихъ патріотовъ, Демосѳена, оцѣнка имъ аѳинскаго строя сравнительно съ положеніемъ другихъ государствъ Греціи и опредѣленіе значенія Аѳинъ для грековъ. Нельзя не отмѣтить въ этомъ случаѣ сходства между Демосѳеномъ и Эврипидомъ. Далѣе (ст. XXIII) помѣщена характеристика аѳинскихъ партій въ 340 гг. и описаніе борьбы ихъ посредствомъ политическихъ процессовъ. Статья XXIV передаетъ рассказъ Демосѳена о событіяхъ, предшествовавшихъ битвѣ при Херонѣ; особенный интересъ представляетъ тутъ оцѣнка аѳинской политики самимъ Демосѳеномъ и опредѣленіе имъ своей собственной роли. Въ статьѣ XXV излагается договоръ Филиппа съ греками, а затѣмъ разсматривается важный вопросъ — какое значеніе на самомъ дѣлѣ имѣли для грековъ какъ положеніе, установленное договоромъ, такъ и намѣченная имъ война съ Персіей. Всѣмъ извѣстная лекція Грановскаго избавила редакцію «Библиотеки для самообразованія» отъ необходимости вводить въ сборникъ характеристику личности и дѣятельности Александра В. Дополненіемъ къ характеристикѣ Грановскаго послужатъ двѣ послѣднія статьи выпуска. Изъ нихъ въ первой интересно различеніе трехъ фазисовъ побѣднаго шествія Александра — по побережью Средиземнаго моря, по Ирану и, наконецъ, въ Индіи. Въ послѣдней статьѣ важно сопоставить мнѣніе Ранке, который находитъ въ положеніи Александра коренное противорѣчіе и признаетъ вполне естественнымъ нежеланіе македонянъ и грековъ подчиняться царю Востока, — съ мнѣніемъ Дройзена, безусловно осуждающаго гре-

ковъ за сопротивленіе «благодѣтельнымъ» мѣрамъ Александра, — даже въ томъ случаѣ, когда онѣ оскорбляли религіозное чувство или шли въ разрѣзъ съ клятвенно подтвержденными договорами. О результатахъ македонскаго завоеванія рѣчь будетъ идти въ первыхъ статьяхъ второго выпуска.

Въ приложеніи къ настоящему выпуску мы помѣщаемъ извлеченіе изъ извѣстной статьи Фишера: «Образованіе государствъ и союзовъ въ древней Греціи»; здѣсь читатель найдетъ изложеніе главныхъ моментовъ въ развитіи объединительныхъ стремленій грековъ, а также указаніе на главныя формы перехода отъ обособленности къ образованію болѣе крупныхъ союзовъ. Въ такомъ видѣ статья эта представляется систематическимъ, хотя и краткимъ, обзоромъ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ политической исторіи грековъ; для читателя, который приступитъ къ чтеніямъ настоящаго выпуска безъ предварительнаго ознакомленія съ предыдущей исторіей Греціи, эта статья можетъ служить хорошимъ введеніемъ.

Изъ двадцати-восьми статей перваго выпуска значительная часть (по четыре статьи) взята изъ собранія мелкихъ статей Фишера (IV, V, XIII, приложение) и изъ монографіи Шефера о Демосоенѣ (XXI, XXII, XXV и XXVI); по три статьи заимствовано изъ *Всемирной Исторіи* Ранке (III, XI и XII и начало XXVII) и изъ *Исторіи коммунизма и социализма въ древнемъ мірѣ* Пельмана (XV—XVII); по двѣ — изъ книги Бабста — *Государственные мужи древней Греціи* (XIV, XVIII), изъ *Исслѣдованій по внутренней исторіи Аѳинъ* Гильберта (I и II), изъ *Греческой исторіи* Гольма (X, XIX), изъ *Исторіи эллинизма* Дройзена (XX,

XVIII

XXVII); наконецъ, по одной статьѣ взято изъ *Греческой исторіи* Курціуса (XXIII), изъ статей г. Бѣляева объ Эврипидѣ (IX), изъ брошюры Ланге—*Аины въ комедіи Аристофана* (VIII). Изъ источниковъ приведено: пять отрывковъ изъ Фукидида (ст. VII), рассказъ Ксенофонта о Критіи и Тераменѣ (VI) и отрывки изъ рѣчи Демосеена «о вѣнкѣ» (XXIV).

Три четверти перечисленныхъ статей переведены въ первый разъ или вновь; въ остальныхъ случаяхъ русскій переводъ статей Дройзена (г. Шелгунова) и Курціуса (г. Веселовскаго) провѣренъ по подлиннику. Отрывки Фукидида съ небольшими измѣненіями взяты изъ перевода г. Миценка. Изъ оригинальныхъ статей меньшимъ измѣненіямъ подверглась статья г. Бѣляева, сильно передѣланы извлеченія изъ книги Бабста.

Передѣлки какъ въ этой, такъ и во всѣхъ прочихъ статьяхъ вызывались особыми цѣлями сборника и заключались въ выпущеніи подробностей, интересныхъ лишь для специалистовъ, а также въ приданіи изложенію болѣе общедоступнаго характера. Затѣмъ, въ случаяхъ, гдѣ это представлялось особенно нужнымъ, статьямъ предпосылались краткія введенія, а также присоединялись пояснительныя примѣчанія; такъ сдѣлано, напр., съ отрывками Фукидида, гдѣ введенія взяты большею частью изъ статьи Фишера объ историческомъ элементѣ въ рѣчахъ Фукидида, а поясненія—изъ извѣстнаго изданія Класена. Въ другихъ случаяхъ (стр. 7—9, 177—178, 232—233, 242, 449—450) къ общимъ замѣчаніямъ автора статьи присоединены для дальнѣйшаго поясненія выписки изъ другихъ сочиненій. Въ

нѣкоторыхъ случаяхъ редакція считала полезнымъ ознакомить читателя съ различными мнѣніями о томъ или другомъ историческомъ явленіи (20, 389—393). Наконецъ, чтобы еще болѣе облегчить читателя, къ концу этого выпуска приложенъ списокъ важнѣйшихъ греческихъ терминовъ, встрѣчающихся въ книгѣ, съ краткими объясненіями ихъ.

Составленный для читателей «Комиссіи по организаціи домашняго чтенія» настоящій сборникъ ставитъ себѣ ближайшею цѣлью содѣйствовать усвоенію выработанной Комиссіей программы чтенія по греческой исторіи*). Но, конечно, и независимо отъ цѣлей Комиссіи, сборникъ можетъ служить цѣлямъ историческаго преподаванія, восполняя важный пробѣлъ въ нашей историко-педагогической литературѣ. Послѣ сборника Пютца, составляющаго въ настоящее время библіографическую рѣдкость, у насъ не было издано ни одной хрестоматіи для ознакомленія учащихся съ исторической жизнью того самаго классическаго міра, который продолжаетъ занимать въ нашей школѣ такое видное мѣсто.

---

*) Для ознакомленія съ греческой исторіей до пелопоннесской войны Комиссіей указаны книги *Аландскаго*: «Лекціи по исторіи Греціи» и *В. Латышева*: «Очеркъ греческихъ древностей», ч. I.

СОДЕРЖАНІЕ.

Цифры обозначаютъ страницы.

ОТДѢЛЪ I.

Эпоха пелопоннесской войны.

- I. Аѳинскія партіи въ началѣ пелопоннесской войны (Gilbert, Beiträge zur innern Geschichte Athens): сельчане—1—4; горожане—4—5; ихъ отношеніе къ войнѣ и миру; роль присяжныхъ—5—6; политическія стремленія аристократовъ—6—9.
- II. Стратеги и демагоги (Gilbert, Beiträge etc.): переходъ вліянія отъ стратеговъ къ демагогамъ—8—9; первоначальное значеніе стратеговъ—10; кругъ ихъ дѣятельности—10—11; усиленіе вліянія ораторовъ—12; характеристика демагога въ комедіи—13—15; отношеніе демагога къ народу—15; значеніе псефисмъ—16; демагогъ въ совѣтѣ—16—17 и на судѣ—17—19.
- III. Клеонъ и его время (Ranke, Weltgeschichte I. Theil): образованіе Клеона—20; значеніе характеристики Аристофана—21; отношенія Аѳинъ и Лесбоса—22; возстаніе и усмиреніе—23; вопросъ о наказаніи—24—26; Пилосъ и Сфактерія—29; диверсія Спарты на сѣверъ—30; тактика Брасида—31; посылка Клеона—32; гибель обоихъ—33.
- IV. Алкивиадъ и Лисандръ (Vischer, Kleine Schriften I Band): отличіе второй половины войны отъ первой—34—35; Алкивиадъ; характеръ—35; отношенія къ Сократу и ихъ вліяніе—37—39; политическая карьера—40—42; Лисандръ;

воспитаніе—44; политика—45; стратегія—46; цѣли и средства—46—48.

- V. **Олигархическая партія и гетеріи въ Аѣинахъ** (Vischer, названая книга): противодѣйствіе демократіи—49; образованіе гетерій—50; ихъ устройство, цѣли, средства, значеніе—50—52; возвышеніе Алкивіада—53; его противники—54; процессъ гермокопидовъ—55—59; партіи и война съ 412 г.—59—60; интриги олигарховъ на Самосѣ—61—62; переворотъ 411 г.—63—64; паденіе олигархіи—65—68; изложенеіе Алкивіада; гетеріи и Лисандръ—69; процессъ полководцевъ—70; интриги олигарховъ во время осады Аѣиаъ—71—73; выборъ „тридцати“—73.
- VI. **Критій и Өерамень** (Ксенофонтъ, греческая исторія): управленіе „тридцати“—75; пререканія Критія съ Өераменомъ—76; обвинительная рѣчь Критія—78; возраженіе Өерамена—79—81; его осужденіе и казнь—81. Отзывы о Өераменѣ—83.
- VII a) **Периклъ у Өукидида о величіи Аѣинъ**: подлинность рѣчи—84; аѣиняне въ жизни государственной и частной—84; въ удовольствіяхъ и военныхъ опасностяхъ—86; отношеніе къ образованію, мысли и дѣлу—88; къ друзьямъ и цѣлой Элладѣ—89; величіе государства—90.
- VII b) **Сравненіе аѣинской политики со спартанскою** (Өукидидъ): подлинность рѣчи—91; главныя мѣста ея—91—94.
- VII c) **Отношеніе аѣинскаго демагога къ союзникамъ** (Өукидидъ): подлинность рѣчи—94; ходъ мыслей—95; главныя мѣста—95—100.
- VII d) **Верховное право силы** (Өукидидъ): достовѣрность разсказа—100; поводъ къ переговорамъ аѣинянъ съ меліянами—101; ихъ изложеніе—101—106; заключеніе—106.
- VII e) **Вражда партій въ Элладѣ**: значеніе Өукидидова описанія—107; обостреніе борьбы партій подъ вліяніемъ внѣшней борьбы—108; извращеніе понятій и морали—109—110; перемѣна въ отношеніяхъ людей другъ къ другу—111—112.
- VIII. **Политическое и социальное положеніе Аѣинъ по Аристофану** (Lange, Athen im Spiegel d. aristophan. Komödie): характеръ комедіи Аристофана—113; аѣиняне въ ея изображеніи:

ихъ надежды—114; участіе въ судѣ—116; во внѣшней политикѣ—118; причины и бѣдствія войны—121; аѣинская эѣкклесія—123; отзывы объ отдѣльныхъ личностяхъ—124; войскѣ и флотѣ—127; описаніе нравовъ—129; низшіе классы—130; ихъ отношеніе къ высшимъ—131; степень общаго образованія—132—134.

- IX. Политическія воззрѣнія Эврипида (Бѣллевъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. чч. 233 и 241): современная демократія—137 и демагоги—138; значеніе средняго класса—139; идеаль правителя—141; обличеніе демагоговъ—143 и тирановъ—145; Аѣинамъ или Спартѣ принадлежитъ первенство въ Элладѣ?—147—151; отношеніе къ войнѣ—152 и Периклу—153.
- X. Софисты, ихъ послѣдователи и противники (Holm, Griechische Geschichte II Band): переломъ въ духовной жизни грековъ—155; риторика и софистика—156; ихъ философская основа—158; родина и родоначальники—159; характеръ и развитіе аѣинянь V вѣка—162; ихъ увлеченіе новой наукой—165; ея поклонники—165—169 и противники—170; нападки Аристофана—171; борьба съ софистикой Сократа—172; отношеніе къ нему аѣинянь—175; вліаніе новаго образованія—175.
- XI. Сократъ и аѣинская демократія (Ranke, Weltgeschichte I Theil): Сократъ въ „Облакахъ“ Аристофана—177; реакція въ Аѣинахъ—178; отношеніе Сократа къ демократіи и идолослуженію—179—181; его осужденіе—182.

ОТДѢЛЪ II.

Первая половина IV вѣка.

- XII. Греко-персидскія отношенія въ первой четверти IV вѣка (Ranke, назв. сочиненіе): значеніе союза Спарты и Персіи—183; замыслы Кира—184; поддержка Спарты—185; смерть Кира—186; отступленіе десяти тысячъ—187; разрывъ Спарты съ Персіей—187; походъ Агесилая—188; коринѣская война—189; миръ Анталкида—191; его значеніе—192—194.

XXIV

- XI. Эпаминондъ и возвышеніе Фивъ (Vischer, Kleine Schriften I Band): освобожденіе Фивъ—195; Спарта послѣ Анталкидова мира—196; отношеніе ея къ Фивамъ—199—202; Пелопидъ—203; воспитаніе и характеръ Эпаминонда—204—210; союзъ съ Афинами—211; объединеніе Беотіи—212; конгрессъ въ Спартѣ—214; битва при Левктрахъ—216; объединеніе Аркадіи—218; походъ Эпаминонда въ Пелопоннесъ—219—222; гегемонія Фивъ—223—225; битва при Мантинее—226; оцѣнка политики и личности Эпаминонда—227—230.
- XIV. Греческіе наемники въ первой половинѣ IV вѣка (Бабстъ, Государственные мужи древней Греціи): увеличеніе числа наемниковъ—231; жалобы ораторовъ—232; причины явленія—233—234; формированіе и устройство наемныхъ дружинъ—235; ихъ главные вожди—237—242.
- XV. Разложеніе греческаго общества подъ вліяніемъ крайностей индивидуализма (Pöhlmann, Geschichte d. antiken Kommunismus und Sozialismus, I Band): экономическія неурядицы въ Элладѣ IV в.—243; эксплуатація государственной власти отдѣльными классами общества въ своихъ интересахъ—244—246; „естественное право“ индивидуализма—246; характеръ борьбы общественныхъ классовъ—248—250.
- XVI. Реакція философской мысли противъ крайностей индивидуализма (Pöhlmann, назв. сочиненіе): общее направленіе общественныхъ теорій IV в.—251; путь къ восстановленію въ обществѣ мира—252—254; идеаль „органическаго“ государства—255; обоснованіе общественной морали—257—260; измѣненіе представленія о государствѣ и его задачахъ—261—265.
- XVII. Взглядъ Платона на происхожденіе современнаго общественнаго строя (Pöhlmann, названное сочиненіе): развитіе плутократіи—266—269; ея главные представители—269—272; настроеніе низшихъ классовъ—273; матеріализмъ охлократіи—274; извращеніе народнаго характера—276; значеніе политической теоріи грековъ—277—278.
- XVIII. Политическіе идеалы Исократы и Ксенофонта (Бабстъ, Государственные мужи древней Греціи): Исократъ—274; его школа—280 и идеалы—281; отношеніе къ нему демокра-

товъ—282—284; кому предназначалъ онъ роль гегемона?—284—290; Ксенофонтъ—291; его антипатіи и симпатіи—292; Геронъ—293—296; Киропедія—296—299.

ОТДѢЛЪ Ш.

Время Филиппа и Александра Великаго *).

- XIX. Аѣины около 360 года (Holm, Griechische Geschichte, III Band): политическіе процессы—300; отсутствіе послѣдовательной политики—302; финансы—304; аѣинскій союзъ—305; частная жизнь эпохи—306; мѣстное управление—307; ассоціаціи—308; религіозная жизнь—309; значеніе Аѣинъ въ IV вѣкѣ—310.
- XX. Македонія до Филиппа и его реформы (Дройзенъ, Исторія эллинизма, т. I): македоняне—311; царская власть—312; сословія—313; сближеніе съ Греціей—314; начало правленія Филиппа—315; его войско и дворъ—317—320; его личность—321; идея похода на Востокъ—322.
- XXI. Характеръ и политика Филиппа (Schäfer, Demosthenes und seine Zeit, II Band): его характеръ—323; войско—325—326; дворъ—328; отношеніе къ образованію—329; характеръ политики—329—331; какъ должны были относиться къ Филиппу греки?—332—335.
- XXII. Политическія воззрѣнія Демосѣена (Schäfer, Dem. u. s. Zeit, I. Band): начало его дѣятельности—336; отзывы о недостаткахъ и достоинствахъ аѣинскаго строя—337—338; сравненіе съ другими государствами—339; его совѣты аѣинянамъ—340; желательная для нихъ политика—341—342.
- XXIII. Аѣинскія партіи въ 340 годахъ (Курціусъ, Греческая исторія, т. III): партія мира, направленіе матеріальныхъ интересовъ—343; національной войны—345; подкупленныхъ людей—347; усиленіе вліянія Демосѣена—349; реформы въ Аѣинахъ—351; Демосѣенъ и прежнія партіи—352; единомышленники Демосѣена—353; борьба партій—354; жалоба Демосѣена, осужденіе Тимарха—355; ослабленіе вліянія

*) Статьи этого отдѣла въ книгѣ перенумерованы, по ошибкѣ, особо отъ предыдущихъ.

- Эсхина—357; процессъ Филократа—358; делосскій во-
просъ—359; процессъ Эсхина—360—364.
- XXIV. Демосеенъ о битвѣ при Херонѣ (изъ рѣчи „о вѣнкѣ“): тре-
вога въ Аѣинахъ послѣ занятія Элатей—365; совѣты Де-
мосеена—367; оцѣнка ихъ самимъ ораторомъ—369—373;
переговоры и союзъ съ Фивами—373; роль оратора—376.
- XXV. Гегемонія Филиппа (Schäfer, Demosthenes und seine Zeit,
III Band): договоръ Филиппа съ греками—377—379; его
характеръ и значеніе—380; значеніе войны съ Персіей для
грековъ—381—383.
- XXVI. Завоеваніе Александра въ Азіи (Schäfer, назв. сочиненіе):
войско и флотъ Александра—384; подчиненіе побережья
Средиземнаго моря—385; завоеваніе Персіи—387; походъ
въ Индію—388.
- XXVII. Александръ Великій и греки (Ranke, Weltgeschichte, I Theil.
Дройзенъ, Исторія эллинизма, т. I): Александръ стано-
вится восточнымъ царемъ—389; отношеніе къ перемѣнѣ
македонянъ и грековъ—390; великая монархія и мелкія
государства—391—392; оцѣнка апооеозы—393; принятіе
ея—395; значеніе возврата изгнанниковъ—396; сопро-
тивленіе Аѣинъ—398—399.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Общій очеркъ образованія государствъ и союзовъ въ древней Греціи
(Vischer, Kleine Schriften, I Band): значеніе начала свободы частей
націи и начала единства въ исторіи народовъ вообще и грековъ
въ частности—403; сельская *община* какъ древнѣйшая форма го-
сударства у грековъ—404; греческій *городъ*—405; образованіе его
изъ нѣсколькихъ общинъ—406; объединеніе племени въ одно госу-
дарство чрезъ поглощеніе городовъ цѣлымъ—408; объединеніе
Аттики—409; его значеніе—410; объединеніе племени чрезъ под-
чиненіе мелкихъ поселеній главному; примѣры—410—412; объеди-

неніе племени чрезъ образованіе союза—412; ходъ развитія федеративнаго начала—414—416; простѣйшій видъ союза: Фокида, ея устройство—417—418; болѣе сложный союзъ: Эссалия, ея устройство, власть тагоса—419—421; союзъ съ преобладаніемъ столицы: Беотія, ея исторія—421—424; попытки объединенія племени въ демократическое государство: Аргосъ и Коринѣъ—424; Олинѣъ—425—426; Мегалополь—427—429; ихъ значеніе—429—432; союзы племенъ—433; гегемонія Атридовъ—434; гегемонія Спарты, ея исторія—435—436, устройство—437—439; гегемонія Аѣнѣъ, ея устройство—440, развитіе—441—444; второй аѣнскій союзъ—444; отличіе новыхъ союзовъ—445; союзъ этолійскій: устройство—446 и аѣейскій: исторія—447, устройство—448; ихъ значеніе—449—450; заключеніе—450—451.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

ЭПОХА ПЕЛОПОНЕССКОЙ ВОЙНЫ.

I. ПАРТИИ ВЪ АѢИНАХЪ ВЪ НАЧАЛЪ ПЕЛОПОНЕССКОЙ ВОЙНЫ.

(*Gilbert. Beiträge zur inneren Geschichte Athens.*)

Отношенія аѢинскихъ партій мало измѣнились въ теченіе пелопонесской войны. Въ началѣ войны отношенія эти представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ. Противоположность мѣстныхъ интересовъ, вліявшая такъ сильно уже на борьбу партій въ VI вѣкѣ, продолжаетъ существовать; но она принимаетъ теперь нѣсколько иную форму, чѣмъ прежде, — форму антагонизма горожанъ и сельчанъ. Большинство аѢинянъ, — говоритъ Фукидидъ, — и послѣ синоикизма Тесея продолжали жить въ деревняхъ, оставаясь вѣрными дѣдовскимъ жилищамъ и родовымъ святилищамъ. Это сельское населеніе Аттики распадалось на классъ богатыхъ землевладѣльцевъ и на крестьянъ въ собственномъ смыслѣ. У первыхъ были, правда, свои дома въ АѢинахъ, но гораздо роскошнѣе были обставлены ихъ сельскія усадьбы, въ которыхъ они поэтому и проводили большую часть

года. Напротивъ, преобладающее большинство сельскаго населенія, классъ солоновыхъ зевгитовъ, обработывавшихъ своими волами дѣдовскую пашню, только изрѣдка и на короткое время являлись въ городѣ. Людей этого класса могло заманить въ Аѣины развѣ только особенно важное голосованіе въ народномъ собраніи, напр., по вопросу объ остракизмѣ или большія празднества; хотя и въ этихъ случаяхъ многіе, по словамъ Исократы, предпочитали оставаться дома. Несомнѣнно, Эврипидъ имѣлъ въ виду Аѣины, когда говорилъ: «бѣдный поселянинъ, даже когда онъ не лишенъ образованія, такъ занятъ своими дѣлами, что не имѣетъ времени для дѣлъ государственныхъ». Изъ аттической же дѣйствительности взято тѣмъ же поэтомъ описаніе человѣка, который собственными руками обрабатываетъ свое поле, и потому рѣдко приходитъ въ городъ и посѣщаетъ рынокъ. Разъ крестьянинъ все-таки приходитъ въ народное собраніе, — онъ является здѣсь въ роли спокойнаго и разсудительнаго судьи. Когда въ комедіи Аристофана вносится въ собраніе проектъ управленія Аѣинами чрезъ посредство женщинъ, то противниками этого проекта выступаютъ именно сельчане.

Демосѣенъ замѣчаетъ однажды, — правда, можетъ быть, нѣсколько преувеличивая, — что если бы аѣинское войско въ мирное время простояло въ Атикѣ только мѣсяць, продовольствуясь у мѣстныхъ жителей, то сельское населеніе понесло бы черезъ это большій ущербъ, чѣмъ сколько стоила война съ Филиппомъ (стоимость ея Демосѣенъ опредѣляетъ въ другомъ мѣстѣ въ 1500 талантовъ). Другой ораторъ говоритъ, что отецъ его былъ до войны зажиточнымъ

крестьянствомъ, но вторженія пелопонесцевъ лишили его всего имущества. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что война была разорительна для крестьянскаго населенія Аттики. Поэтому въ теченіе пелопонесской войны крупные землевладѣльцы и крестьяне въ собственномъ смыслѣ выказывали постоянно склонность къ миру. Враждебное отношеніе къ Периклу, приведшее уже во второй годъ войны къ его осужденію, обнаруживалось главнымъ образомъ среди богатыхъ землевладѣльцевъ, видѣвшихъ разореніе своихъ помѣстій со всѣми ихъ постройками и великолѣпной обстановкой. Тѣмъ же настроеніемъ проникнуты были и менѣе состоятельные поселяне, потерявшіе, благодаря вторженію пелопонесцевъ, и то немногое, чѣмъ они владѣли. Нигдѣ стремленія аттическаго крестьянина къ миру не выражаются такъ ясно, какъ въ древней комедіи. «Ты, богатый миръ и упряжка воловъ, — поетъ хоръ пахарей у Аристофана:—о, если бы я могъ, отдѣлавшись отъ войны, окапывать и обрѣзывать виноградную лозу и послѣ освѣжающаго купанья попивать молодое вино, закусывая хлѣбомъ и рѣдькою». Въ другомъ отрывкѣ Аристофана прелести мира описываются тоже съ точки зрѣнія сельчанина: это — «спокойная жизнь въ крошечномъ помѣстьѣ, свобода отъ базарной суеты, мирное обладаніе доброй парой воловъ, блеянье овецъ и журчанье вина, льющагося въ кубокъ, а на закуску — дрозды и зяблики: не нужно ждать съ рынка рыбы, пойманной три дня назадъ и втридорога купленной изъ противныхъ рукъ рыбнаго торговца». Въ двухъ сохранившихся комедіяхъ Аристофана сторонниками партіи мира выступаютъ также представители крестьянства: въ «Ахарнейцахъ»

Дикеополь, единственное желаніе котораго — вернуться въ свою волость и избавиться отъ этой не-носной политики, и Тригей въ «Мирѣ», гдѣ пахари освобождаютъ богиню мира только для того, чтобы вернуться затѣмъ къ своимъ полямъ и наслаждаться благами мира. И въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о потеряхъ деньгами и имуществомъ, которыя должны были возрастать съ каждымъ новымъ годомъ войны, положеніе крестьянъ по переселеніи ихъ въ городъ было совершенно невыносимо. Большинство не находило себѣ пріюта въ домахъ и вынуждено было искать убѣжища на площадяхъ, въ храмахъ и часовняхъ или даже на башняхъ стѣнъ. Къ тому же на нихъ падала главная тяжесть военной службы. По крайней мѣрѣ въ Аристофановомъ «Мирѣ» хоръ горько жалуется на то, что военачальники, когда приходится выступать въ походъ, самовольно вычеркиваютъ и вносятъ въ списокъ имена подлежащихъ призыву, такъ что иной, заглянувъ наканунѣ выступленія случайно еще разъ въ списокъ, вдругъ находитъ въ немъ свое имя, хотя раньше его тамъ и не было. «Такъ, — говоритъ хоръ, — поступаютъ эти трусы именно съ нами сельчанами; съ горожанами они больше церемонятся».

Полный контрастъ съ консервативнымъ и миролюбивымъ крестьянствомъ Аттики представляло въ политическомъ отношеніи городское населеніе, состоявшее главнымъ образомъ изъ мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и моряковъ. Особенно яркими демократами были послѣдніе, жители Пирея. Этотъ народъ, зная хорошо, что враги не могутъ истребить его имущества, ни о чемъ не заботился и мало былъ склоненъ къ миру. Самыя нелѣпыя предложе-

нія, по изображенію комедіи, находили себѣ откликъ и одобреніе въ этомъ городскомъ слоѣ. У Аристофана толпа башмачниковъ встрѣчаетъ съ восторженнымъ одобреніемъ предложеніе учредить женское правленіе. Торговцы кожами, медомъ и сыромъ составляли, по насмѣшливому замѣчанію того же Аристофана, партію Клеона. Торговцы и ремесленники, въ комедіи «Миръ», позорно покидаютъ храбраго Тригея, когда онъ пытается освободить богиню мира. Къ классу ремесленниковъ принадлежали и демагоги, выступавшіе въ пелопонесскую войну представителями воинственной политики: кожевникъ Клеонъ, ламповый фабрикантъ Гиперболъ, фабрикантъ лиръ Клеофонтъ. Къ городскому населенію относится суровое замѣчаніе Платона, что Перикль, введя денежные раздачи, сдѣлалъ аѳинянь жадными тунеядцами и трусливыми болтунами. Мысль о походѣ въ Сицилію потому такъ восхищала массу городского населенія, что эта масса ожидала отъ похода усиленія могущества Аѳинъ, при которомъ можно было постоянно рассчитывать впередъ на денежные раздачи. По свидѣтельству Аристофана, среди сельчанъ немного было охотниковъ итти въ присяжные, и въ число ихъ брались преимущественно недостаточные жители столицы. По крайней мѣрѣ хоръ присяжныхъ въ комедіи «Осы» живетъ въ крайней бѣдности и скудости. При всемъ томъ политическое значеніе присяжныхъ было громадно. Единственная безотвѣтственная власть въ государствѣ — присяжные пользовались совершенно царскимъ могуществомъ. Предъ ними унижаются знатные господа; казнокрады протягиваютъ бѣдному присяжному свою холеную руку и стараются воз-

будить къ себѣ его состраданіе. Съ другой стороны, если человѣкъ нарушилъ интересы народа, и ни совѣтъ, ни экклесія не знаютъ какъ рѣшить дѣло, оно переносится на судъ присяжныхъ, которые и рѣшаютъ его своимъ приговоромъ.

Противоположность городскому демосу и массѣ крестьянства представляли высшіе слои общества. Степень достатка и характеръ политическихъ стремленій были тутъ у отдѣльныхъ лицъ не одинаковы; съ одной стороны можно различать просто зажиточныхъ отъ богачей, съ другой—замѣчается такая же противоположность стремленій демократическихъ и олигархическихъ. Къ первому классу принадлежало значительное число эвпатридскихъ родовъ, предки которыхъ нѣкогда—въ борьбѣ партій послѣ Солона — стали, подъ руководствомъ Мегакла, на сторону Солонова устройства, а затѣмъ, по почину Клисѣена, вступили въ искренній союзъ съ народомъ, къ которому раньше относились съ пренебреженіемъ. Теперь этотъ народъ отблагодарилъ ихъ за союзъ, постоянно выбирая ихъ потомковъ въ важнѣйшія должности. Затѣмъ, къ этому классу принадлежало также большинство фамилій, выдвинувшихся въ болѣе позднія времена и имѣвшихъ возможность, безъ вреда для собственныхъ интересовъ, посвящать свои силы управленію государствомъ. Всѣ эти элементы, относясь враждебно къ крайнему расширенію правъ народа, составляли среднюю партію, видѣвшую спасеніе государства въ охраненіи правъ, уже пріобрѣтенныхъ ранѣе.

Олигархическую партію составляли, напротивъ, политическіе потомки Исагора, враждебно относившіеся къ тому направленію, какое приняло полити-

ческое развитие Аѣинъ. Со времени Исагора, неудачно пытавшагося, при помощи Спарты, помѣшать реформѣ Клизеена, они нѣсколько разъ вступали въ тайный союзъ съ иноземцами, персами и спартапцами, противъ собственной родины и ея демократическаго устройства. Своею политическою цѣлью они упорно считали—установленіе олигархическаго правленія. Только при такой формѣ, ставившей во главѣ государства людей наиболѣе состоятельныхъ, они могли рассчитывать на дѣятельное участіе въ государственномъ управленіи. Въ самомъ дѣлѣ, народъ умѣлъ очень хорошо отличать среди аристократовъ своихъ друзей отъ враговъ.

Аристократы, въ качествѣ богатыхъ землевладѣльцевъ, проводили большую часть года вдали отъ политическихъ тревогъ столицы, въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ, можетъ-быть, не совсѣмъ еще исчезли патриархальныя отношенія между ними и сосѣдними крестьянами, предки которыхъ когда-то, до освобожденія ихъ Солонемъ, были оброчными крестьянами предковъ помѣщиковъ. Олигархическими стремленіями задавались, впрочемъ, не однѣ только богатяя фамиліи. Захудалые роды, помнившіе лучшія времена, а теперь обѣднѣвшіе благодаря расточительности и бездѣлю, но старавшіеся все-таки всѣми силами сохранить богатую обстановку,—эти роды тоже мечтали объ олигархическомъ переворотѣ, надѣясь при помощи его вернуть себѣ старыя богатства *).

Сжат. Aristophane, стр. 172. Среди аѣинскихъ аристократовъ было нѣсколько категорій. Были, во-первыхъ, люди, считавшіе демократію правленіемъ беспокойныхъ безумцевъ, отъ котораго

II. СТРАТЕГИ И ДЕМАГОГИ.

(*Gilbert. Beiträge*)

Въ своей «Политикѣ» Аристотель дѣлаетъ общее замѣчаніе, что въ болѣе раннюю эпоху греческой исторіи вожди народа были всегда изъ числа стратеговъ. Замѣчаніе это, какъ видно изъ несомнѣнныхъ данныхъ, приложимо вполне и къ Аѣинамъ. То было время, къ которому часто обращается Исократъ,—время, когда аѣиняне ставили во главѣ государства лучшихъ людей, выбирая ихъ одновре-

---

слѣдуетъ освободиться во что бы то ни стало; къ числу такихъ людей нужно отнести большинство руководителей заговора четырехсотъ, а также главъ послѣдующаго правительства тридцати. Для устраненія демократіи они готовы были пользоваться любыми средствами, даже незаконными, даже убійствомъ, даже подчиненіемъ Лакедемону, даже сдачею стѣнъ. Это были ученики софистовъ, обыкновенные собесѣдники діалоговъ Платона, люди остроумные, но неспособные понять значеніе демократіи, стремившіеся къ власти подъ условіемъ безраздѣльнаго и безконтрольнаго пользованія ею. За ними шли другіе люди такого же происхожденія, столь же образованные и болѣе ловкіе; къ демократіи они относились такъ же враждебно, но были убѣждены, что съ нею нужно считаться:—признавая ее на словахъ, на дѣлѣ взять въ руки, упразднить ее лучше законными средствами, чѣмъ стремиться къ ниспроверженію ея силою. Это были люди золотой середины, которыхъ весь свѣтъ называлъ измѣнниками, потому что они не хотѣли служить никому. Главнымъ представителемъ этой группы былъ Тераменъ. Были еще, — и такихъ было всего больше, — консерваторы въ собственномъ

менно военачальниками и послами. Мы,—продолжаетъ этотъ риторъ IV в.,—тѣмъ отличаемся отъ нашихъ предковъ, что тѣ однихъ и тѣхъ же людей ставили во главѣ государства и выбирали стратегами, а мы употребляемъ однихъ для роли совѣтниковъ, другихъ — для роли полководцевъ. Это преобладающее вліяніе стратеговъ на политику Аѳинъ продолжалось до пелопонесской войны, когда рядомъ съ ними выступили вождями народа ораторы, которые отъ времени до времени старались закрѣпить отвоеванное у стратеговъ политическое положеніе, являясь обвинителями ихъ на судѣ. Участіе ораторовъ въ руководствѣ политикой начинается съ борьбы ихъ противъ стратеговъ, руководившихъ до того дѣлами единолично, и борьба эта въ дальнѣйшемъ развитіи государства приводитъ въ IV в. къ побѣдѣ демагоговъ. Въ эпоху Демосѳена настоящими руководителями государства являются ораторы, которымъ стратеги обыкновенно подчиняются. Очень рѣдко попадался такой стратегъ, который не обращалъ вниманія на демагоговъ, и подобный стратегъ подвергался за это со стороны демагоговъ всевозможнымъ нападкамъ.

Писатели признаютъ единогласно стратегію важ-

смыслѣ, граждане, близкіе къ аристократіи по своему воспитанію, состоянію, связямъ и наклонностямъ; они съ искренней покорностью подчинялись демократіи и служили ей безъ любви, стараясь обезпечить себѣ въ ней положеніе, соотвѣтствующее ихъ состоянію и имени. Къ числу такихъ людей принадлежалъ Никій. Наконецъ, слѣдуетъ отвести мѣсто аристократамъ наиболее подвижнымъ, развитымъ и скептическимъ. Презирая одинаково всѣ партіи, они способны были пользоваться всѣми ими для того, чтобы господствовать въ государствѣ. Честолюбіе и вѣра въ свои таланты были единственнымъ регуляторомъ ихъ поведения. Они допускали всѣ средства, лишь бы только они вели къ цѣли. Царемъ этихъ избранныхъ былъ Алкивіадъ.

нѣйшею должностію въ Аѣинахъ. Въ V в. ее занимали обыкновенно члены знатныхъ и богатыхъ фамилій, которымъ народъ охотно ее предоставлялъ. Поэтому считалось отклоненіемъ отъ добраго стараго обычая то, что аѣиняне въ пелопонесскую войну не всегда такъ поступали. Прежде, — жалуется комическій поэтъ, — наши стратеги брались изъ почетнѣйшихъ фамилій, первыхъ по богатству и знатности, и мы молились на нихъ какъ на боговъ, а теперь мы выбираемъ въ стратеги людей изъ негодной черни. Можно безошибочно предполагать въ Аѣинахъ опредѣленный кругъ фамилій, члены которыхъ по наслѣдству передавали одинъ другому должность стратега. Напомнимъ только примѣры Мильтіада, Кимона и его сына или Ксантиппа и двухъ Перикловъ, отца и сына. Такъ какъ въ стратеги можно было выбирать одно и то же лицо нѣсколько разъ подъ-рядъ, то повторные выборы испытанныхъ вождей обезпечивали послѣдовательный ходъ аѣинской политики.

Десять аѣинскихъ стратеговъ составляли коллегію и выбирались по одному отъ каждой филы. Первоначально каждый стратегъ имѣлъ право рѣшать все дѣла, входившія въ кругъ вѣдѣнія стратегіи, хотя конечно народъ могъ поручать отдѣльнымъ лицамъ завѣдываніе особыми разрядами дѣлъ, да и сами стратеги распредѣляли ихъ между собою.

Только во второй половинѣ IV в. началось раздѣленіе общаго вѣдомства стратегіи на рядъ специальныхъ вѣдомствъ, для которыхъ народъ при самомъ выборѣ назначалъ особыхъ стратеговъ. Изъ нихъ самымъ уважаемымъ сдѣлался начальникъ гоPLITовъ, ставшій со времени раздѣленія вѣдомствъ

постояннымъ главой коллегіи, тогда какъ прежде предсѣдатель мѣнялся въ ней ежедневно. То преобладаніе, какое съ конца IV в. приобрѣлъ въ коллегіи стратегъ гоплитовъ, прежде только въ случаяхъ исключительной нужды предоставлялось одному стратегу съ титуломъ автократора (самодержца).

Крупное политическое значеніе стратеговъ видно изъ того, что они пользовались правомъ созывать народное собраніе. Имъ принадлежало начальство надъ всѣми военными силами Аѣинъ и судъ по дѣламъ о воинскихъ преступленіяхъ. Задачу стратеговъ составляло не только веденіе войны, но и собираніе для нея средствъ. Для послѣдней цѣли стратеги ежегодно назначали «тріерарховъ». Жалобы тріерарховъ на излишнее обремененіе ихъ стратеги обязаны были передавать на разрѣшеніе суда присяжныхъ. Изъ обязанности стратеговъ—заботиться о военной казнѣ вытекаетъ и участіе ихъ въ опредѣленіи размѣровъ спеціальной военной подати. Далѣе стратеги должны были заботиться о защитѣ страны отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Сюда относился надзоръ за исправностью гаваней, городскихъ стѣнъ и другихъ укрѣпленій, а также, въ болѣе широкомъ смыслѣ, обезпеченіе подвоза въ Аѣины нужнаго количества хлѣба, устраненіе измѣны и охраненіе демократическаго устройства. Затѣмъ стратеги руководили внѣшними дѣлами и являлись представителями государства въ иностранныхъ сношеніяхъ: заключали договоры съ иноземными державами или предлагали заключать ихъ, подтверждали договоры присягою, заботились о государствахъ и лицахъ, принятыхъ по рѣшенію народа подъ защиту Аѣинъ, а также о тѣхъ иностранцахъ, которымъ въ Аѣинахъ были

предоставлены особыя права. Наконецъ на стратегахъ лежали и религіозныя обязанности: принесеніе извѣстныхъ жертвъ и устройство процессій; они же хранили государственную печать.

Со смерти Перикла, какъ было замѣчено выше, на аѣинской политикѣ начинаетъ замѣтно сказываться вліяніе уже не стратеговъ, а ораторовъ изъ среды простого народа. Вслѣдствіе успѣшныхъ занятій риторикой и пристрастія къ ней даже низшихъ слоевъ народа, для человѣка нерѣчистаго и незнакомаго съ риторскимъ искусствомъ трудно стало вліять простыми рѣчами на рѣшенія народнаго собранія; напротивъ, незнатнымъ честолюбцамъ, для которыхъ доступъ къ стратегіи, а вмѣстѣ съ нею къ участию въ политикѣ былъ прегражденъ, если не юридически, то фактически, — такимъ лицамъ ораторскій талантъ давалъ возможность пріобрѣсти рѣшающее вліяніе на управленіе государствомъ. Этими ораторамъ изъ простонародья въ пелопонесскую войну легче было пріобрѣсти довѣріе народа, чѣмъ ораторамъ изъ высшихъ слоевъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе войны знатныя и богатыя фамиліи неоднократно выказывали такія симпатіи къ Спартѣ и такую ненависть къ демократіи, что въ народѣ естественно возникло стремленіе слѣдовать политическимъ совѣтамъ однихъ только безспорныхъ демократовъ; а таковыми, казалось, всего скорѣе должны были быть ораторы изъ простого народа. Поэтому-то крупнѣйшіе демагоги времени пелопонесской войны, Клеонъ, Гиперболъ, Андроклъ, Клеофонъ, и являются по своему происхожденію людьми изъ того самаго народа, во главѣ котораго они выступаютъ. Характеристику демагоговъ мы нахо-

димъ въ одномъ только источникѣ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ безпристрастіи, — въ комедіи Аристофана и его современниковъ. Аттическіе ораторы въ своихъ рѣчахъ нерѣдко возводятъ на противниковъ всевозможныя обвиненія, не подтверждая ихъ никакими доказательствами; такъ же поступаютъ и писатели древней комедіи. Придавать ихъ напакамъ больше значенія, чѣмъ обвиненіямъ ораторовъ, значитъ совсѣмъ не понимать значенія комедіи какъ историческаго источника. Древніе вносили въ политическую жизнь такую страстность, которая намъ представляется почти непонятной; понятіе политическаго приличія было имъ совсѣмъ чуждо. Преслѣдовать противника безъ пощады, подрывать его репутацію, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ, — вотъ главная цѣль партійной борьбы въ древности. Между тѣмъ древняя комедія является въ эпоху пелопонесской войны органомъ партіи, — именно аристократической, примкнуть къ которой поэтъ долженъ былъ уже потому, что зависѣлъ отъ знати, поставившей изъ своей среды «хореговъ»; къ тому же древняя комедія была на сторонѣ партіи мира. Противъ демагоговъ комедія пускала въ ходъ тѣ же низкія клеветы, какими раньше она осыпала Перикла, какъ представителя демократіи и виновника войны; поэтому непоследовательно было бы отвергать прямо эти свидѣтельства, поскольку они касаются Перикла, а въ другихъ случаяхъ пользоваться ими какъ надежными историческими доказательствами. Характеристика демагоговъ въ комедіи, несомнѣнно, есть сплошная карикатура, рассчитанная на одобреніе миролюбиво настроенной аристократіи.

Демагогъ—низкій и наглый человекъ съ улицы, — говоритъ Аристофанъ во «Всадникахъ».—Его никоимъ образомъ нельзя считать порядочнымъ человекомъ, такъ какъ демагогія перестала быть занятіемъ людей благовоспитанныхъ и перешла въ руки невѣждъ и нахаловъ. Дѣйствіями ораторовъ теперь руководить одно безстыдство, неизбѣжными спутниками котораго являются подкупность и казнокрадство. Не довольствуясь этими обвиненіями, комедія ставитъ нерѣдко въ упрекъ демагогамъ такія вещи, которыя, повидимому, не стоятъ ни въ какой связи съ ихъ политическою дѣятельностью. Легче понять, почему комедія упрекаетъ демагоговъ въ иноземномъ происхожденіи и въ употребленіи варваризмовъ. Вездѣ и всегда способы выраженія разныхъ классовъ общества, хотя бы говорящихъ на одномъ языкѣ, представляютъ извѣстные различія, и можно навѣрное думать, что и въ Аѣинахъ языкъ образованныхъ классовъ звучалъ иначе, чѣмъ рѣчь простого народа. Неудивительно поэтому, если простая рѣчь вышедшихъ изъ народа демагоговъ казалась варварскою комическимъ поэтамъ, владѣвшимъ языкомъ образованнаго общества Аѣинъ, въ его наиболѣе изысканной формѣ. Едва ли можно также понимать въ прямомъ смыслѣ и упреки въ варварскомъ происхожденіи. Несомнѣнно вѣрно, что въ число аѣинскихъ гражданъ, законно или незаконно, проникло много чужеземцевъ; но нельзя считать за доказательства иноземнаго происхожденія такія общія выраженія, какъ: «ты фригіецъ, скиеъ, еракіецъ». Этотъ попрекъ былъ слишкомъ обыкновененъ въ Аѣинахъ, и даже обвиненіе въ присвоеніи гражданства слишкомъ часто являлось просто выра-

женіемъ частной вражды. Не забудемъ, что такое обвиненіе было предъявлено Клеономъ противъ самаго Аристофана, который въ своихъ комедіяхъ такъ часто обзываетъ противниковъ иноземцами. Такимъ образомъ въ указанныхъ выраженіяхъ всего скорѣе слѣдуетъ видѣть простую брань. Они доказываютъ только принадлежность демагога къ простому народу и безвѣстность его предковъ, въ противоположность точнымъ родословіямъ знатныхъ аѳинянъ.

Если для стратега основой политической силы служила его должностная власть, то положеніе вліятельнаго оратора зависѣло вполнѣ отъ довѣрія, какое питалъ къ нему народъ.

Это интимное отношеніе народа къ демагогу Аристофанъ удачно сравнивалъ съ отношеніями питомца къ своему опекуну, да и самый титулъ оратора — партійнаго вождя, «покровитель народа», перенесенъ на него изъ сферы частныхъ отношеній. Какъ иностранцу въ Аѳинахъ нуженъ былъ ходатай изъ числа гражданъ для совершенія всякихъ юридическихъ актовъ, такъ и народъ для управленія государствомъ нуждается въ довѣренномъ представителѣ, которымъ и является «защитникъ народа». Къ нему присоединялись затѣмъ мелкіе демагоги; такъ, напр., по свидѣтельству Аристофана, кругомъ Клеона кричала сотня льстецовъ. Не занимая опредѣленной должности, представитель верховнаго народа оказывается безсильнымъ, если народъ не оказываетъ ему постоянной поддержки. Орудіемъ для управленія государствомъ служитъ демагогу рѣшеніе народнаго собранія.

Умноженіе количества такихъ рѣшеній и ослабленіе силы закона Аристотель считаетъ особенностью

крайней демократіи, объясняя далѣе, какъ именно усиливается этимъ способомъ значеніе демагоговъ. Въ самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ принято управлять государствомъ по существующимъ законамъ, — тамъ поставлены заранѣе опредѣленныя границы усмотрѣнію и вліянію руководителей; напротивъ, гдѣ государство управляется распоряженіями лицъ, тамъ нѣтъ предѣловъ для власти руководителей верховнаго собранія. Неудивительно поэтому, что древняя комедія была рѣшительнымъ противникомъ увеличенія числа рѣшеній эkkлесіи. Во «Всадникахъ» Аристофана помолодѣвшій народъ высказываетъ намѣреніе впредь посылать юношей на охоту и такимъ образомъ отвращать ихъ отъ предложенія новыхъ постановленій. «Псефисма», — говорится въ «Облакахъ», — есть единственное, чѣмъ аѳиняне отличаются отъ птицъ, да и то не къ своей выгодѣ, такъ какъ длинное постановленіе — просто результатъ плохого воспитанія.

Но такъ какъ народное собраніе, необходимое ораторамъ для проведенія постановленій, засѣдало не постоянно, то они должны были стараться пріобрѣсти вліяніе на управление государствомъ еще и другими способами. У собранія былъ постоянный распорядительный комитетъ—совѣтъ (буле), занимавшій въ политической жизни очень важное положеніе, и какъ правительственное учрежденіе и какъ подготовительная ступень для вносимыхъ въ собраніе предложеній. Естественно поэтому, что ораторы старались возможно чаще попадать въ этотъ комитетъ по жребію, а если это не удавалось, то они искали мѣсть кандидатовъ, добиться которыхъ было конечно не трудно, такъ какъ на такія незаманчи-

вья мѣста было немного охотниковъ. Выбранный въ кандидаты демагогъ старался тѣмъ или инымъ способомъ устранить своего замѣстителя и самому занять его мѣсто. Потому-то въ нашихъ источникахъ многіе изъ извѣстныхъ намъ демагоговъ и оказываются членами совѣта.

Тамъ руководящій партіей ораторъ естественно занималъ особое положеніе и оказывалъ большее вліяніе на рѣшеніе комитета, чѣмъ простой гражданинъ, по жребію попавшій въ совѣтъ. Часто встрѣчающееся въ нашихъ источникахъ различеніе людей, интересующихся политикой, отъ такихъ, которые сами въ ней участія не принимаютъ, — это различеніе приложимо также и къ членамъ совѣта. Изъ описанія Демосеена видно ясно, что и члены совѣта распались на гласныхъ и рядовыхъ, при чемъ послѣдніе даже и на засѣданія являлись неаккуратно, а когда приходили, присоединялись къ гласнымъ, вносящимъ предложенія и ведшимъ самостоятельную политику.

Не только въ экклесіи и въ буле является демагогъ повѣреннымъ народа; онъ представляетъ его интересы и на судѣ. Поэтому у Платона, какъ на особенное доказательство силы ораторовъ, указывается на то, что они могутъ кого хотять казнить, лишитъ имѣнія и отправить въ ссылку. Представляя народъ, демагогъ обязанъ привлекать къ суду тѣхъ сановниковъ, которые, при отправленіи своихъ должностей, нанесли государству ущербъ. Такъ уже объ Эфіальтѣ, котораго наши источники называютъ предстателемъ народа, говорится, что онъ неумолимо преслѣдовалъ при сдачѣ отчета олигарховъ, а также лицъ, провинившихся предъ народомъ. Низкій олае

сался отступленіемъ отъ Сиракузъ навлечь на себя обвиненія со стороны ораторовъ, избравшихъ своимъ занятіемъ клеветать на стратеговъ. Нерѣдко люди, которымъ демагоги грозили обвиненіемъ на судѣ, старались отдѣлаться отъ нихъ при помощи подкупа. Какъ предстатель народа, демагогъ является на судѣ защитникомъ демократическаго устройства. Клеонъ хвастается во «Всадникахъ», что онъ одинъ устранилъ тайныя общества олигарховъ, и что отъ него не укрылось образованіе ни одного изъ нихъ. Этотъ надзоръ за тайными обществами и привлеченіе ихъ членовъ къ суду объясняютъ вполнѣ, отчего олигархи, прежде чѣмъ замѣнить демократію правленіемъ четырехсотъ въ 411 году, умертвили главнаго демагога Андрокла и отчего передъ введеніемъ тираніи тридцати былъ убитъ ораторъ Клеофонть. Демагогъ выступаетъ предъ аѣинскимъ судомъ и противъ союзниковъ, провинившихся предъ Аѣинами; отъ этого ораторъ Лисій утверждаетъ даже, что иные демагоги своими доносами побуждали союзниковъ къ отпаденію. Аристофанъ въ своихъ комедіяхъ часто упрекаетъ демагоговъ въ томъ, что они, преслѣдуя союзниковъ судомъ, добиваются этимъ отъ нихъ только подарковъ. Особенно слѣдили демагоги за поведеніемъ олигарховъ въ союзныхъ городахъ, и несомнѣнно не безъ основанія, такъ какъ эти олигархи постоянно стремились къ отпаденію отъ Аѣинъ, тогда какъ простой народъ никогда не относился къ нимъ враждебно. По аттическому праву каждый полноправный гражданинъ могъ преслѣдовать судомъ преступленія противъ государства. Если обвинитель казался къ дѣлу не особенно пригоднымъ, то народное собраніе назначало ему одного или нѣ-

сколькихъ помощниковъ («синегоровъ»), и вполнѣ естественно, что для такого представительства своихъ интересовъ предъ судомъ народъ выбиралъ ораторовъ, пользовавшихся его довѣріемъ. Древняя комедія и преслѣдуетъ поэтому такихъ помощниковъ съ тою же ненавистью, какъ и ораторовъ вообще. Она обвиняетъ ихъ въ подкупности. Подкупленный ораторъ умѣетъ вмѣстѣ съ помощникомъ добиться на судѣ оправданія обвиняемаго, не давая присяжнымъ замѣтить своихъ уловокъ. Чтобы заручиться поддержкой присяжныхъ для своихъ рѣчей въ народномъ собраніи, демагогъ ежедневно уже по окончаніи перваго процесса предлагаетъ отпустить засѣдателей, которые такимъ образомъ могутъ каждый день засѣдать и получать плату, не жертвуя временемъ. На приговоръ присяжныхъ обвинитель старается вліять самыми предосудительными средствами, напр., указаніемъ на то, что если они не осудятъ обвиненнаго и не отберутъ у него имущества, то у казны не хватитъ денегъ имъ на жалованье.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что вліяніе афинскихъ демагоговъ было различно, смотря по степени довѣрія, какое питалъ къ нимъ народъ; что основывалось оно на ихъ рѣчахъ въ народномъ собраніи, гдѣ они вліяли на политику посредствомъ псефисмъ, на ихъ рѣчахъ въ совѣтѣ, гдѣ они прямо руководили управленіемъ, и, наконецъ, на ихъ судебныхъ рѣчахъ, въ которыхъ они выступали обвинителями лицъ, провинившихся предъ государствомъ.

III. КЛЕОНЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

(*Ranke Weltgeschichte. I Theil.*)

Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ противниковъ Перикла, оспаривавшихъ его вліяніе въ послѣдніе годы, былъ тотъ Клеонъ, котораго великій комикъ эпохи отдалъ на жертву насмѣшникамъ и на презрѣніе потомства. Клеонъ принадлежалъ къ классу промышленниковъ, — держалъ кожевенную мастерскую, въ которой работали его рабы, близко стоялъ по своимъ занятіямъ къ большинству гражданъ, раздѣлялъ чувства этого большинства и въ сильныхъ рѣчахъ выражалъ его стремленія, такъ что по смерти Перикла приобрѣлъ господствующее значеніе. Онъ былъ человѣкъ низкаго происхожденія и не получилъ того образованія, которое считалось тогда необходимымъ для участія въ политической жизни *). Но при томъ характерѣ, какой получила аѣинская демократія, человѣкъ такого рода легко могъ выдви-

---

*) Возраженіе Гольма: не доказано, что въ Аѣинахъ богатые получали лучшее воспитаніе, чѣмъ люди менѣ состоятельные. Клеонъ и другіе демагоги вѣроятно были образованы не менѣ Никія и Алкивіада. Въ Аѣинахъ не было особой литературы и искусства для людей образованныхъ и для людей, не получившихъ образованія. Трагедія и комедія, напр., предназначались для всѣхъ, и потому рядомъ съ тонкимъ изяществомъ въ нихъ встрѣчаешь грубѣйшія выходки (*Griech. Gesch. II. 443, 581*).

нуться въ водоворотѣ политической борьбы. Аристофанъ изображаетъ его какъ «ненавистнаго богамъ кожевника», «гнуснаго крикуна», своимъ крикомъ смущающаго всё совѣщанія и суды, какъ «грязекопателя». Въ одной комедіи онъ представляетъ его дворецкимъ демоса (народа), которымъ онъ въ свою очередь распоряжается и прочихъ слугъ котораго притѣсняетъ. Такъ какъ никто не рѣшался приготовить маску Клеона для предполагавшагося исполненія пьесы, то самъ Аристофанъ взялъ на себя его роль, что, конечно, навлекло на него смертельную ненависть осмѣяннаго демагога: этотъ поступокъ Аристофанъ ставитъ себѣ въ особенную заслугу. Изображеніе Аристофана считалось въ позднѣйшія времена за историческое; но я не рѣшился бы принять въ исторію даже и отдѣльныя черты его. Въдѣ цѣль комедіи въ томъ и заключалась, чтобы представить на сценѣ карикатуру, соответствующую настроенію эпохи. Въ этой карикатурѣ есть истинныя черты, на этомъ и основано ея дѣйствіе; но ко всему примѣшивается злостный вымыселъ. Если хотятъ не защищать Клеона, а судить о немъ, то нужно только оцѣнить то участіе, которое онъ дѣйствительно принималъ въ управленіи государствомъ и въ которомъ онъ проявилъ дикую, склонную къ насилію натуру. Для этого намъ нужно разсмотрѣть тѣ столкновенія, въ которыхъ онъ выступалъ. Столкновенія эти очень хорошо объясняютъ отношеніе Аѣинъ къ союзу, — одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ эпохи.

Клеонъ представляется вождемъ демократической партіи, не брезговавшимъ никакими средствами для пріобрѣтенія и сохраненія народнаго расположенія. По его предложенію вознагражденіе геліастовъ было

увеличено втрое. Это было затруднительно для казны, но зато содѣйствовало образованію въ народномъ собраніи партіи, поддерживавшей демагога. Въ какомъ родѣ было его вліяніе, показываетъ его отношеніе къ отпаденію Лесбоса. Отпаденіе это было попыткою поколебать всю ту систему, на которой основывалось могущество Аѣинъ. Лесбосцы были сильнѣйшими и наименѣе угнетаемыми изъ союзниковъ аѣинянъ; но, какъ это изложено въ рѣчи, приписываемой Фукидидомъ ихъ посламъ, сколько-нибудь сносныя отношенія между Аѣинами и Лесбосомъ поддерживались только взаимнымъ страхомъ. Аѣиняне относились подозрительно и враждебно къ значительному флоту лесбосцевъ; въ послѣднихъ возбуждалъ опасенія и недовѣріе перевѣсъ аѣинянъ. Лесбосцы опасались, что ими сначала воспользуются для подчиненія другихъ, а затѣмъ они и сами подвергнутся такой же участи. Поэтому они сохраняли спокойствіе, пока перевѣсъ Аѣинъ былъ несомнѣненъ; но когда силы послѣднихъ были ослаблены разными дорого стѣящими предпріятіями и особенно чумою, и когда превратности войны подали надежду на то, что теперь удастся привлечь къ участию Спарту, которая раньше отказывалась отъ совмѣстныхъ дѣйствій, — тогда мысль о сопротивленіи аѣинянамъ стала все болѣе приобрѣтать сторонниковъ. Аѣиняне услышали о первыхъ приготовленіяхъ и поспѣшили предупредить ихъ. Но и митиленяне, стоявшіе во главѣ лесбосскаго движенія, тоже во — время узнали, что противъ нихъ предпринимается, и приняли мѣры предосторожности. Поэтому, когда аѣиняне обратились къ нимъ съ требованіемъ разрушить укрѣпленія и выдать корабли, то получили

отказъ. Безъ особеннаго труда митиленянамъ удалось привлечь на свою сторону Спарту и пелопонесскій союзъ. Они рассчитывали, что это дастъ возможность и поводъ всѣмъ членамъ делосскаго союза отложиться отъ Аѣинъ, что прямо подрветъ могущество аѣинянъ. Важенъ былъ уже самый выходъ Лесбоса изъ аѣинскаго союза и переходъ его въ пелопонесскій. Однакоже, весь этотъ планъ кончился величайшимъ несчастіемъ для Митилены. Пелопонесцы дѣйствительно выслали флотъ въ море, но, когда онъ показался въ Архипелагѣ, было уже слишкомъ поздно. Аѣиняне быстро и рѣшительно обратили всѣ свои силы противъ Митилены. На ихъ сторонѣ стояла часть островитянъ, но всего болѣе помогло имъ демократическое движеніе въ городѣ. Устройство Митилены носило олигархическій характеръ, и уже это сближало ее съ пелопонесцами. Въ виду сильной опасности, грозившей городу со стороны осаждавшихъ его аѣинянъ, митиленяне рѣшились вооружить все городское населеніе и притомъ, по совѣту подоспѣвшаго спартанскаго посла, даже тяжелымъ оружіемъ. Результатъ получился противоположный тому, котораго ожидали. Разъ завладѣвши этимъ оружіемъ, народъ счелъ возможнымъ отказать аристократіи въ повиновеніи. Угрожая переходомъ на сторону аѣинянъ, онъ принудилъ начальниковъ заключить съ ними миръ, условія котораго равнялись безусловной капитуляціи.

Аѣинская демократія была въ союзѣ съ демократами Митилены. Аѣинское народное собраніе оказалось теперь судьбою надъ своими врагами, — за разъ и политическими врагами, и противниками его могущества. Потому первое рѣшеніе аѣинянъ соотвѣт-

ствовало тому раздраженію, какое вызвало въ нихъ поведеніе Митилены и которое раздувалъ вліятельный демагогъ.

Главныхъ виновниковъ, числомъ около тысячи, вождь аѣинскаго флота отослалъ на Тенедось. Собраніе постановило казнить не только ихъ, но и всѣхъ взрослыхъ митиленянъ, а женщинъ и дѣтей обратить въ рабство. Клеонъ настаивалъ на этомъ потому, что считалъ виновными не только руководителей, но и весь народъ; отпаденіе произошло де собственно безъ всякаго основанія, и за него нужно наказать безпощадно, чтобы этимъ отбить охоту у другихъ, которые могли бы соблазниться примѣромъ; иначе могуществу Аѣинъ, основанному на взносахъ союзниковъ, грозитъ серьезная опасность. Вопросъ казался настолько яснымъ, что Клеону удалось навлечь на всѣхъ сторонниковъ противнаго мнѣнія подозрѣніе въ подкупѣ. Такимъ образомъ его цѣлью была столько же безусловная строгость, сколько и мщеніе, которое дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе осуществляется. Выполненіемъ наказанія онъ надѣялся удержать въ повиновеніи весь союзъ. Онъ добился того, что къ командовавшему на Лесбосѣ полководцу былъ посланъ корабль съ приказаніемъ немедленно исполнить приговоръ. Но еще разъ Клеонъ встрѣтилъ въ Аѣинахъ противорѣчіе; на слѣдующій день вопросъ былъ снова внесенъ въ народное собраніе, и противникъ Клеона Діодоть изложилъ подробно свои возраженія. Съ гордымъ сознаниемъ своего достоинства онъ отвергъ инсинуаціи Клеона. Принявъ его основное положеніе, что слѣдуетъ всѣми способами поддерживать морское владычество ради доставляемыхъ имъ средствъ, Діодоть доказывалъ,

что цѣли этой нельзя достигъ, наказывая смертью за всѣ уклоненія. Безъ уклоненій вѣдь дѣло не обойдется, а нельзя же постоянно заниматься осадой и подчиненіемъ подозрительныхъ союзниковъ, которыхъ, въ свою очередь, страхъ жестокаго наказанія заставитъ сопротивляться до послѣдней возможности. Сохранить власть надъ союзниками можно скорѣе, заботясь о нихъ и стараясь не слишкомъ ихъ раздражать. Рѣчь Клеона и возраженія Діодота изложены неподражаемо Фукидидомъ. Клеонъ не отрицаетъ, что господство аеинянъ—чистая тиранія. Если они не имѣютъ права на это господство, то слѣдуетъ отъ него отказаться и вести дома спокойную жизнь; но если они считаютъ себя призванными къ владычеству, то должны защищать его даже крайними мѣрами. Діодотъ возражаетъ на это, что такой образъ дѣйствій скорѣе погубитъ, чѣмъ сохранитъ господство; но этотъ доводъ, самъ по себѣ сомнительный, едва ли произвелъ бы большое впечатлѣніе, если бы Діодотъ не привелъ еще другого соображенія, которое могло сильно подѣйствовать. Во всѣхъ союзныхъ городахъ были двѣ партіи, — аристократическая, враждебная аеинянамъ, и демократическая, склонявшаяся на ихъ сторону; сдача Лесбоса тѣмъ именно и была вызвана, что демократы при первой возможности выступили противъ аристократовъ. Исполнить уже постановленное рѣшеніе—значило бы погубить истинныхъ союзниковъ Аеинъ. Это сразу вызвало бы отчужденіе во всѣхъ союзныхъ демократіяхъ. При томъ вліяніи, какимъ пользовался Клеонъ, результатъ все еще представлялся сомнительнымъ; но когда дѣло дошло до голосованія, то принятое наканунѣ рѣшеніе было отвергнуто. Вслѣдъ за отплывшимъ

Исторія Греціи.

уже ранѣе кораблемъ былъ отправленъ другой; гребцамъ послѣдняго послы митиленянъ доставили вина, припасовъ и обѣщали богатые подарки, такъ что они согласились смѣнять другъ друга и тѣмъ ускорить плаваніе. Второй корабль прибылъ какъ разъ въ то время, какъ аѣинскій полководецъ прочелъ только-что доставленный и теперь отмѣненный приказъ. Городу не пришлось потерпѣть ничего больше. Но главные виновники, отвезенные на Тенедось, были всѣ казнены, и эта жестокая мѣра, какъ видно, считалась еще милостью. Важнымъ результатомъ было во всякомъ случаѣ сохраненіе неприкосновеннымъ господства надъ Архипелагомъ. Явившійся было въ водахъ Архипелага спартанскій флотъ вернулся домой безо всякаго успѣха. Празднованіе великаго торжества на Делосѣ помогло придать религіозное освященіе вновь упроченному господству Аѣинъ надъ островами.

Напротивъ, на материкѣ пелопонесцы сохраняли перевѣсъ. Чувствительной потерей было для Аѣинъ то, что послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія Платей все-таки попали въ руки еиванцевъ. Послѣдніе, взявъ верхъ, еще превзошли аѣинянъ жестокостью: они обѣщали оставить жизнь отступающимъ непріателямъ, но когда тѣ вышли изъ города, то всѣхъ ихъ перебили. Зато аѣинянамъ удалось въ самомъ Пелопонесѣ нанести очень чувствительный ударъ спартанцамъ. Почти случайно, по пути въ западныя воды, аѣиняне, подъ предводительствомъ полководца Демосѣена и вопреки желанію другихъ начальниковъ флота, утвердились въ запущенной спартанцами гавани Пилоса. Поспѣшно, но удачно построили они на крутыхъ склонахъ берега небольшое укрѣпленіе, которое и заняли. Спартанцамъ по-

казалось позорнымъ, что ненавистный врагъ владѣеть крѣпостью въ ихъ собственной странѣ, и они немедленно приняли мѣры къ изгнанію его оттуда. Но аѣиняне были настолько готовы къ нападенію, что отбили первую попытку спартанцевъ произвести высадку, при чемъ былъ раненъ храбрый вождь послѣднихъ, Брасидъ. Затѣмъ, возвращаясь изъ плаванія на западъ, проникъ въ гавань главный флотъ аѣинянъ и причинилъ подоспѣвшему спартанскому флоту потери, граничившія съ пораженіемъ. Но еще важнѣе была другая удача аѣинянъ. На лежавшій передъ гаванью островъ Сфактерію спартанцы высадили отрядъ своихъ воиновъ и союзниковъ. Съ помощью аѣинскаго флота, господствовавшаго надъ моремъ, отрядъ этотъ былъ отрѣзанъ и, казалось, не могъ уйти отъ горькой участи, какою тогда побѣдитель грозилъ побѣжденному врагу. Въ Спартѣ это вызвало сильнѣйшее волненіе, тѣмъ болѣе, что многіе изъ запертыхъ на островѣ принадлежали къ знатнѣйшимъ спартанскимъ фамиліямъ. Спартанцы рѣшились предложить аѣинянамъ миръ, съ тѣмъ, чтобы на время переговоровъ объ этомъ мирѣ были прекращены военныя дѣйствія въ гавани Пилоса и на островѣ. Спартанское посольство отправилось предлагать аѣинянамъ не только миръ и дружбу, но и союзъ, если они отпустятъ находящійся на островѣ отрядъ. Послы убѣждали аѣинянъ не обострять политической борьбы непримиримою частною враждою и воспользоваться благоприятной минутой, чтобы возвратить миръ обѣимъ республикамъ и грекамъ вообще. Въ Аѣинахъ тоже пробудилось сильное стремленіе къ миру. Но руководящій демагогъ указалъ аѣинянамъ на то, что въ ихъ рукахъ нахо-

дится кладъ, который можетъ доставить еще больше выгодъ. Клеона не удовлетворяло предложенное спартапцами возстановленіе того положенія, какое было до войны. Онъ надѣялся принудить ихъ къ возвращенію городовъ, уступленныхъ нѣкогда Спартѣ Перикломъ. Надо сказать, что въ этихъ городахъ или была уже возстановлена ихъ прежняя свобода, или они были возвращены своимъ прежнимъ владѣльцамъ; и все это было сдѣлано на основаніи договора, который за то предоставилъ большія выгоды аѣинянамъ. Лакедемонскіе послы, пораженные такими требованіями, предложили образовать комиссію для спокойнаго обсужденія отдѣльныхъ пунктовъ, но вызвали этимъ сильнѣйшій отпоръ со стороны Клеона. Онъ и слышать не хотѣлъ ни о какихъ другихъ переговорахъ, кромѣ переговоровъ передъ всѣмъ народомъ, такъ какъ при этомъ рѣшеніе зависѣло отъ него. Такимъ образомъ, Клеонъ добился прекращенія переговоровъ о мирѣ въ моментъ, очень благопріятствовавшій окончанію безцѣльной войны. Можно различать два рода политиковъ: одни имѣютъ всегда въ виду только настоящее положеніе, непосредственную и одностороннюю выгоду, другіе—предвидятъ и дальнѣйшія послѣдствія и взаимную борьбу силъ, которую не трудно вызвать, но и не легко потомъ остановить. Къ разряду первыхъ принадлежалъ надменный и бурный аѣинскій демагогъ. Главнымъ для него было воспользоваться въ свою пользу мгновеннымъ перевѣсомъ, и это именно давало ему возможность привлечь къ себѣ большинство голосовъ. Его нисколько не заботила мысль о томъ, что въ случаѣ своего возобновленія война можетъ имѣть и неудачный для Аѣинъ исходъ; не интересовало его также и общее благо греческаго міра.

Несмотря на безтактное поведенеіе, счастье благопріятствовало Клеону. Ему волей-неволей пришлось принять самому должность полководца для занятія Сфактеріи, что казалось дѣломъ вовсе не легкимъ. Но лѣсъ, покрывавшій островъ и затруднявшій нападеніе, по неосторожности осажденныхъ былъ подожженъ, и этотъ случай вмѣстѣ съ мѣрами, какія затѣмъ принялъ Демосѣенъ для завладѣнія островомъ, оказали такую помощь новому стратегу, что запертые на островѣ спартанцы дѣйствительно вынуждены были подъ конецъ ловкимъ нападеніемъ аеинянъ сдаться; ихъ оказалось еще около трехсотъ: остальные погибли въ пылу стремительной атаки. Клеонъ съ торжествомъ отвелъ ихъ въ Аеины. Спартанцы возобновили затѣмъ свои мирныя предложенія, которыя однако, въ виду все возрастающихъ требованій аеинянъ, опять не привели ни къ чему.

О намѣреніи аеинскаго демоса продолжать войну во что бы то ни стало—свидѣтельствуесть, между прочимъ, и повышеніе податей союзниковъ, произведенное въ годъ занятія Сфактеріи. Въ иныхъ случаяхъ оклады были увеличены вдвое, въ другихъ—нѣсколько менѣе.

На первое время важное преимущество представляло для аеинянъ то, что въ ихъ рукахъ находились плѣнники со Сфактеріи. До чего доходила ихъ готовность воспользоваться этимъ преимуществомъ, видно изъ того, что они рѣшились перебить плѣнныхъ, какъ только лакедемоняне произведутъ новое вторженіе въ Аттику. Такъ какъ послѣдняго, однакоже, въ дѣйствительности не случилось, то, пользуясь взносами союзниковъ, аеиняне съ новымъ рвеніемъ бросились въ войну. Они достигли осо-

бенно важныхъ успѣховъ тамъ, гдѣ къ нимъ на помощь противъ господствующей аристократіи явилась демократія. Но крупныя предпріятія, напр., противъ Коринеа и Фивъ, и теперь были неудачны. Наконецъ и спартанцы открыто возобновили враждебныя дѣйствія. Они не напали прямо на Аттику, но для общаго хода событій, можетъ быть, было еще важнѣе, что они направили свое оружіе противъ владѣній аеинянъ на сѣверѣ. Задавались они при этомъ тою же мыслью, какая уже послужила толчкомъ къ событіямъ на Лесбосѣ, — отвлечь отъ аеинянъ ихъ союзниковъ. Попытку, не удавшуюся на морѣ, они повторили теперь на сушѣ. Сѣверныя области вообще находились въ постоянномъ броженіи. Одна часть населенія уже возмутилась и прямо призывала лакедемонянъ на помощь; другая, не думая о возмущеніи, рассчитывала однако, посредствомъ сближенія съ Лакедемономъ, занять болѣе независимое положеніе относительно Аеинъ. Въ Македоніи царь Пердикка враждебно относился къ аеинянамъ, оскорбившимъ его при восшествіи на престоль. Для Спарты, которую аеиняне беспокоили изъ Пилоса и съ Китеры (что, при ненадежности гелотовъ, склонявшихся на сторону непріятеля, представляло положительную опасность), было особенно важно вызвать противъ неугомоннаго врага враждебныя дѣйствія въ другомъ мѣстѣ. Поэтому Брасидъ направился въ сѣверныя области, намѣреваясь привлечь на сторону Спарты союзниковъ Аеинъ. При этомъ онъ думалъ не вмѣшиваться во внутреннія распри городовъ, а именно не поддерживать аристократіи противъ демократіи. Руководящія власти Лакедемона торжественно обѣщали ему оста-

вить неприкосновенную свободу тѣхъ общинъ, которыя перейдутъ къ Спартѣ. Такъ въ Акантѣ Брасидъ выступилъ прежде всего съ обѣщаніемъ доставить жителямъ его и вообще всѣмъ элинамъ свободу отъ ига аеинянъ; призывая въ свидѣтели боговъ и героевъ страны, онъ въ то же время грозилъ отмстить за всякій отказъ опустошеніемъ области. Стало-быть на выборъ предоставлялся съ одной стороны—добровольный переходъ, съ другой—подчиненіе силою. Жители вообще не чувствовали желанія подвергать опасности свою жизнь ради аеинскаго союза. Въ Акантѣ предложеніе Брасида было прямо пущено на голоса, и большинство высказалось за него. Быть-можетъ этому помогло то обстоятельство, что только-что удвоены были взносы союзниковъ.

Дальнѣйшимъ важнымъ успѣхомъ Брасида было то, что онъ, при поддержкѣ потомковъ прежнихъ жителей, овладѣлъ колоніей, которую аеиняне основали между обоими рукавами Стримона,—Амфиполемъ. Онъ употребилъ при этомъ все тотъ же приемъ: онъ обѣщаль общинамъ не только безопасность, но и вполнѣ независимое управленіе. Кто предпочиталъ держаться стороны Аеинъ, тому онъ позволилъ уйти со своимъ имуществомъ. Жители еракійскихъ городовъ также постепенно перешли отъ стѣснительнаго господства Аеинъ къ союзу со Спартой. Среди туземцевъ Халкидики Брасидъ раздавалъ оружіе и обучалъ ихъ своему строю. Сверхъ того Пердикка вмѣстѣ съ Брасидомъ напалъ на иллирійцевъ, что должно было усилить перевѣсъ лакедемонянъ въ этихъ областяхъ.

Такимъ образомъ аеиняне неожиданно увидѣли свою власть поколебленной въ тѣхъ земляхъ, на

обладаніи которыми основывалось главнымъ образомъ ихъ политическое могущество. Значительной части этихъ земель они даже вовсе лишились. Это въ свою очередь повліяло на морское владычество Аѣинъ. Тутъ еще разъ замѣшался Лесбось. Большое число изгнанниковъ съ этого острова, получивъ помощь со стороны, утвердились въ Антандрѣ, откуда надѣялись вернуться въ Митилену. Броженіе замѣчалось и на другихъ островахъ, такъ что аѣиняне могли опасаться общаго отпаденія. Но это нисколько не побудило ихъ къ уступкамъ; они только сочли за нужное заключить на годъ перемиріе, при чемъ каждая сторона удерживала то, чѣмъ владѣла въ моментъ заключенія перемирія. Но это перемиріе тотчасъ вызвало новый споръ. При заключеніи его городъ Скіона перешелъ на сторону лакедемонянъ; но въ точности не было извѣстно, произошло ли это до вступленія перемирія въ законную силу или послѣ него. Аѣиняне утверждали, что это случилось послѣ, и выражали намѣреніе защищать свое право и снова подчинить себѣ городъ, который лакедемоняне не рѣшались отдать въ жертву ихъ мести. Однако въ теченіе года перемиріе соблюдалось довольно точно. Въ этотъ промежутокъ общее положеніе измѣнилось вслѣдствіе того, что Пердикка поссорился съ Брасидомъ и предложилъ союзъ аѣинянамъ. На это главнымъ образомъ рассчитывалъ Клеонъ, котораго, помня объ его успѣхахъ подъ Пилосомъ, выбрали теперь въ полководцы, и который отплылъ къ берегамъ Эракіи съ значительнымъ флотомъ и сухопутнымъ войскомъ. Ему удалось снова подчинить Скіону, гдѣ онъ воспользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ

тѣми правами, какія тогдашніе обычаи давали властителямъ надъ отпавшими подданными. Женщины и дѣти были обращены въ рабство, а взрослые мужчины отведены плѣнниками въ Аеины. Потомъ онъ поплылъ къ Стримуону, гдѣ остановился у города Эйна, чтобы выждать вспомогательныхъ войскъ и затѣмъ со всѣми силами начать войну. Но оставаться на этомъ мѣстѣ, гдѣ легко было обороняться, у него не хватило терпѣнія, такъ какъ войска относились съ недоувѣріемъ къ его стратегіи и выражали это въ ѣдкихъ замѣчаніяхъ. Будучи въ гораздо большей степени демагогомъ, чѣмъ полководцемъ, онъ забылъ о своей обязанности, какъ предводителя, и покинулъ удобную позицію, съ цѣлью лично собрать свѣдѣнія о настроеніи населенія. При этомъ онъ былъ захваченъ врасплохъ Брасидомъ. Искусный полководецъ побѣдилъ смѣлаго демагога. Брасидъ, приблизившись къ Амфиполю, устроилъ такъ, что противъ аеинянъ была произведена внезапная вылазка изъ города, въ то время какъ самъ онъ съ отборнымъ отрядомъ кинулся на нихъ. Озадаченные аеиняне стали отступать и были разбиты на-голову. Самъ Клеонъ былъ убитъ. Брасидъ былъ раненъ и вскорѣ затѣмъ умеръ.

Этотъ исходъ не рѣшилъ вопроса, но былъ крупнымъ событіемъ. Разъ съ одной стороны палъ храбрый вождь, совершившій такъ много, что къ нему начала относиться недоувѣрчиво лаконская аристократія, а съ другой—влиятельный демагогъ, голосу котораго въ Аеинахъ придавали особое значеніе, можно было ожидать, что произойдетъ соглашеніе, такъ какъ обѣ стороны имѣли вѣскія основанія желать мира.

IV. АЛКИВИАДЪ И ЛИСАНДРЪ.

(*Vischer*. Kleine Schriften, I Band).

Вторая половина пелопонесской войны носить совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ первая. Въ началѣ ея, подъ вліяніемъ прежней разсудительности и разумной политики Перикла и Архидама, еще проявляется извѣстная умѣренность; предпріятія затѣваются въ границахъ благоразумія; нигдѣ на карту не ставится самое существованіе, и потому борьба все еще идетъ больше между государствами, чѣмъ между народами, болѣе изъ-за сохраненія или утраты Аѣинами гегемоніи, чѣмъ изъ-за подчиненія одного государства другому. Подъ конецъ характеръ и цѣль борьбы мѣняются сразу. Молодое поколѣніе въ Аѣинахъ не довольствуется тѣмъ, что имѣетъ и съ трудомъ сохраняетъ; оно добивается господства на Средиземномъ морѣ, — которому естественно долженъ подчиниться и Пелопонесъ; оно ставитъ на карту все, проигрываетъ игру, и тогда начинаетъ бороться, — правда, геройски и часто успѣшно, но безъ выдержки и безъ внутренняго согласія, скорѣе за существованіе, чѣмъ за власть. Умудренная прежними опытами, Спарта нападаетъ теперь на врага совсѣмъ иначе: чѣмъ болѣе Аѣины теряютъ выдержку и осторожность, тѣмъ послѣдовательнѣе, но въ то же

время безпощаднѣе и не разбирая средствъ преслѣдуетъ Спарта свою цѣль. Опираясь на поддержку Персіи, она выставляетъ противъ Аѣинъ сильный флотъ, отвлекаетъ отъ нихъ союзниковъ, доставлявшихъ имъ средства, блокируетъ Аѣины съ суши и, что было всего опаснѣе, опутываетъ ихъ сѣтями измѣны. Почти повсюду приобрѣтаютъ вліяніе олигархическіе клубы; война становится все болѣе и болѣе борьбою между олигархіей и демократіей, захватываетъ всѣ слои народа и вызываетъ страшное ожесточеніе. Въ то же время, благодаря союзу съ Персіей, чрезвычайно расширяется театръ войны, и увеличивается количество боевыхъ силъ. Причины такой разительной перемѣны были отчасти, конечно, общаго характера и состояли въ характерѣ народовъ и въ ихъ развитіи; но въ значительной степени этой перемѣнѣ содѣйствовали два выдающіеся дѣятеля, на которыхъ отразился характеръ ихъ родины въ эпоху упадка, и каждый изъ которыхъ оказалъ сильнѣйшее вліяніе на судьбу своего отечества,—это Алкивіадъ и Лисандръ. Изъ нихъ первый обратилъ на себя всеобщее вниманіе уже въ ранней молодости, а послѣдній выступаетъ сразу на сцену только въ послѣдніе годы войны.

Алкивіадъ происходилъ изъ очень знатной и богатой аѣинской фамиліи. Еще ребенкомъ онъ лишился родителей, и опеку надъ нимъ взялъ на себя его родственникъ по матери, Перикль. Въ ребенкѣ рано проявились тѣ качества, которыми онъ отличался въ теченіе всей своей жизни. Большая рѣшительность, граничащая съ нахальствомъ, смѣлость и неудержимое стремленіе быть всюду первымъ—обнаружились уже въ его дѣтскихъ играхъ. Эти каче-

ства сдѣлали его первымъ среди сверстниковъ, приучили его не выносить никакого противорѣчія и доставили много огорченій его опекунамъ. Но при этомъ, равно одаренный и съ духовной, и съ физической стороны, онъ съ необыкновенною легкостью усвоивалъ всѣ предметы эллинскаго образованія, выказывая и тутъ въ яркомъ свѣтѣ свою капризную натуру. Не удивительно, что скоро всѣ обратили на него вниманіе: однихъ привлекало его блестящее внѣшнее положеніе, другихъ — красота, третьихъ — таланты. Кругомъ него скоро стали толпиться всякаго рода поклонники и льстецы; но онъ обращался съ ними гордо и презрительно, и они должны были безусловно подчиняться прихотямъ мальчика. Уже и прежде съ нимъ трудно было ладить и имъ руководить; легко понять, что лесть поклонниковъ не могла сдѣлать его разсудительнѣе. Онъ привыкъ подчиняться безусловно всѣмъ своимъ страстямъ, и потому скоро для сильнѣйшей изъ нихъ — честолюбія — всѣ цѣли стали казаться доступными и выполнимыми. Даже блестящій примѣръ практическаго политика, какой онъ имѣлъ передъ собою въ лицѣ своего опекуна, повліялъ на него только въ томъ отношеніи, что приучилъ его презирать толпу. Даже положеніе Перикла казалось ему недостаточно высокимъ; Перикль заботился о томъ, чтобы какъ слѣдуетъ отдать отчетъ, а Алкивіадъ полагалъ, что отдавать отчета вовсе не слѣдуетъ. Тѣмъ удивительнѣе представляется то вліяніе, какое приобрѣлъ надъ нимъ въ это самое время Сократъ. Послѣдній давно уже обратилъ вниманіе на многообѣщающаго юношу, но не сближался съ нимъ, пока толпа усердныхъ поклонниковъ отвлекала Алкивіада и дѣлала его рав-

нодушнымъ къ такому знакомству. Но когда Алкивіаду было около 18 лѣтъ, Сократъ вступилъ съ нимъ въ близкое знакомство и своими необыкновенными качествами пріобрѣлъ почти невѣроятную власть надъ необузданнымъ юношей. Отъ грубаго увлеченія чувственными удовольствіями, отъ безцѣльной повседневной суеты Сократъ хотѣлъ возвысить его могучій умъ до яснаго сознанія своего назначенія и своихъ обязанностей и такимъ путемъ образовать гражданина, который избавилъ бы государство отъ предстоящей ему гибели и приблизилъ бы его къ идеалу, носившемуся передъ глазами Сократа. Цѣль не казалась недостижимой, такъ какъ вскорѣ между ученикомъ и учителемъ образовались прекраснѣйшія отношенія, похожія на отношенія между отцомъ и сыномъ и притомъ дружески-свободныя. Нельзя сомнѣваться, что Алкивіадъ привязался къ другу горячо и искренно. Доказательствомъ тому служить ихъ взаимное поведеніе въ битвахъ при Потидеѣ и Деліи, гдѣ они защищали одинъ другого съ опасностью собственной жизни. Самое же важное доказательство заключается въ томъ, какъ описываетъ эти отношенія Платонъ не только въ діалогѣ «Алкивіадъ», но особенно въ «Пирѣ». Было бы нелѣпо отрицать, что Алкивіада привлекало искусство Сократа въ діалектикѣ, какъ это утверждаетъ Ксенофонтъ. Дѣйствительно одно изъ самыхъ удивительныхъ качествъ Сократа заключалось именно въ искусствѣ, съ какимъ онъ приводилъ своихъ собесѣдниковъ къ выводамъ для нихъ самихъ совсѣмъ неожиданнымъ. Но утвержденіе, что Алкивіадъ только ради этого и искалъ знакомства съ Сократомъ, что онъ пре-

слѣдовалъ только внѣшнюю цѣль изученія красно-рѣчія, не питая ни любви ни привязанности, это утвержденіе Ксенофонта — односторонне. Намѣренія оправдать Сократа — недостаточно, чтобы понять подобное утвержденіе; скорѣе всего оно объясняется неспособностью этого трезваго человѣка понять такой сложный характеръ, какой былъ у Алкивіада. Но какъ ни безкорыстно было стремленіе Сократа, какъ ни прекрасна привязанность къ нему Алкивіада въ первые годы ихъ дружбы, — тѣмъ не менѣе результатъ былъ неутѣшительный или по крайней мѣрѣ непрочный. Съ одной стороны, общеніе съ Сократомъ само по себѣ не могло содѣйствовать образованію дѣльныхъ практическихъ политиковъ. Его недовольство тогдашней демократіей, правда, вполнѣ основательное, и его привычка подчинять все мудрствующему разсудку и разѣдающей критикѣ, — эти черты сократовскихъ воззрѣній и пріемовъ на первыхъ порахъ гораздо скорѣе знакомили юношей со слабыми сторонами государства, — скорѣе пріучали ихъ презирать государство и его представителей, чѣмъ его ученіе о добродѣтели вообще и о справедливости въ частности приводило тѣхъ же учениковъ къ положительному нравственному возрожденію. Отрицательное, разлагающее ученіе Сократа оказывало свое вліяніе немедленно, тогда какъ положительная часть ученія, дѣйствовавшая сначала только на ближайшихъ послѣдователей, принесла прекрасные плоды только въ послѣдствіи. Въ этомъ случаѣ оправдалась пословица, что разрушать легче, чѣмъ созидать. Изъ учениковъ Сократа не вышло въ Аѣинахъ ни одного дѣльнаго и выдающагося политика; зато вышло нѣсколько вредныхъ. Такъ и Алкивіадъ

болѣе усвоилъ себѣ скептическую, во всемъ сомнѣвающуюся діалектическую сторону его ученія. Уже въ первое время знакомства съ Сократомъ онъ ловко пытался привести въ замѣшательство своего опекуна Перикла тонкими вопросами о томъ, что такое законъ. Это показываетъ, какихъ успѣховъ достигъ Алкивіадъ въ діалектическомъ искусствѣ, и представляетъ его представителемъ младшаго поколѣнія аѳинянъ, склоннаго къ словопреніямъ и тѣмъ отличавшагося отъ старшихъ современниковъ, которые любили больше дѣйствовать, чѣмъ болтать. Если такимъ образомъ, съ одной стороны, не обѣщали уже большого практическаго успѣха перенятые у Сократа приемы, то съ другой—вліянію Сократа мѣшало общественное положеніе юноши. Его богатство, вліяніе, поклоненіе и лесть вышнихъ и низшихъ, мужчинъ и женщинъ, должны были часто ослаблять вліяніе наставленій учителя, особенно когда эти наставленія оказывались для него неудобными. Его умъ, воспріимчивый ко всему, но черезчуръ подвижный, такъ же быстро забывалъ добрыя намѣренія, какъ и усвоивалъ ихъ. Но что любовь его къ Сократу никогда вполне не умирала, что совѣсть часто напоминала ему о томъ, какъ онъ обманулъ надежды своего лучшаго друга, на это указываетъ намъ превосходное описаніе въ Платоновомъ «Пирѣ». Алкивіадъ, не смущавшійся вообще ни передъ кѣмъ на свѣтѣ, испытывалъ чувство стыда передъ Сократомъ, при сознаніи своихъ ошибокъ. Близкія отношенія между ними продолжались, повидимому, до тѣхъ поръ, пока Алкивіадъ не приобрѣлъ преобладающаго вліянія на политику Аѳинъ, что случилось не раньше смерти Клеона, въ 422 г. Уже въ это

время Алкивіадъ достигъ большой славы своею храбростью, которая доставила ему награду въ первомъ же сраженіи. Не менѣе отличался онъ въ забавахъ и упражненіяхъ юношей, въ которыхъ онъ превосходилъ всѣхъ. Тогда уже онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе и своей страстью къ лошадямъ, и своимъ безпутствомъ, и проказами всякаго рода. Такъ онъ однажды среди бѣлаго дня на площади далъ пощечину богатѣйшему аѣинянину своего времени, Гиппонику, не потому чтобы сердился на него, но въ шутку—изъ-за пари. Потомъ, со свойственнымъ юношѣ прямодушіемъ, онъ отправился къ нему домой, снялъ съ себя плащъ и подставилъ ему спину подъ удары. Гиппонику простилъ его, а потомъ выдалъ даже за него свою дочь, которой пришлось много терпѣть отъ безпутства Алкивіада.

Смерть Клеона открыла предъ Алкивіадомъ широкіе политическіе горизонты. Государствомъ уже не управлялъ гениальный политикъ въ родѣ Перикла. Въ народномъ собраніи не господствовалъ больше дерзкій демагогъ съ такимъ вліяніемъ, какое было у Клеона. Наиболѣе выдающимся политикомъ былъ робкій Никій. При этихъ условіяхъ быстро выступаетъ на передній планъ Алкивіадъ, одаренный всѣми качествами, которыя должны были обезпечить ему блестящую карьеру всюду, а тѣмъ болѣе у впечатлительнаго народа аѣинскаго. Онъ былъ первымъ красавцемъ въ Аѣинахъ; отличался высокимъ ростомъ и несокрушимой тѣлесной силой; былъ столь же храбрымъ воиномъ, какъ и искуснымъ полководцемъ; когда хотѣлъ привлечь челоуѣка, умѣлъ быть обаятельно любезнымъ; краснорѣчіемъ превосходилъ боль-

шинство современниковъ (даже то, что онъ не могъ произносить нѣкоторыхъ буквъ, казалось въ его устахъ особеннымъ преимуществомъ); въ дипломатическихъ переговорахъ отличался тонкостью и лобкостью; любилъ пышность и былъ щедрымъ до крайней расточительности; къ высшимъ и равнымъ относился презрительно и надменно, къ низшимъ, если они не стояли ему на дорогѣ, — благосклонно и дружелюбно. Въ виду всего этого Алкивиадъ долженъ былъ скоро сдѣлаться любимцемъ аѳинскаго народа и занять такое же высокое положеніе, какъ нѣкогда Периклъ. Одного недоставало ему — разсудительности, той чисто эллинской добродѣтели, которая во всемъ своемъ блескѣ сіяетъ предъ нами въ Периклѣ; нѣтъ ея у Алкивиада, какъ и у его эпохи. Онъ не научился владѣть самимъ собою. Непреодолимое, можно бы сказать, демоническое стремленіе къ власти, поддерживаемое лестью народа и многихъ аристократовъ, не стѣсняемое никакими нравственными сдержками и только раздражаемое кознями противниковъ, надъ которыми онъ чувствовалъ свое превосходство, — это стремленіе неудержимо увлекаетъ его все дальше и приводитъ, въ концѣ концовъ, къ неслыханному произволу и самовластію. Алкивиадъ сдѣлался, такимъ образомъ, гражданиномъ, невыносимымъ для государства. Онъ не терпѣлъ рядомъ съ собою равныхъ. Онъ хотѣлъ быть первымъ, — хотѣлъ властвовать въ Аѳинахъ, въ Греціи, во всемъ извѣстномъ тогда мірѣ. Для этого нужно было поднять высоко и могущество Аѳинъ. Этого высокаго положенія онъ добивался не спокойнымъ и послѣдовательнымъ примѣненіемъ своихъ талантовъ, а хотѣлъ захватить его какъ бы присту-

помъ, нисколько притомъ не стѣсня своихъ страстей и капризовъ. Въ какой формѣ будетъ достигнута цѣль, — было для него безразлично. Потому онъ въ сущности не принадлежитъ ни къ демократической партіи, ни къ постепенно усиливающейся олигархіи. Смотря по надобности, онъ старается пользоваться той и другой партіей; но такъ какъ вообще демократія представляла гораздо больше удобствъ, то онъ и примыкаетъ большею частью къ ней. Не принадлежа искренно ни къ одной партіи, Алкивіадъ этимъ главнымъ образомъ и подготавливаетъ свое паденіе, тѣмъ болѣе, что своимъ пренебрежительнымъ обращеніемъ онъ приобрѣлъ себѣ много личныхъ враговъ. Ни одна партія не довѣряла ему; нигдѣ у него не было прочной опоры. Оскорбленные питали къ нему непримиримую ненависть. Олигархи и демократы заодно дѣйствовали противъ него, и мы дважды наблюдаемъ его паденіе въ то самое время, когда онъ, повидимому, совсѣмъ близокъ къ цѣли своихъ желаній. Ему не вѣрятъ даже и тогда, когда онъ дѣйствуетъ чистосердечно. Когда, наученный опытомъ, исправленный несчастіемъ, онъ обуздалъ, наконецъ, свое честолюбіе, когда мѣсто страстей заняла рассудительность, — тогда было уже слишкомъ поздно для того, чтобы внушить къ себѣ прочное довѣріе.

Рѣзкую противоположность ему, несмотря на нѣкоторыя сходныя черты, представляетъ другой дѣятель, оказавшій въ то время вліяніе на судьбы Греціи, это — счастливый противникъ Алкивіада — Лисандръ. Развитие Алкивіада мы можемъ прослѣдить отъ самой колыбели; Лисандръ, напротивъ, выступаетъ вдругъ зрѣлымъ мужемъ, начальникомъ спартанскаго флота. Намъ извѣстно только, что

отецъ его былъ изъ рода Гераклидовъ, а мать, наоборотъ, повидимому низкаго происхожденія. Насколько извѣстно, въ юности онъ занималъ очень скромное положеніе, но получилъ спартанское воспитаніе. То и другое имѣло важныя послѣдствія. Больше, чѣмъ кто другой, онъ привыкъ къ суровому образу жизни и приучился обуздывать всѣ страсти, кромѣ одной, которой спартанское воспитаніе не подавляло, а скорѣе поддерживало и развивало. Рано завладѣло имъ необузданное честолюбіе, тѣмъ болѣе опасное, чѣмъ менѣе благопріятствовали ему внѣшнія условія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лисандръ привыкъ, какъ немногіе спартанцы, прислуживаться къ сильнымъ людямъ, даже когда ненавидѣлъ и презиралъ ихъ, если только они были необходимы ему для его цѣлей. Съ другой стороны социальное положеніе Лисандра вызвало въ немъ глубокую ненависть къ существующему порядку; онъ сознавалъ въ себѣ такія силы и достоинства, которыхъ не находилъ у лицъ выше поставленныхъ и даже у самихъ царей. Этимъ и объясняются его революціонные замыслы.

И вотъ, когда послѣ блестящихъ побѣдъ Алкивіада спартанцамъ болѣе чѣмъ когда-нибудь понадобился искусный полководецъ, они выбрали въ адмиралы ничѣмъ до тѣхъ поръ не выдававшася Лисандра (а санъ адмирала, несмотря на годичный только срокъ его, по власти стоялъ почти выше царскаго). Тутъ Лисандръ выступаетъ передъ нами уже съ вполне сформировавшимся характеромъ, чрезвычайно рѣзко очерченнымъ и тѣмъ не менѣе удивительно двойственнымъ. Лично для себя онъ оставался вѣренъ древнеспартанскимъ обычаямъ. На это указывалъ уже и его внѣшній видъ: распущенные волосы и

длинная борода. Онъ былъ очень трудолюбивъ, энергиченъ, умѣренъ, безстрастенъ. Даже когда онъ повелѣвалъ какъ царь всею Греціей, онъ былъ врагомъ всякой пышности; а въ этомъ отношеніи ему представлялось много соблазновъ въ покоренныхъ городахъ. Еще большей похвалы заслуживаетъ въ немъ то, что въ то время, какъ цари и полководцы Спарты не могли устоять противъ золота, онъ стоялъ безусловно выше порока корыстолюбія. Онъ былъ совершенно недоступенъ подкупу; доставивъ Спартѣ милліоны, самъ онъ остался бѣднякомъ, какъ это оказалось послѣ его смерти. Женихи, сватавшіеся къ его дочерямъ, въ надеждѣ на богатое наслѣдство, обманулись въ своихъ ожиданіяхъ и отказались отъ невѣсть, за что по спартанскому закону подверглись наказанію. Съ желѣзною твердостью и непоколебимой энергіей продолжалъ Лисандръ разъ начатое дѣло, и ничто не могло сбить его съ пути. Но къ этимъ качествамъ, которыя могли бы служить украшеніемъ спартамца лучшаго времени, присоединяются другія, по которымъ мы узнаемъ въ Лисандрѣ сына своего вѣка, со всѣми чертами разложенія, свойственными его времени. Ловкій, хитрый, даже коварный и вѣроломный, смотря по нуждѣ, то гибкій, то гордый, онъ никогда не забывалъ ни оказанныхъ услугъ ни испытанныхъ оскорбленій, былъ до крайности мстителенъ, умѣлъ пользоваться всѣми средствами, ловить каждый случай. Онъ обладалъ рѣдкимъ искусствомъ ладить съ людьми, услугами и любезностью привязывать къ себѣ частныхъ лицъ и государей и, — что еще труднѣе, — сохранять за собой ихъ благосклонность и расположеніе и пользоваться ими въ нужную минуту. Но умѣя вся-

чески очаровывать друзей и товарищей, онъ съ другой стороны беспощадно боролся со своими врагами. Тутъ для него всё средства были пригодны. Вѣрность, довѣріе, страхъ передъ богами, религіозность были для него только пустыми словами, которыми хорошій политикъ долженъ ловко пользоваться. Какъ дѣтей обманываютъ игрушками, такъ, — думалъ онъ, — взрослыхъ людей слѣдуетъ обманывать ложными клятвами: такъ онъ и поступалъ по возможности. Онъ не отступилъ даже передъ попыткой, — правда, безуспѣшной, подкупить оракулы. Хладнокровно истреблялъ онъ тысячи людей и проявлялъ склонность къ жестокости въ большей степени, чѣмъ того требовали его политическія или стратегическія цѣли. При такомъ характерѣ онъ являлся политикомъ, болѣе пригоднымъ для этого смутнаго времени, чѣмъ многіе болѣе порядочные люди. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличался необыкновенными талантами и какъ полководецъ. Лисандръ не принадлежитъ къ числу геніальныхъ полководцевъ, онъ никогда не одерживалъ побѣдъ надъ выдающимся противникомъ, едва ли выигралъ хоть одну битву въ открытомъ полѣ; но все-таки онъ удачно, для Спарты, окончилъ пелопонесскую войну и добился этого результата не по простой счастливой случайности. Два раза онъ устраивалъ, снаряжалъ и вооружалъ сильные флоты. Хорошимъ содержаніемъ и жалованьемъ онъ постоянно поддерживалъ въ экипажѣ усердіе и военный пылъ, а также дисциплину, къ сожалѣнію неизвѣстную демократическимъ аѳинянамъ. Его талантъ состоялъ не столько въ томъ, чтобы при помощи ловкой тактики одолѣть равносильнаго врага, сколько въ томъ, чтобы постоянно быть готовымъ къ бою

и насторожѣ, избѣгать всякаго сраженія, въ которомъ исходъ былъ сомнителенъ, быстро схватывать моментъ, когда врагъ слабѣе или не готовъ къ бою, и тогда нападать на него и захватывать его врасплохъ. Поэтому онъ благоразумно избѣгалъ всякой встрѣчи съ Алкивіадомъ; поэтому же онъ не принялъ предложенной ему при Эгоспотамосѣ открытой битвы, чтобы въ ближайшій удобный моментъ тѣмъ вѣрнѣе уничтожить безпечнаго врага. Такимъ образомъ онъ въ этомъ отношеніи совершенно уклонялся отъ древне-спартанскаго взгляда, видѣвшаго въ войнѣ родъ суда Божія и потому требовавшаго, чтобы стороны боролись равнымъ оружіемъ.

Таковы были тѣ качества, съ которыми Лисандръ, съ самаго перваго своего появленія въ исторіи, преслѣдовалъ одну цѣль, которую онъ ясно признавалъ и къ которой стремился съ желѣзной послѣдовательностью, это—господство Спарты надъ Греціей и личное господство Лисандра въ Спартѣ. Это-то неуклонное преслѣдованіе одной основной цѣли и было главной причиной, которая придала Лисандру такое значеніе и доставила ему перевѣсъ надъ столь же честолюбивымъ, но гораздо менѣе постояннымъ Алкивіадомъ.

Для достиженія цѣли прежде всего нужно было унизить Аѣины, а затѣмъ не допускать возвышенія другихъ государствъ рядомъ со Спартой. Этимъ и объясняется какая-то бѣшенная ненависть Лисандра къ Фивамъ, грозившимъ отнять у него плоды многолѣтнихъ усилій. Для достиженія своихъ цѣлей, прежде всего для подчиненія Аѣинъ, онъ воспользовался главнымъ образомъ двумя средствами. Во-первыхъ, онъ понялъ, что для успѣшной борьбы съ

аѳинскимъ флотомъ необходимо имѣть въ распоряженіи большія денежныя средства. Послѣднія едва ли можно было получить отъ кого-либо другого кромѣ Персіи. Поэтому Лисандръ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ новымъ правителемъ Малой Азіи—Киромъ Младшимъ и при его помощи создалъ и упрочилъ для Спарты флотъ. Вторымъ средствомъ служили олигархическія гетеріи. Такія гетеріи существовали не только въ Аѳинахъ, но и въ большей части союзныхъ городовъ, — еще до выступленія Лисандра на политическое поприще. Эти гетеріи дѣйствовали противъ демократическаго устройства, поддерживаемаго Аѳинами, и имѣли связи со Спартой. Большой частью онѣ старались отвлекать города отъ союза съ Аѳинами, да и въ самихъ Аѳинахъ эти гетеріи готовы были въ то время въ крайнемъ случаѣ предать городъ Спартѣ. Но до Лисандра гетеріи дѣйствовали большей частью врозь. Лисандръ осуществляетъ грандіозную мысль стать во главѣ ихъ всѣхъ, образовать ихъ тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, и опутать всю Элладу крѣпкой олигархической сѣтью, нити которой будутъ не въ рукахъ спартанскихъ властей, а въ его собственныхъ рукахъ. Начиная съ Аѳинъ и кончая ничтожнѣйшимъ союзнымъ государствомъ, Лисандръ всюду подбираетъ себѣ такихъ сообщниковъ, которые повинуются одному его мановенію и подъ его руководствомъ стремятся къ олигархіи. Сношенія съ этими сообщниками онъ поддерживалъ разными способами. Въ государствахъ еще враждебныхъ онъ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, черезъ изгнанниковъ. Объ этихъ своихъ агентахъ онъ всячески заботился; при всѣхъ насиліяхъ и преступленіяхъ они могли рассчитывать на его помощь; онъ позволялъ имъ без-

наказанно удовлетворять личную месть и всевозможныя страсти; онъ привязывалъ ихъ къ себѣ не только надеждою на достиженіе и сохраненіе, при его помощи, власти и богатства, но и признаніемъ общихъ преступленій. И когда Аѣины пали, Лисандръ членамъ этихъ союзовъ, — и только имъ однимъ, — передалъ власть въ ихъ государствахъ въ качествѣ декадарховъ; и лакедемонскій комендантъ поддерживалъ ихъ вооруженной силой. На нихъ основывалась власть Лисандра, одно время не уступавшая неограниченной царской власти. Потому то Лисандръ и оставался всегда послѣдовательнымъ олигархомъ.

V. ОЛИГАРХИЧЕСКАЯ ПАРТІЯ И ГЕТЕРИИ ВЪ АѢИНАХЪ.

(*Vischer. Kleine Schriften, I Band.*)

При Клеонѣ начинается въ АѢинахъ тираннія большинства надъ меньшинствомъ, которая тѣмъ болѣе невыносима сравнительно съ тиранніей одного лица, чѣмъ ненасытнѣе страсти толпы. Такое извращеніе демократіи естественно вызывало попытки противодействія. Умѣренные аристократы стараго закала прежде всего попытались выдвинуть противъ Клеона Никія, чтобы удержать по возможности демократію въ границахъ закона и возстановить миръ со Спартой.

Ядро партіи составляетъ здѣсь гетерія, о которой, однако, мы знаемъ весьма мало. Вѣроятно, въ ней принимали участіе какіе-нибудь гадатели и ханжи. Но какъ эти люди не могли остановить потока невѣрія, такъ и Никій былъ мало пригоднымъ главой для партіи, направленной противъ такого человѣка какъ Клеонъ. Поэтому вліяніе Никія оставалось незначительнымъ до битвы при Амфиполисѣ, и только послѣ смерти демагога ему удалось на короткое время приобрести значительное вліяніе на дѣла государства, благодаря миру со Спартой, котораго сильно желалъ утомленный войною народъ.

Однако не всѣ приверженцы олигархіи примкнули къ этой благонамѣренной, но слабой оппозиціи Никіа. Напротивъ, теперь противники демократіи раздѣляются на рядъ группъ, которыя не преслѣдуютъ общей цѣли, но стремятся каждая къ выгодѣ и власти для себя, и то враждебно относятся другъ къ другу, то на время соединяются для одной какой-либо цѣли. Въ это время образуются тѣ гетеріи, настоящее имя которымъ — тайныя общества для взаимопомощи при выборахъ и на судѣ. Скорѣ этихъ избирательныхъ комитетовъ явилось очень много, такъ какъ почти каждый вліятельный человекъ собиралъ около себя гетерію. Число ихъ росло вмѣстѣ съ возрастаніемъ числа процессовъ; а послѣднихъ становилось все больше и больше по мѣрѣ умноженія доносовъ, ежедневно грозившихъ состоянію и жизни богатыхъ людей. Возникновенію гетерій содѣйствовала также прибыльность военныхъ должностей, замѣщавшихся не по жребію, а по выборамъ. Гетеріи получили правильную организацію и имѣли между собою ту общую черту, что непременно держались втайнѣ. Члены общества обязывались клятвенно помогать другъ другу совѣтомъ и дѣломъ, деньгами и кровью. Давленіе на выборы и судъ производилось разными способами. Во-первыхъ, всячески старались подѣйствовать личнымъ вліяніемъ; умѣли склонить на свою сторону голоса лестью, угрозами, обѣщаніями; далѣе, поддерживали товарища предъ судомъ особенно еще тѣмъ, что выступали въ качествѣ его защитника или обвинителя; доставляли свидѣтелей; удовлетворяли обвинителя деньгами и т. д. Но настоящій подкупъ судей, нужно сказать къ чести аѳинянъ, долгое время не входилъ въ употребленіе.

Первые союзы съ цѣлью взаимопомощи при выборахъ и процессахъ могутъ еще до нѣкоторой степени найти себѣ оправданіе въ томъ, что къ такому шагу могло принудить господство черни. Но очень скоро эти гетеріи, какъ и большая часть подобныхъ обществъ, стали преслѣдовать гораздо болѣе гибельныя, даже прямо измѣнническія цѣли. Не довольствуясь уже болѣе должностями и почестями, доступными при существующемъ строѣ, гетеріи смѣло стали нарушать законы для достиженія собственной власти и выгоды. Никакія средства уже не считались предосудительными. Подкупъ, ложное обвиненіе, лжесвидѣтельство, несправедливое осужденіе, убійство, призывъ непріятели, — все для нихъ годилось; самымъ священнымъ узамъ предпочиталось братство по гетеріи. Добродѣтель, честность, вѣрность законамъ, благочестіе стали притакихъ условіяхъ пустымъ звукомъ. Кто дѣйствовалъ съ наибольшей дерзостью и хитростью, тотъ пользовался наибольшимъ уваженіемъ. Своя власть, своя честь, своя выгода сдѣлались мѣриломъ при оцѣнкѣ всѣхъ поступковъ. *)

Но такая ужасная перемѣна въ аттическомъ народѣ и въ остаткахъ древней аристократіи произошла не сразу. Высшей точки она достигла только по окончаніи пелопонесской войны, и даже тогда не могла надолго взять верхъ надъ лучшими сторонами аѣинскаго характера.

Важность гетерій возрастала, по мѣрѣ того какъ война переставала быть борьбою только за гегемонію

---

*) См. статью: Фукидидъ о борьбѣ партій въ Греціи.

Спарты и Аѣинъ, а превращалась въ борьбу на жизнь и на смерть между олигархіей и демократіей. Въ это время олигархическіе союзы распространились по всей Греціи, именно по всѣмъ союзнымъ съ Аѣинами государствамъ, и всегда были готовы ниспровергнуть съ помощью Спарты демократическое устройство и отпасть отъ Аѣинъ, тогда какъ послѣднія, напротивъ, всюду оказывали помощь демократической партіи. Въ самихъ Аѣинахъ, центрѣ эллинской демократіи, это направленіе, склонявшееся къ рѣшительному перевороту и измѣнѣ, обрисовывалось медленнѣе, чѣмъ въ союзныхъ государствахъ. Здѣсь, при ревнивомъ отношеніи народа къ своимъ правамъ, нужна была большая осторожность, да и сами олигархи желали, чтобы государство сохранило силу и при ихъ господствѣ, а этого было бы не легко достигнуть при соглашеніи со Спартой. Только когда событія доказали невозможность этимъ путемъ добиться цѣли, олигархи рѣшились для ея достиженія пожертвовать могуществомъ и величіемъ родного города.

По смерти Клеона наибольшимъ вліяніемъ пользовался Никій. Противъ него выступилъ юный Алкивіадъ, не уступавшій ему знатностью. Свѣтлыя и темныя стороны тогдашнихъ Аѣинъ отражались въ личности Алкивіада, точно такъ же какъ въ личности Лисандра отразилась современная ему Спарта. Алкивіадъ обладалъ характеромъ, который съ трудомъ укладывался въ рамки республиканскаго строя. Примѣненіе къ нему остракизма навѣрное принесло бы прекрасные плоды, такъ какъ безъ сомнѣнія онъ вернулся бы черезъ нѣсколько лѣтъ болѣе разумнымъ и спокойнымъ человѣкомъ. Для самого Алки-

віада было величайшимъ несчастіемъ, что онъ сумѣлъ избѣгнуть остракизма.

Мы могли бы предполагать, что Алкивіадъ пользовался гетеріей для достиженія своихъ цѣлей, даже если бы намъ это не было сообщено прямо. Но у насъ есть вѣрныя извѣстія объ этомъ, не дающія однако возможности опредѣлить точнѣе, кто были товарищи Алкивіада. Вообще же нужно принять во вниманіе, что гетеріи вовсе не имѣли постоянного состава, но мѣняли своихъ членовъ смотря по обстоятельствамъ.

Съ помощью гетеріи значеніе Алкивіада скоро перевѣсило вліяніе Никія. Чтобы пріобрѣсти расположеніе аѣинянъ, онъ выбралъ путь, прямо противоположный послѣднему. Никій сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе спартанцевъ и воспользовался этимъ довѣріемъ для заключенія мира, который не безъ основанія носитъ его имя. Никій вообще старался открыть въ Аѣины доступъ болѣе умѣреннымъ стремленіямъ. Напротивъ, Алкивіадъ выступилъ врагомъ спартанцевъ и другомъ аргивянъ и другихъ демократическихъ государствъ Пелопонеса. Онъ старался всячески вызвать снова войну и стоялъ за сохраненіе въ самихъ Аѣинахъ неограниченной демократіи, а внѣ ихъ—за самое произвольное обращеніе съ союзниками. Такая политика при тогдашнихъ обстоятельствахъ должна была легко доставить ему высшую степень народнаго расположенія. Никогда это расположеніе не проявлялось еще такъ безгранично по отношенію къ вождю народа, какъ это было относительно Алкивіада. вмѣстѣ съ его вліяніемъ росли со дня на день и его притязанія и властолюбіе, что не безъ основанія внушало опасенія многимъ бла-

гонамѣреннымъ гражданамъ. Казалось, онъ былъ близокъ къ цѣли своихъ стремленій, когда возбудилъ въ 415 г. легкомысленный народъ къ войнѣ противъ Сиракузъ и, выбранный въ полководцы вмѣстѣ съ Никіемъ и Ламахомъ, мечталъ уже о триумфальномъ возвращеніи домой послѣ завоеванія всей Сициліи, Карфагена и другихъ странъ.

Но своимъ гордымъ, презрительнымъ обращеніемъ и своей надменностью Алкивіадъ слишкомъ глубоко оскорбилъ своихъ противниковъ, чтобы его успѣхъ могъ быть прочнымъ. Прямодушный Никій дѣйствовалъ противъ Алкивіада открыто и именно поэтому имѣлъ мало успѣха. Но надъ низверженіемъ Алкивіада давно работалъ рядъ другихъ менѣе совѣстливыхъ людей, выжидавшихъ только удобнаго момента для нападенія. Къ нимъ принадлежали и олигархи, и демократы: и тѣхъ, и другихъ Алкивіадъ отодвинулъ на второй планъ. Опаснѣе были олигархи, потому что они дѣйствовали по плану хорошо обдуманному и строго сообразованному съ характеромъ аѣинскаго народа. Кто тутъ были главные руководители, — опредѣлить нельзя; но можно съ увѣренностью полагать, что какъ позднѣе, при установленіи олигархіи, такъ и въ этомъ случаѣ на заднемъ планѣ стояли люди съ вѣсомъ. Впередъ выступали больше всѣхъ Писандръ, извѣстный какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей при водвореніи господства четырехсотъ, и Харикль, вмѣстѣ съ Критіемъ наиболѣе ославленный изъ 30 тиранновъ, — оба, слѣдовательно, олигархи, носившіе тогда личину ревностныхъ друзей народа. Между искренними демагогами самыми ярыми врагами Алкивіада были Андрокль и Клеонимъ.

Поводомъ къ открытой борьбѣ послужило извѣстное изуродованіе гермовъ въ Аѣинахъ. Это была безъ сомнѣнія просто достойная строгаго наказанія шалость веселой компаніи, забывшейся подъ вліяніемъ вина,—шалость, какія и раньше случались, только въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Такъ и посмотрѣли сначала на дѣло многіе. Но другихъ это дѣло испугало, отчасти какъ плохое предзнаменованіе для предстоящаго похода, отчасти какъ доказательство существованія большого числа святотатцевъ, очевидно дѣйствовавшихъ здѣсь по взаимному соглашенію. Но когда былъ созванъ по этому случаю совѣтъ, то Писандръ и Харикль выступили съ утвержденіемъ, что это не простое безчинство, а сдѣлано очевидно съ цѣлью ниспровергнуть демократію и ввести новое государственное устройство. Можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ изуродованіе статуй могло указывать на ниспроверженіе демократіи; но аѣинскій народъ, со времени Гиппія постоянно страшившійся тиранніи какъ пугала и страннымъ образомъ смѣшивавшій съ тиранніей олигархію,—горячо ухватился за такое толкованіе, назначилъ большія награды за открытіе виновниковъ и выбралъ чрезвычайныхъ слѣдователей, въ числѣ которыхъ мы находимъ Писандра и Харикла. Тотчасъ было предложено всѣмъ желающимъ доносить обо всемъ, что имъ извѣстно и о другихъ преступленіяхъ противъ религіи. Это дало поводъ къ самымъ различнымъ доносамъ, открыло широкое поле всякой личной враждѣ, чего именно и желали враги Алкивіада. Долгое время доносчиковъ не являлось, наконецъ, когда флотъ уже приготовился къ отплытію въ Сицилію, въ народномъ собраніи выступилъ нѣкто

Пиэоникъ, объявляя, что одинъ рабъ засвидѣтельствуеть, какъ Алкивіадъ со многими товарищами устроилъ пародію на мистеріи въ частномъ домѣ и въ присутствіи непосвященныхъ лицъ. Когда рабу была обѣщана безопасность, онъ изложилъ предъ собравшимся народомъ свое показаніе, а за первымъ доносомъ быстро послѣдовали и другіе, частью относительно изуродованія гермовъ, частью относительно оскверненія мистерій,—и во всѣхъ этихъ доносахъ упоминалось имя Алкивіада. Изъ значительнаго числа лицъ, задѣтыхъ доносами, очень немногіе стали дожидаться вызова на судъ, большинство бѣжало и этимъ путемъ уклонилось отъ приговора взволнованнаго народа. Было бы несправедливо выводить отсюда, что бѣжавшіе этимъ самымъ признавали себя виновными.

Бѣглецы были заочно приговорены къ смерти, а имущество ихъ конфисковано. Оставшіеся въ Аѣинахъ всѣ были казнены. Съ полководцемъ Алкивіадомъ, который не бѣжалъ, какъ того желали его противники,—нельзя было поступить какъ съ частнымъ человѣкомъ. Поэтому на него былъ поданъ въ совѣтъ доносъ такого содержанія: Алкивіадъ составилъ гетерію съ цѣлью переворота, и члены ея, пируя въ одномъ частномъ домѣ, пародировали мистеріи. Для обсужденія этого доноса было созвано народное собраніе. Но когда Алкивіадъ, противъ ожиданія, вовсе не сталъ настаивать на отклоненіи доноса, а, напротивъ, предложилъ народу немедленно разслѣдовать дѣло и или осудить, или оправдать его, то его враги стали опасаться неудачи своего плана. Поэтому они убѣдили нѣкоторыхъ мнимыхъ друзей Алкивіада, на дѣлѣ его ненавидѣвшихъ, внести пред-

ложене, что теперь онъ долженъ отправляться въ качествѣ полководца въ Сицилію, а разборъ дѣла долженъ происходить только по его возвращеніи. Напрасно обвиняемый противился этому: народъ пожелалъ принять предложеніе. Что касается мотивовъ, побуждавшихъ Алкивіада настаивать на немедленномъ рѣшеніи, то можно думать, что хотя онъ и былъ, безъ сомнѣнія, замѣшанъ въ дѣло оскверненія мистерій, однако разсчитывалъ добиться оправданія при помощи своего личнаго вліянія, своихъ единомышленниковъ и войска. Въ то же время онъ понималъ, что его отсутствіе можетъ только доставить противникамъ удобный случай для новыхъ интригъ и для воздѣйствія на народъ.

Такъ и случилось. Едва флотъ въ началѣ іюля 415 г. отплылъ изъ Аѣинъ, какъ снова начались розыски и притомъ съ такимъ усердіемъ, что всѣхъ гражданъ охватилъ ужасъ. Никто ужъ не считалъ себя въ безопасности. Когда глашатай подавалъ знакъ къ собранію совѣта, всѣ граждане убѣгали съ рынка изъ опасенія быть арестованными. И вотъ, недѣли черезъ двѣ послѣ отплытія флота, нѣкто Діоклидъ внесъ въ совѣтъ доносъ на 42 человекъ, которыхъ онъ, по его словамъ, призналъ въ ту ночь (изъ числа около 300) за осквернителей гермовъ. Между названными были два члена совѣта, которымъ удалось бѣжать, остальные были посажены въ темницу. Вмѣстѣ съ тѣмъ разнесся слухъ, будто городу грозятъ враги; на самомъ дѣлѣ небольшой отрядъ лакедемонянъ, вслѣдствіе волненій въ Беотіи, приблизился къ Истму, а сами беотійцы заняли границу Аттики. Это еще сильнѣе раздражило подозрительный народъ: весь городъ провелъ день и

ночь подь оружіемъ. Въ этомъ затруднительномъ и тяжеломъ положеніи Андокидъ положилъ, наконецъ, конецъ процессу противъ гермокопидовъ, открывши, подь ручательствомъ за безнаказанность, все, что самъ зналъ о дѣлѣ. Онъ доказалъ ложность доноса Діоклида, который поплатился за это смертью, и, напротивъ, объявилъ виновницей преступленія гетерію Эвфилета, къ которой, повидимому, и самъ принадлежалъ. Большая часть членовъ ея уже раньше частью бѣжали, частью были казнены. Только четырехъ новыхъ прибавилъ Андокидъ, но имъ тоже удалось скрыться. Названные въ этомъ доносѣ были присуждены къ смерти; за головы бѣжавшихъ назначена была награда. Остальные узники были выпущены на свободу, и городъ такимъ образомъ вернулся наконецъ къ спокойствію.

Хотя Алкивіадъ и не былъ названъ Андокидомъ, но недовѣріе къ нему еще болѣе усилилось. Народъ увѣренъ былъ, что Алкивіадъ стремился къ перевороту. Тогда Эссаль, сынъ Кимона, приверженецъ олигархіи уже по своему положенію, вѣроятно, служившій только орудіемъ враговъ Алкивіада, подаль въ совѣтъ доносъ. Онъ обвинялъ Алкивіада въ томъ, что тотъ у себя въ домѣ въ присутствіи знакомыхъ святотатственно подражалъ мистеріямъ и тѣмъ тяжело провинился предъ закономъ. Не взирая на данное обѣщаніе, не думая о томъ, какое дурное вліяніе должно оказать на войну въ Сициліи удаленіе Алкивіада, аеиняне послали корабль привезти Алкивіада съ нѣсколькими его единомышленниками. Алкивіадъ согласился ѣхать; но въ Оуріяхъ бѣжалъ и отправился въ Пелопонесъ, откуда потомъ, дѣйствуя изъ Спарты, причинилъ отечеству огромный

вредъ. Аѣиняне присудили его заочно къ смерти, конфисковали его имущество и заставили жрецовъ произнести надъ нимъ проклятіе.

Такъ окончился процессъ гермокопидовъ, въ которомъ больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, проявилась дѣятельность гетерій. Олигархамъ удалось удалить изъ Аѣинъ самаго страшнаго своего врага. Теперь они могли спокойнѣе преслѣдовать свои дальнѣйшіе планы.

На цѣлыхъ два года послѣ процесса борьба партій въ Аѣинахъ утихла, — по крайней мѣрѣ по видимости, — такъ какъ война въ Сициліи потребовала всѣхъ силъ и вниманія государства. Но когда, осенью 413 г., пришла ужасная вѣсть о гибели войска, олигархи поднялись снова не только въ Аѣинахъ, но и во всѣхъ союзныхъ городахъ. Враги демократіи сумѣли прекрасно воспользоваться общей паникой и раздраженіемъ народа противъ демагоговъ, вызвавшихъ своими подстрекательствами походъ въ Сицилію. Народъ съ невѣроятнымъ напряженіемъ готовился отражать соединенныхъ враговъ, и въ то же время было постановлено ограничить по возможности на будущее время государственные расходы и составить подготовительную комиссію изъ старшихъ по возрасту гражданъ. Намъ, впрочемъ, мало извѣстна дѣятельность этой комиссіи. Мы знаемъ только, что она дѣятельно готовяла олигархію. На первое время удовольствовались этимъ учрежденіемъ, а вскорѣ представился случай пойти и дальше.

Съ весны 412 г. въ Элладѣ съ новой силой разразилась война. Между тѣмъ какъ пелопонесское войско блокировало Аѣины изъ Декелеи, война велась преимущественно у береговъ Малой Азіи.

Здѣсь, главнымъ образомъ по внушенію Алкивіада, персидскіе сатрапы поддерживали Спарту; а олигархи привлекали и союзные съ Аѣинами города, одинъ за другимъ, на сторону спартанцевъ. Лакедемонскіе намѣстники, называвшіеся гармостами, оказывали преданнымъ Спартѣ олигархамъ такую сильную поддержку, что потомъ уже трудно было привлечь такой отпавшій городъ снова на сторону аѣинянъ. Послѣдніе тѣмъ не менѣе оказали неожиданное сопротивленіе и скоро, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ битвъ, вернули прежнюю всеобщую вѣру въ свое превосходство на морѣ. Центромъ своихъ дѣйствій они сдѣлали Самось, на вѣрность котораго могли вполне разсчитывать. Дѣло въ томъ, что когда въ большей части іоническихъ городовъ заволновались олигархи, то, повидимому, нѣчто подобное произошло или, по крайней мѣрѣ, было заподозрѣно и на Самось. Поэтому лѣтомъ 412 г. народъ, пользуясь присутствіемъ нѣсколькихъ аѣинскихъ кораблей, возсталъ здѣсь противъ аристократовъ, которые, повидимому, пользовались на Самось значительными политическими преимуществами. Двѣсти человекъ изъ числа ихъ было убито, четыреста изгнано, и вся власть перешла въ руки народа. Послѣ этого Аѣины вернули самосцамъ отнятую у нихъ при Периклѣ автономію, и они оказались такими вѣрными союзниками, что не отпали даже послѣ битвы при Эгоспотамосѣ, и только долгая осада принудила ихъ сдаться Лисандру.

Между тѣмъ Алкивіадъ, постоянно думавшій о возвращеніи въ Аѣины, навлекъ на себя подозрѣніе лакедемонянъ и потому удалился къ персидскому сатрапу Тиссаферну. Оттуда онъ вступилъ въ сно-

шенія съ главными начальниками аѣинскаго флота. Онъ даль имъ понять, что желаетъ вернуться на родину, и доставить Аѣинамъ дружбу Тиссаферна, если вмѣсто изгнавшей его демократіи тамъ будетъ введена олигархія. И помимо этого желанія Алкивіада, знатные аѣиняне сами усердно стремились къ ниспроверженію демократіи. Поэтому нѣкоторые изъ нихъ отправились къ Алкивіаду, обсудили подробности и, вернувшись на Самось, составили заговоръ изъ лицъ, которыхъ считали для этого пригодными. Вмѣстѣ съ тѣмъ слухъ о предстоящемъ переворотѣ они распустили въ войскѣ, которое хотя и роптало на это, но до поры до времени оставалось спокойнымъ: въ случаѣ союза съ Тиссаферномъ, солдаты ожидали болѣе щедрой и правильной уплаты жалованья. Видя, что обстоятельства складываются какъ нельзя лучше, коноводы заговора устроили еще одно совѣщаніе съ значительнымъ числомъ сообщниковъ. Тутъ полководецъ Фринихъ, человекъ низкаго происхожденія, выдвинувшійся своими доносами, представилъ вѣрную оцѣнку плановъ Алкивіада. Онъ указалъ на то, что послѣднему такъ же мало дѣла до олигархіи, какъ и до демократіи, и что онъ теперь всѣми средствами добивается только своего возвращенія. Далѣе Фринихъ выяснилъ, какъ повредить переворотъ положенію союза, и потому счелъ долгомъ возстать противъ плановъ олигархіи. Но заговорщики рѣшили, напротивъ, продолжать начатое дѣло и послали въ Аѣины Писандра подготовить тамъ возвращеніе Алкивіада и низверженіе демократіи. Въ Аѣинахъ Писандръ, несмотря на встрѣченное вначалѣ сопротивленіе, очень ловко справился со своей задачей, выставивъ возвращеніе

Алкивиада и помощь Персіи какъ единственное средство къ спасенію. Вмѣстѣ съ десяткомъ другихъ лицъ онъ былъ уполномоченъ вести по своему усмотрѣнію переговоры съ Алкивиадомъ и Тиссаферномъ. Но, что было всего важнѣе, онъ побудилъ всѣ общества, существовавшія до того въ Аѣинахъ для цѣлей выборныхъ и тяжebныхъ, — соединиться вмѣстѣ ради общей цѣли — ниспроверженія демократіи. Тутъ впервые мы находимъ соединеніе въ одинъ большой союзъ всѣхъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ, — союзъ, который на этотъ разъ не отступаетъ ни передъ какими средствами и вскорѣ подчиняетъ своему вліянію все государство.

Хотя переговоры съ Алкивиадомъ и Тиссаферномъ скоро разбились о чрезмѣрные требованія послѣднихъ, тѣмъ не менѣе руководители олигархической партіи не отказались отъ намѣренія ввести олигархію. Это лучше всего доказываетъ, что Алкивиадомъ они пользовались только какъ предлогомъ, точно также какъ и послѣдній видѣлъ въ нихъ только орудіе для своего возвращенія. Для достиженія цѣли они уговорили знатнѣйшихъ самосцевъ ниспровергнуть демократію и на Самосѣ, послали Писандра съ пятью выборными въ Аѣины, поручивъ ему устраивать также и по пути въ союзныхъ городахъ олигархію, а пять остальныхъ выборныхъ отправили въ другіе города союза. Но такая политика скоро отомстила за себя: тѣ города, въ которыхъ дѣйстви-тельно была введена олигархія, тотчасъ же отпали отъ Аѣинъ. Въ своей импровизированной олигархической формѣ Аѣины, очевидно, внушали врагамъ демократіи такъ же мало довѣрія, какъ и прежде.

Между тѣмъ Писандръ прибылъ въ Аѣины въ

сопровожденіи отряда гоплитовъ, который онъ составилъ изъ своихъ единомышленниковъ съ нѣсколькихъ острововъ. Здѣсь онъ нашелъ все прекрасно подготовленнымъ заговорщиками. Послѣдніе успѣли отдѣлаться убійствомъ отъ демагога Андрокла; вмѣстѣ съ тѣмъ они открыто распространяли слухъ о предстоящей отменѣ всякаго жалованья присяжнымъ, совѣту и народу и о передачѣ верховной власти 5000 зажиточнѣйшихъ гражданъ. Словомъ, они приобрѣли уже такую силу, что хотя демократическія учрежденія еще и существовали, тѣмъ не менѣе ничто не дѣлалось помимо или вопреки ихъ волѣ. Никто уже не рѣшался противорѣчить имъ въ собраніи; ораторы выступали только изъ среды гетерій, и всѣ мѣры обсуждались и подготовлялись предварительно на ихъ совѣщаніяхъ. Если кто возвышалъ голосъ противъ нихъ, его устраняли, не стѣняясь средствами; и никто не думалъ о розыскѣ и наказаніи преступниковъ. Такъ какъ никто не зналъ, кто принадлежитъ къ заговору, и кто нѣтъ, и такъ какъ большинство считало число заговорщиковъ болѣе значительнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, — то оказалось невозможнымъ образовать союзъ для охраны государственнаго строя. Самые ревностные демократы не довѣряли другъ другу, потому что во главѣ олигархическаго движенія оказывались такіе люди, которыхъ никто раньше не считалъ за олигарховъ.

При такихъ условіяхъ Писандру легко было достигнуть своей цѣли. По его прибытіи прежде всего было внесено и принято въ народномъ собраніи предложеніе выбрать десять человѣкъ, которые должны были въ опредѣленный срокъ представить народу проектъ наилучшаго преобразованія госу-

дарственного устройства. Въ назначенный день народъ былъ собранъ не на обычномъ мѣстѣ, но внѣ города. Тамъ комиссія внесла прежде всего предложеніе, что всякій аѳинянинъ можетъ высказывать какія угодно мнѣнія, не рискуя быть привлеченнымъ къ отвѣтственности за несоотвѣтствіе его рѣчи съ закономъ. Затѣмъ Писандръ предложилъ свой проектъ: прежнія учрежденія отмѣняются, никакой платы за участіе въ управленіи больше не полагается, назначается пять проэдровъ (предсѣдателей), которые выбираютъ 100 человекъ; каждый изъ послѣднихъ въ свою очередь указываетъ трехъ человекъ. Этотъ комитетъ четырехсотъ правитъ съ неограниченными полномочіями и созываетъ собраніе 5000 гражданъ всякій разъ, когда считаетъ это нужнымъ.

Собраніе приняло это предложеніе безъ возраженій. Былъ выбранъ комитетъ четырехсотъ; члены его, вооружившись кинжалами, въ сопровожденіи 120 отважныхъ юношей проникли въ помѣщеніе совѣта и распустили прежній законный совѣтъ пятисотъ, выплативъ ему жалованье за оставшаея до срока время службы. Затѣмъ комитетъ 400 вступилъ формально въ отправленіе своихъ обязанностей, сталъ приносить обычныя жертвы, назначать новыхъ чиновниковъ и т. д.

Такимъ образомъ заговорщикамъ удалось съ невѣроятною быстротою ниспровергнуть прежнюю демократію и захватить въ свои руки власть. Такой ходъ дѣла объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что самые сильные и дѣльные приверженцы демократіи находились въ это время въ походѣ, а также большой осторожностью и хитростью, съ которыми олигархи дѣйствовали противъ оставшагося безъ вождей народа.

Между руководителями олигарховъ больше всѣхъ выдавался Писандръ; но душой всего переворота былъ Антифонтъ, извѣстный за выдающагося оратора и талантами не уступавшій никому изъ современниковъ. Далѣе необыкновенную дѣятельность проявилъ Фринихъ; сначала онъ былъ демократомъ и возбуждалъ подозрѣнiя олигарховъ, но какъ только они порвали сношенiя съ Алкивиадомъ, онъ перешелъ на ихъ сторону, рассчитывая этимъ путемъ всего лучше обезопасить себя отъ мщенiя оскорбленнаго имъ человѣка. Не менѣе дѣятеленъ былъ Терамень, одинъ изъ искуснѣйшихъ политиковъ того времени, своею безхарактерностью справедливо навлекшій на себя уже въ то время презрѣнiе современниковъ.

Но какъ быстро была введена олигархiя, такъ же быстро она и пала; и притомъ ударъ ей былъ нанесенъ какъ разъ оттуда, гдѣ она получила свое начало, — съ Самоса. Тотчасъ послѣ своего утверждениа «четыреста» попытались, хотя и безуспѣшно, заключить миръ со Спартой и въ то же время отправили десять пословъ на Самосъ, чтобы привлечь на свою сторону войско. Но здѣсь положенiе дѣлъ измѣнилось. Триста самосцевъ, которыхъ Писандръ побудилъ произвести на островѣ олигархической переворотъ, были осилены демократами при помощи аеинянъ. Оставшiеся при войскѣ вожди настроили солдатъ прямо противъ олигархiи, и когда пришли преувеличенныя вѣсти о тираннiи «четырехсотъ», то бывшiе на Самосѣ аеиняне заключили съ самосцами союзъ, закрѣпленный страшными клятвами, для упорной борьбы противъ олигархiи и Лакедемона. Затѣмъ войско, дѣйствуя отъ лица всего народа, рѣшило

вернуть Алкивіада. Едва прибывъ на Самось, онъ былъ назначенъ полководцемъ и спасъ Аѳины тѣмъ, что удержалъ раздраженное войско отъ похода противъ отечества. Но черезъ присланныхъ комитетомъ пословъ онъ велѣлъ передать комитету, что «четыре-ста» должны уступить мѣсто прежнему совѣту; напротивъ, высшая власть пусть остается въ рукахъ пяти тысячъ (которые, впрочемъ, никогда не были выбраны), а ограниченіе расходовъ заслуживаетъ одобренія.

Извѣстіе объ этомъ вызвало въ Аѳинахъ волненіе, тѣмъ болѣе опасное, что между правителями уже обнаружилась рознь. Θерамень и нѣкоторые другіе, находя свое честолюбіе недостаточно удовлетвореннымъ, а также предвидя, что олигархія долго продержаться не можетъ, снова стали склоняться на сторону народа и раздували неудовольствіе противъ новаго правительства. Напротивъ, рѣшительные вожди «четырехсотъ» старались во что бы то ни стало заключить миръ со Спартой. Отправленные съ этой цѣлью въ Спарту послы не принесли, правда, мира для всего государства, но заключили съ врагомъ тайное соглашеніе. Безъ сомнѣнія, они обѣщали предать спартанцамъ городъ подъ условіемъ получить затѣмъ въ немъ высшую власть подъ охраной Лакедемона. Конечно, имъ было бы всего пріятнѣе, сохранивши олигархическое устройство, господствовать также и надъ союзниками; но въ случаѣ невозможности этого они довольствовались и простой независимостью съ тѣмъ, чтобы сохранить флотъ и стѣны; если же и это было невозможно, они готовы были призвать враговъ и отдать имъ флотъ и стѣны, — только бы избѣгнуть опасности, грозившей имъ въ случаѣ возстановленія демократіи.

Между тѣмъ волненіе росло со дня на день. Среди бѣлаго дня на рыночной площади былъ убитъ Фринихъ. Захватить его убійцу не удалось; зато былъ схваченъ его сообщникъ. Но когда послѣдній заявилъ, что существуютъ тайныя сборища, то «четыреста» не рѣшились ни на какія разслѣдованія: до того уже упала ихъ власть. Вслѣдъ за этимъ въ Пиреѣ поднялось открытое возстаніе подъ тайнымъ руководствомъ Оерамена. Возставшіе вошли съ оружіемъ въ городъ. Совѣтъ успокоилъ ихъ на нѣкоторое время обѣщаніемъ объявить имена тѣхъ 5000, изъ которыхъ по очереди должны выбираться члены совѣта «четырехсотъ». Но когда въ назначенный для объявленія день аѣиняне собрались въ театръ Діониса, пришло неожиданное извѣстіе, что отъ Мегаръ плывутъ къ Аѣинамъ съ 42 кораблями спартанцы. Тогда всѣ, думая не безъ основанія, что спартанцы дѣйствуютъ по соглашенію съ олигархами, бросились въ гавань, съ цѣлью во что бы то ни стало помѣшкать высадкѣ. Но пелопонесскій флотъ проплылъ мимо Пирея, обѣхалъ Суній, разбилъ поспѣшно высланную къ Эретріи аѣинскую эскадру и побудилъ Эвбею къ отпаденію отъ Аѣинъ. Извѣстіе объ этомъ несчастіи привело всѣхъ аѣинянъ въ еще большее смущеніе, чѣмъ нѣкогда вѣсть о пораженіи на Сициліи. Если бы лакедемоняне воспользовались этой минутой, они сразу окончили бы войну; но ихъ обычная медлительность отсрочила рѣшеніе еще на нѣсколько лѣтъ. Аѣиняне, впервые со времени прибытія Писандра, собрались снова на Пниксѣ и положили конецъ господству «четырехсотъ». Было постановлено, что верховная власть должна принадлежать 5000, въ число которыхъ входитъ всякій гражданинъ,

имѣющій возможность приобрести вооруженіе, и что ни одна должность не будетъ платной. Въ слѣдующихъ собраніяхъ аѣиняне занялись приведеніемъ въ порядокъ запущенныхъ государственныхъ дѣлъ. Они вообще выказали въ этомъ случаѣ рѣдкое благоразуміе, которому Аѣины обязаны были счастливымъ ходомъ войны въ ближайшее послѣдующее время. Только теперь и въ городѣ было рѣшено вернуть Алкивіада и другихъ изгнанниковъ. Съ ниспровергнутыми олигархами въ общемъ обошлись очень сдержанно: большая часть ихъ осталась безнаказанными въ Аѣинахъ. Такъ покончила послѣ четырехъ мѣсяцевъ свое существованіе первая олигархія, созданная гетеріями, — съ тѣмъ, чтобы черезъ семь лѣтъ снова ожить въ лицѣ тридцати тиранновъ.

Въ самомъ дѣлѣ, олигархи продолжали устраивать втайнѣ заговоры и козни съ цѣлью ниспроверженія демократіи, и вскорѣ мы опять встрѣчаемся съ усиленною дѣятельностью вѣроломнаго Θерамена. Послѣдній первое время послѣ паденія четырехсотъ пользовался въ Аѣинахъ огромнымъ вліяніемъ, но вскорѣ его затмилъ Алкивіадъ, послѣ цѣлаго ряда блистательныхъ побѣдъ вернувшійся въ 408 году на родину при всеобщемъ ликованіи. Перенесенныя несчастія сдѣлали Алкивіада благоразумнѣе: онъ дѣйствовалъ теперь осмотрительно и добросовѣстно на пользу Аѣинъ. Тѣмъ не менѣе зависть скоро вооружила противъ него вновь сильную партію, въ которой, какъ и во время процесса гермокопидовъ, соединились, повидимому, демократы и олигархи. Неудачная битва, данная въ отсутствіе Алкивіада и вопреки прямому его приказу его кормчимъ, подала поводъ лишить его начальства надъ флотомъ, послѣ

чего онъ, не думая о мщениі, удалился въ свои владѣнія на еракійскомъ Херсонесѣ.

Между тѣмъ спартанцы послали въ Іонію адмираломъ Лисандра. Этотъ хитрецъ, неразборчивый на средства, не только сумѣлъ пріобрѣсти дружбу Кира Младшаго и удачно повести войну; онъ доставилъ Спартѣ твердую опору и подорвалъ могущество Аѣинъ тѣмъ, что вступилъ въ болѣе близкія, чѣмъ его предшественники, сношенія съ олигархами всѣхъ городовъ. Лисандръ содѣйствовалъ образованію гетерій всюду, гдѣ ихъ еще не было, и съ ихъ помощью вызвалъ ниспроверженіе демократіи и отпаденіе союзныхъ городовъ отъ Аѣинъ. Такимъ образомъ онъ раскинулъ надъ всею Греціей сѣть, въ центрѣ которой стоялъ самъ, все направляя и за всѣмъ наблюдая. Очень вѣроятно, что Лисандръ уже тогда вступилъ въ соглашеніе и съ аѣинскими олигархами; это было для него тѣмъ легче, что въ его свитѣ находилось нѣсколько изгнанниковъ изъ числа ихъ. Въ своемъ преслѣдованіи демократовъ Лисандръ не обращалъ никакого вниманія на то, перешли ли уже города на сторону Спарты или нѣтъ. На его глазахъ и подъ его руководствомъ совершались такіа насилія, въ сравненіи съ которыми прежнія возстанія и междоусобія представляются пустяками. Приведемъ только одинъ случай. Лисандръ подстрекнулъ своихъ приверженцевъ въ Милетѣ, давно отпавшемъ отъ Аѣинъ, напасть на народъ. Когда его мысль была исполнена, онъ поспѣшилъ туда, какъ будто для возстановленія спокойствія. Но этимъ онъ имѣлъ въ виду просто обмануть демократовъ: когда тѣ положились на его слова и успокоились, онъ позволилъ перебить изъ нихъ около 800 человѣкъ. Своихъ сношеній съ ге-

теріями Лисандръ не прерывалъ и въ то время, когда флотомъ командовалъ его преемникъ, благородный Калликратидъ. Напротивъ, именно при помощи гетерій ему удалось создать для Калликратида множество затрудненій и послѣ битвы при Аргинусахъ снова стать во главѣ флота.

Въ это время и заговорщики въ Аѣинахъ не дремали. Послѣ побѣды Алкивіада тамъ была, повидимому, восстановлена старая демократія, представлявшая гораздо больше удобствъ для козней олигарховъ, чѣмъ умѣренный образъ правленія, который былъ введенъ непосредственно послѣ паденія 400. Затѣмъ олигархамъ благопріятствовало то обстоятельство, что лучшіе люди, цвѣтъ гражданства, опять находились на флотѣ. При этихъ условіяхъ они могли рука объ руку съ безразсудными демагогами, ловко выдвигаемыми впередъ, вести Аѣины къ гибели. Этотъ пріемъ не такъ замѣтенъ въ изложеніи Алкивіада; гораздо яснѣе проявляется онъ въ безбожномъ процессѣ противъ побѣдителей при Аргинусахъ. Послѣдніе были, по большей части, горячіе демократы, правда, доказывавшіе свой патриотизмъ больше въ лагерь, чѣмъ въ народномъ собраніи. Какъ извѣстно, ихъ обвиняли въ томъ, что они послѣ морской битвы не собрали и не спасли убитыхъ и живыхъ, плававшихъ на обломкахъ кораблей. Въ дѣйствительности, они поручили это своимъ помощникамъ, Θерамену и Θрасибулу; но сильная буря помѣшала послѣднимъ исполнить приказъ. Теперь обвинителемъ ихъ выступилъ этотъ самый Θерамень. Для возбужденія народнаго гнѣва онъ и его приверженцы выслали во время одного праздника подкупленныхъ людей въ траурной одеждѣ. Θерамень

же уговорилъ демагога Калликсена выступить въ совѣтъ противъ полководцевъ, и такими позорными средствами ему удалось вызвать ихъ осужденіе и казнь.

На ихъ мѣсто были посланы другіе полководцы. Напрасно предостерегалъ ихъ Алкивиадъ, когда они заняли опасную позицію при Эгоспотамосѣ. Они презрительно отвергли его совѣты, потому что выбрали эту позицію умышленно, желая предать флотъ Лисандру; ихъ поддерживало множество единомышленниковъ, занимавшихъ въ войскѣ второстепенное положеніе. И вотъ лѣтомъ 405 года аѣинскій флотъ былъ уничтоженъ, благодаря измѣнѣ. Послѣ этого Лисандръ медленно поплылъ къ Аѣинамъ. Всюду, куда онъ ни являлся, онъ упразднялъ демократію и передавалъ управленіе 10 лицамъ, выбираемымъ изъ преданныхъ ему людей. Это тѣ ославленные «декархій», съ помощью которыхъ Лисандръ почти неограниченно повелѣвалъ большинствомъ эллинскихъ государствъ. Всѣхъ попадавшихся ему на пути аѣинянь онъ отправлялъ въ Аѣины, съ цѣлью увеличить тамъ скопленіе народа, и скоро заперъ 150 тріерами гавань. Въ то же время многочисленное войско осаждало Аѣины съ суши. А въ несчастномъ городѣ олигархи, съ Критіемъ и Өераменомъ во главѣ, употребляли всѣ усилія, чтобы сломить послѣднее сопротивленіе демократіи. Немедленно послѣ пораженія они назначили изъ своей среды комитетъ изъ пяти членовъ, названныхъ эфорами. Послѣдніе, опираясь на своихъ единомышленниковъ, вскорѣ совсѣмъ захватили въ свои руки управленіе государствомъ: они опредѣляли, что должно быть постановлено въ совѣтѣ, они назначали

начальниковъ. Совѣтъ 500, впрочемъ приставшій уже большей частью къ заговору, скоро сталъ въ ихъ рукахъ простымъ орудіемъ. Но все-таки многіе благомыслящіе граждане еще противились позорному миру, и въ Лакедемонъ были отправлены послы предложить отъ имени Аѣинъ вступленіе въ союзъ со Спартой, съ сохраненіемъ стѣнъ и Пирея. Другими словами, Аѣины готовы были отказаться отъ собственнаго господства и признать гегемонію Спарты. Но эфоры съ границъ Лаконіи отправили этихъ пословъ назадъ, заявивъ, что если они захотятъ явиться опять, то пусть приносятъ лучшія условія. Эфоры требовали по крайней мѣрѣ срытія длинныхъ стѣнъ, что отрѣзало бы Аѣины отъ Пирея. Это требованіе сильно возмутило аѣинскій народъ. Особенно возсталъ противъ него демагогъ Клеофонъ, правда неукротимый крикунъ и безразсудный противникъ мира, но человѣкъ честный и никогда не измѣнявшій своему отечеству. Тогда выступилъ Ѳерамень и предложилъ отправить его къ лакедемонянамъ, чтобы добиться болѣе выгоднаго мира. Обманутые граждане послали его, а онъ пробылъ у Лисандра больше трехъ мѣсяцевъ, чтобы возраставшей изо дня въ день нуждой принудить аѣинянъ къ большей уступчивости. Между тѣмъ оставшіеся въ Аѣинахъ заговорщики устранили Клеофонта при помощи ложнаго доноса. Наконецъ Ѳерамень вернулся, увѣряя, что его задержалъ такъ долго Лисандръ. Тогда онъ былъ посланъ съ неограниченными полномочіями въ Спарту, откуда и привезъ такіа условія мира: срытіе длинныхъ стѣнъ и стѣнъ Пирея, выдача флота за исключеніемъ 12 кораблей, признаніе однихъ и тѣхъ же съ лаке-

демонянами друзей и враговъ и возвращеніе всѣхъ изгнанниковъ (по большей части олигарховъ). На этотъ результатъ переговоровъ ропталъ не только народъ, — знатные люди тоже выражали свое неудовольствіе. Но и противъ нихъ скоро было выдвинуто ложное обвиненіе, будто они замышляютъ измѣну. Дѣло было поведено такъ ловко, что въ народномъ собраніи постановили подвергнуть обвиняемыхъ заключенію. Послѣ того собраніе приняло миръ, и Лисандръ со своимъ флотомъ вступилъ въ Пирей для выполненія условій мира. Затѣмъ, въ присутствіи его и другихъ непріятельскихъ полководцевъ, было созвано народное собраніе для совѣщанія относительно образа правленія. Одинъ изъ заговорщиковъ предложилъ выбрать для составленія конституціи тридцать человѣкъ; Терамень поддержалъ это предложеніе. Никто изъ ораторовъ не рѣшился выступить противъ него. Тѣмъ не менѣе народъ, у котораго только теперь открылись глаза, взволновался. Однако Терамень не смутился, но спокойно заявилъ, что для него волненіе народа не имѣетъ значенія, такъ какъ многіе аеиняне стоятъ на его сторонѣ и онъ дѣйствуетъ по соглашенію съ Лисандромъ и лакедемонянами. Затѣмъ поднялся самъ Лисандръ и грозно заявилъ, что если предложеніе не будетъ принято, то возникнетъ вопросъ не только о формѣ правленія, но о самомъ существованіи Аеинъ. Тогда лучшіе граждане, уступая силѣ, оставили собраніе, а оставшіеся приняли предложеніе и выбрали 30 законодателей съ неограниченными полномочіями, а именно 10 по указанію Терамена, десять по предложенію пяти названныхъ раньше эфоровъ, а 10 по собственному желанію изъ числа

присутствующихъ. Всѣ эти тридцать принадлежали раньше къ числу четырехсотъ.

Но комитетъ «тридцати» не ограничился выполнениемъ функций законодательной власти. Онъ превратился, подъ охраной лаконскаго оружія, въ верховное правительственное учрежденіе, установилъ по своему усмотрѣнію совѣтъ и другія должности, ограничилъ право гражданства и право носить оружіе тремя тысячами гражданъ, наконецъ даже запретилъ всѣмъ другимъ лицамъ жить въ Аѣинахъ. Такъ наконецъ олигархическая партія при помощи гетерій и измѣны достигла своей цѣли, основала свою власть на развалинахъ могущества и независимости аѣинской демократіи, на развалинахъ гавани и флота, при помощи котораго Θемистокль возвысилъ свое отечество; и это господство олигархіи заклеяло себя на вѣчныя времена своими насиліями.

VI. КРИТІЙ и ΘΕΡΑΜΕΝΉ.

(Xenophon. Hellenica. III, 3).

Тотчасъ послѣ разрушенія длинныхъ стѣнъ и укрѣплений Пирея былъ выбранъ совѣтъ «тридцати» для составленія законовъ, по которымъ должно быть устроено государство. Но совѣтъ этотъ все медлилъ составленіемъ и изданіемъ законовъ, а между тѣмъ устроилъ по своему усмотрѣнію сенатъ и прочія учрежденія. Затѣмъ прежде всего совѣтъ «тридцати» сталъ арестовывать и предавать уголовному суду тѣхъ людей, которые, какъ всѣмъ было извѣстно, жили при демократіи доносами и досаждали аристократамъ. Сенатъ охотно осуждалъ ихъ, да и прочіе граждане, не считавшіе себя доносчиками, нисколько не огорчались ихъ судьбою. Затѣмъ «тридцать» начали принимать мѣры къ тому, чтобы захватить въ свои руки все управленіе государствомъ. Для этого они отправили пословъ въ Лакедемонъ просить Лисандра прислать въ Аѣины гарнизонъ на то время, пока они раздѣляются съ плохими гражданами и устроятъ государство по-своему. Содержать гарнизонъ они обѣщали сами. Лисандръ согласился съ ихъ доводами и содѣйствовалъ присылкѣ гарнизона съ гарместомъ Каллибіемъ. Тогда «тридцать» стали всячески угождать

Каллибію, добиваясь, чтобы онъ одобрилъ всѣ ихъ дѣйствія. Когда же онъ предоставилъ въ ихъ распоряженіе солдатъ гарнизона, то они стали схватывать кого только хотѣли, — не только плохихъ и ничтожныхъ гражданъ, но и тѣхъ, отъ которыхъ они ожидали сильнаго сопротивленія своимъ насиліямъ и которые, если бы желали противиться, могли бы привлечь къ себѣ множество единомышленниковъ. Въ первое время Критій раздѣлялъ мнѣнія Эерамена и былъ съ нимъ друженъ, но когда въ Критіи обнаружилось стремленіе къ массовымъ казнямъ (объясняющееся тѣмъ, что онъ и самъ былъ прежде изгнанъ народомъ), то Эерамень выступилъ противъ него. Онъ утверждалъ, что не слѣдуетъ казнить людей за то только, что ихъ уважаетъ народъ, если при этомъ они не причиняютъ никакого вреда лучшимъ гражданамъ. «Вѣдь и я и ты, — прибавилъ онъ, — многое говорили и дѣлали, чтобы угодить народу». Не желая пока разрывать съ Эераменомъ, Критій возражалъ на это, что людямъ, добивающимся власти, нельзя не устранять своихъ главнѣйшихъ противниковъ. «Если же ты думаешь, что — только потому, что насъ не одинъ, а тридцать, — мы можемъ менѣе заботиться о сохраненіи своей власти, чѣмъ заботились бы тиранны, то ты разсуждаешь, какъ глупецъ». Затѣмъ послѣдовало много казней, совершенно несправедливыхъ; народъ этимъ явно возмутился, недоумѣвая, что будетъ дальше съ государствомъ. Тогда Эерамень снова заявилъ, что олигархія не въ состояніи будетъ держаться, если не привлечетъ къ управленію достаточнаго числа людей. Тогда Критій и прочіе тиранны, опасаясь, какъ бы граждане не примкнули къ Эерамену, составили

списокъ трехъ тысячъ участниковъ въ управленіи. Оерамень возразилъ и на это, что ему кажется страннымъ, какимъ образомъ они, желая привлечь къ участию въ управленіи лучшихъ гражданъ, выбрали именно три тысячи;—какъ будто въ это число входятъ непременно всѣ лучшіе люди и какъ будто внѣ его не можетъ быть людей дѣльныхъ, а въ составѣ этого числа—людей негодныхъ. «Съ другой стороны,—сказалъ онъ,—я вижу, что мы дѣлаемъ вещи, одна другой противорѣчащія: вводимъ насильственное управленіе и въ то же время ставимъ его въ зависимость отъ подчиненныхъ». Послѣ этой рѣчи Оерамена «тридцать» собрали на смотръ три тысячи на рынкѣ, а не внесенныхъ въ списокъ—въ другомъ мѣстѣ, и приказали послѣднимъ сложить оружіе и разойтись по домамъ. Когда тѣ ушли, то «тридцать» послали солдатъ гарнизона и своихъ единомышленниковъ и, собравъ все ихъ оружіе, приказали снести его въ Кремль и тамъ сложить въ храмѣ Аѳины. Послѣ этого они считали возможнымъ дѣлать все что угодно: многихъ они казнили изъ вражды, другихъ — ради ихъ богатства. Чтобы добыть средства на жалованье гарнизону, «тридцать» рѣшили, чтобы каждый изъ нихъ выбралъ по метку, самого его казнилъ, а имѣніе взялъ въ казну. Оерамена тоже приглашали выбрать кого ему угодно, но онъ отвѣтилъ: «Не хорошо, мнѣ кажется, называть себя лучшими гражданами и поступать хуже сикофантовъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, оставляли жизнь людямъ, у которыхъ отнимали имущество, а мы будемъ убивать ни въ чемъ неповинныхъ для того только, чтобы завладѣть ихъ имѣніемъ; развѣ послѣднее не хуже перваго?» Тогда «тридцать», считая его

помѣхой для своихъ произвольныхъ дѣйствій, стали интриговать противъ него; въ частныхъ бесѣдахъ они обвиняли его предъ отдѣльными сенаторами въ стремленіи подорвать государственный порядокъ. Затѣмъ они предложили юношамъ, которыхъ считали самыми смѣлыми, явиться съ кинжалами за пазухой и созвали сенатъ. Когда явился Ферамень, Критій выступилъ съ такою рѣчью: «Если кто изъ васъ, господа сенаторы, думаетъ, что казни подвергается больше людей, чѣмъ слѣдовало бы, то пусть онъ сообразитъ, что это бываетъ всюду, гдѣ измѣняется устройство государства. Въ Аѳинахъ должно быть всего больше противниковъ олигархіи, какъ потому, что это—многолюднѣйшій изъ эллинскихъ городовъ, такъ и потому, что народъ очень долгое время воспитывался въ привычкахъ свободы. Олигархію мы установили съ согласія лакедемонянъ, исходя изъ убѣжденія, что демократія невыносима для такихъ людей, какъ мы съ вами, и что демократы никогда не будутъ друзьями нашихъ благодѣтелей, лакедемонянъ, а аристократы всегда будутъ имъ вѣрны. Поэтому, если мы видимъ, что кто-нибудь противодѣйствуетъ олигархіи, то по возможности устраняемъ его; тѣмъ болѣе справедливымъ представляется намъ подвергнуть наказанію человека, который возстаетъ противъ этого порядка, самъ принадлежа къ числу нашихъ. И вотъ мы видимъ теперь, какъ этотъ Ферамень всевозможными средствами добивается нашей гибели. Въ справедливости этого вы убѣдитесь, если обратите вниманіе на то, что никто такъ не порицаетъ установленнаго порядка, какъ Ферамень; никто болѣе его не противодѣйствуетъ нашимъ попыткамъ устранить кого-либо

изъ демагоговъ. Придерживайся онъ такихъ взглядовъ съ самаго начала, онъ былъ бы нашимъ врагомъ, но мы не имѣли бы права считать его предателемъ. Но вѣдь самъ онъ былъ виновникомъ договора и союза съ лакедемонянами, самъ онъ содѣйствовалъ ниспроверженію демократіи, самъ всѣхъ больше побуждалъ насъ налагать наказанія на прежнихъ обвиняемыхъ; теперь же, когда мы съ вами стали явно врагами народа, онъ уже не одобряетъ происходящаго: и это для того, чтобы самому опять остаться цѣлымъ, а намъ поплатиться за то, что мы сдѣлали. Поэтому онъ долженъ быть наказанъ не только какъ врагъ, но и какъ предатель. А чтобы вы знали, что для него это не новость и что онъ отъ природы предатель, я напомню вамъ его дѣянія... Наилучшей формой правленія, какъ извѣстно, считается устройство Спарты; но если бы тамъ кто изъ эфоровъ, вмѣсто повиновенія большинству коллегіи, сталъ порицать власти и противодѣйствовать ихъ мѣрамъ, то—какъ вы думаете, не признали ли бы его и сами эфоры и все государство заслуживающимъ наказанія въ высшей мѣрѣ? Такъ и вы, если будете благоразумны, позаботитесь не о немъ, а о себѣ: если оставить его въ живыхъ, то это придастъ бодрости множеству вашихъ противниковъ; напротивъ, гибель его лишитъ надежды всѣхъ вашихъ враговъ, какъ внутри города, такъ и внѣ его». Произнеся эту рѣчь, Критій сѣлъ. Тогда всталъ Θерамень и сказалъ: «...Я согласенъ съ Критіемъ въ томъ, что человекъ, желающій васъ лишитъ власти, а вашихъ противниковъ усилить, заслуживаетъ высшаго наказанія; но кто изъ насъ поступаетъ такъ, это, я думаю, вы поймете всего лучше, если разберете дѣй-

ствія каждаго изъ насъ. До самаго вступленія вашего въ сенатъ, до установленія правительства и до тѣхъ поръ, пока привлекались къ суду несомнѣнные доносчики, всѣ мы держались одного образа мыслей. Но когда мои товарищи начали схватывать лучшихъ гражданъ, я разошелся съ ними во взглядахъ». Онъ высказался противъ этихъ казней, потому что онѣ должны были вызвать въ разныхъ слояхъ населенія неудовольствіе противъ олигарховъ. Онъ возсталъ и противъ отобранія оружія у народа, такъ какъ не считалъ нужнымъ его обезсиловать. Онъ не одобрялъ найма гарнизона, такъ какъ для упроченія своей власти правительство могло набрать такой же отрядъ и изъ гражданъ. Наконецъ, видя, что неудовольство въ городѣ усиливается и число изгнанниковъ растетъ, онъ высказался противъ изгнанія вождей демократіи. «Я зналъ, — говорилъ онъ, — что это только усилитъ противную партію, такъ какъ у массы явятся способные вожди, а у желающихъ руководить — множество союзниковъ. Такъ чѣмъ же считать, по-настоящему, человекъ, открыто выражающаго такіа мысли, — другомъ или предателемъ? Не тотъ усиливаетъ враговъ, Критій, кто мѣшаетъ увеличивать ихъ число или учитъ пріобрѣтать какъ можно больше друзей, но тотъ увеличиваетъ число враговъ и губитъ корыстолюбіемъ не только друзей, но и себя, кто отнимаетъ несправедливо имущество и убиваетъ людей, ни въ чемъ неповинныхъ. Если ужъ нельзя иначе убѣдиться въ вѣрности моихъ словъ, такъ обратите вниманіе вотъ на что. Чего, по вашему мнѣнію, болѣе желали бы изгнанные демократы — выполненія моихъ совѣтовъ или продолженія дѣйствій «тридцати»? Я думаю, теперь они рассчиты-

ваютъ всюду найти союзниковъ, а если бы лучшіе граждане относились къ намъ дружески, изгнанникамъ казалось бы затруднительнымъ даже показаться гдѣ-нибудь на сторонѣ... Я всегда высказываюсь противъ тѣхъ, кто думаетъ, что демократія только тогда хороша, когда въ правленіи участвуютъ и рабы и бѣдняки, готовые за драхму продать государство. Но съ другой стороны, я противникъ и тѣхъ, которые считаютъ хорошей только олигархію, предоставляющую государство самовластію немногихъ. И прежде я думалъ и теперь полагаю, что самое лучшее управлять государствомъ при содѣйствіи гражданъ, могущихъ быть полезными и конемъ и мечомъ. Скажи, Критій, если можешь, гдѣ и когда стремился я въ союзѣ со сторонниками демократіи или тиранніи лишить власти лучшихъ гражданъ? И если меня уличатъ въ томъ, что я теперь это дѣлаю или дѣлалъ когда-нибудь прежде, то я согласенъ, что смертная казнь была бы для меня справедливымъ наказаніемъ». Этими словами онъ кончилъ. Своимъ шумомъ сенатъ явно выказалъ сочувствіе къ нему. Критій, замѣтивъ, что если онъ допустить голосованіе, то обвиняемый будетъ оправданъ, и не желая такого исхода, подошелъ и переговорилъ о чемъ-то съ «тридцатью», затѣмъ вышелъ и приказалъ вооруженнымъ юношамъ расположиться у рѣшетки сената, а, вернувшись, заявилъ: «Я считаю обязанностью хорошаго предсѣдателя не допускать друзей до ошибки, которую можно предвидѣть; и я исполню эту обязанность, тѣмъ болѣе, что стоящіе здѣсь граждане объявили, что не позволяютъ намъ оправдать челоуѣка, явно подрывающаго олигархію. Въ новыхъ законахъ есть постановленіе, что никто

изъ числа «трехъ тысячъ» не можетъ быть казненъ безъ вашего приговора, но не внесенныхъ въ списокъ «трехъ тысячъ» совѣтъ «тридцати» казнить можетъ. Поэтому я вычеркиваю, съ нашего общаго согласія, имя *Θерамена* изъ списка, и мы присуждаемъ его къ смерти». Услышавъ это, *Θерамень* кинулся къ алтарю *Весты* и воскликнулъ: «Заклинаю васъ, сенаторы, не позволяйте *Критію* вычеркивать изъ списка ни меня ни кого ему угодно изъ васъ: и вы и я должны быть судимы по закону, установленному «тридцатью» же относительно гражданъ, внесенныхъ въ списокъ. Конечно, я знаю хорошо, что мнѣ не поможетъ этотъ алтарь, но я хочу показать и то, что «тридцать» не только страшно несправедливы къ людямъ, но и не чувствуютъ никакого почтенія къ богамъ. Однако, удивляюсь я вамъ, господа аристократы, что вы не защищаете самихъ себя, зная хорошо, что мое имя вычеркнуть ничуть не легче, чѣмъ имя cadaго изъ васъ». Затѣмъ глашатай «тридцати» позвалъ полицейскихъ приставовъ; они явились со служителями, предводимые *Сатиромъ*, человекомъ страшно дерзкимъ и наглымъ, а *Критій* сказалъ имъ: «Мы передаемъ вамъ *Θерамена*, осужденнаго согласно закону; возьмите, уведите его куда слѣдуетъ и совершите должное». Послѣ этихъ словъ *Сатиръ* и служители оттащили *Θерамена* отъ алтаря. *Θерамень*, какъ и слѣдовало, призывалъ въ свидѣтели происходящаго и боговъ и людей, но сенаторы оставались неподвижными, видя, что у рѣшетки стоятъ люди, подобные *Сатиру*, и что площадь передъ сенаторомъ занята солдатами; при томъ же знали, что юноши у рѣшетки вооружены кинжалами. Пристава вели *Θерамена* по площади, а онъ громко

кричалъ, обращая вниманіе на то, что съ нимъ дѣлають. Говорятъ, на замѣчаніе Сатира, что ему придется плохо, если онъ не замолчитъ, онъ отвѣтилъ вопросомъ: «А если замолчу, не будетъ плохо?» Затѣмъ, когда его заставили выпить ядъ, то остатокъ его онъ, говорятъ, выплеснулъ, воскликнувъ: «А это пусть останется моему любезному Критію». Изреченіе, положимъ, не особенно важное, но удивительно тутъ то, что человѣкъ передъ самою смертью не утратилъ присутствія духа и шутливости *).

---

*) Интересенъ отзывъ о Фераменѣ Аристотеля, относящагося къ нему гораздо сочувственнѣе, чѣмъ Фукидидъ, Ксенофонтъ, а тѣмъ болѣе Лисій: «Послѣ старыхъ лучшими изъ аѳинскихъ политиковъ были Никій, Фукидидъ и Фераменъ. Относительно Никія и Фукидида (соперникъ Перикла) всѣ почти согласны, что это были люди не только благоразумные, но и отечески заботившіеся обо всемъ народѣ. Въ оцѣнкѣ Ферамена мнѣнія расходятся, такъ какъ его время совпало съ политическими смутами. Однако если не судить поверхностно, то окажется, что Фераменъ не подрывалъ всѣхъ формъ правленія, какъ его въ томъ несправедливо упрекають, а напротивъ, поддерживалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не покидали законнаго пути, такъ какъ онъ умѣлъ приносить ко всякому устройству, какъ это и прилично доброму гражданину. Но какъ скоро правительство позволяло себѣ беззаконія, онъ возставалъ противъ нихъ, навлекая на себя нерасположеніе власти» (Аѳ. государств. устройство гл. 28). Этотъ отзывъ объясняется отвращеніемъ философа къ крайностямъ демократіи и олигархіи и предпочтеніемъ такого строя, при которомъ главное значеніе принадлежитъ среднему классу народа (ср. конецъ рѣчи Ферамена у Ксенофонта и отзывъ Фукидида [VIII, 97] объ устройствѣ Аѳинъ послѣ низверженія «четырехсотъ»). — Въ рассказѣ о началѣ правленія «тридцати» Аристотель (Аѳ. гос. устр. гл. 35—37) располагаетъ событія иначе и, повидимому, вѣрнѣе, чѣмъ Ксенофонтъ. Для исторіи рассказаннаго въ предыдущей статьѣ переворота «четырехсотъ» и ихъ конституціонныхъ плановъ Аристотель тоже сообщаетъ много новаго (Аѳ. гос. устр. гл. 29—33).

VII. а) ПЕРИКЛЪ У ΘУКИДИДА О ВЕЛИЧИИ АΘИНЪ.

(Thuc. II, 37—41).

Изъ рѣчи Перикла на торжественныхъ похоронахъ аѳинянь, павшихъ въ первый годъ пелопонесской войны. «Θукидидъ могъ быть и безъ сомнѣнiя былъ слушателемъ какъ этой рѣчи Перикла, такъ и приводимыхъ имъ другихъ; во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ полную возможность набросать для себя ихъ содержанiе и ходъ мыслей. При политической проницательности и ораторскомъ талантѣ Перикла, его рѣчи должны были вполнѣ отвѣчать условiямъ каждаго случая, и Θукидиду тѣмъ легче было воспроизводить ихъ содержанiе, что весь его образъ мыслей очень подходилъ къ Периклову. Потому большинство критиковъ согласны въ томъ, что рѣчи Перикла у Θукидида даютъ намъ довольно вѣрное понятiе о краснорѣчii величайшаго изъ демагоговъ. Конечно, Θукидидъ могъ передавать его рѣчи въ нѣсколько болѣе сжатой формѣ, могъ выпускать для читателя иные переходы, необходимые только для слушателя, и все же сохранять духъ цѣлаго». (Vischer, Kleine Schriften, I Bd. 435—7).

«Мы имѣемъ такое государственное устройство, которое не заимствуется отъ чужихъ учреждений; скорѣе мы сами служимъ образцомъ для другихъ и никому не подражаемъ. Называется оно народоправствомъ, потому что зиждется не на меньшинствѣ, а на большинствѣ ¹⁾. По отношенiю къ ча-

¹⁾ Обыкновенно, греческая демократiя ограничивала права меньшинства; напротивъ, въ Аѳинахъ, по словамъ Перикла,

стнымъ столкновеніямъ, законы ¹⁾ у насъ равны для всѣхъ; что же касается почета, то въ государственной жизни одинъ пользуется значеніемъ предпочтительно передъ другимъ не въ силу принадлежности къ извѣстному классу, но по способностямъ, приносящимъ каждому добрую славу въ томъ или другомъ дѣлѣ. Равнымъ образомъ, скромность званія не служитъ бѣдняку ²⁾ препятствіемъ къ дѣятельности, если только онъ способенъ оказать какую-либо услугу государству. Мы свободно живемъ въ нашемъ государствѣ ³⁾ и не страдаемъ подозрительностью ⁴⁾ во взаимныхъ отношеніяхъ повседневной жизни. Мы не раздражаемся, если кто-либо даетъ себѣ въ чемъ-нибудь волю ⁵⁾, и не показываемъ досады, хотя и безвредной, но тѣмъ не менѣе удручающей ближняго. Свободные отъ всякаго принужденія въ частной жизни, мы въ общественныхъ отношеніяхъ умѣемъ уважать и не нарушать законы ⁶⁾, повинuemся лицамъ, облеченнымъ въ дан-

---

всѣ, какъ знатные такъ и простые, пользовались по закону въ частныхъ отношеніяхъ равными правами, а въ общественной жизни имѣли одинаковую возможность пріобрѣсти почетъ личными талантами.

1) Законамъ, дарующимъ безусловное право, противопологается почетъ, пріобрѣтаемый заслугами.

2) Положительное указаніе на отсутствіе препятствій къ возвышенію подтверждается съ отрицательной стороны: не мѣшаетъ выдвигаться заслугами бѣдность.

3) Резюме въ немногихъ словахъ сказаннаго о свободѣ—съ цѣлью указать на такой же характеръ повседневныхъ отношеній: характеръ частныхъ отношеній зависитъ отъ общественныхъ.

4) Это часто замѣтно у другихъ, но не у афинянъ.

5) Т. е. поступаетъ не такъ, какъ всѣ.

6) Ораторъ настойчиво выдвигаетъ почтеніе къ закону, какъ основу политической жизни Афинъ, чтобы не подумали, будто

ное время властью, и въ особенности подчиняемся всѣмъ тѣмъ, хотя бы неписаннымъ законамъ, которые существуютъ на пользу обижаемыхъ, и которые подвергаютъ обидчика позору въ общественномъ мнѣніи».

«Точно также играми и жертвоприношеніями ¹⁾ мы доставляемъ душѣ возможность многообразнаго отдохновенія отъ трудовъ; а постоянное пользованіе удобствами домашней обстановки поддерживаетъ въ насъ бодрость. Благодаря обширности владѣній къ намъ со всѣхъ земель стекается все, такъ что мы пользуемся благами всѣхъ другихъ народовъ ²⁾ съ такою же легкостью, какъ и плодами собственной земли».

«Въ устройствѣ военнаго дѣла мы отличаемся отъ противниковъ слѣдующимъ: городъ нашъ мы представляемъ для всѣхъ, никогда не изгоняя иноземцевъ ³⁾, никому не препятствуя ни учиться у насъ, ни осматривать городъ, такъ какъ насъ нисколько не тревожитъ, что кто-либо изъ враговъ можетъ увидѣть что-нибудь не сокрытое и воспользоваться имъ для себя: ибо мы полагаемся не столько на воору-

---

такая снисходительность въ частныхъ отношеніяхъ ведетъ къ неограниченному своеволію въ сферѣ общественной.—Это указаніе на значеніе нравственнаго мотива въ аѣинской жизни Фукидидъ, быть-можетъ, влагаетъ въ уста Перикла не безъ намѣренія,—чтобы намекнуть на наступающій вскорѣ упадокъ.

1) Главные виды аѣинскихъ празднествъ, доставлявшіе, благодаря художественной обстановкѣ, благородное удовольствіе.

2) Блага эти—произведенія какъ ума, такъ и почвы; о послѣднихъ современникъ замѣчаетъ: «Все, что было хорошаго на Сициліи или въ Италіи, на Кипрѣ, въ Египтѣ, въ Лидіи, на берегахъ Понта, въ Пелопонесѣ или гдѣ бы то ни было,—все это, благодаря господству на морѣ, свозилось въ Аѣины».

3) Какъ это дѣлаютъ спартанцы.

женіе и хитрости, сколько на присущую намъ отвагу въ дѣйствіи. Что касается воспитанія, то противники наши еще съ дѣтства закаляются въ мужествѣ посредствомъ тяжелыхъ упражненій; мы же ведемъ вольный образъ жизни и однако съ неменьшею отвагой идемъ на борьбу съ равносильнымъ противникомъ. Вотъ и доказательство тому: лакедемоняне идутъ войною на нашу землю не одни, а со всѣми союзниками, тогда какъ мы одни вторгаемся въ чужія земли и тамъ безъ труда всегда почти одерживаемъ побѣду въ борьбѣ съ воинами, защищающими родные очаги. Никто изъ враговъ не имѣлъ еще передъ собою всѣхъ нашихъ силъ вмѣстѣ, потому что всегда въ одно и то же время мы и заняты флотомъ и на сушѣ высылаемъ нашихъ гражданъ на многія предпріятія. Когда въ стычкѣ съ одною какою-либо частью нашихъ войскъ враги одерживаютъ побѣду, то кичатся, что отразили всѣхъ насъ; если же потерпятъ пораженіе, то говорятъ, что уступили нашимъ совокупнымъ силамъ. Такъ какъ та смѣлость, съ которой мы идемъ навстрѣчу опасности, вытекаетъ скорѣе изъ нашей подвижности, чѣмъ изъ привычки къ тяжелымъ упражненіямъ, — скорѣе изъ храбрости природной, чѣмъ предписываемой законами ¹⁾, — то мы имѣемъ ту выгоду, что не утомляемъ себя преждевременно всевозможными лишеніями ²⁾, а когда подвергаемся имъ, то оказываемся мужественными не меньше

---

¹⁾ Первая составляетъ основу аѳинскаго мужества, вторая — спартанскаго; первая — результатъ всего склада жизни, вторая — предписанія и установленія.

²⁾ Ироническій намекъ на спартанцевъ.

противниковъ нашихъ, всю жизнь проводящихъ въ тяжелыхъ упражненіяхъ».

«И по этой и по другимъ причинамъ городъ нашъ достоинъ удивленія ¹⁾. Мы цѣнимъ изящество соединенное съ простотою, любимъ просвѣщеніе безъ изнѣженности ²⁾; въ богатствѣ мы видимъ средство для дѣятельности, а не поводъ для пустого хвастовства; быть бѣднымъ у насъ вовсе не стыдно, а стыдно только—не умѣть выбиться изъ бѣдности съ помощью труда. У насъ каждый умѣетъ совмѣстить занятіе государственными дѣлами съ домашними заботами, да и гражданамъ, отдавшимся промысламъ, не чуждо знакомство съ государственнымъ управленіемъ ³⁾. Человѣкъ, который вовсе не участвуетъ въ государственной дѣятельности, у насъ однихъ считается не только празднымъ, но и вовсе никуда негоднымъ. Мы сами ⁴⁾ обсуждаемъ свои дѣла и стараемся правильно оцѣнить ихъ, не считая рѣчей чѣмъ-то вреднымъ для дѣла; больше

---

¹⁾ Слѣдующія фразы возводятъ благороднѣйшія стремленія аттическаго ума въ сферѣ искусства и науки къ тому же источнику, изъ котораго выводилось ранѣе поведеніе аѣинянъ въ жизни государственной и частной, въ удовольствіяхъ и военныхъ опасностяхъ,—къ индивидуальной свободѣ.

²⁾ Этими многозначительными словами Периклъ оправдываетъ то направленіе, какое онъ хотѣлъ придать духовной жизни Аѣинъ; въ то же время своими прибавками Фукидидъ указалъ на нравственныя опасности, которыя вытекли изъ этого направленія въ послѣдствіи, при другихъ руководителяхъ и при одностороннемъ увлеченіи направленіемъ.

³⁾ Соединеніе домашнихъ и гражданскихъ обязанностей представляется для аѣинянина правиломъ, соединеніе другого промысла съ политическою дѣятельностью—нерѣдкимъ случаемъ.

⁴⁾ Мы все граждане, сами—молчаливое противоположеніе лакедемонянамъ, у которыхъ народное собраніе мало вліяетъ на дѣла.

вреда, по нашему мнѣнію, происходитъ оттого, если приступать къ исполненію безъ предварительнаго уясненія дѣла рѣчами ¹⁾). Превосходство наше состоитъ въ томъ еще, что мы соединяемъ величайшую отвагу съ зрѣлымъ обсужденіемъ задуманныхъ предпріятій; у другихъ, напротивъ, отвага вызывается невѣдѣніемъ, а размышленіе порождаетъ нерѣшительность. Доблестнѣйшими должны по справедливости почитаться тѣ люди, которые прекрасно знакомы и съ лишениями и съ наслажденіями, но черезъ это не теряютъ мужества. Равнымъ образомъ и въ дружескихъ отношеніяхъ мы поступаемъ противоположно большинству народовъ, ибо друзей мы пріобрѣтаемъ не тѣмъ, что получаемъ услуги, но тѣмъ, что сами ихъ оказываемъ. Оказавшій благодѣяніе—болѣе надежный другъ, такъ какъ онъ расположенъ своимъ къ получившему услугу старается сохранить въ немъ чувство признательности. Напротивъ, человѣкъ облагодѣтельствованный менѣе усерденъ, такъ какъ онъ сознаетъ, что отплатить за услугу есть для него обязанность, а не простое слѣдствіе расположенія. Мы одни оказываемъ услуги свободно, не столько изъ расчета выгоды, сколько изъ взаимнаго довѣрія людей независимыхъ».

«Говоря вообще, цѣлый городъ нашъ есть школа Эллады. Каждый изъ насъ въ отдѣльности можетъ, какъ мнѣ кажется, приноровиться къ любому роду занятій и выполнять его съ величайшею ловкостью и граціей. Что все сказанное—не хвастовство и не

---

¹⁾ Оправданіе обилія рѣчей въ аеинскомъ собраніи, не отрицающаго впрочемъ, какъ видно изъ послѣдующаго, у аеинянъ способности къ энергичному дѣйствію.

пустыя слова, а сущая истина, доказываетъ самое могущество государства, котораго мы достигли именно указанными путями ¹⁾. Дѣйствительно, изъ нынѣшнихъ государствъ только наше выдерживаетъ испытаніе и возносится надъ собственной славою; только отъ нашихъ рукъ не стыдно нападающему непріятелю испытать пораженіе, а подчиненные наши не имѣютъ повода краснѣть, что покоряются людямъ, не достойнымъ владычества ²⁾. Создавши могущество, ознаменованное громкими дѣянiями и достаточно засвидѣтельствованное всѣми, мы будемъ предметомъ удивленiя для современниковъ и потомства: намъ нѣтъ нужды въ Гомерѣ панегиристѣ ³⁾ и ему подобныхъ людяхъ, пѣсни которыхъ могутъ доставить минутное наслажденіе, но затѣмъ легко могутъ быть опровергнуты правдой событiй. Мы съ нашей отвагой проникли силою всюду по морямъ и по сушѣ и вездѣ соорудили вѣчные памятники содѣяннаго нами зла и добра»⁴⁾.

---

1) Не легко было бы привести примѣры прославляемой здѣсь Перикломъ политики Аѣинъ; можно думать, что указываемое здѣсь настроеніе существовало скорѣе въ умѣ Перикла, чѣмъ въ отношенiяхъ дѣйствительныхъ.

2) Самымъ вѣскимъ подтвержденiемъ общаго сужденiя ораторъ считаетъ мнѣніе побѣжденныхъ и подчиненныхъ: первые не могутъ сказать, что ихъ побѣдители недостойны побѣды, вторые—что властители не заслужили власти; непріатели — лакедемоняне, напавшіе сами, подчиненные—постепенно подчинявшіеся союзники.

3) Высказываемое нерѣдко самимъ Фукидидомъ отвращеніе къ поэтическому изукрашенiю исторiи отражается и на рѣчи Перикла.

4) Добра для насъ, зла для враговъ.

VII. б) СРАВНЕНИЕ АѢИНСКОЙ ПОЛИТИКИ СО СПАРТАНСКОЮ.

(Ѣукид. кн. I. гл. 69—71).

Злая характеристика медлительности спартанцевъ сравнительно съ подвижностью аѢинянъ. Взята изъ рѣчи коринескихъ пословъ въ спартанскомъ собраніи, произнесенной съ цѣлью побудить Спарту къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій. «Въ изложеніи рѣчи Ѣукидидъ позволилъ себѣ больше вольностей, чѣмъ обыкновенно; это видно, во-первыхъ, изъ того, что ему въ этомъ случаѣ было труднѣе точно ознакомиться съ ея содержаніемъ, а, во-вторыхъ, изъ того, что она представляетъ рѣзкую характеристику АѢинъ и Спарты и ихъ политическаго положенія» (Vischer. Kl. Schriften I, 455). Это послѣднее обстоятельство и дѣлаетъ ее для насъ особенно интересною.

«Изъ всѣхъ эллиновъ вы одни, лакедемоняне, сохраняете спокойствіе, обороняясь отъ враговъ не силою оружія, а одними приготовленіями къ борьбѣ; вы одни подавляете мощь враговъ не въ самомъ началѣ, а лишь послѣ того, какъ они станутъ вдвое могущественнѣе. Правда, васъ называли непоколебимыми, но дѣла ваши не соотвѣтствуютъ этой славѣ. Такъ, мы всѣ знаемъ, что царь мидянъ съ окраинъ земли явился къ Пелопонесу, прежде чѣмъ встрѣтилъ противодѣйствіе, достойное вашего могущества. Теперь вы безопасны въ виду аѢинянъ, хотя они живутъ недалеко, — не такъ, какъ царь мидянъ, но вблизи васъ; вы предпочитаете не нападать на нихъ, но отражать ихъ нападеніе, и предоставляете на волю случая рѣшеніе борьбы съ противникомъ гораздо болѣе

могущественнымъ, нежели вы ¹⁾. Вы знаете также, что варваръ потерпѣлъ крушеніе главнымъ образомъ по собственной винѣ, что и мы ²⁾ много разъ имѣли перевѣсъ надъ этими самыми аѳинянами не столько благодаря вашей помощи, сколько влѣдствіе собственныхъ ихъ ошибокъ. Дѣйствительно, надежды на васъ уже погубили многихъ, кто былъ въ васъ увѣренъ и не приготовился къ отраженію опасности»³⁾.

«Вы, повидимому, вовсе не соображали, съ какими людьми въ лицѣ аѳинянъ предстоитъ вамъ борьба, какъ сильно они разнятся отъ васъ. Аѳиняне любятъ новизну и отличаются быстротою въ замыслахъ и въ осуществленіи разъ принятыхъ рѣшеній; вы же, напротивъ, озабочены тѣмъ, какъ бы сохранить существующее, не придумываете ничего новаго и не исполняете на дѣлѣ даже необходимаго. Далѣе, они отваживаются на то, что превышаетъ ихъ силы, рискуютъ до безразсудства, и надежда не покидаетъ ихъ даже въ опасностяхъ, тогда какъ вы дѣлаете меньше, чѣмъ сколько позволяютъ ваши силы, не довѣряете несомнѣннымъ расчетамъ и полагаете, что никогда не избавитесь отъ опасностей. Они рѣшительны, вы медленны; они ходятъ въ чужія земли, вы сидите дома; удаленіемъ отъ родины они рассчитываютъ приобрести себѣ что-либо, вы опасаетесь, какъ бы походомъ не нанести ущерба тому, чѣмъ вы владѣете. Побѣдивъ враговъ, аѳиняне преслѣдуютъ ихъ возможно дальше; побѣжденные врагами, они даютъ отгнать себя возможно меньше.

---

1) Намѣренныя преувеличенія съ цѣлью раздражить лакедемонянъ.

2) Члены пелопонесскаго союза вообще.

3) Всюду замѣтно стремленіе коринѳянъ раздуть вину Спарты.

Тѣло свое они отдають за родину такъ, какъ будто оно вовсе имъ не принадлежитъ; напротивъ, духъ берегутъ какъ неотъемлемую собственность для государства, для служенія ему. Если какіе-либо замыслы ихъ не удаются, они смотрятъ на это какъ на потерю своего достоянія; если же планъ осуществится, и они приобрѣтутъ что-либо, достигнутая удача кажется имъ незначительной въ сравненіи съ тѣмъ, что предстоитъ въ будущемъ. Если какое-либо предпріятіе не удалось, они взамѣнъ того создаютъ себѣ новыя надежды и тѣмъ пополняютъ недостающее. Успѣхъ и надежда на осуществленіе замысловъ сливаются у нихъ въ одно, благодаря быстротѣ, съ какою они стремятся осуществить свои рѣшенія. Такъ непрестанно всю жизнь работаютъ они среди лишеній и опасностей. Наличными благами они наслаждаются очень мало, будучи постоянно заняты стяжаніемъ, и нѣтъ для нихъ другого праздника, какъ достиженіе того, что требуется данной минутой; напротивъ, праздный покой почитаютъ такимъ же бѣдствіемъ, какъ и трудъ безъ отдыха. Поэтому, если бы кто-нибудь въ немногихъ словахъ сказалъ, что аѳиняне рождены для того, чтобы не имѣть покоя самимъ и не давать его другимъ, онъ былъ бы правъ».

«И вотъ, лакедемоняне, когда такое государство враждебно стоитъ противъ васъ, вы все медлите и забываете, что прочный миръ можетъ быть обезпеченъ только въ томъ случаѣ, если, не нарушая справедливости своими вооруженіями, вы въ то же время примете твердую рѣшимость не допускать обидъ себѣ. Вы же, напротивъ, считаете возможнымъ, не причиняя вреда другимъ, ограничиться одной собственной

обороной. Слѣдовать этому правилу вамъ можно было бы, — и то едва ли, — въ томъ случаѣ, если бы вы жили по сосѣдству съ такимъ же государствомъ, какъ ваше. Но при настоящихъ отношеніяхъ порядки ваши по сравненію съ аѣинскими, какъ мы только-что показали, значительно устарѣли. Между тѣмъ въ политикѣ, какъ и въ искусствахъ, всегда имѣютъ перевѣсъ новыя средства. Пока государство находится въ покоѣ, неизмѣнныя учрежденія всего лучше; но когда необходимость вынуждаетъ къ разнаго рода предпріятіямъ, тогда и требуются многообразныя усовершенствованія въ законахъ. Вотъ почему учрежденія аѣинянъ, вслѣдствіе большей опытности ихъ, — гораздо совершеннѣе вашихъ».

VII. с) ОТНОШЕНИЕ АѢИНСКАГО ДЕМАГОГА КЪ СОЮЗНИКАМЪ.

(Ѣукид. кн. III. гл. 37 — 40).

О поводѣ къ рѣчи см. статью о Клеонѣ. — «Ѣукидидъ жилъ тогда въ Аѣинахъ и, слѣдовательно, могъ ее слышать; бурный характеръ ея и выраженное въ ней безпощадное стремленіе къ сохраненію господства Аѣинъ вполне согласуются съ тѣмъ, что намъ извѣстно вообще о краснорѣчии Клеона. Ѣукидидъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ сохранить образецъ этого краснорѣчія. Масса парадоксальныхъ утвержденій, манера извращать рѣчи противниковъ, безцеремонный упрекъ по ихъ адресу, будто они выступили только для того, чтобы блеснуть своимъ краснорѣчіемъ, или потому что были подкуплены, — все это и тому подобное принадлежитъ, очевидно, настоящему Клеону, и потому мы можемъ съ увѣренностью полагать, что Ѣукидидъ здѣсь очень близокъ къ дѣйствительности, и что эта рѣчь принадлежитъ къ числу переданныхъ наиболѣе точно» (Vischer I, 442).

Хоть мыслей рѣчи чрезвычайно простой. Основное положеніе гласитъ: всякое отпаденіе союзниковъ должно подвергаться наказанію, для блага союза и его главы, на основаніи договоровъ и по праву самообороны. Если отпаденіе оказывается возстаніемъ противъ несправедливаго угнетенія, напр., исходитъ отъ подданныхъ, бывшихъ прежде свободными союзниками, то наказаніе ограничивается усмиреніемъ возстанія и казнью зачинщиковъ.— Въ данномъ случаѣ не то. Митилеяне были не подданными, а свободными союзниками, они не могли жаловаться на угнетеніе; напротивъ, съ ними всегда обращались чрезвычайно уважительно и деликатно, какъ съ равноправной державой (это признали и сами митилеяне). Потому ихъ поступокъ—не обыкновенное отпаденіе, а коварная измѣна, заговоръ съ врагами государства, за который глава союза долженъ наказать ихъ съ исключительною строгостью. Демократы Митилены тоже не безъ вины: они допустили то, чему могли и должны были помѣшать, и потому тоже должны быть привлечены къ отвѣту и наказанію. Аѣнины должны показать примѣръ неумолимой строгости, чтобы дать грозное предостереженіе и неумѣстнымъ снисхожденіемъ не поощрить къ дальнѣйшимъ возстаніямъ.— Неужели всѣ признавали это вчера только для того, чтобы отмѣнить сегодня? Что будетъ съ государствомъ, которое жертвуетъ важнѣйшими рѣшеніями ради мимолетныхъ прихотей, граждане котораго обращаютъ больше вниманія на красивыя рѣчи, чѣмъ на очевидные факты, и приносятъ въ жертву ложной чувствительности и слѣпому добродушію настоятельнѣйшія требованія положенія? Такія вещи возможны только въ демократіи, гдѣ, въ безумномъ увлеченіи красивыми рѣчами софистовъ и риторовъ, забываютъ совсѣмъ объ интересахъ государства. (Oncken, Athen u. Hellas II, 238—239).

Выступилъ и сынъ Клеэнета Клеонъ, тотъ самый, который провелъ прежнее рѣшеніе о казни всѣхъ митилеянъ. Вообще это былъ наглѣйшій изъ гражданъ и въ то время пользовавшійся величайшимъ довѣріемъ народа; выступилъ онъ снова съ такою приблизительно рѣчью: «Много разъ уже при другихъ случаяхъ я убѣждался, что демократическое государство неспособно владычествовать надъ другими. Окончательно убѣдился я въ этомъ теперь изъ

вашего раскаянія относительно митилеянъ. Такъ какъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ вы дѣйствуете безъ боязни и козней, то съ такимъ же довѣріемъ относитесь и къ союзникамъ и, впадая въ ошибки, — подѣ влияніемъ ли рѣчей или изъ состраданія, — не думаете о томъ, что слабость ваша небезопасна для васъ, а союзникамъ не внушаетъ къ вамъ признательности. Вы не хотите понять, что ваше владычество есть тираннія ¹⁾, что ваши подданные питаютъ враждебные замыслы и неохотно терпятъ вашу власть. Они повинуются вамъ не потому, что вы дѣлаете имъ добро и тѣмъ вредите себѣ; они покоряются въ силу вашего превосходства силы, а вовсе не изъ расположенія къ вамъ. Опаснѣе всего, если мы не будемъ твердо держаться разъ принятыхъ рѣшеній и не поймемъ, что государство съ плохими, но твердыми законами — могущественнѣе того, которое имѣетъ законы прекрасные, но не приводимые въ исполненіе. Я остаюсь при прежнемъ рѣшеніи и удивляюсь тѣмъ, которые дѣло митилеянъ вторично привлекли къ обсужденію и затянули время: это можетъ быть выгодно скорѣе для виновныхъ, нежели для насъ; ибо при проволочкѣ пострадавшій съ меньшимъ раздраженіемъ преслѣдуетъ своего обидчика. Удивляюсь я и всѣмъ тѣмъ, кто сталъ бы возражать мнѣ и доказывать, что преступленія митилеянъ полезны для насъ, а наши неудачи причиняютъ

---

¹⁾ То же говорилъ и Перикль; Фукидидъ, вѣроятно, не безъ намѣренія влагаетъ въ уста Клеона рядъ ясныхъ подражаній выраженіямъ и оборотамъ его рѣчей: какъ ни далеко Клеонъ отъ него по уму и характеру, но онъ научился у него искусству владѣть рѣчью.

вредъ союзникамъ. Ясно, что мой противникъ или долженъ силою своего краснорѣчія доказать, что окончательно постановленнаго рѣшенія не было, или же, подъ вліяніемъ подкупа, онъ будетъ пытаться провести васъ хитросплетенными благовидными доводами. Но въ подобныхъ состязаніяхъ государство предоставляетъ другимъ побѣдныя награды, а само пожинаетъ однѣ опасности. Отвѣтственность за этотъ проигрышъ падетъ на васъ, какъ на дурныхъ судей состязанія: ибо вы привыкли быть зрителями рѣчей и слушателями дѣлъ. О будущихъ предпріятіяхъ, объ осуществимости ихъ вы судите по рѣчамъ ловкихъ ораторовъ; о событіяхъ уже совершившихся вы заключаете не столько по тому, что сдѣлано, что вы видите сами, — сколько по тому, что слышите отъ ораторовъ, искусныхъ въ извращеніи дѣла. Вы въ совершенствѣ умѣете обольщаться новизною въ рѣчахъ и не слѣдовать вашимъ же собственнымъ рѣшеніямъ: рабы всего необычайнаго, вы презираете обыденное. Каждый изъ васъ хочетъ показать, что самъ способенъ внести какое-нибудь необыкновенное предложеніе, или, по крайней мѣрѣ, не хочетъ отстать отъ подобныхъ ему ораторовъ, чтобы не имѣть вида чловѣка, лишь слѣдующаго въ своемъ пониманіи за другими: поэтому всякій готовъ чуть не заранѣе одобрить любую хитрую мысль. Вы стремитесь предугадать то, что будетъ сказано, и не стараетесь заранѣе взвѣшивать возможныхъ послѣдствій этихъ рѣчей. Вы, можно сказать, витаете въ несуществующихъ условіяхъ, забывая о тѣхъ, въ какихъ мы живемъ, и даннаго положенія не обсуждаете съ достодолжнымъ вниманіемъ. Вообще пріятное для слуха покоряетъ васъ,

и вы больше походите на праздныхъ зрителей ловкихъ риторовъ, нежели на людей, совѣщающихся о государственныхъ дѣлахъ¹⁾.

«Я стараюсь отвлечь васъ отъ такого образа дѣйствій и заявляю, что митиленяне, жители одного только города, нанесли вамъ величайшую обиду. Я могъ бы еще простить тѣхъ возставшихъ, которымъ не вѣдомому было сносить ваше владычество, или которые вынуждены были непріателемъ къ возстанію. Но если учинили это жители острова, снабженнаго укрѣпленіями, угрожаемые врагами нашими только съ моря, да и здѣсь огражденные отъ него запасомъ триремъ, къ тому же пользующіеся самоуправленіемъ и вниманіемъ съ нашей стороны, — если они такъ поступили, то это уже не что иное, какъ злоумышленіе противъ насъ, скорѣе бунтъ, чѣмъ отпаденіе: отлагаются вѣдь тѣ, которые претерпѣли какое-либо насиліе. Они пытались въ союзѣ съ нашими ненавистнѣйшими врагами погубить насъ. Это болѣе преступно, чѣмъ если бы они пошли войною противъ насъ только съ собственными силами. Не могли послужить имъ предостереженіемъ бѣдствія другихъ, которые возставали раньше и были усмирены нами; равнымъ образомъ и благосостояніе, которымъ они пользовались, не удержало ихъ отъ опаснаго шага. Не будучи обижены нами, митиленяне напали на насъ въ такой моментъ, когда рассчитывали на побѣду. Давно уже намъ не слѣдовало оказывать предпочтенія митиленянамъ предъ прочими союзниками;

---

¹⁾ Характерно для Клеона, что причину всего зла онъ видитъ въ увлеченіи красивыми рѣчами; въ это время въ первый разъ появился въ Аѣнахъ Горгій.

тогда они не дошли бы до такой наглости. Теперь они должны понести наказаніе достойное своего преступленія. Не считайте виновными только меньшинство и не оправдывайте народа, ибо они возстали на насъ всѣ одинаково. Если бы народная партія перешла на нашу сторону, она теперь по-прежнему оставалась бы въ своемъ городѣ; но она сочла болѣе надежнымъ для себя раздѣлить опасность съ меньшинствомъ и потому также отложилась. Если вы станете одинаково наказывать союзниковъ за возстаніе—вынуждены ли они къ тому непріателемъ или возстали по доброй волѣ,—то неужели вы думаете, что найдутся союзники, которые не отложатся отъ васъ по ничтожному поводу, разъ въ случаѣ успѣха они получаютъ свободу, а въ случаѣ неудачи не подвергнутся высшей мѣрѣ наказанія?»

«Мы не должны оставлять митиленянамъ надежды, что они могутъ вымолить у насъ съ помощью краснорѣчія или купить деньгами прощеніе своей вины, совершенной будто бы по человѣческой слабости. Вѣдь никто не неволилъ ихъ наносить намъ обиду; они злоумышляли противъ насъ сознательно, а прощается только невольное прегрѣшеніе. Такъ думалъ я тогда, въ первый разъ, и теперь ратую за то, чтобы вы не перемѣняли своего рѣшенія и не впадали въ ошибку по тремъ самымъ губельнымъ для власти побужденіямъ: состраданію, увлеченію краснорѣчіемъ и снисходительности. Скажу коротко: слѣдуя моему совѣту, вы поступите и справедливо по отношенію къ митиленянамъ и съ пользою для себя; въ противномъ случаѣ они не будутъ признательны вамъ, а себя вы покараете.

Если они въ правѣ были отложиться, то, значить, вы владыцествуете надъ ними не по праву. Если же вы, хотя бы и не по праву, все-таки желаете господствовать, то ради собственной пользы, хотя бы и вопреки праву, должны наказать ихъ. Въ противномъ случаѣ, вамъ слѣдуетъ отречься отъ власти, — и тогда вы спокойно можете разыгрывать роль добродѣтельныхъ людей».

«Итакъ не предавайте сами себя, представьте себѣ возможно ближе то бѣдствіе, которое готовилось вамъ, и воздайте имъ теперь такую же мѣрой; не малодушничайте въ виду теперешняго ихъ положенія и не забывайте опасности, которая незадолго передъ симъ висѣла надъ вашими головами. Достоинно покажите виновныхъ и преподайте ясный урокъ прочимъ союзникамъ, — что всякаго, кто отложится, вы будете карать смертю. Разъ рѣшеніе ваше станетъ извѣстно, вы меньше будете бороться съ собственными союзниками и не будете оставлять въ покоѣ вашихъ враговъ». Вотъ въ какомъ смыслѣ говорилъ Клеонъ.

VII. d) ВЕРХОВНОЕ ПРАВО СИЛЫ.

(Фукид. кн. V, гл. 85—113, и анализъ Классена).

Что въ основѣ передаваемыхъ Фукидидомъ переговоровъ аѣинскихъ пословъ съ меліянами лежитъ историческій фактъ, за это говоритъ точное указаніе мѣста, гдѣ они происходили; а если припомнить точку зрѣнія тогдашней софистической риторики, то форма діалога покажется такъ же малоудивительной, какъ и рѣзкое выраженіе права сильнаго. (Vischer I, 456).

Меліяне, колонисты лакедемонянъ, въ противность прочимъ островитянамъ, отказывали аѣинянамъ въ

подчиненіи. Вначалѣ они не примыкали ни къ одной изъ сторонѣ и держались спокойно; но потомъ, вынужденные аеинянами, которые опустошали ихъ землю, они начали открытую войну. Прежде чѣмъ причинить странѣ какой-либо вредъ, аеинскіе военачальники отправили къ меліанамъ посольство для переговоровъ. Меліане не представили пословъ народу, но предложили имъ объяснить цѣль посольства въ присутствіи правителей и немногихъ лицъ. Въ отвѣтъ на требованіе аеинянъ обсуждать и рѣшать отдѣльные пункты по порядку, меліане признають цѣлесообразность этого приѣма, но выражаютъ опасеніе, что произведенныя уже приготовленія къ войнѣ стѣснятъ свободу обсуждения и не допустятъ торжества права. Аеиняне устраниють всё постороннія соображенія и приглашаютъ ихъ заботиться только о благѣ ихъ города, и меліане выражаютъ согласіе на предложенный ими способъ обсуждения.

Затѣмъ аеиняне выдвигаютъ впередъ практическую точку зрѣнія: «Оставимъ въ сторонѣ красивыя, но неубѣдительныя рѣчи о томъ, напр., что мы сокрушили персовъ и потому господствуемъ по праву, или о томъ, что мы теперь мстимъ за обиды; мы желаемъ добиться только того, на чемъ могутъ сойтись обѣ стороны, исходя изъ обоюднаго убѣжденія, что на житейскомъ языкѣ право имѣеть рѣшающее значеніе только при равенствѣ силъ обѣихъ сторонъ; если же этого нѣтъ, то сильнѣйшій дѣлаеть то, что можетъ, а слабѣйшій покоряется этому». Меліане на это возражаютъ, что если ужъ имъ и нельзя дальше ссылаться на право, то уваженіе къ справедливымъ основаніямъ, опирающимся не на одну

грубую силу, полезно не только для слабого, но и для сильнаго, на случай перемѣны счастья. Аѣиняне отрицають возможность такого случая: не лакедемоняне страшны для нихъ, а подданные, если имъ удастся какъ-нибудь взять верхъ; но о предотвращеніи этого они сами позаботятся. «Мы постараемся доказать, что находимся здѣсь ради укрѣпленія нашего владычества, что тѣ условія, какія мы предложимъ вамъ, послужатъ ко благу вашего государства; мы желаемъ достигнуть господства надъ вами, не тягостнаго для васъ, желаемъ спасенія вашего къ общей выгодѣ». Такъ какъ меліяне выражаютъ свое недовѣріе къ этому, то аѣиняне утверждаютъ, что тѣ добровольнымъ подчиненіемъ избавятъ себя отъ страшныхъ бѣдствій, а для нихъ, — аѣинянь, будетъ полезно овладѣть всѣмъ городомъ и его средствами въ цѣлости.

Меліяне. Развѣ вы не можете удовольствоваться тѣмъ, что мы станемъ къ вамъ въ дружескія отношенія, сохранивши нейтралитетъ?

Аѣиняне. Нѣтъ, вашу дружбу наши подданные считали бы за доказательство нашей слабости (думая, что мы не въ силахъ подчинить васъ), а ваша вражда (послѣ подчиненія васъ силою) послужитъ доказательствомъ нашего могущества.

Меліяне. Неужели ваши подданные считаютъ правильнымъ совершенно одинаковое обращеніе какъ съ тѣми, которые не принадлежатъ вамъ, такъ и съ тѣми, которые большею частію колонисты ваши, и изъ которыхъ иные отлагались уже и были усмиренны?

Аѣиняне. Наши подданные того мнѣнія, что ни тѣ ни другіе не имѣють за собою права, но что

первые независимы, благодаря своей силѣ, и мы не нападаемъ на нихъ изъ страха. Такимъ образомъ, помимо расширенія нашего владычества, подчиненіе ваше можетъ обезпечить безопасность нашего положенія тѣмъ особенно, что вы, островитяне, притомъ болѣе сильные, чѣмъ другіе, окажетесь безсильными одолѣть морскую державу.

Меліане. Неужели же вы не видите прочности положенія въ предлагаемыхъ нами отношеніяхъ? Такъ какъ вы возбраняете намъ опираться на право и предлагаете подчиняться требованіямъ вашей пользы, то и намъ слѣдуетъ попытаться убѣдить васъ указаніемъ на то, что наша польза въ этомъ случаѣ совпадаетъ съ вашей. Дѣйствительно, какимъ образомъ вы избавитесь отъ войны съ тѣми, которые теперь сохраняютъ нейтралитетъ, если они увидятъ изъ нашего примѣра, что вы, все равно, когда-нибудь пойдете и на нихъ? Развѣ такимъ способомъ дѣйствія вы не приумножите вашихъ теперешнихъ враговъ и не поднимете противъ себя наперекоръ ихъ желанію даже тѣхъ, которые и не думали стать вашими врагами?

Аѳиняне. Нѣтъ! По нашему мнѣнію не столько опасны для насъ какіе-нибудь материковые обитатели, которые, благодаря своей свободѣ, не считаютъ нужнымъ принимать противъ насъ какихъ-либо мѣръ предосторожности, сколько непокоренные еще островитяне, какъ вы, на примѣръ, а также тѣ, которые испытываютъ уже горечь вынужденнаго подчиненія. Такіе-то народы, не разчитавши своихъ силъ, чаще всего способны повергнуть и себя и насъ въ явную опасность.

Такъ какъ меліане считаютъ долгомъ чести отва-

житься для защиты своей свободы на отчаянную борьбу, то аэиняне указывают имъ на то, что здѣсь дѣло идетъ не о чести и позорѣ, но единственно о томъ, чтобы не подвергнуть опасности своей жизни въ борьбѣ противъ гораздо сильнѣйшаго врага. На заявленіе меліанъ, что они, въ расчетѣ на измѣнчивость военнаго счастья, возлагаютъ свою надежду единственно на храброе сопротивленіе, аэиняне отвѣчаютъ указаніемъ на обманчивость надежды, побуждающей рисковать всѣмъ и оказывающейся иллюзіей тогда, когда уже слишкомъ поздно, когда все уже потеряно. Только неразумные люди, вмѣсто того чтобы прибѣгать къ естественнымъ средствамъ спасенія, обращаются къ сверхъестественной помощи, отчего происходитъ одинъ вредъ. Однако меліане выражаютъ увѣренность, что божество не допуститъ ихъ пораженія, такъ какъ они люди богобоязненные и борются противъ несправедливости, а на помощь себѣ они ожидаютъ лакедемонянъ, обязанныхъ помочь имъ въ силу родства и во избѣжаніе срама.

Аэиняне. Мы не требуемъ ничего, противнаго почитанію божества людьми или настроенію людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Вездѣ, гдѣ люди имѣютъ силу, они властвуютъ по непрекаемому велѣнію своей природы. Не мы первые установили право сильнѣйшаго, не мы первые примѣнили его; мы получили его уже готовымъ и оставимъ потомкамъ, такъ какъ оно будетъ существовать вѣчно. Что касается вашей надежды на лакедемонянъ, то мы восхищаемся вашей наивностью, но не завидуемъ вашей глупости: изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ они съ наибольшею откровенностью при-

знають угодное имъ прекраснымъ, а полезное справедливымъ.

Меліане. Они ради собственной пользы не пожелаютъ выдать своихъ колонистовъ, чтобы не внушить недовѣрія друзьямъ и не помочь врагамъ.

Аѣиняне. Лакедемоняне найдутъ для себя выгоду только въ безопасности и никогда не отважатся изъ великодушія на опасное предпріятіе. Меліане отвѣчаютъ, что они тоже представляютъ для лакедемонянъ выгоду въ силу благопріятнаго географическаго положенія и вѣрности, основанной на племенномъ родствѣ. «На войнѣ, — возражаютъ аѣиняне, — смотрятъ не столько на доброжелательство союзниковъ, сколько на тѣ силы, какими они располагаютъ, и лакедемоняне дѣлаютъ это больше всѣхъ другихъ; едва ли рѣшатся они защищать вашъ островъ въ виду нашего господства на морѣ». — «Напротивъ, — возражаютъ меліане, — морская война, особенно на открытомъ Критскомъ морѣ, представляетъ большія выгоды. А затѣмъ лакедемоняне могутъ напасть на аѣинянъ въ ихъ собственной землѣ и въ ихъ ѳракійскихъ владѣніяхъ, и тогда они вынуждены будутъ обратить свои силы на самозащиту». Отвѣтъ аѣинянъ: никогда еще они не снимали осады съ непріятельскаго города изъ страха передъ другою опасностью. Однако все до сихъ поръ сказанное не затронуло главнаго предмета совѣщанія, блага Мелоса, существованіе котораго поставлено на карту; поэтому аѣиняне приглашаютъ меліанъ признать существованіе несомнѣнныхъ фактовъ, не увлекаясь ни смутными надеждами, ни неумѣстнымъ честолюбіемъ, посовѣтоваться еще разъ и принять разумное рѣшеніе: оно можетъ состоять только въ добровольномъ подчиненіи болѣе

сильному государству въ качествѣ союзниковъ, сохраняющихъ за собою свою землю и платящихъ ему дань. Нѣтъ никакого позора въ подчиненіи сильнѣйшему сообразно съ обстоятельствами.

Затѣмъ аѣиняне удалились изъ собранія, и меліане остались одни. Обмѣнявшись мнѣніями и возраженіями, они остались при прежнемъ рѣшеніи—не отказываться безъ боя отъ семисотлѣтней свободы, а защищать ее до послѣдней возможности въ надеждѣ на помощь божества и содѣйствіе лакедемонянъ. Аѣиняне, готовясь уже покончить переговоры, сказали: «Изъ вашего рѣшенія видно, что вы—единственные люди, считающіе будущее болѣе яснымъ, нежели несомнѣнное настоящее. Очевидно, смутныя мечты кажутся вамъ осуществимыми потому только, что это осуществленіе вамъ желательно. Но чѣмъ больше вы отрѣшаетесь отъ дѣйствительности и упоаете на лакедемонянъ, на счастье и предааетесь надеждамъ, тѣмъ вѣрнѣе будетъ ваша гибель». И аѣинскіе послы возвратились въ лагерь. Такъ какъ меліане ничему не внимали, то военачальники аѣинянъ тотчасъ стали готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ и окружили меліанъ стѣною съ суши и съ моря. Послѣ долгой осады меліане сдались на волю аѣинянъ. Послѣдніе, по совѣту Алкивіада, всѣхъ взрослыхъ меліанъ умертвили, а дѣтей и женщинъ обратили въ рабство, область же ихъ заселили сами.

Расправа аѣинянъ съ меліанами представляетъ единственный въ эллинской исторіи примѣръ крайней, повидимому ничѣмъ не оправдываемой жестокости, если не допустить, что историкомъ сообщены

не всё подробности дѣла. Одинъ древній критикъ называетъ рѣчь аѣнскихъ пословъ языкомъ воровъ и морскихъ разбойниковъ (Фукидидъ, пер. Мищенко, т. II, стр. 95).

VII. е. ВРАЖДА ПАРТІЙ ВЪ ЭЛЛАДѢ.

(Фук. кн. III, гл. 82—83).

Кровавая борьба аристократовъ съ демократами на Керкирѣ (427 г.) не могла не произвести глубокаго впечатлѣнія во всѣхъ другихъ городахъ, и Фукидидъ воспользовался ею для того, чтобы представить нѣчто въ родѣ общаго очерка греческой политики въ эпоху пелопонесской войны. Возстаніе на Керкирѣ было первымъ случаемъ, въ которомъ особенно сильно проявилось вліяніе внутренней распри и внѣшней борьбы, и гдѣ ясно выступило обусловленное совпаденіемъ этихъ причинъ одичаніе чувства и морали. Фукидидово описаніе вызваннаго этими событіями нравственнаго и политическаго настроенія останется навсегда замѣчательнымъ произведеніемъ аналитика и философа. Онъ изслѣдовалъ и описалъ дѣйствіе разрушительныхъ силъ въ такой общей формѣ, которая дѣлаетъ эти двѣ главы столь же приложимыми къ другимъ временамъ и народамъ (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ особенно къ Франціи между 1789 и 1799 гг.), какъ и къ Греціи V вѣка до Р. X. Причины указываемыхъ здѣсь историкомъ мрачныхъ явленій соціальной жизни глубоко коренятся въ человѣческой душѣ и повторяются время отъ времени съ разными измѣненіями, пока политическая мораль не поставлена на болѣе прочное, чѣмъ прежде, основаніе и пока, говоря словами самого Фукидида, «человѣческая природа осгается тою же самою». Такъ же вѣрно, какъ чуму въ Аѣнахъ, изобразилъ онъ симптомы извѣстной политической болѣзни, при которой внутренняя борьба пріобрѣтаетъ крайне ожесточенный характеръ, главнымъ образомъ влѣдствіе союза борющихся партій съ внѣшними врагами. Слѣдя за потрясающимъ описаніемъ историка, мы не должны упускать изъ виду общаго характера нравовъ въ его эпоху, — особенно допускаемой военнымъ правомъ жестокости, въ сравненіи съ большей человѣчностью, утвердившейся за послѣдніе два вѣка въ новой Европѣ. (Griech. Staatsmänner u. Philosophen aus G. Grote's Griech. Gesch. v. Th. Vischer. I, 435—436).

До такого ожесточенія дошла междоусобная распря; оно казалось тѣмъ ужаснѣе, что проявлялось впервые.

Дѣйствительно, впоследствии, можно сказать, вся Эллада была потрясена, потому что вездѣ происходили раздоры между народной партіей и знатью; первая призывала аеинянъ, вторая — лакедемонянъ. Въ состояніи мира партіи не имѣли бы ни повода, ни охоты призывать тѣхъ или другихъ; напротивъ, съ переходомъ къ войнѣ легко было призывать союзниковъ всякому, кто желалъ какой-либо перемѣны, съ цѣлью причинить вредъ противникамъ и извлечь выгоду для себя. И тогда вслѣдствіе междоусобицъ множество тяжкихъ бѣдъ обрушилось на государства, — бѣдъ, какія бывають теперь и будутъ повторяться всегда въ большей или меньшей степени, пока человѣческая природа остается тою же, но проявленія которыхъ различны, въ зависимости отъ того, при какихъ обстоятельствахъ наступаетъ эта превратность судебъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что въ состояніи мира и благополучія какъ государства, такъ и отдѣльныя личности питають болѣе честныя намѣренія, не попадая въ такія положенія, которыя лишаютъ людей свободы дѣйствія. Напротивъ, война, отнимая привычныя житейскія удобства, оказывается грозной наставницей и настраиваетъ чувства толпы сообразно съ обстоятельствами.

Итакъ междоусобная брань царила въ государствахъ; тѣ изъ нихъ, которыя почему-либо позже начинали волноваться, — умудренные предшествовавшими событіями, шли гораздо дальше въ крайностяхъ изобрѣтаемыхъ плановъ, въ коварствѣ на-

паденій на враговъ и въ неслыхающей метигельности. Общепринятое значеніе словъ произвольно извращалось въ примѣненіи къ поступкамъ: безразсудная отвага почиталась храбростью и готовностью къ самопожертвованію для друзей, а предусмотрительная нерѣшительность — трусостью подъ благовиднымъ покровомъ; разсудительность считалась предлогомъ къ безучастію, вниканіе въ каждое дѣло — неспособностью къ дѣйствию. Напротивъ, безумное рвеніе почиталось свойствомъ доблестнаго мужа, а осмотрительное обсужденіе — благовиднымъ предлогомъ къ уклончивости. Человѣкъ, поносящій другихъ, слылъ безусловно надежнымъ, а тотъ, кто возражалъ ему, внушалъ подозрѣніе; удачно устроившій козни почитался проникательнымъ, а заранѣе угадавшій ихъ — еще проникательнѣе. Если же кто не хотѣлъ прибѣгать ни къ чему подобному, того называли разрушителемъ товарищескихъ связей и трусомъ передъ противниками. Вообще превозносили похвалами того, кто предупреждалъ задуманное другимъ злодѣяніе и кто подстрекалъ другихъ, вовсе не помышлявшихъ о такихъ дѣйствіяхъ. Родство связывало людей меньше, нежели узы политическихъ кружковъ, такъ какъ соучастники кружковъ съ большею готовностью и безъ всякихъ отговорокъ отваживались на все. Въдъ подобныя товарищества составлялись не ради благихъ цѣлей въ согласіи съ существующими законами, но въ видахъ корыстныхъ, въ противность существующему порядку. Довѣріе другъ къ другу скрѣплялось не столько уваженіемъ къ божескому закону, сколько соучастіемъ въ противозаконныхъ дѣяніяхъ. Добрыя предложенія противниковъ принимались не

по благородному довѣрію, но послѣ дѣйствительныхъ мѣръ предосторожности, и тогда только, когда на сторонѣ врага былъ перевѣсъ. Предпочиталось отмстить за обиду, чѣмъ не подвергаться обидѣ вовсе. Если, быть-можетъ, ради примиренія и бывали клятвы, то онѣ давались обѣими сторонами только въ виду безвыходности положенія, когда не имѣлось уже никакихъ другихъ средствъ; но при удобномъ случаѣ, лишь только одна изъ сторонъ пріобрѣтала увѣренность въ силѣ и на другой сторонѣ замѣчала безпечность, она мстила тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ, что противника, благодаря довѣрію къ клятвѣ, нападеніе застигало врасплохъ. Нападающій обезпечивалъ себѣ собственную безопасность и сверхъ того пріобрѣталъ славу умнаго человѣка за то, что хитро одолѣлъ противника. Будучи склонны ко злу, люди большею частью охотнѣе даютъ называть себя ловкими плутами, нежели добродѣтельными простаками; послѣдняго они стыдятся, первымъ остаются очень довольны.

Источникъ всѣхъ этихъ золъ—жажда власти, которой добиваются люди изъ корысти и любви къ почестямъ, слѣдствіемъ чего является страстная ревность людей, разъ они начинаютъ враждовать между собою. И въ самомъ дѣлѣ, лица той или другой партіи, становившіяся во главѣ государства, выступали подъ благовидными предлогами, принимая подъ свою защиту то политическое равенство народной массы, то умѣренное правленіе достойнѣйшихъ гражданъ,—и въ льстивыхъ рѣчахъ выставляли цѣлью личныхъ усилій общее благо,—на самомъ же дѣлѣ всѣми способами боролись за преобладаніе, отваживались на ужаснѣйшія злодѣянія и безпощадно мсти-

ли врагамъ, переступая мѣру справедливости и требованіе государственной пользы, соображаясь только съ тѣмъ, что было угодно той или другой партіи. Приобрѣтя власть посредствомъ неправильнаго голосованія или насиліемъ, эти люди готовы были на все, лишь бы утолить чувство минутной ненависти. Совѣсть обѣ партіи не ставили ни во что; тѣ, кому удавалось достигнуть какой-нибудь цѣли безсовѣстнымъ способомъ, заставляли этимъ говорить о себѣ и осыпались похвалами. Лица, не принадлежавшія ни къ одной партіи, истреблялись обѣими сторонами—потому ли, что не принимали участія въ борьбѣ, или потому, что возбуждали зависть покойнымъ существованіемъ.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе междуусобиць всевозможные виды порока водворились среди эллиновъ, и то простодушіе, которое болѣе всего присуще благородству, было осмѣяно и исчезло; наоборотъ, сильно возобладало непріязненное, полное недоувѣрія отношеніе другъ къ другу. Не было словъ, достаточно убѣдительныхъ, не было клятвы, достаточно сильной, чтобы внести миръ во взаимныя отношенія. Такъ какъ всѣ полагали свою безопасность не столько въ прочности взаимнаго довѣрія, сколько въ умѣннн захватить врасплохъ врага съ помощью заранее разсчитаннаго плана дѣйствій, то все вниманіе было обращено не на то, чтобы вызвать взаимное довѣріе, а на то, чтобы избѣжать взаимныхъ козней. Перевѣсъ обыкновенно бывалъ на сторонѣ людей не особенно дальняго ума; ибо, сознавая свою неспособность и проницательность противниковъ, они боялись неудачи въ сношеніяхъ и того, какъ бы другая сторона, при своей изворотливости, не ввела ихъ въ

обманъ; поэтому они приступали къ дѣлу ~~исрѣш~~ительно. Напротивъ, люди болѣе умные въ своемъ самомнѣніи воображали, что ими все предусмотрено, и что нѣтъ нужды употреблять силу тамъ, гдѣ можно достигнуть цѣли изворотливостью; поэтому, они не принимали предосторожностей и черезъ то скорѣе погибали.

VIII. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АѢИНЪ ПО АРИСТОФАНУ.

(*Ed. Lange. Athen im Spiegel der Aristophanischen Comödie.*)

Комедія Аристофана носитъ прежде всего характеръ политическій. На содержаніи ея отразилось то обстоятельство, что она возникла и развилась въ городѣ, жившемъ бурною политическою жизнью и пользовавшемся полною свободою. Самое бѣглое знакомство съ нею убѣждаетъ насъ въ томъ, что тогда уже прошло безвозвратно время, когда руководящимъ вліяніемъ въ государствѣ пользовались консервативные элементы ареопага, старыхъ родовъ, и вообще высшихъ слоевъ общества, — что наступила, напротивъ, эпоха полной, почти неограниченной демократіи, по крайней мѣрѣ по отношенію къ формамъ государственнаго устройства. При такомъ положеніи комедія, оппозиціонная уже по самому своему характеру, должна была выступить защитницей «добраго стараго времени» и противницей демократіи: послѣдняя представляется въ ней господствомъ наглой черни, ареной для самыхъ безсовѣстныхъ и рѣчистыхъ людей.

На поприще политической комедіи Аристофанъ выступилъ уже въ самыхъ раннихъ своихъ пьесахъ, до насъ не дошедшихъ. Это навлекло на него раз-

личные опасности и нападки, скорѣе его раздражившія, чѣмъ испугавшія. Въ «Ахарнейцахъ» (425 г.) онъ смѣло пошелъ дальше по избранному пути и побѣдоносно слѣдовалъ затѣмъ по нему вплоть до «Лисистраты» (411 г.). Если въ своихъ послѣднихъ комедіяхъ онъ и выдвигалъ на первый планъ отношенія социальныя или литературныя, то дѣлалъ это не потому, чтобы у него пропала охота къ политической борьбѣ, но потому, что Аѣины утратили свое политическое значеніе.

Цѣли политической борьбы Аристофана просты и ясны. Всегда и всюду онъ прославляетъ доброе старое время бойцовъ Мараѣона. Онъ желаетъ величія Аѣинъ,—но не иначе какъ для борьбы съ Персией и, если возможно, въ союзѣ со Спартой. Правда, при случаѣ онъ выражаетъ свою ненависть къ этой неудобной соперницѣ, но гораздо сильнѣе ненавидитъ онъ все-таки злобныхъ демагоговъ, вызвавшихъ войну и мѣшающихъ ей окончиться. Борьба Аристофана остается бесплодной; самое большее, чего можетъ добиться его партія, это—мимолетныхъ успѣховъ, въ родѣ Никіева мира. Въ общемъ перевѣсъ остается за демократической партіей войны, и это не можетъ удивлять насъ, по описанію самого поэта. Партія эта представляетъ массу, вліяніе которой сказывается главнымъ образомъ въ народныхъ собраніяхъ и судахъ. Расчетъ на дальнѣйшее расширеніе морского владычества Аѣинъ, по меньшей мѣрѣ на Сицилію, а по возможности и на Карѣагень, и, кромѣ того, обманчивая надежда на пріобрѣтеніе власти на материкѣ,—не только въ средней Греціи, но, при удачѣ, и въ Пелопонесѣ, напр., въ Аркадіи,—соблазняютъ и опьяняютъ увлекающуюся

толпу. Въ худшемъ случаѣ терять ей придется не-многое: землей она не владѣетъ, а военные расходы должны покрывать богачи посредствомъ «литургій», или чрезвычайныхъ налоговъ на имущество. Въ лучшемъ же случаѣ, честолюбіе массы будетъ вполне удовлетворено. Изъ странъ еще болѣе далекихъ, чѣмъ теперь, будутъ стекаться въ Аѣины представители подчиненныхъ городовъ. Приносимая ими дань дастъ возможность превратить Аѣины въ красивѣйшій городъ Эллады, устроить рядъ блестящихъ праздниковъ, щедро оплатить всѣ общественныя должности, наконецъ ввести праздничныя подачки. Тѣ же подданные будутъ являться въ Аѣины и для выслушиванія приговоровъ аѣинскихъ присяжныхъ. Быть-можетъ, простымъ аѣинянамъ достанутся и земельные надѣлы въ одной изъ новыхъ колоній, и въ такомъ случаѣ они или переселятся туда или, если не захотятъ лишиться удобствъ и удовольствій родины, оставляютъ землю за прежними владѣльцами на правахъ аренды и будутъ спокойно проживать арендную плату на родинѣ. Это будетъ для нихъ пріятной прибавкой къ судебной платѣ и къ доходамъ отъ ихъ скромнаго промысла. Быть-можетъ, сбудется и еще одна заманчивая надежда: на каждый союзный городъ будетъ возложено содержаніе двадцати аѣинскихъ гражданъ. Жизнь на родинѣ не только представляетъ удобства и удовольствія; она также льститъ самолюбію простаго гражданина. Съ гордымъ сознаниемъ можетъ онъ смотрѣть на себя какъ на члена господствующаго города. Онъ сознаетъ это не только какъ судья надъ туземными и иноземными подсудимыми, не только какъ имѣющій право на участіе въ рѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ

дѣлъ въ народномъ собраніи, но, быть-можетъ, также, — если жребій выпадетъ для него удачно, — и въ качествѣ члена совѣта. Онъ чувствуетъ себя также распорядителемъ судебъ самихъ своихъ вождей. Если ораторъ, льстивымъ или громовымъ рѣчамъ котораго народъ слѣпо слѣдовалъ, быть-можетъ, въ теченіе ряда лѣтъ, перестаетъ нравиться верховному собранію, то достаточно простого рѣшенія, — и его вліянію приходитъ конецъ. Если заслуженный полководецъ перестаетъ отвѣчать ожиданіямъ толпы, то легко находится завистникъ, готовый обвинить его въ измѣнѣ или въ трусости, и народъ только докажетъ свой патріотизмъ, осудивъ его съ неумолимою строгостью.

Уже всѣ эти приманки, въ соединеніи съ платой присяжнымъ, должны были сильно привлекать къ судебной дѣятельности средняго аѣинскаго гражданина. Но кромѣ того, въ томъ же направленіи должны были дѣйствовать извѣстныя природныя особенности аттическаго характера, постепенно сказывавшіяся все болѣе ярко: всего сильнѣе, быть-можетъ, та любовь къ живому спору, къ глубокому, а иногда и произвольному анализу самыхъ различныхъ понятій и отношеній, пищу для которой слишкомъ часто давали судебные ораторы. При такихъ условіяхъ у части гражданъ могло прямо образоваться нѣчто въ родѣ судейской маніи, типическимъ представителемъ которой поэтъ выводитъ передъ нами Филоклеона въ «Осахъ». У него дѣйствительно всѣ интересы сосредоточены на судопроизводствѣ. Самымъ тяжелымъ оскорбленіемъ является для него то, что сынъ запираетъ его, чтобы помѣшать ему итти въ засѣданіе суда. При одобритель-

ныхъ крикахъ своихъ товарищей, одержимыхъ тою же болѣзною, онъ старается освободиться изъ-подъ домашняго ареста съ помощью хитрости, даже съ опасностью для жизни; и такъ какъ ему запрещено судить людей, то онъ довольствуется званіемъ судьи надъ собакой Лабетомъ, то-есть полководцемъ Лакетомъ. Если подъ конецъ въ блаженномъ опьянѣніи безумный старикъ не хочетъ больше ничего слышать о судейской дѣятельности, то такое превращеніе возможно только въ комедіи. На дѣлѣ Филоклеонъ неизлѣчимъ.

Что судебная процедура въ родѣ аѣинской не давала никакихъ гарантій справедливости приговоровъ, что при этомъ въ непозволительно широкихъ размѣрахъ дѣйствовали личные мотивы, а также политическія симпатіи и антипатіи, это само собою разумѣется. Тѣмъ не менѣе жалобы на несправедливое осужденіе политическихъ противниковъ, играющія такую видную роль во всей оппозиціонной литературѣ и особенно у Аристофана, нерѣдко оказываются неосновательными. Лакетъ, на примѣръ, судя по всему, что говорится о собакѣ Лабетѣ, былъ несомнѣнно виновенъ. Даже дѣла союзниковъ рѣшались, повидимому, справедливѣе, чѣмъ этого можно было бы ожидать а priori. Во всякомъ случаѣ право собственнаго суда едва ли дало бы мелкимъ островамъ и городамъ больше гарантій справедливости приговоровъ. Аѣинское судопроизводство страдало въ сильнѣйшей степени недостатками нашего суда присяжныхъ, но конечно оно не было такъ плохо, какъ въ этомъ насъ хочетъ увѣрить поэтъ. Въ самомъ дѣлѣ, средній уровень образованія аѣинскихъ гражданъ былъ выше уровня

взрослыхъ мужчинъ въ современномъ государствѣ; во всякомъ случаѣ у нихъ былъ болѣе выработанъ политическій смыслъ, и они легче понимали юридическіе вопросы: къ большимъ природнымъ способностямъ присоединялось постоянное упражненіе. Аристофанъ показываетъ намъ, слѣдовательно, только одну сторону медали.

Если вѣрить ему, то такой же безразсудной, какъ въ области суда, оказывается народная толпа и въ другихъ случаяхъ. Прежде всего она оказываетъ столь же безумное, какъ и упорное сопротивленіе усиліямъ заслуженныхъ друзей мира. Пусть вторженія враговъ истребляютъ достояніе крестьянъ, что за дѣло до этого городской черни? Понятно поэтому, что почтенный Дикеополь подъ конецъ заключаетъ съ врагами миръ отъ своего имени и притомъ ровно на 30 лѣтъ. И живетъ онъ затѣмъ на замиренномъ участкѣ, въ своемъ домѣ и на дворѣ, въ радости и весельи, наслаждаясь, за роскошнымъ пиромъ, въ объятіяхъ двухъ полногрудыхъ, краснощекихъ красавицъ; между тѣмъ какъ Ламахъ возвращается изъ битвы съ тяжелою раню и напрасно проситъ счастливаго поселанина удѣлить ему часть его удовольствій. «Ахарнейцы», изъ которыхъ взята эта картина, передаютъ несомнѣнно безъ особеннаго преувеличенія настроеніе аѳинянъ за нѣсколько лѣтъ до Никіева мира. Поэтъ нисколько не отрицаетъ воинственнаго настроенія большинства гражданъ, представленнаго у него хоромъ испытанныхъ въ войнѣ ахарнейцевъ. Перемѣна настроенія въ концѣ пьесы скорѣе тенденціозна, чѣмъ вѣрна дѣйствительности. Напротивъ, въ «Мирѣ» мы находимъ передъ собою дѣйствительно измѣнившееся положеніе. Если ори-

гинальный воздухоплаватель Тригей, взлетѣвшій на Олимпъ на навозномъ жукѣ, съ помощью другихъ поселянъ освобождаетъ богиню мира изъ глубокаго колодца, въ который ее сбросилъ Клеонъ, и приводитъ ее назадъ при всеобщемъ ликованіи, — то здѣсь уже отражается настроеніе, возобладавшее на короткое время въ Аѣинахъ послѣ тяжелыхъ неудачъ въ Беотіи и Эракии и послѣ смерти Клеона. Снова проходитъ болѣе чѣмъ десятилѣтіе; величавое зданіе аѣинскаго могущества пошатнулось. Чрезмѣрныя надежды, возлагавшіяся на блестящій походъ противъ Сиракузъ, оказались тщетными. Правда; Аѣины скоро пережили первый приступъ тупого отчаянія. Но первый лучъ надежды еще едва только блеснулъ. Звѣзда Алкивіада не взошла еще снова. Тѣмъ не менѣе народъ не можетъ рѣшиться на миръ, представляющій собою отказъ отъ всѣхъ горделивыхъ плановъ расширенія господства и даже отъ значительной части унаслѣдованнаго отъ предковъ могущества. И вотъ поэтъ въ третій разъ выступаетъ защитникомъ мира. На этотъ разъ краснорѣчивыми и энергичными сторонницами его взгляда являются женщины. По внушенію рѣшительной и краснорѣчивой Лисистраты, — представительницы различныхъ греческихъ племенъ постановляютъ отказывать мужьямъ въ исполненіи своихъ супружескихъ обязанностей до тѣхъ поръ, пока они не согласятся заключить миръ. Нерѣдко, правда, смѣлой руководительницѣ угрожаетъ измѣна въ собственномъ лагерѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ ея товарокъ сильно волнуется женская природа; но Лисистрата бдительно и энергично умѣетъ воспрепятствовать успѣху всѣхъ такихъ попытокъ и показываетъ своимъ примѣромъ,

какъ слѣдуетъ дѣлать мужчинъ уступчивыми. Подъ конецъ послѣдніе соглашаются на миръ. Въ этой комедіи отголоски дѣйствительности, само собою разумѣется, гораздо слабѣе, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ ранѣе. Конечно, аѣинскія женщины въ большинствѣ могли стоять за миръ; вѣрно, быть-можетъ, и то, что онѣ тогда начали нѣсколько выходить въ Аѣинахъ изъ своего обычнаго затворничества. Но то, что передаетъ намъ поэтъ, лежитъ все-таки за предѣлами исторической возможности. Несмотря на грубый реализмъ пьесы, сюжетъ ея остается совершенно фантастическимъ. Если поэтъ призвалъ тутъ къ защитѣ своихъ миролюбивыхъ стремленій женщинъ, то это, очевидно, потому, что онъ совсѣмъ не надѣялся провести ихъ при помощи мужчинъ, и потому что общее настроеніе въ Аѣинахъ, несмотря на послѣднія неудачи, — или быть можетъ даже вслѣдствіе ихъ, — отличалось рѣшительною воинственностью. Не слѣдуетъ только упускать изъ виду, что настроеніе это вовсе не вытекало изъ простаго властолюбія или славолюбія, но по меньшей мѣрѣ въ такой же степени изъ чистаго патріотизма. Какъ народъ, для котораго главными занятіями служили торговля и судоходство, аѣиняне ни въ какомъ случаѣ не могли желать войны ради войны; но рядомъ съ торговымъ духомъ въ нихъ было живое сознаніе своего величія, и съ этой точки зрѣнія они справедливо видѣли въ продолженіи войны нравственную необходимость. Правда, подъ конецъ имъ пришлось потерять гораздо больше, чѣмъ сколько нужно было уступить для заключенія мира. Но предвидѣть этого было невозможно, и если бы они удержались на той высотѣ, какой достигли снова вскорѣ послѣ по-

становки на сцену Лисистраты, въ такомъ случаѣ они дѣйствительно имѣли бы основаніе благословлять свое мужественное упорство. Подобныя соображенія были, быть-можетъ, не совсѣмъ чужды и самому Аристофану, но въ виду своихъ олигархическихъ друзей онъ никакъ не могъ выдвигать ихъ на первый планъ. Отсюда и вышло исковерканное и неясное описаніе борьбы партій войны и мира. Самъ поэтъ былъ слишкомъ добрымъ аѳиняниномъ, слишкомъ мало ослѣпленнымъ олигархомъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ смотрѣть на вещи глазами только своихъ единомышленниковъ. Разъ занявъ опредѣленное положеніе, Аристофанъ не довольствуется возможно яркимъ освѣщеніемъ, въ извѣстномъ смыслѣ, вопроса: «миръ или война»; онъ старается помогать дѣлу мира и тѣмъ, что объясняетъ войну совсѣмъ ничтожными и пустыми причинами и въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изображаетъ причиняемая ею народу страданія. До нѣкоторой степени онъ остается еще вѣрнымъ истинѣ, когда все причины войны сводитъ къ упорной блокадѣ Мегаръ Перикломъ: быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ на первыхъ порахъ можно было помѣшать взрыву войны уступчивостью въ этомъ вопросѣ. При всемъ томъ Аристофанъ, можетъ-быть намѣренно, упускаетъ изъ вида, что причины войны лежали гораздо глубже, именно въ естественномъ соперничествѣ Спарты и Аѳинъ, и что рѣшительная борьба рано или поздно была неизбежна. Въ «Ахарнейцахъ», однако, Аристофанъ говоритъ еще и о другой причинѣ войны. Аѳинскіе юноши похитили изъ Мегаръ гетеру, а мегаряне отомстили за это уведомъ двухъ дѣвушекъ Аспазіи, представляющейся въ этомъ случаѣ обыкновенною своднею. Чтобы

отомстить за это оскорбленіе, Перикль и возжегъ войну. Самъ поэтъ конечно не ожидалъ, что его разсказу повѣрятъ. Онъ воспользовался только ходячимъ представленіемъ о томъ, будто Аспазія, по крайней мѣрѣ сначала, была обыкновенной гетерой.

Живыми красками изображаетъ поэтъ тѣ бѣдствія, какія столь легкомысленно начатая война причинила главнымъ образомъ сельчанамъ, тогда какъ городская чернь не терпѣла отъ нея ничего, можетъ-быть даже извлекала изъ нея выгоды. Только по окончаніи войны можетъ хоръ въ «Мирѣ» вернуться къ прежнимъ сельскимъ удовольствіямъ, описываемымъ съ грубою наглядностью. Большинство ремесленниковъ тоже довольно этою перемѣною; одни только торговцы шлемами и мечами осыпаютъ Тригея жестокими упреками. Въ еще болѣе рѣзкихъ чертахъ описываются бѣдствія войны нѣсколькими годами ранѣе въ «Ахарнейцахъ», когда еще не было надежды на миръ. Бѣдный крестьянинъ изъ Мегаръ продаетъ здѣсь двухъ маленькихъ дочерей за свинокъ, чтобы на жалкую выручку утолить свой голодь. Чудовищное преувеличеніе здѣсь очевидно; но, быть-можетъ, блокада въ самомъ дѣлѣ довела мегарянъ до крайней нужды.

Въ прочихъ областяхъ общественной жизни аѣинскій народъ,—если Аристофанъ вѣрно изобразилъ его,—оказывается не менѣе безпомощнымъ, чѣмъ въ правосудіи и во внѣшней политикѣ. Толпа постоянно и безъ всякаго основанія опасается олигархическихъ заговоровъ и возстановленія тиранніи. Подавленіе гетерій—первая выгода, которую обѣщаютъ женщины, разъ онѣ достигнутъ власти. И тотъ же народъ подчиняется руководству тѣхъ самыхъ лю-

дей, которые могут быть всего опаснѣе для его свободы, лишь бы только они умѣли ему льстить. Кто въ состояніи ему предложить или хотя бы только подать надежду на вполне очевидныя, грубо-матеріальныя выгоды, — того онъ осыпаетъ всевозможными почестями, хотя бы онъ былъ такимъ необразованнымъ и негоднымъ человѣкомъ, какъ «кожевникъ» Клеонъ. Взятые поодиночкѣ аѣнныя — люди вполне разумные; но когда они сходятся толпою въ народное собраніе, тогда въ каждомъ беретъ верхъ безуміе. Этотъ народъ въ его совокупности Аристофанъ съ неподражаемою смѣлостью рѣшилъ изобразить (во «Всадникахъ») въ образѣ вполне впавшаго въ дѣтство старика. Старый баринъ Демось лишень всякаго здраваго сужденія и легко поддается нелѣпнѣйшимъ обѣщаніямъ и мнимымъ пророчествамъ; всего вѣрнѣе дѣйствуетъ на него грубѣйшая лесть. Надъ неотесаннымъ и грубымъ Клеономъ взять верхъ можетъ только человѣкъ еще болѣе необразованный и негодный, — «колбасникъ». Послѣдній довольно легко достигаетъ своей цѣли, и тутъ долженъ былъ бы наступить полный хаосъ и вѣрная гибель несчастнаго старика, то-есть государства, если бы «колбасникъ» не превратился вдругъ въ благороднаго спасителя и не помолодилъ бы посредствомъ кипяченія впавшаго въ дѣтство Демоса. И вотъ послѣдній снова становится разумнымъ мужчиной во цвѣтѣ лѣтъ, годнымъ на все хорошее; возвращается доброе старое время. Такое заключеніе носить, очевидно, насильственный характеръ; съ другой стороны, ясно, что Аѣины, каждое десятилѣтіе давашія рядъ выдающихся умовъ въ сферѣ политической жизни, философіи, литературы, искусства, должны были

радикально отличаться от болтливого старичишки «Всадниковъ». Отдѣльныя слабости народной толпы, ея чувствительность къ лести, ея стремленіе къ грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ, ея легковѣріе и смѣлыя мечты о расширеніи могущества Аѳинъ далеко за старыя предѣлы,—все это вмѣстѣ съ другими, чисто вымышленными чертами слито въ одинъ цѣльный образъ, производящій необыкновенно комическое впечатлѣніе, но въ цѣломъ заключающій въ себѣ мало исторической истины.

По Аристофану мы можемъ, конечно, познакомиться съ общимъ политическимъ положеніемъ Аѳинъ, но при этомъ мы только тогда избѣжимъ грубыхъ ошибокъ, если будемъ относиться къ нему съ большою осторожностью. Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло съ отдѣльными происшествіями, о которыхъ упоминаетъ Аристофанъ. Но и въ этой области слѣпое довѣріе было бы совсѣмъ не у мѣста. Такіе факты важны большею частью для характеристики тѣхъ или другихъ историческихъ личностей; и потому, если пользоваться Аристофаномъ какъ слѣдуетъ, то онъ послужитъ очень важнымъ источникомъ для оцѣнки наиболѣе выдающихся современниковъ. Клеона, напр., поэтъ изображаетъ передъ нами какъ человѣка, который отлично знаетъ слабыя стороны народа и потому оказываетъ на него необыкновенное вліяніе. Основой этого вліянія служитъ не столько та или другая должность, которую онъ временами занималъ, сколько его положеніе руководящаго демагога. Онъ всюду вмѣшивается, все равно, понимаетъ ли что-нибудь въ дѣлѣ или нѣтъ. Къ частнымъ интересамъ онъ не выказываетъ никакого уваженія и неуклонно слѣдитъ за всѣми про-

несками олигарховъ, навлекая на себя этимъ крайнюю ненависть многихъ. Онъ—рѣшительный противникъ мира. Онъ содѣйствовалъ повышенію платы геліастамъ; онъ первый пытался привлечь Аргосъ на сторону Аѳинъ. Все это исторически вѣроятно или вѣрно, хотя и выражено отчасти въ очень преувеличенной формѣ. Нельзя сказать того же о другихъ чертахъ, употребленныхъ поэтомъ для характеристики Клеона. Онъ представляется извергомъ, не отступающимъ передъ завѣдомою клеветою и передъ ложными обвиненіями. Онъ пятнаетъ себя насиліями и идетъ на подкупъ со стороны враговъ или отпавшихъ союзниковъ, тогда какъ извѣстно, что Клеона никогда въ этомъ не обвиняли; онъ обращается къ народу съ низкою лестью (напротивъ, у Фукидида онъ высказываетъ ему горькія истины); онъ ведетъ безпутную жизнь, преданъ пьянству и трусливо уклоняется отъ военной службы. Онъ приписываетъ себѣ чужія заслуги и поддерживаетъ свое вліяніе тѣмъ, что всюду вноситъ смуту и замѣшательство; онъ составляетъ заговоръ для освобожденія плѣнныхъ со Сфактеріи (!); наконецъ, онъ и въ своемъ торговомъ дѣлѣ плуруетъ, продавая плохіе башмаки. Такимъ былъ, по описанію Аристофана, человекъ, почти непосредственно послѣ Перикла занявшій руководящее положеніе въ аѳинскомъ государствѣ и сохранявшій его непрерывно въ теченіе 5—6 лѣтъ, хотя и не съ такимъ авторитетомъ, какъ тотъ. Очевидно, аѳиняне должны были бы быть развращены до мозга костей и притомъ еще быть полными безумцами, если бы они удовлетворялись подобнымъ руководителемъ. И однако тотъ же народъ послѣ ужасной катастрофы на Сициліи оказался въ силахъ еще девять лѣтъ

съ истиннымъ геройствомъ сопротивляться непріятелю, превосходившему его и силой и численностью. Если, несмотря на это, Аристофану слишкомъ много довѣряли въ этомъ случаѣ, то объясняется это только тѣмъ, что и Фукидидъ высказывается о Клеонѣ рѣшительно въ неблагопріятномъ смыслѣ.

Врагами Клеона выступаютъ во «Всадникахъ» Никій и Демосеенъ. Въ дѣйствительности эта роль идетъ только Никію. Конечно, возможно и то, что послѣ взятія Сфактеріи между Демосееномъ и вліятельнымъ демагогомъ, — напр., вслѣдствіе чрезмѣрнаго хвастовства Клеона своимъ подвигомъ, — явилось извѣстное охлажденіе; но намъ объ этомъ ничего неизвѣстно. Напротивъ, общія черты характера Демосеена, храбрость и смѣлая рѣшительность, отражаются очень вѣрно въ той роли, которую онъ играетъ во «Всадникахъ». Еще вѣрнѣе изображены здѣсь нерѣшительность и колебанія Никія. Великолѣпно представленъ, особенно въ «Ахарнейцахъ», смѣлый рубака Ламахъ. Въ «Осахъ» мы знакомимся какъ съ нѣкоторыми приверженцами Клеона, собравшимися на пиръ, такъ и съ олигархической пирушкой, въ которой изъ извѣстныхъ лицъ принимаютъ участіе Антифонъ и Фринихъ. Вообще намеки на людей этого направленія встрѣчаются рѣдко. Аристофанъ остерегается говорить объ олигархахъ съ особеннымъ уваженіемъ: этимъ онъ возбудилъ бы только недовѣріе къ себѣ. Можно даже сомнѣваться, было ли у него сильное сердечное влеченіе къ этой партіи. Открытыхъ нападеній на нихъ онъ, естественно, избѣгаетъ. Правда, онъ осмѣиваетъ Терамена, какъ человѣка, умѣющаго плыть по теченію и всегда спастись во-время; — но Терамена онъ считалъ за от-

ступника. И если онъ очень рѣзко отзывается о Фринихѣ послѣ его смерти, то дѣлаетъ это только для того, чтобы тѣмъ мягче настроить народъ къ остальнымъ олигархамъ, какъ къ людямъ увлеченнымъ его вліяніемъ. Насмѣшки надъ Никіемъ носятъ умѣренный характеръ и направляются только на общеизвѣстныя его слабости. Особенно осторожно относился Аристофанъ къ Алкивіаду, въ которомъ, быть-можетъ, признавалъ родственную себѣ натуру. Мы очень рѣдко встрѣчаемъ у Аристофана упоминанія объ этомъ человѣкѣ, столь типичномъ, однако, для тогдашней аеинской молодежи. Важно тутъ, собственно, только извѣстное мѣсто въ «Лягушкахъ», доказывающее, что въ зрѣломъ возрастѣ поэтъ, умудренный тяжелымъ опытомъ, дѣйствительно приобрѣлъ политическую проницательность, отсутствовавшую у него въ бурной молодости. Въ самомъ дѣлѣ, совѣтъ Эсхила: «Не выкармливайте никогда въ государствѣ львенка, а разъ вскормили, подчиняйтесь ему», — совѣтъ, передающій, очевидно, взглядъ самого Аристофана, — представляетъ собою лучшее, что тогда можно было сказать объ этомъ вопросѣ: и аеиняне не могли сдѣлать ничего разумнѣе и патріотичнѣе, какъ послѣдовать мудрому совѣту.

Мы не упоминали еще объ одной сторонѣ политической жизни, которая теперь заняла бы видное мѣсто — о войскѣ и флотѣ. На первый взглядъ можно было бы подумать, что и Аристофанъ долженъ былъ много заниматься ими, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ въ военное время. Но, во-первыхъ, понятіе постоянного войска въ нашемъ смыслѣ было извѣстно аеинянамъ только въ очень слабой степени: офицерства

съ истиннымъ геройствомъ сопротивляться непріятелю, превосходившему его и силой и численностью. Если, несмотря на это, Аристофану слишкомъ много довѣряли въ этомъ случаѣ, то объясняется это только тѣмъ, что и Фукидидъ высказывается о Клеонѣ рѣшительно въ неблагопріятномъ смыслѣ.

Врагами Клеона выступаютъ во «Всадникахъ» Никій и Демосѣенъ. Въ дѣйствительности эта роль идетъ только Никію. Конечно, возможно и то, что послѣ взятія Сфактеріи между Демосѣеномъ и вліятельнымъ демагогомъ, — напр., вслѣдствіе чрезмѣрнаго хвастовства Клеона своимъ подвигомъ, — явилось известное охлажденіе; но намъ объ этомъ ничего неизвѣстно. Напротивъ, общія черты характера Демосѣена, храбрость и смѣлая рѣшительность, отражаются очень вѣрно въ той роли, которую онъ играетъ во «Всадникахъ». Еще вѣрнѣе изображены здѣсь нерѣшительность и колебанія Никія. Великолѣпно представленъ, особенно въ «Ахарнейцахъ», смѣлый рубака Ламахъ. Въ «Осахъ» мы знакомимся какъ съ нѣкоторыми приверженцами Клеона, собравшимися на пиръ, такъ и съ олигархической пирушкой, въ которой изъ известныхъ лицъ принимаютъ участіе Антифонъ и Фринихъ. Вообще намеки на людей этого направленія встрѣчаются рѣдко. Аристофанъ остерегается говорить объ олигархахъ съ особеннымъ уваженіемъ: этимъ онъ возбудилъ бы только недовѣріе къ себѣ. Можно даже сомнѣваться, было ли у него сильное сердечное влеченіе къ этой партіи. Открытыхъ нападеній на нихъ онъ, естественно избѣгаетъ. Правда, онъ осмѣиваетъ Терамена, какъ человѣка, умѣющаго плыть по теченію и всегда спасаться во-время; — но Терамена онъ считалъ за от

ступника. И если онъ очень рѣзко отзывается о Фринихѣ послѣ его смерти, то дѣлаетъ это только для того, чтобы тѣмъ мягче настроить народъ къ остальнымъ олигархамъ, какъ къ людямъ увлеченнымъ его вліяніемъ. Насмѣшки надъ Никіемъ носятъ умѣренный характеръ и направляются только на общеизвѣстныя его слабости. Особенно осторожно относился Аристофанъ къ Алкивіаду, въ которомъ, быть-можетъ, признавалъ родственную себѣ натуру. Мы очень рѣдко встрѣчаемъ у Аристофана упоминанія объ этомъ человѣкѣ, столь типичномъ, однако, для тогдашней аѣинской молодежи. Важно тутъ, собственно, только извѣстное мѣсто въ «Лягушкахъ», доказывающее, что въ зрѣломъ возрастѣ поэтъ, умудренный тяжелымъ опытомъ, дѣйствительно приобрѣлъ политическую проницательность, отсутствовавшую у него въ бурной молодости. Въ самомъ дѣлѣ, совѣтъ Эсхила: «Не выкармливайте никогда въ государствѣ львенка, а разъ вскормили, подчиняйтесь ему», — совѣтъ, передающій, очевидно, взглядъ самого Аристофана, — представляетъ собою лучшее, что тогда можно было сказать объ этомъ вопросѣ: и аѣиняне не могли сдѣлать ничего разумнѣе и патріотичнѣе, какъ послѣдовать мудрому совѣту.

Мы не упоминали еще объ одной сторонѣ политической жизни, которая теперь заняла бы видное мѣсто—о войскѣ и флотѣ. На первый взглядъ можно было бы подумать, что и Аристофанъ долженъ былъ много заниматься ими, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ въ военное время. Но, во-первыхъ, понятіе постоянного войска въ нашемъ смыслѣ было извѣстно аѣинянамъ только въ очень слабой степени: офицерства

въ смыслѣ званія у нихъ совсѣмъ не было, и затѣмъ по вѣскимъ причинамъ поэтъ относится къ этимъ вопросамъ съ необыкновенною для него сдержанностью. Объ отдѣльныхъ полководцахъ онъ высказывается, правда, со всею своею безцеремонностью; не такъ относится онъ къ войску, какъ цѣлому, и особенно ко флоту. Конечно, онъ нерѣдко касается военныхъ событій, но почти всегда только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о нападкахъ на отдѣльныя личности. Въ остальныхъ случаяхъ онъ соблюдаетъ почтительное молчаніе. Съ большимъ чувствомъ выдвигаетъ онъ только заслуги всадниковъ, въ большинствѣ принадлежавшихъ къ олигархіи, тогда какъ гораздо болѣе важная борьба за Сфактерію даетъ ему только матеріалъ для нападокъ на Клеона. Скромность поэта не доходитъ, конечно, до отказа отъ всякихъ, не прямо личныхъ нападеній; — напр., онъ жестоко бичуетъ несправедливости при наборѣ; — но на военныя предпріятія сами по себѣ онъ нападаетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда они затрогиваютъ сферу политики. Таковы, напр., мнимые планы завоеванія Карфагена, которыми онъ пользуется прежде всего для того, чтобы излить свой гнѣвъ на Гипербола. Нападки на флотъ отсутствуютъ вполне. Флотъ былъ палладіемъ аѳинскаго величія, и потому передъ нимъ смолкала даже насмѣшка Аристофана. Такое поведеніе поэта служитъ доказательствомъ его патріотизма, нерѣдко выражающагося и прямо въ восторженныхъ гимнахъ родному городу. Онъ возстаетъ, правда, противъ завоевательной политики, но въ то же время съ гордостью и сильнымъ преувеличеніемъ говоритъ о тысячѣ городовъ, подчиненныхъ Аѳинамъ. Посвящая свои гимны большею частью прошлому родине, онъ

въ то же время находятъ слова, призывающія къ примиренію съ настоящимъ.

Хотя политическіе вопросы и политическія личности и занимаютъ очень много мѣста въ комедіяхъ Аристофана, но еще важнѣе, пожалуй, тѣ свѣдѣнія, какія эти комедіи даютъ намъ о другихъ сферахъ жизни,—важнѣе уже по той простой причинѣ, что авторъ относится къ нимъ безпристрастнѣе. Особенно можно сказать это о всѣхъ вопросахъ соціальной и экономической жизни, а также о нравоописательныхъ характеристикахъ. Въ этомъ отношеніи комедіи поэта даютъ гораздо менѣе мрачное представленіе объ аѳинской жизни, чѣмъ его характеристики политическаго положенія Аѳинъ: здѣсь гораздо менѣе намѣреннаго очерненія. Но, конечно, чтобы судить справедливо, мы должны становиться не на христіанскую, а на эллинскую точку зрѣнія. Въ такомъ случаѣ насъ не поразитъ безцеремонное отношеніе къ гетерамъ даже пожилыхъ женатыхъ мужчинъ, и мы вообще не будемъ ожидать такого уваженія къ браку, какое требуется у насъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи. Намъ будетъ понятно полное отсутствіе у Аристофана любовныхъ сценъ между молодыми людьми и дѣвушками; насъ не будетъ удивлять снисходительный взглядъ на любовь къ мальчикамъ, представляющуюся общераспространеннымъ порокомъ, по крайней мѣрѣ въ высшемъ классѣ. Если семейная жизнь въ комедіяхъ Аристофана отступаетъ совсѣмъ на задній планъ, то объясняется это не только условіями греческой дѣйствительности, но и тѣмъ, что поэтъ изображаетъ, въ сущности, только общественную сторону жизни, на долю которой приходилась гораздо большая часть, чѣмъ приходится въ наше

время и въ нашемъ климатѣ. Люди изъ простаго народа, понятно, не представляются у него образчиками великодушія и нравственной выдержки, но они все-таки производятъ по большей части пріятное впечатлѣніе своею наивною и естественною веселостію, хотя отчасти и ослабляемою бѣдствіями войны. Уныніе этимъ людямъ вполнѣ чуждо; въ полномъ весельѣ наслаждаются они тѣмъ, что имъ даетъ жизнь. Не имѣя большаго, они довольствуются самою простою пищею и при этомъ остаются веселыми и довольными. Очевидно, при нормальномъ положеніи дѣла, дѣйствительно, крайняя бѣдность рѣдко встрѣчалась среди аѣинскихъ гражданъ. Отсутствію нищеты одинаково содѣйствовали какъ мягкій климатъ и обычная неприхотливость, такъ и государственные порядки. Эти порядки сваливали на союзниковъ и состоятельныхъ гражданъ все податное бремя и кромѣ того обезпечивали бѣднѣйшимъ гражданамъ въ случаѣ нужды достаточное содержаніе и нѣкоторое участіе въ удовольствіяхъ (посредствомъ жалованья за службу въ войскѣ и въ присяжныхъ и посредствомъ различныхъ праздничныхъ раздачъ). Нѣтъ никакихъ признаковъ того, чтобы язва современнаго нищенства южныхъ странъ была извѣстна уже въ тогдашнихъ Аѣинахъ. Нѣсколько болѣе стѣсненнымъ могло быть положеніе бѣднѣйшихъ метековъ, но, судя по Аристофану, и среди нихъ многіе терпѣли настоящую нужду; а съ другой стороны, именно въ этомъ классѣ населенія было много состоятельныхъ и даже богатыхъ людей. Положеніе рабовъ въ различныхъ домахъ было, конечно, неодинаковое, но и самые угнетенные изъ нихъ были, быть-можетъ, въ значительно лучшемъ положеніи,

чѣмъ многіе фабричныя рабочіе въ современныхъ государствахъ. Конечно, формально они были беззащитны противъ плохого обращенія, поскольку оно не переходило извѣстныхъ границъ; но мягкіе нравы защищали ихъ лучше, чѣмъ это могъ бы сдѣлать законъ. При тогдашнемъ военномъ положеніи собственные интересы владѣльцевъ требовали хорошаго обращенія съ ними, такъ какъ иначе они легко могли бѣжать за границу къ непріятелю. Самое поверхностное знакомство съ тою ролью, какую играютъ Ксантій и Созій въ «Осахъ» и другой Ксантій въ «Лягушкахъ», доказываетъ, что обыкновенно рабы далеко не отличались робостью. Конечно, и здѣсь Аристофанъ слишкомъ сгустилъ краски. Ксантій въ «Лягушкахъ» является не столько подчиненнымъ Діониса, сколько его младшимъ товарищемъ. Наконецъ, Каріонъ въ «Богатствѣ» выступаетъ со всѣмъ въ роли раба средней и новой комедіи: онъ безпрестанно вмѣшивается въ семейныя дѣла и при этомъ позволяетъ себѣ большія дерзости.

Соціальные контрасты были тогда, несомнѣнно, далеко не такъ рѣзки, какъ теперь. Даже самые знатные и богатые люди стояли близко къ народу. Демократическій характеръ государства заставлялъ ихъ поневолѣ поддерживать хорошія отношенія съ бѣдными гражданами. Робость бѣдныхъ передъ богатыми, солдатская покорность рѣдко встрѣчались вообще въ тогдашнихъ Аѳинахъ. Какія бы ни образовывались зависимыя отношенія, какъ бы часто ни проявлялось всемогущество денегъ, какъ орудія подкупа, — во всякомъ случаѣ и самый бѣдный гражданинъ имѣлъ возможность сохранить чувство человеческого достоинства. Утрата этого чувства въ гораздо

меньшей степени оправдывалась житейскими условиями, чѣмъ въ наше время. Вслѣдствіе этого, отношенія всѣхъ гражданъ между собою носятъ у Аристофана самый непринужденный характеръ, и, конечно, только отчасти можно объяснять это свободой комедіи. Если бы, дѣйствительно, сильное чувство независимости не было распространено такъ широко, то и во внѣшнихъ отношеніяхъ народъ, какъ цѣлое, не могъ бы выказать такой гордости и такого упорнаго сопротивленія, какія онъ проявилъ въ послѣдніе годы войны.

Рядомъ съ болѣе равномернымъ распредѣленіемъ богатства—смягченію соціальныхъ контрастовъ содѣйствовали также и другія условія. Какъ ни велико было разстояніе между знатнымъ аѣиняниномъ, усвоившимъ себѣ, подобно Периклу, цѣликомъ высшее образованіе эпохи, и аѣинскимъ мѣщаниномъ или крестьяниномъ,—все же и въ этомъ отношеніи они стояли другъ къ другу ближе, чѣмъ въ настоящее время ученый специалистъ или тонкій знатокъ литературы и искусства, съ одной стороны, и обыкновенный фабричный или сельскій батракъ—съ другой. Правда, въ Аѣинахъ посѣщеніе школы было необязательно, и многіе граждане могли быть плохо или даже совсѣмъ незнакомы даже съ начатками теперешняго школьнаго образованія; но болѣе чѣмъ достаточное возмѣщеніе этого пробѣла представляли другія условія жизни. Благодаря образовательнымъ впечатлѣніямъ, получаемымъ съ ранняго дѣтства, аѣинянинъ до нѣкоторой степени самъ собою достигалъ той степени развитія, на которую возводитъ теперь обученіе въ обыкновенной народной или сельской школѣ. Онъ рано знакомился съ образо-

вательными искусствами и литературой; уже ребячкомъ онъ со вниманіемъ и интересомъ смотрѣлъ на величавые храмы и другія общественныя сооруженія. Ставши юношей, онъ могъ наслаждаться въ театрѣ трагедіями Софокла и Эврипида, комедіями Аристофана и Эвополиса; а скоро наступало время, когда онъ занималъ свое мѣсто — сперва въ народномъ собраніи, затѣмъ и въ судѣ присяжныхъ. Служба въ сухопутномъ войскѣ или во флотѣ знакомила его съ чужими странами; такъ, собственнымъ опытомъ онъ пріобрѣталъ извѣстную широту взгляда и способность политическаго и литературнаго, а до нѣкоторой степени и юридическаго сужденія, несомнѣнно выходящую за предѣлы того, что доступно теперешнимъ бѣднымъ классамъ. Правда, еще очень недавно было сдѣлано замѣчаніе, что средній уровень общаго образованія былъ въ тогдашнихъ Аѳинахъ ниже, чѣмъ, напр., теперь въ Германіи; но это справедливо только въ томъ случаѣ, если понимать образованіе именно въ теперешнемъ смыслѣ, не обращая вниманія на сильное различіе эпохъ и отношеній. Кто знакомъ съ Аристофаномъ, тотъ рѣшительно возстанетъ противъ подобныхъ взглядовъ. Правда, его комедіи кишатъ мѣстами, разсчитанными, главнымъ образомъ, на вкусъ толпы. Сюда относится, именно, большая часть непристойностей, въ которыхъ, впрочемъ, могли находить удовольствіе и многіе представители высшихъ классовъ. Но рядомъ съ ними стоятъ самыя разнообразныя и многочисленныя намеки, присутствіе которыхъ понятно только въ томъ случаѣ, если они могли быть доступны и для «народа» вообще. Прежде всего сюда относятся насмѣшливыя замѣчанія относительно

частной жизни и общественной дѣятельности различныхъ политическихъ дѣятелей. Поскольку тутъ дѣло идетъ о городскихъ сплетняхъ, — комическій поэтъ и теперь, быть-можетъ, могъ бы рассчитывать, что его пойметъ всякій. Но многіе изъ этихъ намековъ выходятъ далеко за предѣлы этой сферы. Еще сильнѣе доказываютъ общій интересъ къ теоретическимъ вопросамъ. безпрестанные намеки на ученія софистовъ и на произведенія различныхъ поэтовъ, особенно трагиковъ и комиковъ. Уже одинъ взглядъ на Аристофановы «Облака» или «Лягушекъ» показываетъ намъ, какъ часты были намеки подобнаго рода. Конечно, не всѣ намеки были понятны для каждаго зрителя. Но если бы въ цѣломъ поэтъ не могъ рассчитывать на достаточное пониманіе, то, напр., въ «Лягушкахъ» пропала бы значительная доля эффекта. На дѣлѣ эта пьеса получила первую награду, и однако въ ней мы встрѣчаемъ цѣлый репертуаръ мѣстъ изъ разныхъ драмъ Эсхила, т. е. именно того трагика, который былъ всего болѣе чуждъ среднему аѣинянину того времени. Въ сравненіи съ этими пьесами — какъ незначительно содержаніе комедій и фарсовъ, пользующихся теперь рѣшительнымъ, хотя и мимолетнымъ успѣхомъ! Современныя пьесы не требуютъ и четвертой доли того пониманія, которое было необходимо для сколько-нибудь полнаго наслажденія комедіей Аристофана. На первый взглядъ кажется страннымъ, что у Аристофана такъ рѣдко встрѣчаются намеки на произведенія пластическаго искусства. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что эти произведенія давали мало поводовъ къ личнымъ нападкамъ, — главному пристрастію поэта.

Высказанное мнѣніе о высокой степени общаго пониманія или естественнаго образованія въ Аѳинахъ на нашъ взглядъ убѣдительно доказывается еще, напр., характеромъ рѣчей Перикла у Фукидида. Самой замѣчательной изъ нихъ считается извѣстная надгробная рѣчь ¹⁾. Въ дѣйствительности она, конечно, могла быть произнесена проще и общедоступнѣе. Но во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ основаній отнимать у Перикла выраженныхъ въ ней высокихъ и горделивыхъ мыслей. Если правитель государства счелъ за нужное высказать подобныя мысли на общественномъ торжествѣ, долженствовавшемъ произвести на народъ впечатлѣніе и возбудить его патріотическій пылъ, — то очевидно онъ былъ убѣжденъ, что и для народа слова его не останутся только пустымъ наборомъ звонкихъ фразъ, что онъ встрѣтитъ въ слушателяхъ по крайней мѣрѣ инстинктивное пониманіе и затронетъ ихъ умы и сердца. При теперешнемъ всенародномъ торжествѣ, напр., при открытіи памятника Побѣды ²⁾, такое предположеніе очевидно не имѣло бы основаній.

---

¹⁾ См. выше, стр. 84—90.

²⁾ Авторъ намекаетъ на извѣстную *Siegessäule*, открытую 2 сентября 1873 г. въ предмѣстьѣ Берлина, Тиргартенѣ, въ память франко-прусской войны.

IX. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ ЭВРИПИДА.

Изъ статей Д. Бѣляева въ «Жури. Мин. Нар. Просв.» 1882 г. ч. 233 и 1885 г. ч. 241).

Во времена Эврипида всюду въ Элладѣ шла борьба между защитниками демократіи съ одной стороны и противниками ея—съ другой. И тѣ и другіе, сходясь въ главныхъ пунктахъ, раздѣлялись на группы, расходившіяся въ частностяхъ. Какъ умѣренные сторонники демократіи, такъ и умѣренные противники ея допускали нѣкоторыя возраженія оппонентовъ, такъ что между крайними олигархами и крайними демократами было, безъ сомнѣнія, нѣсколько переходныхъ ступеней политическихъ группъ, главнѣйшія изъ которыхъ, во время открытой борьбы въ Аѣинахъ демократіи и олигархіи, начавшейся вслѣдъ за походомъ въ Сицилію, успѣвали болѣе или менѣе проводить свои взгляды въ жизни. Къ какой частной группѣ принадлежалъ Эврипидъ, на основаніи его трагедій опредѣлить трудно; его трагедіи позволяютъ только опредѣлить взгляды автора на желательный, по его мнѣнію, государственный строй въ болѣе или менѣе общихъ и главныхъ чертахъ. Не признавая, по своимъ философскимъ воззрѣніямъ, за кѣмъ-нибудь прирожденнаго права на господство, Эврипидъ совершенно естественно былъ

сторонникомъ общаго равенства всѣхъ гражданъ въ государствѣ. Это равенство должно выражаться, по Эврипиду, въ равенствѣ предъ писанными законами, одинаково для всѣхъ обязательными, и въ правѣ всякаго гражданина на участіе въ народномъ собраніи, которое, представляя совокупность всѣхъ гражданъ, и должно быть носителемъ верховной власти въ государствѣ. Эти принципы, совершенно тождественные съ тѣми, которыми, по словамъ Перикла, аѣинское государство отличалось отъ другихъ, заставляють считать Эврипида сторонникомъ демократіи.

Но демократія, какъ до Эврипида, такъ и при его жизни, прошла разныя ступени и благодаря разнымъ мѣрамъ, принятымъ для привлеченія къ участію въ государственныхъ дѣлахъ бѣднѣйшихъ гражданъ, особенно вознагражденію за службу и даже участію въ народномъ собраніи, все болѣе и болѣе уклонялась, уже на глазахъ Эврипида, къ крайней демократіи, къ господству и рѣшительному преобладанію демоса въ тѣсномъ смыслѣ, то - есть массы бѣднѣйшихъ гражданъ. Этотъ демосъ составилъ большинство въ народныхъ собраніяхъ и, являясь полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ судебъ цѣлаго государства и отдѣльныхъ гражданъ, былъ, однако, по своему соціальному положенію, гораздо менѣе, нежели другія сословія, способенъ въ общей массѣ судить о тонкостяхъ внутренней и внѣшней политики и потому гораздо болѣе ихъ зависѣлъ отъ своихъ руководителей и заступниковъ. Неудобства такого положенія дѣль были мало замѣтны и сравнительно рѣдко давали себя чувствовать, пока роль такихъ вождей народныхъ была въ рукахъ истинно государственныхъ людей, какъ Периклъ, которые,

въ качествѣ полководцевъ, пословъ, финансовыхъ чиновниковъ и т. п., въ то же время руководили дѣлами цѣлаго государства, а не одного только преобладающаго класса.

Но зато, когда, благодаря возраставшему все болѣе и болѣе недоувѣрію демоса къ людямъ изъ высшаго класса и развитію краснорѣчія, роль народныхъ вождей и заступниковъ перешла мало-помалу, особенно послѣ смерти Перикла, къ риторамъ, вышедшимъ изъ низшихъ классовъ, мало образованнымъ, частію неспособнымъ къ государственной дѣятельности, а частію своекорыстнымъ и безчестнымъ, но въ то же время смѣлымъ, краснорѣчивымъ и готовымъ купить довѣріе большинства всевозможными средствами, — тогда недостатки и вредъ для государства и отдѣльныхъ гражданъ преобладанія демоса стали проявляться съ такою очевидностію и силою, что и самыя искренніе приверженцы умѣренной и справедливой демократіи не только не могли отрицать ихъ, но даже считали своимъ долгомъ возставать противъ нихъ. Какъ человекъ мыслящій, Эврипидъ видѣлъ тотъ вредъ, который наносили государству и демократіи демагоги, которые вертятъ государствомъ въ разныя стороны, сообразно съ своими эгоистическими и честолюбивыми планами. Эврипидъ не менѣе Аристофана возмущался ихъ льстивыми и хвастливыми рѣчами и съ горечью смотрѣлъ на господство разныхъ честолюбцевъ, умѣвшихъ обманывать народъ и прикрывать свои грѣхи лестью и услужливостію демосу и навѣтами на богатыхъ и знатныхъ гражданъ.

Понимая и признавая эти недостатки и крайности современной ему демократіи, поэтъ нашъ есте-

ственно не могъ быть сторонникомъ и защитникомъ исключительнаго господства демоса въ тѣсномъ смыслѣ. По мнѣнію поэта, ни богачи ни бѣдняки не должны господствовать въ государствѣ, потому что, какъ представители двухъ крайностей, ни тѣ ни другіе не могутъ считаться твердою и надежною опорою государства. Такую мысль проводитъ Эврипидъ устами мнѣическаго творца аѣинской демократіи, Тесея, который, опредѣляя роль различныхъ классовъ въ государствѣ, говоритъ, что изъ трехъ классовъ гражданъ богатые постоянно стремятся къ увеличенію своихъ богатствъ и потому не могутъ быть особенно надежною опорою государства; бѣдные завидуютъ богатымъ, и, обманываемые своими лживыми и злонамѣренными руководителями, стараются, елико возможно, вредить богачамъ; потому господство ихъ и преобладаніе въ государствѣ еще менѣе желательно. Основу и спасеніе государства составляетъ средній классъ; довольный своимъ положеніемъ, онъ всѣхъ менѣе склоненъ къ перемѣнамъ и всѣхъ болѣе способенъ сохранять и поддерживать существующій порядокъ. Важнѣйшій элементъ этого класса составляютъ не бойкіе, подвижные и часто легкомысленные горожане, а деревенскіе, не очень богатые, но и не бѣдные, землевладельцы, большею частію въ то же время и земледѣльцы. Не имѣя того доска и той привычки къ собраніямъ, которыми отличались горожане, они тѣмъ не менѣе могутъ, когда нужно, подать дѣльный и спасительный совѣтъ, и во всякомъ случаѣ не легко поддаются на рѣчи бойкихъ говоруновъ, которые главнымъ орудіемъ убѣжденія дѣлають лесть толпѣ.

Если, такимъ образомъ, элементомъ преобладающимъ въ народномъ собраніи и уравновѣшивающимъ борьбу представителей крайнихъ состояній долженъ быть, по понятіямъ Эврипида, средній классъ, то, очевидно, демократія, о которой мечталъ Эврипидъ, значительно расходилась съ дѣйствительностію; ему, какъ и многимъ другимъ умѣреннымъ демократамъ, очевидно гораздо больше нравилась демократія старая, когда масса бѣднѣйшихъ гражданъ, особенно горожанъ - ремесленниковъ, моряковъ, безъ особенной надобности не покидала своихъ обычныхъ занятій, чтобы присутствовать въ народномъ собраніи, и не составляла подавляющаго большинства.

Такъ какъ главный недостатокъ аѳинской демократіи заключался въ преобладаніи демоса въ тѣсномъ смыслѣ, часто злоупотреблявшаго своею властію для притѣсненія богатыхъ и знатныхъ, то Эврипидъ, естественно, совѣтовалъ демосу не унижать и не преслѣдовать богатыхъ и указывалъ, что такое притѣсненіе не только несправедливо и незаконно, но и вредно для государства. Но эта вражда къ богатымъ и знатымъ, а равно и другія крайности и недостатки демократіи и поддерживались и поощрялись безчестными или ослѣпленными демагогами; потому возможно лучшій выборъ руководителей и совѣтниковъ получалъ первенствующее значеніе.

Какъ человѣкъ высокаго образованія, Эврипидъ раздѣлялъ истину, высказанную неоднократно Сократомъ и развитую до послѣднихъ предѣловъ Платономъ, — что для управленія государствомъ необходимы государственные люди, спеціально подготовленные къ этой дѣятельности и посвящающіе ей

исключительно свои таланты и силы. И по мнѣнію Эврипида, какъ по мнѣнію Сократа, во главѣ государства долженъ стоять вполне подготовленный къ политической дѣятельности и способный управлять государствомъ человѣкъ; отъ недостатка такихъ людей не только страдаютъ, но часто и гибнуть цѣлыя государства. Но между тѣмъ какъ Платонъ требовалъ, чтобы такой государственный человѣкъ, какимъ въ его глазахъ могъ быть только истинный философъ, управлялъ государствомъ и народомъ по своему усмотрѣнію, даже противъ воли этого народа, Эврипидъ желалъ, чтобы во главѣ государства стоялъ народный избранникъ, который долженъ управлять государствомъ съ согласія народа. Опытъ, повидимому, убѣдилъ поэта, что при хорошемъ, честномъ и мудромъ вождѣ, какими были, на примѣръ, Солонъ, Аристидъ и Перикль, другъ Эврипида, народъ, даже и при вполне демократическомъ составѣ народныхъ собраній, пойдетъ по пути общаго блага и чести и въ то же время будетъ пользоваться свободою и равенствомъ предъ закономъ, между тѣмъ какъ полномостіе правителя, независимаго отъ воли народа, могло бы повлечь за собою все ужасы тиранніи. Но такъ какъ выборъ этого вождя въ демократическомъ государствѣ зависѣлъ отъ воли народа, то, очевидно, на правильномъ выборѣ истинно честнаго и мудраго вождя должно быть сосредоточено все вниманіе народа: отъ выбора вождя зависѣло въ значительной степени все направленіе государственной жизни, потому что масса народа представляла большею частію слѣпую, хотя и могучую силу, которую искусный руководитель могъ направлять въ различныя стороны.

Въ виду громадной важности, которую Эврипидъ придавалъ выбору вождя, становится совершенно понятнымъ, почему онъ такъ часто, такъ настойчиво говоритъ въ своихъ трагедіяхъ объ осторожности и внимательности при выборѣ вождей и совѣтниковъ и совѣтуетъ не увлекаться пустымъ краснорѣчіемъ. Такія постоянныя предостереженія и напоминанія были въ то время тѣмъ болѣе умѣстны, что, благодаря явившимся въ Аѣинахъ учителямъ краснорѣчія, оказалось не мало такихъ претендентовъ на званіе политическаго дѣятеля и вождя, которые, при помощи новаго искусства, умѣли замаскировать свою пустоту и эгоистичность и представиться въ глазахъ неопытной, но жадной до краснорѣчія и любившей лесть массы истинно мудрыми государственными дѣятелями и радѣтелями народа.

Въ этой борьбѣ съ соблазнительнымъ, но обманчивымъ краснорѣчіемъ демагоговъ, прикрывавшихъ свои эгоистическіе планы маскою защитниковъ свободы и власти аѣинскаго демоса, Эврипидъ совершенно сходилъ съ своимъ литературнымъ врагомъ, Аристофаномъ, и ратовалъ на одной сторонѣ съ нимъ, хотя и въ другой, не столь рѣзкой формѣ. Эврипидъ, такъ же какъ и Аристофанъ, ненавидѣлъ и преслѣдовалъ такихъ краснобаевъ, которые пользовались своимъ краснорѣчіемъ не для пользы общественной, а для удовлетворенія своего собственнаго корыстолюбія и честолюбія. Краснорѣчіе въ устахъ такихъ безчестныхъ людей, которыхъ онъ клеймилъ названіемъ «неблагодарное отродье», Эврипидъ, какъ и Аристофанъ, считалъ величайшимъ зломъ для государства.

«Нужно говорить, — поучалъ поэтъ, — не то, что

пріятно для слуха, а то, что согласно съ истинною и можетъ доставить оратору добрую славу и честное имя; потому что черезчуръ пріятныя, но лживыя рѣчи губятъ счастливыя семьи и даже цѣлыя государства, благоустроенныя и цвѣтушія. Между тѣмъ теперь, благодаря быстротѣ и изворотливости языка, ораторы отрицаютъ и опровергаютъ самыя несомнѣнныя истины, вертятъ законами такъ и сякъ, такъ что если бы самыя дѣла обладали даромъ слова, то они стали бы громко протестовать и показали бы ничтожность и лживость искусныхъ рѣчей». Авторы такихъ рѣчей, по мнѣнію нашего поэта, заслуживаютъ самага большаго наказанія, такъ какъ они, надѣясь при помощи своего краснорѣчія представить безчестныя свои поступки въ хорошемъ свѣтѣ и одержать верхъ надъ своими менѣе краснорѣчивыми, хотя бы и вполне правыми противниками, не боятся дѣйствовать безчестно и противозаконно и такимъ образомъ заставляютъ страдать и подвергаютъ опасности и несчастіямъ не только отдѣльныхъ гражданъ, которые, не обладая даромъ слова, при всей своей правотѣ и честности не могутъ защитить себя противъ обвиненій безчестныхъ краснобаевъ, но и цѣлое государство. Дѣло въ томъ, что при такомъ значеніи льстиваго и лживаго краснорѣчія не только въ дѣлахъ частныхъ, но и общественныхъ, люди честные и способные дѣйствительно стоять во главѣ государства съ пользою и славою для него, — словомъ, лучшіе люди весьма часто должны волею или неволею сторониться отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, видя, что честность и благородство намѣреній и дѣйствій ровно ничего не значить, что самый безчестный краснобай можетъ не

только парализовать совѣты и дѣйствія честныхъ людей, но и представить ихъ въ дурномъ свѣтѣ, тѣмъ легче, что люди выдающіеся всегда имѣютъ много завистниковъ и ненавистниковъ. А отъ этого происходитъ двоякій вредъ для государства: уклоненіе отъ государственной дѣятельности порядочныхъ людей и возвышеніе пустыхъ и безчестныхъ честолюбцевъ, которые, сдѣлавшись такимъ образомъ полными господами и распорядителями судебъ государства и не стѣсняемые въ своихъ дѣйствіяхъ участіемъ и вмѣшательствомъ людей благородныхъ и честныхъ, отдаются полному произволу и для удовлетворенія своихъ страстей позволяютъ себѣ всякія беззаконія, съ полною увѣренностію въ безнаказанности. Особенно нужно остерегаться слишкомъ молодыхъ честолюбцевъ, изъ которыхъ одни безъ всякой необходимости, ко вреду для государства, возбуждаютъ гражданъ къ несправедливой войнѣ, чтобы имѣть случай быть избранными въ полководцы ¹⁾, другіе стремятся къ власти, чтобы имѣть возможность безнаказанно безчинствовать и обижать своихъ согражданъ, третьи, наконецъ, добиваются власти ради безчестной наживы.

Не менѣе опасно и вредно для государства, но еще невыносимѣе для гражданъ господство людей, которые, принадлежа къ малообразованному и низшему классу, вдругъ разбогатѣютъ и получаютъ зна-

---

¹⁾ Если сопоставить замѣчанія относительно воинственной молодежи съ тѣмъ, что говорилъ объ Алкивіадѣ Никій предъ сицилійскимъ походомъ и что замѣчаетъ самъ Фукидидъ, то сходство оказывается поразительное, такъ что можно думать, что эта филиппика направлена прямо противъ воинственной молодежи, во главѣ которой стоялъ послѣ Никіева мира Алкивіадъ.

ченіе и власть. Чванству и безчинству подобныхъ людей нѣтъ предѣловъ. Если господство подобныхъ лицъ нестерпимо для всѣхъ честныхъ гражданъ вообще, то для людей образованныхъ и знатныхъ преобладаніе и власть такихъ грубыхъ и необразованныхъ невѣждъ, естественно, еще болѣе невыносимы. Видя и понимая, какой неисправимый вредъ подобные правители наносятъ отечеству, патріоты не могутъ не скорбѣть душою, тѣмъ болѣе, что къ патріотической скорби присоединяется честолюбіе, оскорбленное необходимостью подчиняться и уступать дорогу людямъ худшимъ и недостойнымъ.

Несравненно хуже, конечно, приходилось честнымъ и благороднымъ гражданамъ, когда необузданные честолюбцы, опираясь на неразумную толпу, которой они льстятъ и угождаютъ, доходятъ до высшей степени власти и, вооруживши одну часть населенія противъ другой, захватываютъ въ свои руки верховную власть, становятся полновластными и самовластными распорядителями судебъ своего отечества и своихъ согражданъ, — словомъ, дѣлаются тираннами. Достигнувъ наивысшаго счастья, которое только возможно для смертныхъ, тиранніи, которая въ глазахъ огромной массы обыкновенныхъ смертныхъ почти равняется божескому блаженству, они, какъ боги, не стѣсняются никакими законами и могутъ предаваться полному удовлетворенію своихъ страстей. Правда, путь къ этому счастью труденъ и опасенъ; но честолюбцы готовы рисковать честью и жизнью, нарушить всѣ божескіе и человѣческіе законы, принести въ жертву своему властолюбію множество гражданъ и запятнать свою собственную честь самыми ужасными преступленіями, лишь бы

только достигнуть вождельной тиранніи. По ихъ мнѣнію, если ужъ изъ-за чего можно грѣшить, такъ это—изъ-за пріобрѣтенія власти.

Захвативши власть посредствомъ насилія, тираннъ, естественно, долженъ и поддерживать ее подобными же средствами и превратиться въ жестокаго деспота, мучимаго страхомъ за свою власть, попирающаго жизнь и честь благородныхъ и честныхъ патріотовъ, въ которыхъ онъ видитъ враговъ своей власти, такъ что, въ концѣ концовъ, столь желанная и достигнутая съ такими жертвами тираннія оказывается несчастіемъ не только для гражданъ, но и для самого властителя. Въ этихъ мрачныхъ картинахъ изображается, очевидно, не власть эпическихъ царей, а тираннія одного или нѣсколькихъ въ республиканскомъ государствѣ, тираннія, добытая обманомъ и поддерживаемая насиліемъ и жестокостями. Поэтъ, предостерегая постоянно народъ отъ увлеченія вкрадчивымъ и обманчивымъ краснорѣчіемъ демагоговъ, стремившихся къ власти, въ то же время предостерегалъ этихъ послѣднихъ и, представляя имъ внутреннее состояніе тиранна, указывалъ, что власть, достигнутая и поддерживаемая обманомъ и насиліемъ, вовсе не такое блаженство, какимъ она представляется съ внѣшней, видимой стороны. Только власть и значеніе, достигнутыя путемъ чести и добродѣтели, приносятъ никогда не увядающую славу, а тираннія, добытая неправдою и насиліемъ, ввергаетъ въ несчастіе и позоритъ не только государство, но и самого тиранна и весь его родъ; какъ въ частной, такъ и въ государственной дѣятельности неправедное и незаконное насиліе не должно имѣть вовсе

мѣста. Вѣрный такимъ взглядамъ на тираннію и власть вообще, Эврипидъ, какъ извѣстно, не только не стремился къ власти, но и вообще уклонялся отъ государственной и политической дѣятельности, всецѣло отдаваясь своимъ философскимъ и поэтическимъ занятіямъ. Это обстоятельство однакожъ не только не мѣшало ему слѣдить за внутреннею и внѣшнею политикою своего отечества, но, напротивъ, позволяло ему быть постояннымъ и безпристрастнымъ наблюдателемъ политической жизни и о результатахъ своихъ наблюденій сообщать своимъ согражданамъ.

Признавая демократію самымъ естественнымъ и наиболѣе справедливымъ государственнымъ устройствомъ, ратуя противъ олигархическихъ и тиранническихъ стремленій сторонниковъ и защитниковъ олигархіи, Эврипидъ считалъ свое отечество хотя и нѣсколько крайнимъ, но зато самымъ важнымъ и сильнымъ представителемъ демократическаго принципа, равно какъ эллинской свободы, образованности и культуры вообще. А какъ лучшая представительница эллинизма, оказавшая эллинамъ многочисленныя и важныя услуги, демократическая Аѣинская республика въ глазахъ Эврипида, какъ и его соотечественниковъ, естественно имѣла полное право претендовать на первенство и главенство среди, по крайней мѣрѣ, извѣстной части эллинскихъ республикъ ¹⁾. Какъ поэтъ и патріотъ, Эврипидъ старается

---

¹⁾ Само собою разумѣется, что на дѣлѣ аѣиняне руководились и другими, менѣе возвышенными, соображеніями и цѣлями; аѣинскіе послы въ Спартѣ, предъ началомъ пелопонесской войны, указавъ на заслуги Аѣинъ, благодаря которымъ эллинскія республики сами просили аѣинянь стать во главѣ союза, заявляютъ

оправдать эти претензіи возвышенными цѣлями и соображеніями. По представленію поэта, эти цѣли состоятъ не въ томъ, чтобы господствовать надъ эллинами, какъ думала большая часть соотечественниковъ Эврипида ¹⁾, а въ томъ, чтобы играть среди нихъ роль примирителя, защитника и хранителя политической свободы, законности и другихъ благъ эллинской цивилизаціи, какъ относительно варваровъ, такъ и тѣхъ изъ эллиновъ, которые, стоя на низшей степени эллинской культуры, вздумали бы нарушать законы и обычаи эллинскіе и дѣйствовать подобно варварамъ. Правда, и Спарта съ своими союзниками была не менѣе сильна и могущественна и еще болѣе считала себя въ правѣ быть главою Эллады, единственно призванною и способною играть ту роль, на которую претендовали аеиняне. Но Спарта, по мнѣнію Эврипида, уже потому не могла играть роли представителя всего эллинизма, что она была сторонницей и защитницей несправедливой и противоестественной олигархіи, составляющей какъ бы только переходъ отъ деспотическаго варварства къ свободному эллинизму. Еще менѣе могла быть Спарта главою эллинскаго міра по другимъ своимъ качествамъ, приближавшимъ ее скорѣе къ варварамъ, чѣмъ къ эллинамъ.

Для того, чтобы играть роль примирителя, охранителя эллинской цивилизаціи, защитника слабыхъ

прямо, что занять такое положеніе въ Элладѣ вообще и относительно своихъ союзниковъ ихъ заставили, кромѣ чести, также страхъ и польза.

1) Даже умѣренный, осторожный и проникательный Перикль не смотрѣлъ такъ безстрастно и великодушно на роль аеинянъ относительно своихъ союзниковъ.

и угнетенныхъ, было необходимо стоять во главѣ эллинской образованности, отличаться великодушіемъ и справедливостью. А Спарта, напротивъ, отличается совершенно другими—варварскими качествами: грубостію, жестокостію, коварствомъ, надменностью и неблагодарностью. И при такихъ свойствахъ Спарта не хотѣла признать не только первенства, но и равенства съ собою Аѣинъ, давно опередившихъ ее въ образованности и сдѣлавшихся школою политической свободы и эллинской образованности, очагомъ эллинизма! Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ того, если аѣинскіе патріоты были очень враждебно настроены относительно Спарты и во время ожесточенной войны изъ-за первенствующей роли въ Элладѣ доходили до такой ненависти, которая не видѣла въ Спартѣ никакихъ достоинствъ и не помнила никакихъ заслугъ ея относительно эллиновъ вообще и Аѣинъ въ частности. Эврипидъ также былъ въ числѣ такихъ патріотовъ, которые возмущены были претензіями и требованіями Спарты; вторя своимъ соотечественникамъ, онъ изображалъ въ своихъ трагедіяхъ Спарту и спартіатовъ въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ. Спартіаты, по изображенію Эврипида, отличаются грубостію, нечестіемъ, безчеловѣчною жестокостію, лживостію, коварствомъ, надменностью, безнравственнымъ воспитаніемъ и другими подобными качествами и свойствами, способными оттолкнуть даже друзей. Единственное достоинство, какимъ славится Спарта, это—военная слава и храбрость. Но одной этой славы, даже если бы она была вполне основательна, въ глазахъ поэта, какъ и его соотечественниковъ, еще слишкомъ мало для того, чтобы имѣть основательныя претензіи на роль представи-

тельницы и главы всего эллинизма, на которую претендовала Спарта. Для роли представительницы и главы эллинизма, кромѣ военной силы и славы, необходима высокая степень эллинской культуры, человѣчности, благочестія и образованности, которыхъ не доставало Спартѣ, стоявшей на низкой степени умственного и нравственного развитія. Этими качествами въ достаточной степени обладало только отечество Эврипида, и потому гораздо болѣе и лучше Спарты могло быть представительницею и руководительницею умственной и политической жизни Эллады, нежели Спарта. А благодѣянія и заслуги, оказанныя эллинамъ Аѣинскою республикою, особенно во время персидскихъ войнъ ¹⁾, ея сила и могущество, почти равнявшіяся спартанскому, ея политическіе принципы давали Аѣинамъ, городу музъ и харитъ, еще больше правъ на первенствующее значеніе въ Элладѣ. Да и сами эллины, по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть ихъ, благодаря безчисленнымъ и важнымъ заслугамъ, оказаннымъ Аѣинскою республикою относительно Эллады, привыкли смотрѣть

---

1) Совершенно такими же соображеніями и доказательствами пользуется Исократъ въ своемъ знаменитомъ «Панигирикѣ» для того, чтобы показать, что Аѣины имѣютъ несравненно больше правъ на гегемонію, чѣмъ Спарта. Замѣчательно, что въ числѣ доказательствъ изъ древней «исторіи» эллиновъ фигурируютъ у Исократа тѣ самые «факты», которые служатъ предметами трагедій Эврипида «Гераклиды» и «Просительницы», такъ что «Панигирикъ» Исократа во многихъ пунктахъ является болѣе подробнымъ, систематическимъ и обстоятельнымъ развитіемъ тѣхъ самыхъ идей, которыя проводитъ въ названныхъ трагедіяхъ Эврипидъ. Несмотря на примирительныя цѣли рѣчи, Исократъ также порицаетъ спартіатовъ довольно рѣзко, и притомъ часто за тѣ же качества, за которыя бранить ихъ Эврипидъ въ «Андромахѣ».

на Аѣины, какъ на поборницу эллинской свободы, охранительницу эллинскихъ божескихъ и человѣческихъ законовъ и защитницу слабыхъ и несправедливо угнетенныхъ, такъ что Аѣинамъ нужно было бы отказаться отъ всего своего блестящаго прошлаго, если бы онѣ вздумали отказаться отъ своей первенствующей роли. Эту роль, по мнѣнію Эврипида, Аѣины должны поддерживать волею или неволею, тѣмъ болѣе, что она всегда приносила Аѣинамъ честь, славу и могущество, и отказаться отъ нея было бы постыдно и вредно. Въ виду этого Эврипидъ, какъ сторонникъ твердой, но не задорной, не воинственной внѣшней политики, считаетъ нужнымъ въ своихъ трагедіяхъ восхвалять, одобрять и тѣмъ самымъ рекомендовать своимъ соотечественникамъ такую внѣшнюю политику, которая была бы достойна наилучшей представительницы эллинизма и поддержала бы пріобрѣтенную уже репутацію защитницы слабыхъ и охранительницы эллинской свободы и законности. Говоря языкомъ исторіи, а не поэзіи, Эврипидъ, какъ и другъ его Перикль, рекомендовалъ не уступать притязаніямъ и требованіямъ грубой Спарты и, въ случаѣ надобности, защищать свое положеніе съ оружіемъ въ рукахъ, не переходя, однако, въ наступленіе ¹⁾).

Далѣе этого желанія—отстоять занятое положеніе противъ притязаній сильной, но мало образованной Спарты и ея союзниковъ, воинственныя стремленія мирнаго поэта не шли. Какъ человѣкъ кабинетный,

---

1) Эти идеи Эврипидъ, проповѣдуетъ,—переноса, по обыкновению, отношенія своего времени на времена мѣическія,—въ «Гераклидахъ» и еще яснѣе въ «Проксительницахъ», трагедіи болѣе политической, чѣмъ поэтической.

онъ принадлежалъ къ числу миролюбивыхъ людей ¹⁾ и ненавидѣлъ войну за тѣ ужасы, которыми она сопровождалась. Краснорѣчивыя картины бѣдствій войны въ его трагедіяхъ, напимѣръ въ «Троянкахъ», какъ нельзя болѣе ясно свидѣтельствуютъ, что Эврипидъ съ ужасомъ смотрѣлъ на тѣ послѣдствія, которыми сопровождалась вызванная притязаніями Спарты война: разореніе городовъ, обѣднѣніе, плѣненіе, а подчасъ и поголовное истребленіе жителей ²⁾, ожесточеніе и одичаніе враждебныхъ сторонъ, которое такъ рельефно изобразилъ Эукидидъ, внушали нашему поэту глубокое отвращеніе къ войнѣ и заставляли желать возвращенія бога счастья и мира, оставившаго такъ надолго Элладу. Шли годы за годами, а конца этой ужасной войны не было видно; изъ зрѣлаго и крѣпкаго мужа Эврипидъ дѣлался уже старцемъ, а война все тянулась, и надежды на скорое и благополучное окончаніе ея не предвидѣлось. Поэтомъ овладѣваетъ уже отчаяніе и тоска по счастливомъ и покойномъ времени, на-

---

¹⁾ По его мнѣнію, гораздо лучше разрѣшать споры и недоразумѣнія словомъ, чѣмъ оружіемъ, и тѣ государственные люди, которые содѣйствуютъ такому мирному разрѣшенію возникающихъ внутреннихъ и международныхъ споровъ, заслуживаютъ всякой похвалы и почета, какъ приносящіе несомнѣнную пользу не только своему отечеству, но и всей Элладѣ.

²⁾ Въ «Троянкахъ» Эврипидъ изображаетъ взятіе Трои и ея послѣдствія для оставшихся въ живыхъ обитателей, особенно женщинъ и дѣтей, которыя распредѣляются въ качествѣ добычи между побѣдителями и уводятся въ плѣнъ на корабли въ виду пылающаго родного города. Потому война съ ея ужасными послѣдствіями служитъ почти постояннымъ предметомъ пѣсней хора и разсужденій дѣйствующихъ лицъ. Въ другихъ трагедіяхъ, въ которыхъ имѣется въ виду война, Эврипидъ точно также не упускаетъ случая напомнить объ ужасахъ войны и благодѣяніяхъ мира.

страивая его лиру на грустно-отчаянный тонъ. «О, богатый и прекраснѣйшій изъ боговъ Миръ! Я давно тоскую по тебѣ: такъ долго ты не появляешься къ намъ опять. Боюсь, что меня сломятъ заботы и старость, прежде нежели я увижу опять благодатное время твоего возвращенія съ чудными хоровыми пѣснями и веселыми пирушками. Приди же, приди, владыка мой, въ мое отечество и прогони раздоръ и бѣшеную вражду, услаждающуюся острымъ убійственнымъ оружіемъ». Опасенія поэта, какъ извѣстно, сбылись; онъ не увидалъ возвращенія столь желаннаго мира, но зато не видѣлъ и тѣхъ ужасовъ и бѣдствій, которыми сопровождалось для его отечества окончаніе войны вмѣсто ожидаемаго счастья и благоденствія. Господство олигархіи и представительницы ея, жестокой и надменной Спарты, ясно доказало, какъ мало способна и достойна была олигархія стоять во главѣ Аѣинской республики, а Спарта—во главѣ всей Эллады, и какъ справедливо было нерасположеніе поэта-философа къ деспотической олигархіи и грубой, коварной и себялюбивой Спартѣ. Печальный конецъ пелопонесской войны, бывшій результатомъ воинственной, задорной политики, оправдалъ въ то же время опасенія Перикла, высказанныя имъ предъ открытіемъ этой войны. Эврипидъ былъ также сторонникомъ и проповѣдникомъ этой политики и напоминалъ о ней соотечественникамъ, когда этого мужа уже не было во главѣ республики. Усвоивъ себѣ такіе взгляды на внѣшнюю политику Аѣинъ, которые были согласны съ взглядами и образомъ дѣйствій Перикла, Эврипидъ оставался вѣренъ этимъ взглядамъ, и Периклъ былъ для Эврипида всегда такимъ государственнымъ человѣ-

комъ, который наиболѣе соответствовалъ политическому идеалу поэта-философа и потерю котораго онъ считалъ великимъ горемъ для всѣхъ гражданъ и бѣдствіемъ для всей республики ¹⁾.

---

¹⁾ «Ипполитъ» Эврипида, поставленный вскорѣ послѣ смерти Перикла, заканчивается сожалѣніемъ о потерѣ такого мужа, какъ Ипполитъ. Относясь къ Ипполиту, эти слова напомнили гражданамъ о недавней потерѣ, и публика, безъ сомнѣнія, поняла, о комъ говорилъ поэтъ.

Х. СОФИСТЫ, ИХЪ ПОСЛѢДОВАТЕЛИ И ПРОТИВНИКИ.

(*Holm. Griechische Geschichte. II. Band.*)

Во второй половинѣ V вѣка во всей внутренней жизни греческаго народа совершается замѣчательный переломъ: свободное изслѣдованіе всего, что волнуетъ челоуѣка, отреченіе отъ всякаго авторитета проявляется съ необыкновенною силою въ теоріи и вмѣстѣ съ тѣмъ стремится, и не безъ успѣха, подчинить себѣ и практическую жизнь. Такой быстрый переходъ отъ теоріи къ практикѣ характеренъ для Греціи; объясняется онъ, съ одной стороны, прирожденною грекамъ склонностью къ новизнѣ, съ другой—отсутствіемъ религіозныхъ догматовъ и, наконецъ, раздробленіемъ Греціи на массу самостоятельныхъ государствъ: мыслитель, не имѣвшій успѣха или навлекшій на себя преслѣдованіе въ одномъ городѣ, могъ въ другомъ мѣстѣ искать себѣ убѣжища, а своимъ идеямъ распространенія.

Свободное изслѣдованіе и его практическія примѣненія проводились главнымъ образомъ подъ флагомъ двухъ новыхъ наукъ—риторики и софистики. Послѣдняя была временнымъ явленіемъ и исчезла; первая существуетъ еще и понынѣ. Названіе риторики не нуждается въ поясненіи; подъ софистикой

разумѣютъ особое философское направленіе, господствовавшее въ V вѣкѣ и преслѣдовавшее преимущественно практическія цѣли. Вначалѣ у обѣихъ наукъ было много общаго. Риторы и софисты утверждали, что теоретическое обученіе можетъ дѣлать человѣка пригоднымъ къ практической жизни и притомъ лучше, чѣмъ простой практической навѣкъ. Это допускаемъ и мы, люди новаго времени, но въ другомъ смыслѣ: мы имѣемъ тутъ въ виду изученіе специальности. Напротивъ, риторы и софисты полагали, что главное дѣло — извѣстныя общія правила, къ которымъ можно потомъ пристегнуть частности. Зерно истины заключается въ красныхъ словахъ и основывается на разумныхъ мысляхъ. У народа эти идеи имѣли большой успѣхъ, такъ какъ внушали ему увѣренность, что изученіе этихъ правилъ можетъ сдѣлать всякаго человѣка пригоднымъ для всякаго практическаго дѣла. Народъ къ этому стремился и, естественно, цѣнилъ людей, въ этомъ ему помогавшихъ. Всего грубѣе выразилъ это софистъ Гиппій, утверждавшій, что онъ умѣетъ не только управлять государствами, но и быть полезнымъ самому себѣ во всякомъ положеніи. Въ доказательство этого онъ увѣрялъ въ Олимпіи, будто самъ сдѣлалъ все, что на немъ было: платье, обувь, украшенія. Новую истину онъ, слѣдовательно, возвѣщалъ какъ шарлатанъ, но основная идея и у него не была лишена извѣстнаго величія; это была мысль, что для человѣка нѣтъ ничего недоступнаго, и не только для человечества вообще, но и для cadaго лица въ особености, — если только хорошимъ обученіемъ вызвать наружу таящіяся въ каждомъ силы. Софистика рисовала такимъ образомъ въ перспективѣ торже-

ство личности, и это конечно должно было привлекать къ ней публику. Нужно было только слушать и учиться, чтобы приобрести способность ко всему. Обществом овладѣла образовательная горячка. Въ наше время популярныхъ книгъ и лекцій намъ не трудно понять, что это значило. Изъ вождей движенія тѣ, которые называли себя риторамы, обѣщали научить краснорѣчію, а называвшіе себя софистами—мудрости. Въ обоихъ случаяхъ имѣлась въ виду пригодность къ практической жизни; а различіе между ними было болѣе теоретическое, чѣмъ практическое. Въ концѣ концовъ одни и тѣ же люди назывались то риторамы, то софистами, смотря по тому, на что больше обращалось вниманія: на форму или на содержаніе изучаемаго. Для тѣхъ и другихъ главнымъ дѣломъ было искусство: для раторовъ—въ рѣчи, для софистовъ—въ доказательствѣ. Знаніе дѣла играло у тѣхъ и другихъ второстепенную роль. Отъ этого не только риторика, стала стремиться болѣе къ видимости, чѣмъ къ сути дѣла, —это было бы и само по себѣ понятно, —но и софистика, —собственно ученіе о мудрости, —приобрѣла репутацію науки, дающей возможность не то чтобы убѣждать, а скорѣе ослѣплять или оглушать доказательствами. Первоначально имена софиста и философа употреблялись одно вмѣсто другого, и дурное значеніе слова «софистъ» явилось только слѣдствіемъ справедливой войны, веденной противъ софистики Сократомъ и его школой. Но съ самаго начала риторика и софистика имѣли въ виду не одну видимость, а практической успѣхъ, правда покупавшійся часто цѣною обманчивой внѣшности. И риторы и софисты нерѣдко оказывали полезное вліяніе; особенно замѣтно

это на дѣятельности Продика Кейсаго, притча котораго о Гераклѣ на перепутыи могла вліять только благодѣтельно.

Одною изъ главныхъ опоръ риторики и софистики служила діалектика. Изобрѣтателемъ ея у древнихъ считался Зенонъ, философъ элейской школы, знаменитый особенно тѣмъ, что онъ старался подтвердить ученіе своихъ предшественниковъ о неизмѣнности всего существующаго при помощи силлогизмовъ, доказывавшихъ невѣрность нашихъ представлений о множествѣ, дѣлимости, движеніи. Знаменитъ былъ его «Ахиллесъ», — доказательство того, что быстроногій герой никогда не можетъ догнать двигающуюся передъ нимъ черепаху. Эти и подобныя доказательства Зенона замѣчательны тѣмъ, что имѣютъ цѣлью доказать отсутствіе вещи, самой по себѣ очевидной, — движенія. Разъ можно упразднить движеніе, не остается больше вещи, которой нельзя было бы поколебать при помощи діалектики. Все становится сомнительнымъ, кромѣ таланта мыслителя, прославленіе котораго и было какъ разъ одною изъ цѣлей софистики. Съ другой стороны, софистика воспользовалась и противоположнымъ элейскому ученіемъ Гераклита, утверждавшаго: «Все течетъ, ничто не остается безъ измѣненія». Ловкому ритору или софисту это давало научное основаніе представлять вещи, какъ ему угодно, не рискуя быть опровергнутымъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякое его утвержденіе было съ этой точки зрѣнія такъ же ненадежно и условно, какъ утвержденіе противоположное. Исходя изъ этого положенія, одинъ изъ самыхъ выдающихся софистовъ, Протагоръ Абдерскій, выработалъ свою знаменитую теорію: «Человѣкъ — мѣра всѣхъ ве

щей», т. е. все существуетъ такъ, какъ оно представляется каждому отдѣльному человѣку. Изъ этого можно было вывести заключеніе, что нѣтъ никакихъ прочныхъ нормъ добра и зла, права и несправедливости. Протагоръ жилъ въ Аѣинахъ, но аѣиняне изгнали его,—впрочемъ, не за то, что онъ былъ риторомъ или софистомъ, а за атеистическое содержаніе его философскихъ теорій.

Происходя изъ восточныхъ областей Греціи, изъ Фракіи, давшей такъ много выдающихся людей, Протагоръ жилъ больше на западѣ, на родинѣ новаго искусства (поскольку его форма была создана риторикой)—на Сициліи. Жившимъ на ней грекамъ была свойственна особенная острота ума, да притомъ же въ началѣ V вѣка тамъ соединилось много условій, благопріятствовавшихъ созданію риторики какъ особаго искусства или науки. Любимымъ видомъ поэзіи была тамъ въ то время комедія Эпихарма, сильно пропитанная философскими идеями. У Эпихарма впервые является силлогизмъ, представляющій собою пародію аргументаціи софистовъ. Первымъ учителемъ краснорѣчія былъ сиракузянинъ Коракъ, —особенно прославившійся по изгнаніи тиранновъ и возстановленіи свободы, такъ какъ въ запутанныхъ условіяхъ переходной эпохи ему особенно часто представлялись случаи выказывать свое искусство въ публичныхъ рѣчахъ по вопросамъ о правѣ и собственности. Коракъ первый рѣшился сообщить тайну своего успѣха всѣмъ желавшимъ ее узнать. Тутъ примѣненъ былъ впервые и способъ обученія новой наукѣ съ ручательствомъ за успѣхъ выучки. Главнымъ ученикомъ Корака былъ Тисій, съ которымъ онъ велъ знаменитый процессъ о гонорарѣ.

Тисій обѣщаль заплатить за обученіе, если дѣйстви-тельно изучитъ искусство, т. е. если его рѣчи будутъ имѣть успѣхъ. По окончаніи курса онъ отказался платить и довель дѣло до тяжбы по жалобѣ учителя. Передъ судомъ онъ утверждалъ, что не обязанъ платить ни въ какомъ случаѣ: если онъ проиграетъ процессъ, то окажется, что Коракъ не научилъ его искусству, а если выиграетъ, то отъ платы его освободитъ приговоръ. Этотъ разсказъ указываетъ на характеръ новой науки, стремившейся прежде всего къ успѣху и не брезговавшей софизмами. Какъ нельзя лучше эта наука подходитъ къ эпохѣ, когда Зенонъ отрицалъ существованіе движенія.

Вторымъ отцомъ риторики называютъ акрагантинца Эмпедокла, который былъ еще болѣе знаменитъ какъ философъ. Кромѣ того онъ былъ крупнымъ политическимъ дѣятелемъ и человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ почтеннымъ, но его манера выступать передъ публикою показываетъ, что и онъ былъ зараженъ страстью тогдашнихъ ученыхъ, стоявшихъ близко къ риторикѣ и софистикѣ, — стремленіемъ производить эффектъ. Онъ развѣзжалъ по странѣ въ великолѣпномъ поѣздѣ, возбуждая какъ чудодѣй всеобщее изумленіе. При этомъ онъ оказывалъ людямъ всяческую помощь, какъ инженеръ и врачъ; и—что отличало его отъ обыкновенныхъ софистовъ,—онъ, повидимому, не бралъ за свою помощь денегъ. Противники новыхъ искусствъ особенно упрекали ихъ представителей въ томъ, что они съ своихъ слушателей берутъ деньги. Правда, они не могли обойтись безъ платы, если не были богаты и желали жить странствующими учителями, но все-

таки представлялось страннымъ, что они заставляли оплачивать теоретическое обученіе. Высокую плату бралъ одинъ изъ главныхъ представителей новаго искусства леонтинаецъ Горгій, называвшій, впрочемъ, себя только риторомъ, а не софистомъ, такъ какъ онъ полагалъ или считалъ нужнымъ утверждать, что выучиться можно краснорѣчію, но не мудрости. Это— одна изъ самыхъ выдающихся личностей V вѣка. По своему таланту онъ могъ стать великимъ критическимъ философомъ, но онъ не захотѣлъ посвящать свою жизнь философіи, такъ какъ не признавалъ за ея теоріями никакого значенія и стремился къ изученію практической жизни. Не чувствуя, по всему своему умственному складу, склонности къ естествознанію или технику, какъ Эмпедоклъ, Горгій могъ выступить только учителемъ краснорѣчія. Поэтому онъ и хотѣлъ быть только риторомъ. Риторику онъ понималъ, быть-можетъ, лучше, чѣмъ кто-либо изъ его преемниковъ. Онъ остроумно опредѣлилъ цѣль и сущность рѣчи и далъ превосходныя практическія правила для составленія рѣчей. Аrenoй дѣятельности Горгія была не только Сицилія, но и собственная Греція, въ различныхъ областяхъ которой онъ пользовался большимъ уваженіемъ. У грековъ и у усвоившихъ себѣ греческое образованіе римлянъ созданная Горгіемъ риторика пріобрѣла такое огромное значеніе, котораго она, къ счастью, уже не имѣетъ у насъ. Грекъ слишкомъ любилъ разсматривать все со стороны формы; но, съ тѣхъ поръ какъ рѣчи пріобрѣли изящную форму, государственныя дѣла стали идти не всегда удачно. По общему мнѣнію Горгій писалъ на аттическомъ языкѣ; его сочиненія, быть-можетъ, — первый при-

мѣръ примѣненія этого нарѣчія въ Атики, первый шагъ въ его побѣдномъ шествіи. И конечно писать по-аттически побудило Горгія не только политическое значеніе Аѣинъ: не могли же онѣ пріобрѣсти на Сициліи такое преобладающее вліяніе. Онъ, должно-быть, предпочелъ аттическое нарѣчіе еще и потому, что считалъ его особенно пригоднымъ для построенія періодовъ по своему вкусу. Наконецъ, быть-можетъ, этому содѣйствовала отчасти и мысль о томъ, что духъ аѣинскаго народа представлялъ нѣкоторыя характерныя особенности, всего лучше отвѣчавшія представленію Горгія о сущности риторики. Въ самомъ дѣлѣ, главный пріютъ риторика и софистика нашли себѣ въ Аѣинахъ, и самый бѣглый взглядъ на характеръ аѣинянъ долженъ показать, что почва для новаго искусства была тамъ отлично подготовлена.

Аѣинянамъ въ еще большей степени, чѣмъ другимъ грекамъ, свойственна была быстрота пониманія, подобная той, какою отличались сикеліоты. Это обнаруживалось въ театрѣ, гдѣ публика схватывала на лету тонкіе намеки и даже простыя особенности произношенія. У нихъ было чрезвычайно развито чутье смѣшного. Аѣинянинъ былъ пронизательнымъ критикомъ, быстро подмѣчалъ странности и охотно ихъ осмѣивалъ, но точно также онъ способенъ былъ увлекаться величіемъ: онъ охотно признавалъ величіе подвига и высоко цѣнилъ добродѣтель. Всего лучше доказывается это тѣмъ почитаніемъ, какое выпало на долю Аристида подъ конецъ его жизни. Но съ тою же быстротою, съ какою аѣинянинъ выражалъ свою признательность, онъ переходилъ и въ другую крайность. Онъ такъ же легко начиналъ

преслѣдовать своихъ великихъ людей, какъ раньше выражалъ имъ свое одобреніе. Со свойственнымъ ему остроуміемъ онъ скоро находилъ ихъ слабыя стороны и стыдился, если онѣ обнаруживались въ общественной жизни. Этимъ объясняется необыкновенный успѣхъ комедіи въ Аѣинахъ. Другой характерной особенностью аѣинянъ была ихъ сильная любовь къ искусству, и не только любовь къ нему, но и ихъ изящный и тонкій вкусъ. Совершенство архитектуры и пластики въ Аѣинахъ объяснимы только особенно тонкимъ вкусомъ всего народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ аѣиняне проявляютъ особенность, далеко не всегда обращавшую на себя достаточное вниманіе, привязанность къ старой вѣрѣ, къ ея содержанію и, — что для грековъ было въ религіи главнымъ, — къ ея формѣ. Этой привязанности не мѣшала живой характеръ аѣинянъ; это легко понятно, такъ какъ религія грековъ требовала не вѣры въ догматы, а только увѣренности въ силѣ извѣстныхъ обрядовъ.

Въ общемъ итогѣ аѣинянинъ V и даже первой половины IV вѣка представляется явленіемъ очень характернымъ. Иныя изъ указанныхъ свойствъ, — даръ быстрого пониманія, страсть къ насмѣшкѣ, способность увлекаться и склонность скоро сбрасывать своихъ идоловъ съ ихъ пьедесталовъ, — онъ раздѣляетъ съ жителями современныхъ столицъ. Въ характерѣ берлинцевъ и парижанъ есть много сходныхъ чертъ, хотя и нельзя утверждать, что они обладаютъ тонкостью и остротою пониманія въ такой степени, какая была свойственна аѣинянамъ той эпохи. Особенно двѣ послѣднія изъ указанныхъ нами чертъ, — чрезвычайно развитый вкусъ къ искус-

ству и рѣшительная религіозность, — свойственны жителямъ нашихъ столицъ далеко не въ такой степени, какъ аѳинянамъ, да и вообще едва ли можно еще найти во всемирной исторіи другой народъ, который въ одно и то же время былъ бы такимъ остроумнымъ, живымъ, непостояннымъ, художественнымъ и религіознымъ, какъ аѳиняне. Высказываемое теперь иными мнѣніе ¹⁾, будто умственный уровень древнихъ аѳинянъ былъ въ среднемъ не выше уровня современныхъ рабочихъ, нельзя считать вѣрнымъ. Правда, они не приобрѣтали даже такихъ положительныхъ познаній, какія доставляетъ теперь дѣтямъ народная школа, но въ другихъ отношеніяхъ условія жизни аѳинянъ были гораздо благопріятнѣе. Существованіе рабскаго класса освобождало гражданъ отъ многихъ работъ, удручающихъ современнаго человѣка. То, что теперь всего сильнѣе ослабляетъ духъ, — постоянная механическая работа на фабрикахъ, — тогда тяготѣло только надъ рабами. Въ худшемъ случаѣ, бѣдный гражданинъ могъ быть ремесленникомъ, а такое занятіе, какъ извѣстно, никогда не ослабляло духа. Многіе, правда, добровольно предпочитали самостоятельному труду — возможность кормиться на счетъ государства; но и въ иныхъ современныхъ государствахъ низшіе чиновники дѣлаютъ не больше, чѣмъ получавшій жалованье гражданинъ въ Аѳинахъ. Наконецъ въ умственномъ отношеніи не существовало тѣхъ различій, какія раздѣляютъ теперь классы нашего общества: средства къ образованію были тогда для

) Такъ думаетъ Веллохъ, обрушивающійся при этомъ «на Грота и его школу».

всѣхъ доступнѣе, чѣмъ теперь. Поэтому средній гражданинъ Аѣинъ стоялъ въ умственномъ отношеніи выше жителя современной столицы.

Такимъ образомъ Аѣины представляли очень удобную почву для новыхъ искусствъ и наукъ. Риторика и софистика удовлетворяли остроумію, живости ума и художественному вкусу аѣинянъ; онѣ никогда не приходили въ столкновеніе съ религіей, что такъ легко могло случаться и дѣйствительно случилось съ точными науками и со всѣми стремленіями, дорожившими не столько формой, сколько содержаніемъ. Кромѣ того, для аѣинскаго политика риторика и софистика были тѣмъ полезнѣе, чѣмъ болѣе основой государства становилась сила свободнаго слова. Утвержденію софистики въ Аѣинахъ содѣйствовало затѣмъ еще и то, что онѣ принимали главное участіе въ основаніи колоніи Турій и нѣкоторое время сохраняли тѣсныя связи съ этимъ городомъ. Въ Туріи приходили многіе сикеліоты, близко стоявшіе къ новому образованію, и нѣкоторые вожди новой моды.

Къ ученикамъ Горгія причисляли также и Перикла съ Фукидидомъ. По хронологическимъ соображеніямъ, нельзя понимать это указаніе въ буквальномъ смыслѣ. Да и вообще краснорѣчіе Перикла, судя по рассказамъ древнихъ, носило настолько дѣловой характеръ, что не могло извлечь для себя особенной пользы изъ правилъ, выработанныхъ хотя бы Горгіемъ. Однако можно предполагать, что Периклъ, какъ и Фукидидъ, воспользовался новымъ искусствомъ въ томъ отношеніи, что оно усилило въ немъ стремленіе придавать особенное значеніе красотѣ формы и гармоніи частей рѣчи; относительно Пе-

рикла это доказывается уже тѣмъ, что онъ никогда не говорилъ безъ подготовки. Возможность такихъ обдуманыхъ рѣчей объясняется, впрочемъ, изъ особенностей положенія аѣинскаго оратора сравнительно съ современнымъ. Пока ораторъ говорилъ, онъ отправлялъ религіозную обязанность. Поэтому его нельзя было прерывать такъ, какъ это обычно въ современныхъ парламентахъ, и находчивость была не такъ необходима, какъ теперь ¹⁾. На рѣчахъ, сообщаемыхъ Фукидидомъ, — между прочимъ на рѣчахъ Перикла, — ясно замѣтны слѣды отдѣлки. Особенно можно объяснять вліяніемъ риторики частое употребленіе противоположеній.

Самъ Фукидидъ несомнѣнно былъ ученикомъ если не Горгія, то Антифонта, аѣинскаго политика и оратора, которому приписываютъ дошедшія до насъ рѣчи, тоже богатая антитезами и, повидимому, написанная по правиламъ Горгія. Теорія послѣдняго могла быть извѣстна въ Аѣинахъ, хотя самъ Горгій еще не появлялся въ столицѣ. Для характеристики возрѣній Фукидида важны доводы, которыми онъ во введеніи доказываетъ большую важность описываемой имъ пелопонесской войны сравнительно съ самою крупною изъ прежнихъ, персидскою. Послѣдняя окончилась скоро, первая продолжалась очень долго, и Эллада пострадала въ теченіе ея сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде за такой же про-

---

1) Политическія рѣчи древности отличаются отъ современныхъ такъ же, какъ драма той и другой эпохи: и въ рѣчахъ и въ драмахъ древность не обращала такого вниманія на народную массу, какъ обращаемъ мы. Въ трагедіи древнихъ нѣсколько лицъ ведутъ замысловатыя рѣчи; на политической трибунѣ самъ Клеонъ готовится къ рѣчамъ и сообщаетъ заранѣе ихъ содержаніе своимъ друзьямъ.

межутокъ отъ бѣдствій военныхъ и естественныхъ. Авторъ, стало-быть, не понимаетъ значенія персидскихъ войнъ и при сравненіи ихъ съ пелопонесскою цѣпляется за внѣшніе признаки; да и тутъ онъ не гонится за точностью, а дѣйствуетъ какъ софистъ, для котораго важно только произвести эффектъ. Однако, цѣлью своего изложенія Фукидидъ выставляетъ не привлекательный разсказъ, а сообщеніе такихъ фактовъ, знаніе которыхъ можетъ быть полезно и для позднѣйшихъ поколѣній, такъ какъ подобныя отношенія легко могутъ повториться опять.

Болѣе тонкимъ образомъ сказывается вліяніе риторики на Фукидида какъ въ томъ, что онъ вводитъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ въ свою исторію, такъ и въ чрезвычайно художественномъ построеніи первой книги. Здѣсь замѣчательны двѣ стороны: влеченіе исторіи прошлаго въ разсказъ о настоящемъ, — приемъ, свойственный древнему эпосу и Геродоту, — и чередованіе разсказа о прошломъ и настоящемъ, подъ вліяніемъ риторическаго принципа равновѣсія.

Къ тому же времени, когда писалъ Фукидидъ, относится и неправильно приписываемый Ксенофону памфлетъ объ аѣинской демократіи. Авторъ разсматриваетъ политическую систему Перикла не съ нравственной точки зрѣнія, а съ чисто практической, съ той именно, которая такъ сильно сказывается во взглядахъ политиковъ эпохи пелопонесской войны, какъ это доказываютъ рѣчи, приводимыя Фукидидомъ. Авторъ, закоренѣлый олигархъ, говоритъ только о цѣлесообразности демократическихъ учрежденій Аѣинъ. На стилъ трактата не замѣтно никакого вліянія риторики: это — спокойная бесѣда человѣка изъ хорошаго общества, въ которой со-

всѣмъ отсутствуетъ стремленіе поучать и высказывать общія положенія, такъ сильно бросающееся въ глаза въ рѣчахъ Эукидида. По отношенію къ содержанію, рѣшительное устраненіе всякаго идеализма доказываетъ, что разлагающая критика софистическаго раціонализма овладѣла вполнѣ кругами аѣинскихъ аристократовъ: и они во всемъ преслѣдуютъ только пользу.

Раціонализмъ софистовъ повліялъ также сильно и на поэзію, особенно на трагедію, въ которой представителемъ его является Эврипидъ. Въ аѣинскомъ народѣ онъ не пользовался такою популярностью, какъ Софокль. Объясняется это тѣмъ, что онъ не пренебрегалъ философійей, не всегда симпатичной для народа. Эврипидъ велъ очень замкнутую жизнь, совсѣмъ не занимался политикой и искалъ вдохновенія въ книгахъ и бесѣдахъ съ философами. Онъ учился у Анаксагора, былъ друженъ съ Сократомъ, а народъ въ Аѣинахъ къ нимъ обоимъ относился очень подозрительно. Зато высоко цѣнили Эврипида болѣе глубокіе умы въ Аѣинахъ и образованные люди за границей. Подъ конецъ жизни онъ изъ Аѣинъ удалился въ Македонію.

Эврипидъ отбросилъ привычку, усвоенную его предшественниками въ трагедіи, — изображать на сценѣ возвышенныхъ героевъ, и вернулся къ гомеровскому пониманію искусства. Его герои ни въ чемъ не отличаются отъ обыкновенныхъ людей; разница между воззрѣніями Гомера и Эврипида заключается только въ томъ, что представленіе наивное у перваго является у послѣдняго результатомъ размышленія и потому не производитъ такого впечатлѣнія непосредственности. Но не это воору-

жалю противъ него народъ, а постоянно вводимыя имъ разсужденія, въ которыхъ нерѣдко выражались мысли, казалось, подрывавшія основы государства. Напримѣръ, замѣчаніе «Ипполита»: «языкъ далъ клятву, а не духъ», считали за оправданіе ложной присяги. Поучать Эврипидъ хотѣлъ косвенно, вызывая на размышленіе и стараясь изображать жизнь такою, какъ она есть. Такъ создалъ онъ новый видъ драмы, стоящей посрединѣ между трагедіей и комедіей. Онъ не остановился на идеяхъ предшественниковъ о значеніи судьбы и самомнѣнія въ жизни человѣка. Темами для его трагедій служатъ всѣ отгѣнки и крайности, до которыхъ доводятъ человѣка его пороки или недостатки. У страсти тоже есть своя софистика. Такимъ образомъ Эврипидъ со своей обработкой героическихъ характеровъ явился какъ разъ въ-время. Высказываемыя имъ софистическія воззрѣнія вызывали въ народѣ двойственное чувство интереса и негодованія. Теперь уже не хоръ, а дѣйствующія лица драмы разбираютъ въ своимъ рѣчахъ всѣ вопросы, занимающіе народъ. По большей части это — вопросы нравственности и праведной жизни. Въ своихъ воззрѣніяхъ поэтъ здѣсь не расходится съ тѣмъ, что издавна говорили греки. Такимъ образомъ до Эврипида трагедія старалась поучать народъ, внушая ему уваженіе къ великому и высокому, а теперь она хотѣла показать, какъ слѣдуетъ жить согласно разуму. Это было примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ методы Продика. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить у Эврипида еще его постоянное стремленіе прославлять Аѣины.

Аѣиняне симпатизировали новому образованію,
Исторія Греціи. 8

потому что оно доставляло широкое удовлетвореніе ихъ стремленію къ новизнѣ и ихъ критическому остроумію; но очень многимъ изъ нихъ оно было ненавистно, такъ какъ расшатывало древнее благочестіе. Къ противникамъ его принадлежали прежде всего люди, близко стоявшіе къ культу по своему общественному положенію или занятіямъ. А такъ какъ должности жрецовъ по большей части замѣщались по выбору народа и давались только на время, то большинство лицъ, заинтересованныхъ въ древней религіи, состояло не изъ настоящихъ жрецовъ, а изъ бывшихъ, которые изъ любви къ искусству посвящали себя занятіямъ, состоявшимъ въ связи съ религіей, напр., искусству узнавать и толковать волю боговъ. Особенно враждебно относились эти люди къ іонійской философіи природы, и потому цѣлью ихъ нападокъ сталъ Анаксагоръ — одинъ изъ представителей этой философіи. Но они не любили также и риторики съ софистикой, учившихъ искусству подо все подкапываться. Эврипидъ при случаѣ нерѣдко указывалъ на бесполезность прорицаній. Партія старовѣровъ должна была поставить ему это въ счетъ. Что касается софистики, то справедливость заставляетъ признать, что не только фанатики и ограниченные умы имѣли основаніе ее ненавидѣть. Чувство это могли раздѣлять и вполне безпристрастные люди. Кто могъ сказать, не подорветъ ли софистика вмѣстѣ съ религіей и всѣ основы общественной жизни? Достаточно было вспомнить одинъ частный вопросъ: на чемъ именно основывалась прочность общественнаго порядка въ отдѣльныхъ государствахъ, а также миръ и дружба государствъ между собою, если не на святости кля-

твы? Между тѣмъ софистика подрывала и ее, выставя личную выгоду мотивомъ всѣхъ дѣйствій. Поддержаніе религіи было главной заботой аѣинскаго государства; въ интересахъ религіи подвергались обвиненію Анаксагоръ, Протагоръ, Фидій; какъ противница религіи, находилась въ подозрѣніи и софистика вообще.

Борьба противъ новаго образованія велась не только посредствомъ обвиненій предъ судомъ. Борьба шла и въ литературѣ; писатели, нападавшіе на новшества въ образованіи, нападали вмѣстѣ съ тѣмъ и на новшества въ политикѣ. Главнымъ противникомъ тѣхъ и другихъ новшествъ явился главный представитель новаго вида поэзіи, комедіи. Для политической исторіи Аристофанъ важенъ тѣмъ, что онъ выступилъ глашатаемъ оппозиціи противъ господствующей системы и правящихъ лицъ. Та роль, которую теперь играютъ газеты и карикатуры, принадлежала тогда комедіи. Аристофанъ служилъ органомъ для всѣхъ недовольныхъ существующимъ: а существующій порядокъ характеризовался тогда двумя чертами: съ одной стороны, крайней демократіей, а съ другой, новымъ образованіемъ въ его двухъ направленіяхъ, — реальномъ, естественно-историческомъ, іонійскомъ, — и формальномъ, риторико-софистическомъ, ерако-сицилійскомъ. Спрашивается, во имя чего же вооружалась эта оппозиція противъ демократіи и софистики? Если принять во вниманіе, что Аристофанъ боролся противъ того, что заключало въ себѣ здоровое зерно, противъ философіи Сократа и трагедіи Эврипида, что онъ былъ невысокаго мнѣнія о величіи своей родины, что въ мирѣ онъ видѣлъ только возможность отдаваться са-

мымъ грубымъ наслажденіямъ, что онъ осмѣивалъ всѣхъ, кромѣ своихъ друзей аристократовъ и Алкивіада, то придется заключить, что рѣчи его насчетъ простоты добраго стараго времени, которыя постоянно ставятъ ему въ похвалу, представляются только поэтическими украшеніями, а самъ онъ былъ только великимъ мастеромъ формы, великимъ сатирикомъ безъ собственнаго идеала. Несомнѣнно, тогдашнія Аѣины во многомъ шли по ложному пути; но Аристофанъ не указалъ имъ лучшихъ путей, да и не понималъ чѣмъ болѣло его время. Рядомъ съ Алкивіадомъ, только въ другомъ направленіи, Аристофанъ представляется типомъ тогдашняго аѣинянина, преимущественно въ слабостяхъ, свойственныхъ этому талантливому народу. Онъ прославляетъ искусство, остроуміе, благочестіе въ старомъ духѣ и веселую жизнь, и осмѣиваетъ науку, свободное изслѣдованіе и одностороннее увлеченіе политикой, какое отличало, напр., Клеона.

Болѣе вѣрный путь для борьбы съ софистикой выбралъ Сократъ. Чтобы понять его дѣятельность, необходимо помнить основныя положенія софистовъ. Всему можно выучить и научиться, если ловко взяться за это; поэтому при помощи софистическаго обученія можно стать дѣльнымъ практикомъ и политикомъ. Высшихъ и общихъ идей не существуетъ; истина есть только субъективный взглядъ личности на вещи. Отсюда вытекала легкость обмана другихъ: умный человѣкъ можетъ дѣлать видъ, что одобряетъ идеи другихъ, но на дѣлѣ приписывать этимъ идеямъ другой смыслъ, а затѣмъ, при случаѣ, порицать ихъ, утверждая при этомъ, что онъ не измѣнилъ своего первоначальнаго мнѣнія. Поступать такъ было у гре-

ковъ въ обычаѣ уже и прежде. Задолго до появленія софистовъ они старались обманывать другъ друга даже при помощи клятвъ. Но вліяніе софистики было тѣмъ опаснѣе, что она шла навстрѣчу дурнымъ наклонностямъ народа. Наконецъ, за свое преподаваніе, преимущественно въ формѣ тщательно обработанныхъ лекцій, софисты брали деньги, и по большей части очень большія. Противъ всего этого возставалъ Сократъ. Онъ утверждалъ прежде всего, что самъ онъ ничего не знаетъ, что невозможно внушить другимъ что-нибудь такое, что уже не таилось бы въ нихъ, что истина не есть нѣчто субъективное, зависящее отъ обстоятельствъ и выгоды отдѣльныхъ лицъ, а есть выраженіе реальныхъ отношеній, которыя можно постигнуть, сосредоточивая мысль на отдѣльномъ предметѣ. Самъ не зная ничего, онъ не велъ преподаванія путемъ связныхъ рѣчей; онъ извлекалъ истину изъ бесѣды; онъ не бралъ никакихъ денегъ. Онъ не стремился прививать кому бы то ни было способности къ практической жизни; онъ хотѣлъ только показать, какъ можно пріобрѣсти способность дѣйствовать правильно и цѣлесообразно, познакомившись съ сущью вещей. Добродѣтели онъ принималъ какъ нѣчто данное въ томъ видѣ, какъ ихъ представляютъ себѣ по общему согласію люди. Софисты утверждали, что человѣку нужно быть умѣреннымъ, благодарнымъ, справедливымъ и т. д. лишь настолько, насколько это согласно въ каждый моментъ съ его выгодой, а Сократъ старался внушать, что уже по общему признанію быть добродѣтельнымъ всего полезнѣе для человѣка, если брать жизнь, какъ и слѣдуетъ, въ цѣломъ и не имѣть въ виду только отдѣльныхъ случаевъ. А такъ какъ человѣкъ

можетъ дѣйствовать правильно, только когда онъ дѣйствуетъ обдуманно, то путь къ добродѣтели идетъ чрезъ размышленіе. Добродѣтель—не результатъ по-нужденія, которому человѣкъ вынужденъ слѣдовать; она — слѣдствіе ясности ума. Такъ подъ конецъ возвращаетъ себѣ, въ болѣе глубокомъ смыслѣ, свои права то самое знаніе, которое Сократъ въ началѣ своего ученія долженъ былъ отрицать въ томъ смы-слѣ, какъ его понимали софисты.

Значеніе Сократа состоитъ въ томъ, что онъ ука-залъ исполненному высокомѣрія и упивавшемуся фразами міру на то, что лучше образумиться и въ совокупной работѣ, въ бесѣдѣ, гдѣ одинъ исправляетъ ошибки другого, изслѣдовать, каковъ собственно смыслъ красивыхъ словъ, употребляемыхъ всѣми; а затѣмъ устроить разумно жизнь, спокойно оцѣнивъ настоящее значеніе мыслей и желаній.

Положеніе Сократа въ Аѣинахъ было незавидное. Онъ поступалъ совсѣмъ иначе, чѣмъ люди, имѣвшіе вліяніе на народъ. Послѣдніе льстили ему или бра-нили его, желая прямо воздѣйствовать на массу. Сократъ не стремился къ достиженію опредѣленной отдѣльной цѣли; его даже не интересовалъ вопросъ, будетъ ли онъ имѣть успѣхъ или нѣтъ. Онъ только дѣлалъ то, что считалъ правильнымъ и обязатель-нымъ для себя; и хотя онъ и говорилъ, что надо стремиться къ пользѣ, но для него принесло мало пользы его собственное поведеніе.

Поэтому аѣинянамъ онъ представлялся чужакомъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе докучливымъ. Онъ очень мало интересовался политикой, которую аѣи-няне принимали такъ близко къ сердцу; онъ даже колебалъ основы существующаго строя, вы-

сказывая мысль, что въ политикѣ, какъ и во всякой другой спеціальной дѣятельности, должно руководиться знаніемъ и яснымъ пониманіемъ, и что поэтому управлять должны люди, обладающіе необходимой для того подготовкой. По его мнѣнію закономъ, конечно, не должно было служить желаніе случайнаго большинства; поэтому часть демократовъ считала его своимъ противникомъ. Но это было несправедливо, потому что Сократъ также мало расположенъ былъ отдавать власть богачамъ или тирану. Онъ не интересовался ближе этими вопросами; онъ не былъ политикомъ; онъ хотѣлъ только указать своимъ согражданамъ на то, что для правильной дѣятельности и счастія необходимо мыслить. Онъ стоялъ поэтому почти одиноко, окруженный нѣсколькими преданными учениками, вызывая въ массѣ недоумѣніе и оставаясь для нея непонятнымъ.

Сократъ хотѣлъ упразднить софистику, но не риторiku. Вліяніе послѣдней въ Греціи все болѣе усиливалось и принесло величайшій вредъ. Но и зерно софистики сохранилось въ Греціи. Образованные греки очень поздней эпохи, оставаясь язычниками, слишкомъ часто оказывались риторами, а переходя въ христіанство, — къ несчастію нерѣдко софистами. На новомъ образованіи лежитъ, до нѣкоторой степени, вина за пораженіе Аѳинъ въ борьбѣ V вѣка до Р. X. Настаивая на духовныхъ правахъ личности, которой все должно быть доступно, — это направленіе возбуждало во всѣхъ гражданахъ стремленіе къ переустройству общественныхъ отношеній на новыхъ началахъ. Новое образованіе производило разлагающее дѣйствіе, и это было вдвойнѣ опасно

при демократическомъ строѣ. Разлагающая критика среди ожесточенной борьбы добралась и до свято-чтимаго преданія. Остроумные люди, слишкомъ многому научившіеся у Горгія и немногому у Сократа, содѣйствовали паденію Аѣинъ въ такой же степени, какъ Никій, грѣшившій избыткомъ благочестія.

XI. СОКРАТЬ И АѢИНСКАЯ ДЕМОКРАТІА.

(*Ranke, Weltgeschichte, I Theil*).

Современники, очевидно, не могли понять Сократа. Извѣстно, какъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ умовъ эпохи, великій комикъ, злоупотребилъ его именемъ: Сократъ въ «Облакахъ» Аристофана такъ же далекъ отъ историческаго, какъ небо отъ земли; Аристофанъ выдаетъ за сократовское какъ разъ то, съ чѣмъ боролся историческій Сократъ *).

---

*) Свидѣтельства Платона и Ксенофонта возбуждаютъ недоувѣріе къ Сократу «Облаковъ». Последніа съ вѣрностью хорошей карикатуры передаютъ причудливое безобразіе его наружности, умѣренность его привычекъ, справедливо выдвигаютъ діалектическій методъ, высокую оцѣнку хорошей памяти и быстраго пониманія, а также требованіе самопознанія. Напротивъ, совершенно неправильно изображеніе Сократа въ видѣ главы замкнутой школы,—при томъ съ мистическими обрядами при приѣмѣ,—а также приписываніе ему усердныхъ занятій метеорологіей и натуральной философій. Если онъ, подобно настоящимъ софистамъ, и относился критически къ преданію, то дѣлалъ онъ это не для доказательства относительности всѣхъ понятій права и нравственности, а съ цѣлью поставить эти понятія на новое и болѣе прочное основаніе. Ничто не было ему такъ чуждо, какъ желаніе представлять дурное хорошимъ. Онъ не раздѣлялъ, правда, наивной вѣры въ боговъ народной мифологіи, но былъ далекъ и отъ мысли бороться съ ними при помощи насмѣшки или замѣнять ихъ такою странною системою, естественно-историческою и

Между тѣмъ явилась еще и народная реакція противъ отклонившагося отъ преданія образа мыслей, который раздѣлялся самимъ Перикломъ. Демократія крѣпко держалась за идолослуженіе. Въ процессѣ гермокопидовъ проявилось все неистовство толпы, возмущенной нарушеніемъ мистерій и осмѣяніемъ тѣхъ культовъ, въ которые она вѣрила. Какъ упорно было возвращеніе къ старымъ религіознымъ воззрѣніямъ, показываетъ всего лучше осужденіе полководцевъ послѣ битвы при Аргинусахъ,—осужденіе, которому такъ противился Сократъ. Послѣдній сначала придерживался положительной религіи, правда, понимая ее по своему, въ высшемъ смыслѣ. Но потомъ онъ сталъ въ открытое противорѣчіе съ тою формулой религіи, въ какой ее исповѣдывала демократія, и въ которой она становилась идолослуженіемъ.

Несчастный исходъ пелопонесской войны, побѣды лакедемонянъ, придерживавшихся старыхъ обычаевъ, повліяли также и на Аѣины, быть можетъ, даже въ политическомъ отношеніи. Рядъ неудачъ, испытанныхъ республикою со смерти Перикла, поколебалъ въ мыслящихъ людяхъ довѣріе къ господствующей формѣ правленія. Въ борьбѣ олигархіи и демократіи Сократъ не примыкалъ собственно ни къ одной партіи. Послѣ ряда ихъ столкновеній въ Аѣинахъ и послѣ конечной побѣды демократіи оказалось

мистическою, какъ его карикатурная копія въ «Облакахъ». Въ-место челоѡѡка, котораго, несмотря на нѣкоторыя причуды, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ считать одной изъ благороднѣйшихъ личностей эллинской древности, Аристофанъ рисуетъ передъ нами чудака, похожаго болѣе на шарлатана, чѣмъ на философа (*Ed. Lange, Athen im Spiegel d. aristophan. Komödie, 11—12*).

очень важнымъ то, что Сократъ не былъ и демократомъ. Напротивъ, онъ сталъ въ противорѣчіе съ основной идеей демократіи. Ставя свою мораль вообще на интеллектуальную основу, онъ приводилъ въ связь съ послѣднею и политическій строй. Онъ училъ, что править долженъ тотъ, кто это искусство всего лучше понимаетъ. Однако правителя, стоящаго выше всѣхъ другихъ по разуму, не удавалось найти. Какъ далекъ былъ отъ такого идеала Алкивіадъ! Еще ниже стоялъ Критій, самый жестокій изъ тридцати тирановъ. Самые вѣскіе упреки, предъявлявшіеся философу, заключались въ томъ, что его учениками были Алкивіадъ и Критій. Но Сократъ мало былъ повиненъ въ ихъ увлеченіяхъ. Политическія идеи Сократа носили болѣе отрицательный характеръ. Между прочимъ онъ порицалъ обычай избирать по жребію въ должности: въ самомъ дѣлѣ, — спрашивалъ онъ, — кто захотѣлъ бы довѣриться кормчему, назначенному по жребію? Этимъ оспаривалось исключительное право гражданъ составлять государство и руководить его управленіемъ. Мнѣніе Сократа какъ разъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда, вслѣдствіе предшествовавшихъ столкновеній, было рѣшено возстановить (въ томъ видѣ, какъ ихъ тогда понимали) Солоновы законы, основанные на принципѣ народовластія. Къ этому вело общее политическое настроеніе тѣхъ дней; съ этимъ связано было возстановленіе силы республики. При возстановленіи солоновскаго устройства необходимо должно было сохраниться вполнѣ и стародавнее богопочитаніе, на которомъ въ значительной степени основывался старый политическій строй. Сократъ, правда, исполнялъ всѣ гражданскія и религіоз-

ныя обязанности, но онъ понималъ эти обязанности по своему. Онъ не сливалъ своихъ задачъ съ понятіемъ объ устройствѣ города и о служеніи богамъ. По крайней мѣрѣ его идеи отрѣшились отъ спеціально-туземныхъ особенностей. Его философія стремилась схватить въ основныхъ идеяхъ элементъ обще-человѣческой, выходящій за предѣлы формъ аѣинской жизни, государства и его святилищъ. Эти идеи онъ не хранилъ при себѣ, а сообщалъ ихъ въ своихъ бесѣдахъ юношамъ, которыхъ увлекалъ къ признанію ихъ справедливости. Спокойно допускать это аѣинская республика тѣхъ дней была не въ состояніи. Это, быть можетъ, было бы еще возможно въ счастливую эпоху, когда нечего было бояться. Но въ то время всѣ силы должны были содѣйствовать обновленію государства. Между тѣмъ, ученіе Сократа, прежде всего, прямо противорѣчило тому началу, на которомъ основывалась власть совѣта, обладателя высшей власти. Совѣтъ составлялся по жребію или благодаря случайному большинству, — тогда какъ, по мнѣнію Сократа, никогда такимъ образомъ нельзя устроить хорошаго правительства. Нельзя было долѣе предоставлять свободу дѣйствій человѣку, который пользовался общимъ уваженіемъ людей безпристрастныхъ и молодежи и который отвергалъ основныя начала политическаго строя. Не слѣдуетъ умалять внутренняго значенія выдвинутаго здѣсь вопроса. Это вопросъ о томъ, не должна ли законодательная власть основываться на иномъ началѣ, помимо авторитета представителей народа или большинства. Самый законъ съ этой точки зрѣнія сталъ представляться актомъ насилія и именно поэтому не безусловно обязательнымъ.

Надъ нимъ возвысилась идея такого государства, которое основано на знаніи и разумѣ и потому не можетъ подчиняться мнѣнію толпы, а тѣмъ болѣе случайностямъ жребія. Какъ устанавливается законъ, — это главный вопросъ для всякой формы правленія. Своимъ отклоненіемъ отъ основныхъ началъ демократіи Сократъ навлекъ на себя ненависть ея вождей, которая сама по себѣ, съ точки зрѣнія существующаго порядка, не была лишена извѣстнаго основанія. Противъ Сократа возсталъ человекъ, принимавшій дѣятельное участіе въ возстановленіи республики при Трасибулѣ, — съ двумя товарищами: поэтому, взявшимъ на себя задачу обвиненія, и риторомъ. Философа обвиняли въ развращеніи молодежи, въ пренебреженіи къ богамъ государства и во введеніи новыхъ божествъ. Два послѣднія обвиненія имѣли нѣкоторое основаніе въ томъ, что Сократъ отрицалъ антропоморфическую сторону греческой религіи и выражался о своемъ «демонѣ» въ такомъ смыслѣ, что чувство абстрактной истины переносилось въ душу человека. Трагизмъ судьбы Сократа и заключался именно въ томъ, что выработанныя имъ великія и свободныя идеи, сами по себѣ истинныя и благородныя, пришли въ столкновение съ только-что возобладавшими стремленіями къ возстановленію государства; общечеловѣческое столкнулось съ патриотизмомъ эпохи, новая идея божества — съ началами обычнаго богопочитанія.

Свою жизнь Сократъ посвятилъ главнымъ образомъ своей родинѣ. Онъ никогда не покидалъ окрестностей Аѣинъ, исключая обязательныхъ походовъ. Теперь онъ убѣдился, что въ этихъ Аѣинахъ для него нѣтъ мѣста; онъ долженъ былъ погибнуть и

предоставить сохраненіе и разработку своего ученія другимъ людямъ и другимъ обстоятельствамъ. Его «демонъ» запрещалъ ему противиться тому приговору, который надъ нимъ готовились произнести. Великая истина заключалась въ его заявленіи, что онъ достоинъ содержанія въ пританеѣ на общественный счетъ. Онъ заслуживалъ, конечно, общественной награды; но согласіе на это было бы отрицаніемъ безусловнаго значенія только-что провозглашенныхъ государственныхъ началъ. Сократъ, конечно, былъ не виновенъ, такъ какъ его преслѣдовали не за его дѣйствія, а за его мнѣнія. Послѣднія величіемъ своимъ превосходили всѣ, до тѣхъ поръ выражавшіяся въ Аѣинахъ. Аѣины могли гордиться тѣмъ, что въ нѣдрахъ ихъ развилась идея о постиженіи неопровержимой истины духомъ чловѣка, но онѣ не могли вынести этой идеи, такъ какъ она стояла въ противорѣчій съ только-что начатымъ политическимъ возрожденіемъ. Жертвою этого возрожденія и палъ Сократъ. Для него самого въ этомъ исходѣ не было ничего такого, что онъ долженъ былъ бы считать за настоящее несчастіе: ему было за семьдесятъ лѣтъ, онъ вполне отжилъ свой вѣкъ и выполнилъ ту работу, которую считалъ своимъ призваніемъ; съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ онъ могъ выпить ядъ, положившій конецъ его жизни.

О Т Д Ъ Л Ъ П.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА IV' ВѢКА.

ХІІ. ГРЕКО-ПЕРСИДСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ IV ВѢКА.

(*Ranke. Weltgeschichte. I Theil.*)

Въ то время какъ великіе умы Греціи намѣчали пути для дальнѣйшей жизни человѣчества, въ греческихъ политіяхъ господствовали чисто частныя стремленія, и національная идея не находила себѣ представителей. Не уцѣлѣлъ даже великій антагонизмъ съ Персіей, поддерживавшій прежде національное чувство. Собственно онъ не совсѣмъ исчезъ и по временамъ вдругъ обнаруживался въ сильныхъ и звучныхъ рѣчахъ; но послѣднія событія пелопонесской войны показали, что этотъ антагонизмъ уже не игралъ той роли, какъ прежде.

На вопросъ, гдѣ въ это время находился центръ силъ, руководившихъ міровыми событіями, слѣдовало бы отвѣтить: въ союзѣ персидской державы, какъ она была представлена тогда въ Передней Азіи, съ лакедемонскою, въ томъ видѣ, какой она получила въ борьбѣ съ Аеинами. Киръ Младшій, представитель могущества Ахеменидовъ въ Западной Азіи, и

Лисандръ, всюду низвергавшій демократію и доставлявшій перевѣсъ спартанской олигархіи, — были вліятельнѣйшими людьми, отъ которыхъ исходилъ чинъ всѣхъ событій. Оружіе лакедемонянъ и ихъ союзниковъ на сушѣ и на морѣ и персидскія деньги, доставлявшія средства для вооруженій, дѣйствовали сообща. вмѣстѣ они составили силу, обладавшую извѣстною жизненностью, такъ какъ персидскіе сатрапы не могли обойтись безъ греческихъ наемниковъ, а послѣдніе безъ персидскихъ денегъ. Но въ сущности, этотъ союзъ былъ очень непостояненъ и непроченъ. Ни Киръ Младшій, ни Лисандръ не были господами положенія въ Персіи и Греціи. У Лисандра были враги повсюду: въ Спартѣ и еще болѣе среди прочихъ грековъ. Надъ Киromъ тяготѣла власть великаго царя, преслѣдовавшаго свои собственные интересы.

Въ виду этого рѣшеніе Кира завладѣть съ помощью грековъ персидскимъ престоломъ сулило очень важныя послѣдствія. Поводомъ къ этой попыткѣ послужилъ спорный вопросъ персидскаго устройства. Кто долженъ наследовать царство, старшій ли сынъ царя вообще или старшій изъ сыновей, родившихся по вступленіи отца на престолъ? При смерти Дарія II Киръ Младшій потребовалъ, чтобы его предпочли старшему брату, Артаксерксу, такъ какъ онъ родился въ правленіе отца. За это стояла и царица-мать, но ей не удалось убѣдить супруга. Артаксерксъ былъ провозглашенъ царемъ, а Киръ назначенъ сатрапомъ Лидіи и ея приморскихъ областей. Онъ былъ поставленъ выше простыхъ сатраповъ; уже въ приказѣ отца онъ былъ названъ караномъ (повелителемъ): все равно какъ и въ дру-

гія сатрапіи нерѣдко посылались съ особыми полномочіями родственники царскаго дома. Но Киръ не довольствовался этимъ. Въ силу своихъ личныхъ качествъ онъ считалъ себя болѣе способнымъ къ царской власти, чѣмъ его братъ. Артаксерксъ представляется личностью миролюбивою, кроткою, ласковою, мягкосердечною; въ немъ виденъ представитель Ормузда. Киръ былъ честолюбивъ, предприимчивъ, воинствененъ; онъ былъ солдатомъ во вкусѣ греческихъ наемниковъ, значительные отряды которыхъ онъ привлекъ къ себѣ на службу. Считая себя поэтому достойнымъ престола и даже имѣющимъ на него право, Киръ рѣшился захватить престолъ силой. Для этого онъ обратился за помощью къ лакедемонянамъ, прямо ссылаясь на тѣ услуги, какія онъ оказалъ имъ въ послѣдней войнѣ.

Эфоры нашли это вполне справедливымъ. Правда, они не рѣшились открыто высказаться за него, но послали флотъ въ Киликію, чтобы помѣшать тамошнему намѣстнику противодѣйствовать походу Кира, и охотно разрѣшили воинамъ Пелопонеса поступать въ войско Кира. Главный вождь послѣднихъ, Клеархъ, прямо былъ уполномоченъ служить Киру. Послѣ этого былъ набранъ очень значительный отрядъ войска, въ 13,000 человекъ, который, не встрѣчая большого сопротивленія въ Западной Азіи, направился на востокъ, съ цѣлью доставить персидскую корону союзнику лакедемонянъ. Въ двухъ словахъ, — дѣло сводилось къ слѣдующему расчету. При поддержкѣ Кира, лакедемоняне сдѣлались господами Греціи; теперь нужно было съ помощью лакедемонянъ сдѣлать Кира государемъ и властелиномъ Персіи. Можно было заранѣе сомнѣваться,

въ состояніи ли будетъ союзъ греческихъ наемниковъ и претендента на персидскую корону добиться значительнаго вліянія; не будутъ ли греки, даже въ лучшемъ случаѣ, — если Артаксерксъ будетъ низвергнутъ и на престолъ возведенъ Киръ, — играть очень подчиненную роль. Но несомнѣнно, что и въ такомъ случаѣ міровое положеніе измѣнилось бы. Киръ встрѣтилъ бы сопротивленіе, и ему постоянно приходилось бы опираться на помощь грековъ. Последніе постоянно пользовались бы нѣкоторою долею созданной ими власти и пріобрѣли бы вліяніе на дальній востокъ.

Для персидскаго царства было вопросомъ жизни, будетъ ли оно въ состояніи выдержать этотъ натискъ или нѣтъ. При встрѣчѣ обоихъ войскъ у Кунаксы сначала въ самомъ дѣлѣ казалось, что Киръ останется побѣдителемъ. Его греческіе наемники, отлично обученные и предводимые испытаннымъ вождемъ, произвели удачное нападеніе на непріятеля. Стоявшія противъ нихъ полчища персовъ, наскоро собранныя, плохо вооруженныя и обученныя, были опрокинуты, такъ что сраженіе казалось уже выиграннымъ и Кира привѣтствовали царемъ. Но лучше устроенныя, отборныя войска, въ срединѣ которыхъ находился самъ Артаксерксъ, стояли еще непоколебленными. Киръ произвелъ на нихъ сильный натискъ, но Тиссафернъ возстановилъ среди нихъ порядокъ, и въ схваткѣ Киръ погибъ. Предпріятіе грековъ основывалось только на личности претендента; съ гибелью его отъ замысла нужно было отказаться. Ихъ вожди пали жертвою вѣроломства персидскихъ приверженцевъ Кира, которые теперь только и думали объ одномъ, — какъ бы примириться съ царемъ. И

вотъ греки, подъ руководствомъ аеинянина Ксенофонта, совершили знаменитое въ военной исторіи отступление десяти тысячъ (до этой цифры понизилось ихъ число). Отступление это показало, какъ высока была ихъ военная подготовка и какъ они умѣли приноровлять свои тактическія движенія къ окружающимъ условіямъ. Съ величайшими опасностями и затрудненіями они проложили себѣ путь среди варварскихъ племенъ, еще сохранявшихъ первобытную свободу. Въ рассказѣ Ксенофонта производитъ особенное впечатлѣніе описаніе того восторга, который овладѣлъ греками при видѣ моря. Властители моря, они только тутъ почувствовали увѣренность въ своемъ спасеніи.

Походъ этотъ нельзя считать простымъ приключеніемъ; напротивъ, при болѣе близкомъ разсмотрѣніи оказывается, что онъ сопровождался самыми широкими результатами. Персидскіе сатрапы не могли оставить безъ отмщенія участія лакедемонянъ въ нападеніи на царя. Тиссафернъ, снова возвысившійся теперь послѣ гибели Кира, возобновилъ войну въ Малой Азіи.

Такимъ образомъ, въ греко-персидскихъ отношеніяхъ наступила новая фаза. Походъ десяти тысячъ снова пробудилъ въ лакедемонянахъ стремленіе проникнуть въ Азію. Деркиллидъ во главѣ войска изъ лакедемонянъ и ихъ союзниковъ завладѣлъ Троадой. Когда затѣмъ оба сатрапа, Тиссафернъ и Фарнабазъ, предложили такія условія мира, въ принятіи которыхъ лакедемоняне усмотрѣли для себя опасность, то въ Спартѣ пришли къ рѣшенію возобновить снова старую войну. Веденіе ея было поручено молодому царю Агесилаю. Гомеровскія идеи пробуди-

лись: Агесилай предъ отправленіемъ принесъ жертву въ Авлидѣ, правда, не безъ сопротивленія со стороны прежнихъ союзниковъ.

Гомеровскаго героя Агесилай, правда, не представлялъ своею личностью: онъ былъ маленькаго роста, худощавъ и, кромѣ того, хромъ на одну ногу. Но такъ какъ первоначально онъ не имѣлъ никакой надежды на престолъ, то и получилъ строго спартанское воспитаніе; онъ отличался воздержностью и настойчивостью, покорностью велѣніямъ государства; для своихъ враговъ онъ былъ всегда врагомъ, для друзей—другомъ, даже до несправедливости; какъ полководецъ, онъ былъ остороженъ и даже лукавъ, умѣя всегда нападать тамъ, гдѣ его не ожидали. Еще разъ столпились іоняне вокругъ царя изъ рода гераклидовъ, и онъ умѣлъ образовать изъ нихъ конницу, которою до того персы превосходили грековъ. Все при немъ прониклось военнымъ энтузіазмомъ. Эфесъ снова оживился и превратился какъ бы въ военную мастерскую. Явилось представленіе,—впервые давшее мужество для борьбы съ персидскою монархіей,—что персы уступаютъ эллинамъ въ храбрости и что имъ поэтому суждено быть побѣжденными. По предложенію Агесилая у береговъ снова былъ созданъ значительный флотъ; старое воодушевленіе вновь пробудилось.

Агесилай имѣлъ значительный успѣхъ. Онъ одержалъ надъ Тиссаферномъ двѣ побѣды, доставившія грекамъ не только перевѣсъ, но и удовлетвореніе, такъ какъ ихъ главный противникъ совсѣмъ утратилъ довѣріе царя и по настоянію царицы-матери, всегда бывшей противъ него, былъ казненъ. Затѣмъ Агесилай разбилъ при помощи нечаяннаго нападе-

ніа Фарнабаза, при чемъ особенно отличились служившіе въ войскѣ остатки десяти тысячъ. Вступивъ въ дружескія отношенія съ однимъ знатнымъ персомъ и съ царемъ Пафлагоніи, Агесилай устроилъ между ними родственнй союзъ, посредствомъ котораго надѣялся причинить Персіи большой ущербъ.

Такимъ образомъ, признанный іонянами въ качествѣ вождя, обладая флотомъ, который господствовалъ надъ моремъ, и увѣренный въ постоянной поддержкѣ Спарты, Агесилай занималъ важную и опасную для царя Персіи позицію. Но и на этотъ разъ союзъ грековъ съ варварами оказался непрочнымъ. Друзья разсорились изъ-за дѣлежа добычи, и широкія надежды исчезли. Несмотря на это, Агесилай могъ бы еще сильно повредить персамъ, если бы послѣдніе, возвратясь къ своей прежней политикѣ, не обратились за помощью къ грекамъ Эллады: отъ лакедемонянъ они научились, какъ бороться съ греками. Они употребили теперь противъ лакедемонянъ то же средство, какимъ раньше пользовались противъ аеинянъ, — союзъ съ противниками врага среди самихъ грековъ. Персамъ удалось подорвать могущество Спарты вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла грековъ и возбужденіемъ всюду вражды противъ лакедемонянъ.

Зная хорошо, что союзники Спарты недовольны ею, преемникъ Тиссаферна истратилъ много денегъ на то, чтобы подкупить нѣкоторыхъ вождей Аргоса, Коринѳа и даже Фивъ и побудить ихъ къ отпаденію отъ Спарты. Аеиняне окрѣпили уже настолько, что тоже примкнули къ образовавшейся такимъ образомъ коалиціи противъ Спарты, хоть и не получили за это никакихъ денегъ. Поводомъ къ

междуусобной войнѣ послужилъ снова споръ между Локридой и Фокидой изъ-за участка земли; еиванцы вступились за однихъ, лакедемоняне за другихъ. Первою жертвою борьбы былъ Лисандръ, виновникъ того союза съ персами, который привелъ къ усиленію послѣднихъ. Эти событія взволновали всю Элладу, а между тѣмъ на морѣ собралась новая гроза. Послѣ битвы при Эгоспотамѣ, Кононъ, одинъ изъ аеинскихъ вождей, бѣжалъ на Кипръ, гдѣ все еще было очень сильно греческое населеніе. Подъ его руководствомъ въ Финикіи, все еще повиновавшейся царю, былъ снаряженъ флотъ. Лакедемоняне, считавшіеся прежде союзниками царя, оказывались теперь его главными врагами. Флотъ, образованный Агесилаемъ, не былъ въ состояніи бороться съ соединенными силами финикіянъ и аеинянъ. Увидѣвъ въ передовой линіи аеинскіе корабли, союзники лакедемонянъ обратились въ бѣгство, а вождь ихъ, спартанецъ Писандръ, искалъ смерти и былъ убитъ (при Книдѣ въ 394 г.). Въ то же время споры на материкѣ Эллады привели также къ кровавому столкновенію. Агесилай долженъ былъ отказаться отъ своего великаго замысла и вернуться въ Элладу чрезъ Геллеспонтъ, такъ какъ возвращеніе прямо чрезъ Эгейское море было бы теперь невозможно.

Вернувшись, онъ одержалъ надъ соединенными врагами побѣду при Коронѣ, но это не возстановило прежняго преобладанія Спарты. Въ Коринѣ власть захватила противная партія. Въ войнѣ, которую затѣмъ Спарта вела съ Коринѣомъ съ перемѣннымъ счастіемъ, аеинянинъ Ификратъ, командуя дружиной храбрыхъ наемниковъ, создалъ, — повидимому, по еракійскому образцу, которымъ

пользовались уже десять тысяч во время своего отступления, — легко вооруженную пѣхоту пельтастовъ, которые могли противустоять спартанскимъ гоплитамъ въ открытомъ полѣ. Все это дѣлалось съ помощью персовъ: Ификратъ былъ на жалованьи у коринскаго сейма, получавшаго деньги отъ Персіи. Въ Аѣинахъ Кононъ на персидскія деньги возстановилъ длинныя стѣны. Нѣсколько быстрыхъ ударовъ измѣнили такимъ образомъ вполнѣ положеніе Спарты на материкѣ: она утратила военное превосходство и свое обаяніе. Немалое впечатлѣніе произвело въ Лакедемонѣ и то, что снова поднялись Аѣины, сдѣлавшія попытку возстановить утраченное господство на морѣ. При взаимодействіи этихъ двухъ условій лакедемоняне ожидали себя скорой гибели. Въ этотъ моментъ они круто перемѣнили направленіе своей политики. Въ Спартѣ всегда была партія, относившаяся неодобрительно къ войнѣ противъ Персіи. Теперь эта партія снова выдвинулась. Для выхода изъ затруднительнаго положенія она не находила другого средства, кромѣ мира съ Персіей, такъ какъ всѣ претерпѣваемые бѣды произошли отъ разрыва съ нею. Вождемъ этой партіи былъ Анталкидъ, который, слѣдуя Лисандру, твердо держался за эту мысль среди всѣхъ послѣдующихъ превратностей судьбы. Онъ, наконецъ, подготовилъ для своей идеи почву настолько, что его самого послали въ Малую Азію, а затѣмъ и къ персидскому двору для заключенія мирнаго договора.

Каковы же были условія, которыя удовлетворяли обѣ стороны и на которыхъ можно было сойтись? Главное изъ нихъ касалось разграниченія сферы вліянія Персіи и Спарты. При перемѣнѣ военнаго

счастія на морѣ Спарта не могла болѣе сохранять того вліянія, какое она приобрѣла на берегахъ Малой Азіи и на Архипелагѣ. Ей слѣдовало опасаться, что руководящая роль попадетъ здѣсь въ руки ея враговъ, именно снова усиливающихся Аѣинъ. Поэтому въ интересѣ самой Спарты было возвратить это вліяніе великому царю. Это было для Персіи огромнымъ успѣхомъ. За нею безъ всякихъ усилій, просто вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ грековъ, оставались тѣ берега, которые служили главнымъ предметомъ долгой борьбы. Нѣкоторое затрудненіе представляло еще запутанное положеніе Кипра, но такъ какъ и здѣсь аѣиняне оказались побѣдителями, то спартанцы, послѣ короткаго колебанія, рѣшились допустить и тутъ возстановленіе власти персовъ. Въ одномъ только отношеніи они выказали вниманіе къ Аѣинамъ: послѣднія издавна владѣли островами Лемномъ, Имбромъ и Скиромъ, и такъ какъ нужно было получить ихъ согласіе на миръ, то было признано за нужное оставить эти три острова за аѣинянами. Всѣ греческіе города въ Малой Азіи должны были подчиниться царю. Однимъ словомъ, Спарта сама предоставила ему тѣ трофеи, за которые такъ долго велась борьба съ Персіей, и сама позаботилась о томъ, чтобы на долгое время отсрочить притязанія противной стороны на эту добычу.

Но это была только одна сторона мира. Другая сторона касалась внутреннихъ отношеній между греческими государствами. Тѣсный союзъ Аргоса и Коринѣа и гегемонія Фивъ въ Беотіи могли осилить Спарту и грозили ей опасностью. Въ виду этого, Спарта добилась отъ персидскаго царя постановленія, что всѣ города Греціи должны быть автономны.

Этого результата добивался еще Брасидъ. Еще тогда Спарта выставила независимость колоній и подчиненныхъ областей, какъ основной принципъ, за который она ведетъ борьбу. Чего не удалось провести тогда, — то самое было теперь снова предпринято Спартой въ бѣльшихъ размѣрахъ. На этотъ разъ осуществленіе идеи автономіи было направлено не столько противъ Аѣинъ, еще не успѣвшихъ возстановить своего союза, сколько противъ Фивъ, имѣвшихъ надъ свободными городами Беотіи такую власть, которой Спарта не хотѣла долѣе терпѣть. Нѣкоторую долю выгоды это могло представлять и для Персіи, такъ какъ только сплоченные союзы могли быть опасны для могущества, только что пріобрѣтеннаго персидскимъ царемъ. Но главную пользу отъ автономіи греческихъ государствъ получала все-таки Спарта, рассчитывавшая такимъ образомъ избавиться отъ соперниковъ. Она добилаь того, что царь Персіи грозилъ открытою войною всякому, кто станетъ противиться заключенному соглашенію.

Вотъ какъ переплетались между собой всѣ эти политическія комбинаціи. При помощи персидскихъ денегъ Спарта ниспровергла Аѣины. Затѣмъ, когда Спарта и Персія разсорились, Аѣины главнымъ образомъ содѣйствовали появленію на сушѣ и на морѣ такихъ противниковъ могущества Спарты, съ которыми послѣдняя уже не могла справиться. Чтобы удержаться на высотѣ, Спарта снова обратилась къ помощи Персіи. Чрезъ это фактически рѣшеніе греческихъ дѣлъ перешло въ руки великаго царя и его сатраповъ въ М. Азіи. Онъ и условился теперь со Спартою ввести въ Греціи такой порядокъ вещей, который долженъ былъ навсегда помѣшать образова-

нію крупныхъ государствъ. Для своего спасенія Спарта схватилась за средство, которое должно было погубить всѣхъ прочихъ грековъ. Если первая статья мира значительно расширяла прямую власть Персіи, то вторая предоставляла ей нѣчто въ родѣ верховенства надъ самою Элладой. Вотъ что такое былъ миръ Анталкида. Онъ лишилъ грековъ власти надъ Азіей и поставилъ въ тѣснѣйшія границы образованіе независимыхъ государствъ въ собственной Греціи. Одна Спарта сохранила и впредь свое прежнее преобладаніе.

ХІІІ. ЭПАМИНОНДЪ И ВОЗВЫШЕНІЕ ΘΙΒЪ.

(*Vischer, Kleine Schriften, I Band.*)

Дѣло было въ пасмурный зимній день 379 года до Р. Х. Нѣсколько изгнанныхъ ѳиванскихъ демократовъ тайкомъ пробрались изъ Аѳинъ въ свой родной городъ съ цѣлью освободить его отъ тяжелаго ига олигархической партіи. Это было смѣлое предпріятіе, грозившее зачинщикамъ и участникамъ очень большими опасностями, а людямъ менѣе довѣрчивымъ представлявшееся и совсѣмъ безнадежнымъ. Правители были люди рѣшительные, для удержанія своего положенія не брезговавшіе никакими средствами; а гарнизонъ изъ 1,500 человекъ, занимавшій подъ командою спартанскихъ предводителей цитадель Кадмеи, служилъ имъ охраной, съ которой нелегко было сладить. Но изгнанники и ихъ друзья въ городѣ устроили все такъ ловко, безпечность правителей была такъ велика, что замыселъ удался вполнѣ, хотя не разъ былъ близокъ къ неудачѣ. Разгульные полемархи полупьяные были убиты за пиромъ. Самый почтенный изъ олигарховъ, энергичный Леонтиадъ, былъ осилень Пелопидомъ въ собственномъ домѣ только послѣ отчаяннаго сопротивленія. Многихъ другихъ, менѣе значительныхъ людей постигла такая же участь. Гражданъ еще

ночью призвали къ свободѣ; они собрались и вооружились. Утро застало нижній городъ въ рукахъ освободителей; созванное впервые послѣ долгаго промежутка народное собраніе возстановило должность беотарховъ, уничтоженную олигархическимъ правленіемъ, и призвало къ отправленію этой должности самихъ руководителей счастливо выполненнаго заговора.

Но дѣло было еще не совсѣмъ доведено до конца, такъ какъ непріятельскій гарнизонъ изъ цитадели угрожалъ нижнему городу; сосѣдніе города Беотіи отчасти были въ дружбѣ со Спартой и охранялись отрядами спартанскаго войска, которые легко могли подать помощь кадмейскому гарнизону и вмѣстѣ съ нимъ подавить возстаніе. По счастью для Фивъ, сдѣланная изъ Платей попытка помочь спартанскому гарнизону была отбита еиванской конницей; а когда еиванцы, при поддержкѣ вольной дружины, подоспѣвшей изъ Аѳинъ съ двумя полководцами, приготовились штурмовать Кадмею, то спартанскіе начальники совсѣмъ потеряли голову и сдали крѣпость подъ условіемъ почетнаго отступленія съ оружіемъ.

Такимъ образомъ Фивы были вполнѣ освобождены, —но только однѣ Фивы; и ихъ положеніе было въ высшей степени опасно, какъ это покажетъ обзоръ положенія Греціи. Благодаря Анталкидову миру, Спарта, незадолго передъ тѣмъ цѣлые годы воевавшая въ Малой Азіи съ Персіей, обезпечила себѣ цѣною азіатскихъ эллинскихъ городовъ господство надъ Греціей. По этому миру всѣ государства, крупныя и мелкія, должны были быть автономными. Кто противился миру, объявлялся врагомъ великаго царя, которому послѣдній грозилъ войной вмѣстѣ съ

остальными государствами, вошедшими въ соглашеніе. Спартѣ былъ порученъ надзоръ за соблюденіемъ мира въ Греціи. Извѣстно, какъ она поняла эту задачу и какъ ею воспользовалась. Подъ видомъ защиты самостоятельности мелкихъ государствъ она сумѣла разорвать всѣ союзы, подавить всякое свободное движеніе и за то, сильнѣе чѣмъ когда-нибудь, упрочить свое господство, такъ что этотъ миръ и охраненіе его можно назвать однимъ изъ величайшихъ образцовъ политическаго маккиавеллизма.

Настоящей душой этой политики былъ теперь тотъ самый человекъ, который еще недавно задавался цѣлью поколебать персидскій престолъ, — Агесилай. Хотя сначала ему было обидно отказываться отъ своихъ честолюбивыхъ плановъ, тѣмъ не менѣе именно онъ первый сумѣлъ воспользоваться благоприятными условіями во вредъ греческимъ государствамъ и придать договору такое значеніе, какого, быть-можетъ, не подозрѣвалъ и самъ ловкій посредникъ, Анталкидъ. Болѣе крупныя государства, раньше не только не поддерживавшія Агесилая въ походѣ противъ персовъ, но даже остановившія его побѣдосное движеніе, теперь зато должны были испытать, что можетъ сдѣлать съ ними Спарта, опираясь на Персію. Она опиралась не только на персидскій деспотизмъ на Востокѣ; въ то же время и на Западѣ она была въ союзѣ съ могущественнымъ сиракузскимъ тираномъ Діонисіемъ, который распространилъ по Сициліи и Италіи горе и нищету и находилъ у Спарты помощь противъ свободолюбивыхъ стремленій своихъ прежнихъ согражданъ. Этой прочно установившейся силѣ не могло противиться съ успѣхомъ ни одно греческое государство.

Аѳины стояли особнякомъ въ сторонѣ. Спарта могла соединить подъ своимъ главенствомъ пелопонескіе города формально въ качествѣ самостоятельныхъ, а на дѣлѣ подчиненныхъ союзниковъ, и наказывать ихъ за ихъ прежнее неповиновеніе. Величайшимъ преступленіемъ теперь считался отказъ выслать войско на помощь Спартѣ или недопущеніе ея войскъ въ стѣны города. Укрѣпленный, цвѣтущій городъ Мантиней былъ раздѣленъ на четыре самостоятельныхъ мѣстечка безъ стѣнъ; Фліунтъ послѣ геройскаго сопротивленія былъ принужденъ измѣнить свое устройство въ интересахъ Спарты и ея приверженцевъ и принять спартанскій гарнизонъ. Союзъ получилъ болѣе строгое, чѣмъ прежде, военное устройство.

Но Спарта не ограничилась Пелопонесомъ. Ея вліяніе распространилось на среднюю и сѣверную Грецію. На еракійскомъ берегу былъ расторгнутъ цвѣтущій союзъ, имѣвшій своимъ центромъ Олинею, и входившіе въ него отдѣльные города были затѣмъ въ качествѣ самостоятельныхъ членовъ присоединены къ спартанской симмахіи. И здѣсь особеннымъ покровительствомъ и дружбою мнимой охранительницы эллинской автономіи пользовались туземные князья, которыхъ стѣсняло могущество Олинея и которымъ оно могло грозить опасностью и на будущее время. Особенно сильно тяготѣлъ гнетъ спартанскаго владычества надъ Эивами, которыя навлекли на себя непримиримый гнѣвъ Агесилая, нанеся ему жестокое оскорбленіе.

Послѣ персидскихъ войнъ, пока Аѳины стояли на вершинѣ своего могущества, Эивы пользовались полнымъ расположеніемъ Спарты. Одинаковый страхъ

предъ Аѣинами тѣсно связывалъ ихъ со Спартой; и такъ какъ тогда для Спарты было выгодно противопоставить Аѣинамъ въ лицѣ Фивъ возможно болѣе сильнаго врага, то она и содѣйствовала по мѣрѣ возможности стремленіямъ фиванцевъ соединить подъ своимъ главенствомъ беотійскіе города. Послѣ окончательной сдачи Платей Спарта даже и эту область предоставила Фивамъ.

Но уже при заключеніи Никіева мира Фивамъ пришлось жаловаться на невниманіе Спарты. Когда же послѣ битвы при Эгоспотамъ Аѣины были унижены и ихъ могущество сокрушено, мѣсто прежней дружбы заняло сначала недовольство и натянутость, а вскорѣ и открытая вражда. Дѣло въ томъ, что Спарта хотѣла одна воспользоваться плодами побѣды и низвести на подчиненное мѣсто союзника, переставшаго быть необходимымъ; а послѣдній вовсе не желалъ съ этимъ мириться. Новое отношеніе сказалось впервые, когда тридцать аѣинскихъ тирановъ принудили къ бѣгству и изгнанію тысячи своихъ согражданъ. Вопреки запрещенію Спарты, Фивы дали имъ надежный пріютъ. Изъ Фивъ Фразибуль произвелъ свой удачный набѣгъ, который послужилъ началомъ освобожденія Аѣинъ, а когда пелопонесское войско выступило противъ Аѣинъ, Фивы отказались присоединить къ нему свой контингентъ. Полное подчиненіе Аѣинъ власти Спарты, конечно, представляло для сосѣдняго съ Аттикой государства такъ же мало пріятнаго, какъ и прежнее чрезмѣрное могущество Аѣинъ. Могущества ихъ теперь нечего было бояться; надо было противодѣйствовать ихъ полному порабоженію.

Еще яснѣе обнаружился разрывъ Фивъ со Спартой,

когда Агесилай готовился къ походу противъ Азіи и прибылъ въ Авлиду, чтобы принести тамъ жертву Артемидѣ, какъ нѣкогда Агамемномъ передъ завоеваніемъ Трои. Едва онъ началъ жертвоприношеніе, какъ прискакали посланные беотархами всадники, запретили ему приносить жертву, сбросили съ жертвенника уже возложенныя на него части жертвы и принудили Агесилая сѣсть на корабль, не выполнивъ намѣренія. Этого позора глубоко оскорбленный царь никогда не могъ забыть. Но все это было какъ бы только прелюдіей къ дальнѣйшимъ событіямъ. Въ слѣдующемъ году Фивы вызвали взрывъ коринеской войны, при самомъ началѣ которой былъ убитъ Лисандръ, а царь Павсаній принужденъ позорно отступить. Спартѣ пришлось отозвать изъ Азіи Агесилая. Затѣмъ въ кровавой битвѣ при Коронѣ, оставшейся нерѣшенной, опять фиванцы оспаривали побѣду у царя и даже нанесли ему тяжелую рану.

Изъ всего этого легко понять, что, когда война была закончена Анталкидовымъ миромъ, Фивы должны были раньше всѣхъ испытать на себѣ гнѣвъ Спарты. Заботясь прежде всего объ удовлетвореніи своего личнаго мщенія, царь Агесилай могъ навѣрное рассчитывать на полное согласіе большинства своихъ соотечественниковъ. Одной изъ руководящихъ цѣлей спартанской политики является теперь униженіе Фивъ. Это обнаружилось уже при самомъ заключеніи мира, или, вѣрнѣе, при изъявленіи греческими государствами согласія на предложенныя великимъ царемъ условія. А именно, когда Фивы въ качествѣ главы беотійскаго союза хотѣли подтвердить миръ присягою отъ имени Беотіи, то Аге-

силай, руководившій вполне самовластно совѣщаніями, отказался принять эту присягу и отправилъ домой ѳиванскихъ пословъ, ссылавшихся на данныя имъ инструкціи. Онъ велѣлъ имъ или привезти инныя инструкціи, или ожидать войны. Какъ серьезно относился онъ къ этой угрозѣ, видно изъ того, что онъ уже перешелъ съ войскомъ границу, когда ѳиванскіе послы вернулись и подчинились. Всѣ беотійскіе города были объявлены автономными, т. е. существовавшій до того союзъ былъ распущенъ. ѳивы, ограниченныя территоріею своего округа, обращались отнынѣ въ простой областной городъ. Должность беотарховъ была отмѣнена. Но и этимъ Спарта не ограничилась. Платей, нѣкогда покоренныя и разрушенныя пелопонесцами, и уже 40 лѣтъ какъ присоединенныя къ ѳиванскимъ владѣніямъ, теперь были снова возстановлены, хотя самое содержаніе договора не давало къ этому ни малѣйшаго повода. Этимъ приобрѣтался преданный Спартѣ сторожевой постъ, а также съ коварнымъ расчетомъ создавался предлогъ для непрерывныхъ споровъ между ѳивами и Аѳинами. Во многіе беотійскіе города были поставлены гарнизоны. Наконецъ, такъ какъ упрямые ѳиванцы все еще сопротивлялись, спартанцы предательски овладѣли ѳивской крѣпостью и передали управленіе исключительно въ руки партіи, преданной Спартѣ. Предводители противной партіи были казнены или вынуждены бѣжать. Если даже на самомъ дѣлѣ спартанскій предводитель Фебидъ дѣйствовалъ при этомъ сначала на свой страхъ (какъ утверждали въ Спартѣ и чему мы охотно вѣримъ), то все-таки правительство Спарты воспользовалось плодами преступленія и взяло

на себя всю отвѣтственность. Вѣдь самъ Агесилай объявилъ, что, если дѣло выгодно для Спарты, то старое политическое правило дозволяетъ предпринимать его на свой собственный страхъ. Такъ, съ полною откровенностію выгода Спарты была объявлена руководящимъ началомъ ея политики. Когда вскорѣ затѣмъ ей принужденъ былъ подчиниться Олинеѣ, то власть ея казалась непоколебимо утвержденной во всей Греціи.

Естественно, что даже явные приверженцы Спарты видѣли во внезапномъ крушеніи спартанской власти въ Фивахъ справедливое возмездіе боговъ. Извѣстіе объ освобожденіи Фивъ поразило Спарту какъ громовой ударъ при безоблачномъ небѣ. Тотчасъ было рѣшено отправить войска въ Беотию; но царь, ссылаясь на старость, отклонилъ отъ себя начальство надъ выступающимъ войскомъ, такъ какъ война была слишкомъ непопулярна. Неблагодарную задачу долженъ былъ взять на себя его товарищъ Клеомбротъ. Кадмея уже капитулировала; въ суровое зимнее время едва ли можно было думать о какихъ-нибудь успѣхахъ. Клеомбротъ ограничился простой демонстраціей противъ Фивъ, которая должна была показать городамъ Беотіи, что Спарта не думаетъ отказываться отъ защиты ихъ самостоятельности; затѣмъ онъ оставилъ значительный отрядъ въ Теспіяхъ подъ начальствомъ гармоста Сфодрія.

Ближайшая опасность для Фивъ на время миновала; но теперь дѣло шло о томъ, чтобы сохранить и обезпечить возвращенную свободу. Это было не такъ легко, потому что могущество Спарты всюду еще оставалось непоколебимымъ, и ея гарнизоны въ Беотіи стояли почти у самыхъ воротъ Фивъ,

Борьба одного города съ силами почти всей Греціи, соединенными подъ главенствомъ Спарты, должна была казаться почти невозможной. И мы имѣемъ на самомъ дѣлѣ основаніе полагать, что сознаніе этого господствовало не только въ остальной Греціи, но и въ самихъ Фивахъ. По одному достойному извѣстію Фивы искали примиренія со Спартой и предлагали признать спартанскую гегемонію съ обязательствомъ доставлять ей войско въ случаѣ нужды. Переговоры не удались вслѣдствіе чрезмѣрныхъ требованій Спарты, настаивавшей на возвращеніи въ Фивы преданныхъ ей изгнанниковъ и на удаленіи оттуда убійць тирановъ.

Фиванцамъ оставалось положиться на свои силы. Счастливый случай послалъ въ это время Фивамъ людей, которые оказались на высотѣ положенія.

Изъ руководителей заговора выше всѣхъ стоялъ Пелопидъ. Принадлежа къ знатной семьѣ, осыпанный щедрыми дарами судьбы, онъ былъ тогда въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Обладая сильнымъ сложеніемъ, онъ съ особенной любовью занимался гимнастическими упражненіями, пользовавшимся большимъ уваженіемъ у фиванцевъ, и свой досугъ всего охотнѣе проводилъ въ палестрѣ и на охотѣ. Своимъ богатствомъ Пелопидъ пользовался въ высшей степени благородно, предоставляя его въ полное распоряженіе своихъ друзей и помогая нуждающимся гражданамъ, а самъ въ то же время соблюдая въ одеждѣ и пищѣ величайшую простоту. Съ пламенной любовью къ свободѣ и со всѣми добродѣтелями гражданина онъ соединялъ краснорѣчіе, необходимое въ греческой демократіи—даже фиванской— для политическаго дѣятеля, а также талан-

ты война и полководца. Иногда только его горячій характеръ заставлялъ его забывать объ осторожности, которая приличествуетъ предводителю. Онъ былъ болѣе способенъ нанести смѣлый, быстрый ударъ, чѣмъ обдуманно руководить походомъ; да и вообще нѣкоторая страстность, никогда однако не переходившая въ насильственность и жестокость, выдавала его горячую эолійскую кровь. Всѣ эти свойства, дѣлавшія Пелопида типичнымъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, еиванцемъ, а также и то обстоятельство, что онъ былъ истиннымъ главою заговора, сдѣлали его въ Фивахъ самымъ популярнымъ человекомъ. До конца жизни ему не измѣняло расположеніе народа, и смерть его граждане и союзники оплакивали какъ тяжелый ударъ. Но лучшей чертой его характера, оказавшейся наиболѣе полезной для благополучія Фивъ, представляется неизмѣнная и безкорыстная дружба его въ теченіе всей жизни съ болѣе талантливимъ, но и гораздо менѣе популярнымъ Эпаминондомъ и добровольное подчиненіе послѣднему.

Эпаминондъ не участвовалъ непосредственно въ заговорѣ и вообще до тѣхъ поръ ничѣмъ не выдавался, хотя ему было уже около сорока лѣтъ. Что же, спрашивается, могло подготовить его къ предстоявшему ему великому поприщу? Родъ Эпаминонда принадлежалъ къ старинной знати. Хотя у отца его было немного средствъ, но сынъ все-таки получилъ прекрасное воспитаніе. По туземному обычаю онъ учился музыкѣ и танцамъ у лучшихъ учителей; а что онъ не пренебрегалъ тѣлесными упражненіями,—это понятно само собой для еиванца. Отъ большинства согражданъ онъ отличался только тѣмъ,

что больше цѣнилъ ловкость и быстроту, чѣмъ простую физическую силу, и не одобрялъ атлетической тучности, какъ непригодной для цѣлей войны. На ряду съ этими предметами юношескаго образованія, которыми обыкновенно не пренебрегалъ ни одинъ свободный гражданинъ благороднаго происхожденія, Эпаминондъ особенно занимался философіей. Хотя у еиванцевъ чисто физическая жизнь брала верхъ надъ духовной, но и ихъ затронуло движеніе, увлекавшее тогда умы. Пиеагореецъ Филолай въ концѣ V вѣка прожилъ въ Эивахъ долгое время и собралъ вокругъ себя много любознательныхъ мужей и юношей. По окончаніи же пелопонесской войны нѣкоторые изъ участниковъ этого философскаго кружка вступили въ сношенія съ Сократомъ и его друзьями въ Аѣинахъ. Послѣ Филолая школа пиеагорейцевъ нашла себѣ достойнаго представителя въ лицѣ Лизиса изъ Тарента. Онъ тоже удалился въ Эивы изъ Италіи и встрѣтилъ радушный пріемъ въ домѣ отца Эпаминонда, гдѣ и прожилъ до конца своей жизни. Юный сынъ хозяина съ чувствомъ сыновняго почтенія привязался къ серьезному сѣдому мыслителю, и эти отношенія ихъ продолжались до самой смерти Лизиса. Въ то время, какъ другіе сверстники предавались физическимъ упражненіямъ и удовольствіямъ, Эпаминондъ въ часы досуга жадно слушалъ рѣчи учителя и принималъ участіе въ бесѣдахъ философскаго кружка. Пиеагорейская школа, какъ извѣстно, съ самаго начала преслѣдовала своеобразную мистикорелигіозную цѣль; но въ то же время, на ряду съ чистымъ умозрѣніемъ, она обращала большое вниманіе на этику и больше другихъ философскихъ

направленій приводила свое ученіе въ связь съ дѣйствительностью, стремилась осуществить свои идеалы въ политической жизни. Она была для своихъ послѣдователей религіей, охватывавшей всю ихъ жизнь. Въ Эивахъ соприкосновеніе ихъ съ учениками Сократа должно было вызвать новое расширеніе ихъ кругозора.

Съ искренностью глубокаго характера и съ проницательностью яснаго ума Эпаминондъ рано подчинился вліянію этой философіи, въ лицѣ ея представителя Лизиса. Онъ вполне усвоилъ себѣ строгую мораль школы, и во всей своей жизни представлялъ чистѣйшій образецъ античной нравственности. Его частная жизнь была такъ безукоризненна, что даже многочисленные мемуаристы, не оставившіе въ покоѣ почти ни одного выдающагося человѣка, не могли сказать о немъ ничего сколько-нибудь важнаго. Съ самой юности онъ не только строго воздерживался отъ всякихъ страстей и безпутства, но не принималъ никакого участія даже и въ позволительныхъ забавахъ и удовольствіяхъ. Въ одеждѣ и пицѣ онъ отличался простою, доходившею почти до нищенства, и вмѣсто того, чтобы видѣть въ бѣдности своей семьи зло, онъ своимъ примѣромъ сумѣлъ приучить къ такой же простотѣ богача Пелопида. Наконецъ, онъ былъ безусловно выше страсти, сгубившей столько грековъ, — людей въ другихъ отношеніяхъ прекрасныхъ. Никогда даже дозволенными способами онъ не пользовался государственной службою какъ средствомъ къ обогащенію; никогда не принималъ подарковъ, — даже отъ самыхъ близкихъ друзей, не говоря о государяхъ и другихъ чужестранцахъ, — даже если

они предлагались въ самой мягкой формѣ. Но онъ не постыдился попросить помощи у своего друга Пелопида для приличнаго выполненія повинности, связанной съ общественной должностью. Его правдивость заходила такъ далеко, что онъ не позволялъ себѣ лжи даже въ шутку. Относясь такъ строго, почти аскетически, къ самому себѣ, онъ съ другими былъ мягокъ и кротокъ, щадилъ по возможности враговъ, былъ склоненъ наперекоръ древней греческой морали забывать нанесенную обиду. Въ обращеніи онъ совѣтъ не былъ педантиченъ, а напротивъ, — очень обходителенъ; умѣлъ внушать къ себѣ не только уваженіе, но любовь и привязанность, и даже обладалъ юморомъ. Напримѣръ, одного слишкомъ толстаго воина онъ отослалъ съ замѣчаніемъ, что его живота не прикроютъ даже три щита.

Но нравственность въ обычномъ узкомъ смыслѣ слова была не единственнымъ плодомъ, извлеченнымъ Эпаминондомъ изъ его философскихъ занятій. Серьезное методическое занятіе важнѣйшими жизненными вопросами сильно повліяло на развитіе его ума и характера. Говорять, Эпаминондъ никогда не покидалъ философскаго изслѣдованія, раньше чѣмъ не доводилъ его до конца. вмѣстѣ съ его строгою нравственностью и правдивостью эта черта напоминаетъ Сократа. Она столько же должна была содѣйствовать изощренію ума, какъ укрѣпленію характера. Въ то же время это приучало Эпаминонда и въ практической жизни не бояться никакого напряженія раньше достиженія разъ намѣченной цѣли. Съ другой стороны, діалектическій методъ, проникшій тогда несомнѣнно и въ пифагореизмъ, снабжалъ

Эпаминонда въ нужную минуту мѣткими возраженіями и развилъ въ немъ вообще удивительное для еиванца краснорѣчіе, которымъ онъ въ послѣдствіи отличался. Однако, существуютъ извѣстія, что вообще Эпаминондъ говорилъ мало и обыкновенно предпочиталъ внимательно слушать. Тарентинецъ Спинфаръ, принадлежавшій долгое время къ дружескому кружку еиванскихъ пиеагорейцевъ, говорилъ обыкновенно, что онъ никогда не видѣлъ чело-вѣка, который бы зналъ больше Эпаминонда и говорилъ меньше его. Вообще, едва ли слѣдуетъ представлять себѣ Эпаминонда ораторомъ въ аттическомъ смыслѣ. Наконецъ, изъ своей философіи Эпаминондъ почерпнулъ еще глубокую нравственно-религіозную твердость, которая поддерживала его въ самыхъ различныхъ положеніяхъ, которая одинаково возвышала его надъ общимъ суевѣріемъ эпохи и охраняла отъ беспочвеннаго отрицанія софистовъ и легкомысленнаго міровоззрѣнія и грубаго эгоизма большинства современниковъ. Высшимъ его стремленіемъ было доставить себѣ добродѣтельной жизнью внутреннее удовлетвореніе. Потому онъ придавалъ мало значенія внѣшнему признанію и отличію и мало дорожилъ расположеніемъ народа. Но, несмотря на то, его философско-аскетическое направленіе никогда не мѣшало ему исполнять свои обязанности гражданина во всей ихъ полнотѣ. Онъ былъ чуждъ замѣтному въ Платоновой школѣ превознесенію себя надъ нефилософской толпой и не считалъ ниже своего достоинства — служить государству, въ его современной формѣ, не требуя коренной реформы на идеальныхъ началахъ. Съ одинаковой покорностью и непоколе-

бимой вѣрностью служилъ онъ отечеству и въ высокомъ, и въ низкомъ санѣ. Вскорѣ послѣ своей побѣды при Левктрахъ и униженія Спарты въ Пелопонесѣ онъ съ одинаковымъ усердіемъ участвовалъ въ качествѣ простаго воина въ походѣ противъ Фессаліи подъ начальствомъ неспособныхъ вождей; а стоя на вершинѣ своей славы, онъ такъ серьезно исполнялъ порученную ему въ насмѣшку должность смотрителя стоковъ, что съ тѣхъ поръ она изъ презираемой обратилась въ почетную. Немногимъ государственнымъ дѣятелямъ и полководцамъ всѣхъ временъ, немногимъ великимъ людямъ вообще было такъ чуждо личное честолюбіе, какъ Эпаминонду. Его единственнымъ честолюбіемъ было — видѣть отечество свободнымъ и великимъ.

Поэтому мы не должны удивляться, что не встречаемъ его нигдѣ до полной зрѣлости и что онъ никогда не сдѣлался дѣйствительно популярнымъ человѣкомъ. Жилъ онъ въ тихомъ уединеніи, цѣнимый и уважаемый только близкими друзьями. Когда олигархическая партія, при помощи Фебида, захватила управленіе въ свои руки и принудила людей, извѣстныхъ своею враждебностью къ Спартѣ и казавшихся опасными по своему положенію, искать себѣ убѣжища въ Аѣинахъ, — то Эпаминондъ спокойно оставался въ Фивахъ. Въ виду его занятій философіей его считали неспособнымъ къ политикѣ, а въ виду бѣдности — человѣкомъ безъ вліянія. Даже изъ друзей, быть-можетъ, немногіе подозрѣвали скрытые въ немъ таланты. Иные, когда онъ отказался участвовать въ заговорѣ противъ олигарховъ, скорѣе готовы были предположить въ немъ недостатокъ мужества и рѣшительности. На самомъ

дѣлѣ, наперекоръ распространенному среди грековъ взгляду, онъ считалъ непозволительнымъ умерщвлять безъ суда гражданъ, даже если они были виновны въ крупныхъ насиліяхъ. Помимо того, онъ опасался, что, разъ начнутся убійства, ихъ трудно будетъ остановить. Онъ зналъ, что среди демократовъ есть плохіе люди, которые воспользуются разъ представившимся случаемъ для удовлетворенія личной мести. Но это не значить, что онъ относился равнодушно къ положенію родины. Давно подбивалъ онъ еиванскую молодежь помѣряться въ гимназіяхъ силою со спартанцами и указывалъ, какъ позорно для нихъ подчиняться людямъ, которыхъ они превосходятъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. И вотъ, когда тираны пали и дѣло шло объ освобожденіи Кадмеи, онъ вмѣстѣ съ Горгидомъ, служившимъ уже прежде начальникомъ конницы, выступилъ во главѣ наскоро собраннаго отряда, и оба они ввели увѣнчанныхъ освободителей въ народное собраніе.

Разъ удалось освободить городъ и отразить первыя нападенія Спарты, возникъ вопросъ о томъ, какъ упрочить успѣхъ. Такъ какъ Спарта отвергла даже очень умѣренныя предложенія, то Эивамъ оставалось положиться на свое право и на свой мечъ. Вѣроятно, въ ту пору еще многіе граждане съ тревогой смотрѣли на будущее. Ходъ борьбы скоро показалъ, однако, что Спарта имѣетъ дѣло съ противникомъ столько же рѣшительнымъ, сколько ясно представляющимъ и настойчиво преслѣдующимъ свои цѣли. Чтобы продлить сопротивленіе, Эивамъ нужно было вступить въ болѣе близкія отношенія прежде всего съ остальными городами Беогіи, а затѣмъ и съ прочими государствами Греціи. Въ послѣднемъ

отношеніи Эивамъ неожиданно помогъ случай и горделивое ослѣпленіе Спарты. Спартанскій комендантъ Теспій, Сфодрій, сдѣлалъ безразсудную попытку, среди мира съ Аѣинами, занять при помощи ночного нападенія ихъ портовый городъ Пирей. Какъ нѣкогда Фебидь, онъ могъ считать себя въ правѣ на такой шагъ и могъ по теоріи Агесилая разсчитывать на прощеніе и славу, если сдѣлаетъ что-нибудь «полезное» для Спарты. Но на этотъ разъ безчестное дѣло оказалось вмѣстѣ и бесполезнымъ. Попытка не удалась вслѣдствіе плохого расчета. Глубоко оскорбленные Аѣины потребовали у Спарты удовлетворенія и не получили его. Агесилай и тутъ придумалъ отговорку. Сфодрій — храбрый солдатъ, а такіе люди нужны де Спартѣ. Его оправдали. Но на этотъ разъ вредъ для Спарты уже съ самаго начала былъ крупнѣе выгоды. Аѣины признали отвѣтъ Спарты за объявленіе войны, немедленно заключили съ Эивами союзъ, вооружили всѣ силы для обороны и наступленія и занялись возстановленіемъ своей прежней гегемоніи на морѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь основой союза стала полная автономія и равноправность всѣхъ его членовъ. Скоро въ союзъ съ ними вступили всѣ болѣе значительныя морскія государства; въ число членовъ союза вошли также и Эивы.

Въ то же время Эивы старались измѣнить свое положеніе въ Беотіи. Мы упоминали о томъ, какъ по Анталкидову миру беотійскій союзъ, во главѣ котораго стояли Эивы, былъ распущенъ и какъ отдѣльные города, сохраняя верховенство, сдѣлались союзниками Спарты. Нужно было устранить такое раздробленіе. Какъ показали первыя дѣйствія освобо-

жденныхъ Фивъ, руководители движенія ясно сознавали, что свободу можно сохранить только чрезъ объединеніе Беотіи. На мѣсто полемарховъ, бывшихъ высшими сановниками въ однѣхъ Фивахъ, въ первый же день выбрали беотарховъ. Но сначала нужно было еще отнять у спартанцевъ Беотію, которою должны были управлять эти чиновники. На это прежде всего и были направлены усилія. Но теперь уже не довольствовались возстановленіемъ существовавшаго прежде, довольно шаткаго союзнаго устройства. Уже до Анталкидова мира во многихъ областяхъ Греціи проявилось въ высшей степени замѣчательное стремленіе къ болѣе тѣсному соединенію, къ централизаціи. То же явленіе выступаетъ теперь передъ нами въ Беотіи. Фивы стараются сдѣлать всѣхъ беотійцевъ своими гражданами, или, другими словами, объединить всю Беотію въ единое демократическое государство съ Фивами въ качествѣ административнаго центра. Чрезъ это прочіе города переходили на положеніе простыхъ округовъ, но граждане ихъ пользовались не меньшими политическими правами, чѣмъ природныя фиванцы. Граждане новаго государства въ одной грамотѣ мѣтко называются «беотійцами въ Фивахъ». Въ сущности, это были тѣ же отношенія, какія въ теченіе ряда вѣковъ существовали въ Атикѣ.

Въ первыя восемь лѣтъ по освобожденіи борьба со Спартою вращается главнымъ образомъ около вопроса о верховенствѣ Фивъ въ Беотіи и объ ея политической свободѣ. Многократные походы противъ Фивъ Агесилая и его товарища Клеомброта не привели ни къ какимъ результатамъ. Напротивъ, Фивы все болѣе укрѣплялись, поколебали репутацію спар-

танской непобѣдимости и объединили всю Беотию, кромѣ Орхомена. Въ долгой борьбѣ населеніе, и прежде воинственное, приобрѣло прекрасную организацію и опытъ и исполнилось небывалой самоувѣренности. Анталкидъ имѣлъ полное основаніе упрекнуть Агесилая въ томъ, что послѣдній противъ воли еиванцевъ приучаетъ ихъ воевать. Изучилъ это искусство и Эпаминондъ. Едва ли будетъ ошибкой сказать, что съ самаго освобожденія Фивъ онъ былъ настоящимъ руководителемъ ихъ политики, хотя скромно стоялъ на заднемъ планѣ и нерѣдко, быть можетъ, не встрѣчалъ вниманія къ своимъ неприятнымъ совѣтамъ. Именно ему слѣдуетъ приписать рѣшительное проведеніе политическаго единства Беотіи, которое онъ въ послѣдствіе съ большою энергіею защищалъ въ Спартѣ.

Между тѣмъ надъ Фивами еще разъ собралась большая гроза. Ихъ усиленіе было неприятно для сильной партіи въ Аѣинахъ, жившей мыслью, что Спартѣ по праву принадлежитъ гегемонія на сушѣ, а Аѣинамъ на морѣ. Чтобы ввести въ эти границы преобладаніе Спарты, партія эта сочувственно отнеслась къ освобожденію Фивъ. Но, достигнувъ своей цѣли, она не хотѣла дальнѣйшаго усиленія сосѣда, котораго не переставала отчасти бояться, а отчасти презирать. Къ тому же, жестокость еиванцевъ относительно Платей, жители которыхъ подверглись изгнанію, пробудила старыя антипатіи и вызвала опасенія. Тяжелое бремя морской войны тоже возбуждало въ Аѣинахъ стремленіе къ миру. Въ 371 году по ихъ почину въ Спартѣ собрался конгрессъ почти всѣхъ греческихъ государствъ. Послѣ горячихъ преній заключенъ былъ договоръ, основывавшійся

на условіяхъ Анталкидова мира, но отличавшійся отъ него тѣмъ, что Спарта не брала на себя ручательства за сохраненіе мира, а участники не обязывались идти войной на ослушника. На этотъ разъ автономія должна была быть не пустымъ словомъ. Послы Фивъ, во главѣ которыхъ стоялъ Эпаминондъ, тоже согласились на договоръ, но при подписаніи его возникли затрудненія. Эпаминондъ требовалъ, чтобы подпись Фивъ имѣла значеніе для всей Беотіи; напротивъ, Агесилай настаивалъ на томъ, чтобы города Беотіи изъявляли свое согласіе порознь, то есть чтобы они приступили къ договору какъ отдѣльныя автономныя государства. Требованіе это представлялось тѣмъ болѣе дерзкимъ и тѣмъ менѣе основательнымъ, что сами спартанцы подписались даже отъ имени своихъ автономныхъ союзниковъ. Но Эпаминондъ стоялъ на своемъ и произнесъ смѣлыя слова, что онъ только тогда допуститъ подпись отдѣльныхъ городовъ, когда то же будетъ сдѣлано и съ городами спартанскихъ періэковъ. Напротивъ, Агесилай объявилъ, что если Фивы не согласятся, то будутъ выключены изъ договора. Эпаминондъ принялъ этотъ вызовъ на новую борьбу и съ остальными послами покинулъ Спарту. Домой они отправились въ большомъ уныніи: въ самомъ дѣлѣ, Фивы тоже много потерпѣли отъ долгой, опустошительной войны и рассчитывали почетнымъ миромъ обезпечить свою свободу и новое устройство Беотіи. Теперь все снова стало сомнительнымъ; у своихъ прежнихъ союзниковъ фиванцы не встрѣтили сочувствія къ своему справедливому требованію; напротивъ, тѣ очевидно стояли скорѣе на сторонѣ Спарты и высказывали злорадство относительно Фивъ. Агесилай торжество-

валь: ловкимъ дипломатическимъ маневромъ онъ изолировалъ Беотию и надѣялся наконецъ насладиться местию.

При всемъ своемъ уныніи еиванскіе послы, однако, не потеряли мужества. Въ ихъ власти было еще подчиниться требованію Агесилая; но этого не случилось. Настоящимъ руководителемъ политики Фивъ выступаетъ теперь уже явно Эпаминондъ. Въ Спартѣ онъ настаивалъ на правѣ Фивъ, вполне сознавая все значеніе спора; теперь съ такимъ же хладнокровіемъ онъ руководилъ мѣрами защиты, въ то время какъ Спарта, увлеченная мстительностью Агесилая, очертя голову кинулась въ бездну. На первый взглядъ казалось, что восстановлено было положеніе, существовавшее при заключеніи Анталкидова мира или по освобожденіи Фивъ, до союза съ Аѣинами; но на дѣлѣ существовала большая разница. Фивы распоряжались теперь силами почти всей Беотіи; лаконской партіи почти нигдѣ уже не было. Войско было хоть и не очень многочисленно, но за то прекрасно организовано и исполнено самоувѣренности, благодаря удачнымъ сраженіямъ. Оно находилось подъ командой опытныхъ вождей, а во главѣ его стоялъ человѣкъ, пользовавшійся общимъ довѣріемъ и только теперь развернувшій во всемъ блескѣ свой геній.

Спарта торопилась пожать плоды своего дипломатическаго успѣха. Стоявшій въ Фокидѣ съ войсками царь Клеомбротъ получилъ приказъ немедленно вступить въ Беотию и напасть на Фивы, если онѣ не объявятъ другіе города независимыми. Онъ исполнилъ приказъ и неожиданно явился въ сердцѣ Беотіи всего въ нѣсколькихъ часахъ отъ Фивъ; свой лагерь онъ разбилъ при небольшомъ мѣстечкѣ Левктры. Узнавъ

объ его движеніи, беотійцы выступили противъ него. Только узкая долина раздѣляла оба войска. Изъ шести бывшихъ въ лагерѣ беотарховъ, Эпаминондъ съ двумя другими стоялъ за сраженіе въ открытомъ полѣ; остальные три говорили, что войска слѣдуетъ вести въ Фивы и тамъ занять оборонительное положеніе. Говорятъ даже, будто они хотѣли, для безопасности, женъ и дѣтей отправить въ Аттику, а сами выдерживать осаду въ городѣ только съ годными къ бою людьми. Вѣроятно, они думали защищаться такъ же, какъ дѣлали это не безъ успѣха прежде. Для зауряднаго полководца это, пожалуй, было и благоразумнѣе, чѣмъ ставить на карту все и давать сраженіе превосходному по численности непріятелю. Но теперь положеніе совсѣмъ измѣнилось. Во время прежнихъ вторженій спартанцевъ Фивы стояли еще одиноко, и дѣло прежде всего шло только объ ихъ защитѣ. Теперь отступить за стѣны Фивъ—значило бы пожертвовать всей Беотіей, отказаться отъ плодовъ многолѣтней борьбы. Не говоря о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, это равнялось бы пораженію безъ борьбы. Эпаминондъ понималъ это и надѣялся ослабить перевѣсъ непріятеля при помощи своего таланта. Надежда не обманула его. Къ счастью еще во-время примкнулъ къ войску со своимъ отрядомъ седьмой беотархъ, и его голосъ рѣшилъ вопросъ въ пользу сраженія. Эпаминондъ сумѣлъ внушить войску полную увѣренность въ помощи боговъ и въ побѣдѣ ихъ справедливаго дѣла и затѣмъ одержалъ побѣду при помощи совершенно неожиданнаго геніальнаго маневра. Построивъ свое лѣвое крыло въ густыя колонны и прикрывшись въ рѣшительную минуту съ фланга быстрымъ движеніемъ Пелопида со свя-

ценнымъ отрядомъ, онъ поразилъ правое крыло спартанцевъ. Потерявъ храбраго царя и большинство высшихъ офицеровъ, непріятельское войско отступило въ лагерь, правда, съ тяжелыми потерями, но все-таки унося съ собою трупъ царя. Черезъ нѣсколько дней, подъ охраною дарованнаго ѳиванцами перемирія, оно двинулось назадъ въ Пелопонесъ. Только три недѣли прошло отъ заключенія мира въ Спартѣ до битвы при Левктрахъ.

Много происходило болѣе крупныхъ сраженій, но рѣдко такъ блистательно обнаруживалось превосходство генія надъ численнымъ перевѣсомъ, соединеннымъ съ тактической выдержкою и большою храбростію; рѣдкія битвы сопровождались такими роковыми послѣдствіями. Борьба шла изъ за существованія ѳиванско-беотійскаго государства, но результатъ получился гораздо болѣе крупный: могущество самой Спарты было сокрушено по ея собственной винѣ, и никогда уже она не могла оправиться отъ этого удара. Хотя вѣсть о пораженіи и была принята въ Спартѣ съ удивительной твердостью и спокойствіемъ и хотя въ первую минуту значеніе этой неудачи было, быть-можетъ, оцѣнено только немногими, тѣмъ не менѣе послѣдствія ея скоро сказались. Хорошо понимая новое положеніе дѣлъ, Аѳины тотчасъ сдѣлали попытку соединить тѣ государства, которыя не желали ни подчиняться долѣ Спартѣ, ни допускать дальнѣйшаго усиленія ѳивъ, а имѣли серьезное стремленіе поддерживать только-что заключенный миръ. Скоро, впрочемъ, оказалось, что прежнее положеніе поддерживать трудно.

Тотчасъ послѣ битвы ѳивы закрѣпили свое вліяніе въ Беотіи полнымъ подчиненіемъ Теспій и

Орхомена, а затѣмъ заключили союзы съ большинствомъ государствъ средней и сѣверной Греціи. Прежняя насильственная политика Спарты въ Пелопонесѣ принесла свои плоды. Прежде всего мантинейцы снова сошлись изъ своихъ четырехъ деревень въ одинъ городъ, отлично укрѣпленный при помощи дружественныхъ государствъ. Но восстановление Мантинеи было только прелюдіей къ шагу гораздо болѣе крупному. Несмотря на свои размѣры и сильное воинственное населеніе, Аркадія до тѣхъ поръ никогда не пользовалась въ Греціи значительнымъ политическимъ вліяніемъ, такъ какъ была раздроблена на множество мелкихъ государствъ съ различнымъ, нерѣдко строго олигархическимъ, устройствомъ. Теперь вліятельные демократы составили планъ объединить всю область въ одно государство съ демократическимъ строемъ, какъ это было уже сдѣлано въ Беотіи. Въ Аркадіи не было города, который имѣлъ бы преимущество надъ остальными по своей древности, положенію и размѣрамъ. Поэтому явилась мысль основать новый городъ, какъ центръ объединеннаго государства; и мысль эта, хоть и не безъ сильнаго сопротивленія, быстро была приведена въ исполненіе. На юго-востокѣ области, недалеко отъ лаконской границы, тамъ, гдѣ не было еще значительныхъ поселеній, былъ построенъ при содѣйствіи большинства прежнихъ городовъ «великій городъ», Мегалополь. Главнымъ сторонникомъ этого проекта въ самой Аркадіи является мантинеецъ Ликомедъ, человекъ, пламенно желавшій возвеличенія своей области и отличавшійся талантами и энергіей. Но Ликомедъ и аркадяне дѣйствовали не одни. Творцомъ идеи называютъ Эпаминонда; онъ, говорятъ,

побудилъ отдѣльные города къ соединенію, онъ послалъ въ Аркадію еиванскій отрядъ для охраненія работъ отъ возможнаго со стороны спартанцевъ нападенія; его стратегическая проницательность замѣтна въ искусномъ — для цѣлей обороны и наступленія противъ Спарты — выборѣ мѣста для новой твердыни. Поэтому его справедливо можно назвать настоящимъ основателемъ Мегалополя, а вмѣстѣ и общеаркадскаго государства, которому, впрочемъ, не суждено было сложиться окончательно. Мысль эта цѣликомъ была разсчитана на ослабленіе Спарты, быть-можетъ болѣе въ интересахъ Фивъ, чѣмъ самой Аркадіи. Такимъ образомъ съ Беотіи и средней Греціи Эпаминондъ уже перенесъ свои взоры на Пелопонесъ. Такъ совершился переходъ отъ обороны своей земли къ нападению на область непріятели.

Новому сосредоточенію силъ въ Аркадіи противилась значительная партія, нашедшая себѣ помощь у Спарты. Руководитель послѣдней, Агесилай, хотѣлъ возстановить въ сосѣдней области прежнее вліяніе спартанцевъ. Тогда демократы Аркадіи и союзные съ ними пелопонесцы обратили свои взоры на Фивы, и не напрасно. Въ то время какъ Агесилай стоялъ съ войскомъ въ Аркадіи, Эпаминондъ собралъ въ средней и сѣверной Греціи союзные контингенты и перешелъ за Истмъ съ такимъ войскомъ, какого пелопонесцы еще никогда не видали въ своей странѣ. Агесилай между тѣмъ спокойно вернулся въ Спарту: дѣло происходило въ началѣ зимы, отличающейся на этомъ плоскогорьѣ значительною суровостью. Внѣшній поводъ къ походу еиванцевъ, такимъ образомъ, исчезъ: показная цѣль похода была достигнута раньше ихъ прибытія; притомъ же, наступалъ не-

благоприятный сезонъ и приближался конецъ беотійскаго года, долъше котораго беотархамъ подь страхомъ смерти запрещалось удерживать команду надъ войскомъ. Заурядный человекъ вернулся бы домой, довольствуясь достигнутымъ результатомъ; но не для такого дешеваго торжества собралъ Эпаминондъ силы цѣлой половины Греціи. Спасши Беотию, онъ задался болѣе широкими цѣлями сломить и сдѣлать навсегда невозможной гегемонію Спарты, унижить ея могущество настолько, чтобы оно перестало быть опаснымъ для другихъ грековъ, и поставить Фивы во главѣ союзныхъ государствъ, какъ охранителей свободы всѣхъ грековъ. Съ прибытія еиванскаго войска въ Пелопонесъ начинается второй актъ великой драмы: борьба за гегемонію Фивъ. Ради этой цѣли Эпаминондъ привлекъ къ союзу съ Фивами государства средней и сѣверной Греціи; ради этого онъ содѣйствовалъ объединенію всей Аркадіи вокругъ Мегалополя; третьей и самой важной мѣрой для достиженія цѣли было отторженіе отъ Лаконіи ея западной половины, называвшейся нѣкогда Мессеніей, и основаніе въ ней новаго государства, которое должно было считать Спарту смертельнымъ врагомъ, а Фивы—возстановителями и защитниками собственной свободы. Ради выполненія этого грандіознаго плана Эпаминондъ не остановился передъ трудностями зимняго похода и взялъ на себя одного тяжелую въ демократическомъ государствѣ отвѣтственность за нарушеніе буквы закона ради блага родины.

Нападеніе на самую Спарту первоначально едва ли входило въ планъ Эпаминонда. Можно думать, что онъ рѣшился вторгнуться въ собственную Лаконію только по настояніямъ союзныхъ пелопонесцевъ

и по настойчивымъ приглашеніямъ недовольныхъ періэковъ. Тремя колоннами союзники проникли черезъ тѣснины въ долину Эврота и затѣмъ, все опустошая и грабя, спустились въ роскошную долину къ городу, жители котораго гордились тѣмъ, что никогда не видѣли дыма непріятельскихъ огней. Въ этой крайней опасности престарѣлый Агесилай выказалъ такое спокойствіе и присутствіе духа, которыя ставятъ его гораздо выше, чѣмъ всѣ его прежнія побѣды. Хладнокровію Агесилая и геройству гражданъ удалось отбить всѣ нападенія на беззащитный городъ и спасти Спарту. Затѣмъ Эпаминондъ направился въ Аркадію, чтобы ускорить постройку новой столицы, а оттуда далѣе къ югу, въ прежнюю Мессенію. О сопротивленіи спартанцевъ нигдѣ не было и рѣчи: вся область находилась въ возстаніи и ожидала прихода освободителей. И здѣсь новое государство нужно было сосредоточить въ одномъ городѣ; и здѣсь этотъ городъ нужно было еще сначала создать. Для этого были назначены не развалины какой-нибудь изъ прежнихъ столицъ; зоркимъ взглядомъ Эпаминондъ выбралъ совѣмъ новое мѣсто въ срединѣ области, новое для столицы и однако тѣсно связанное съ прежней исторіей и культомъ страны. Въ новую столицу стеклось населеніе изъ области, подчиненной прежде Спартѣ, и изъ дальнихъ странъ, гдѣ только жили остатки мессенянъ. Она была освящена съ торжественными молитвами и жертвами.

Въ концѣ зимы Эпаминондъ удалился, оставивъ по себѣ столько сдѣланнаго, сколько никогда еще не совершалъ ни одинъ греческій полководецъ въ такое короткое время. Территорія Лаконіи была вся опу-

стошена, многіе города области находились въ возстаніи, лучшая половина ея навсегда отнята, господство Спарты въ Пелопонесѣ подорвано; наконецъ, кругомъ нея былъ построенъ рядъ сильныхъ крѣпостей, находившихся подъ вліяніемъ Эивъ и стѣснявшихъ всѣ движенія Спарты. Когда Эпаминондъ вернулся домой, ему при сдачѣ отчета пришлось оправдываться въ продленіи команды надъ войскомъ. Открыто и вполне сознательно онъ совершилъ такое закононарушеніе, за которое полагалась казнь. Не пускаясь въ оправданія, онъ съ гордостью указалъ на подвиги, совершенные имъ вмѣстѣ съ товарищами по должности, и пригласилъ затѣмъ судей произнести свой приговоръ. Онъ былъ оправданъ безъ голосованія и, повидимому, снова выбранъ въ беотархи на текущій годъ. Это было единственное нарушеніе закона, совершенное имъ въ теченіе его жизни, и оно принесло Эивамъ огромную пользу.

Благодаря этому походу Эивы приобрѣли рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими державами Греціи и, казалось, безспорно стали во главѣ большинства материковыхъ государствъ. Почти всѣ государства сѣверной и средней Греціи, кромѣ Аѳинъ, признали надъ собою ихъ верховенство и обязались выставять для нихъ войско. Крупнѣйшія государства Пелопонеса охотно подчинялись ихъ полководцамъ. Но положеніе это основывалось на удачномъ исходѣ войны, а въ Пелопонесѣ — на временной потребности государствъ имѣть опору противъ Спарты. Оно не было закрѣплено прочной организаціей, и потому отношенія легко могли измѣниться. Дальнѣйшею задачею было удержать за собой положеніе, приобретенное военнымъ успѣхомъ, и дать ему опре-

дѣленныя формы. Но осуществленію этой задачи мѣшали громадныя трудности какъ внутри, такъ и внѣ Эивъ. Униженная Спарта напрягала всѣ силы къ тому, чтобы возстановить свое вліяніе въ Пелопонесѣ, и въ этомъ ей усердно помогаль Діонисій Сиракузскій. Съ другой стороны, въ ряды противниковъ Эивъ стали теперь рѣшительно Аѣины, опиравшіяся на союзъ многихъ морскихъ державъ. Затѣмъ, явился сначала неудобный, а подъ конецъ и опасный соперникъ въ Аркадіи, усилившейся при помощи Эивъ. Сознавъ свою силу, аркадяне скоро стали считать ниже своего достоинства подчиненіе главенству Эивъ, начали добиваться по крайней мѣрѣ равенства съ ними и отрицать ихъ гегемонію. Представителемъ этого стремленія явился тотъ самый Ликомедъ, который раньше совмѣстно съ Эпаминондомъ хлопоталь о централизаціи области. Но главное препятствіе для успѣшнаго осуществленія гегемоніи заключалось въ характерѣ и образѣ дѣйствій самихъ эиванцевъ, которые своими грубыми выходками нерѣдко возмущали союзниковъ, стѣсняли своего великаго вождя, противодѣйствовали его стремленіямъ и не разъ изъ мелкой зависти отодвигали его на второй планъ.

Тѣмъ не менѣе Эпаминондъ неуклонно преслѣдовалъ свою цѣль, которую несправедливо называютъ простымъ подражаніемъ системѣ Спарты и Аѣинъ. Можно, конечно, смотрѣть такъ на попытку—удавшуюся только отчасти—воспользоваться помощью Персіи; но нельзя не признать, что, благодаря этой попыткѣ, самостоятельность Мессеніи была признана великимъ царемъ, а у Спарты была отнята та поддержка, какою она со времени Анталкидова ми-

ра пользовалась со стороны персовъ. Во всякомъ случаѣ, Эпаминондъ искалъ для гегемоніи Фивъ другой основы, чѣмъ Спарта. Положимъ, какъ и Спарта, онъ старался основать первенство Фивъ на соединеніи материковыхъ государствъ. Но Спарта по возможности разъединяла и ослабляла отдѣльные города, а Эпаминондъ, напротивъ, объединялъ области и усиливалъ ихъ при помощи централизаціи. Спарта часто силою оружія вводила олигархическое устройство; онъ мирнымъ путемъ поддерживалъ умѣренную демократію. Спарта для своей выгоды охраняла мнимую автономію; онъ, напротивъ, старался привязать города къ Фивамъ въ ихъ собственныхъ интересахъ, сохраняя при этомъ за ними полную автономію. Союзныя государства должны были видѣть въ Фивахъ защитника ихъ свободы. Правда, часто Эпаминондъ встрѣчалъ въ этомъ отношеніи мало поддержки. Такъ, онъ принялъ въ союзъ съ Фивами умѣренную аристократію городовъ Ахайи, не требуя измѣненія ихъ устройства; но крайніе демократы Ахайи и Аркадіи обжаловали его дѣйствія въ Фивахъ, мѣры его были отмѣнены, въ Ахайѣ была насильственно введена демократія, и въ скоромъ времени вся область была потеряна для Фивъ и вступила въ союзъ со Спартою.

Таковы были цѣли Эпаминонда относительно материка и Спарты. Но на этомъ онъ не остановился. Такъ какъ Аѣины постоянно поддерживали Спарту и противодѣйствовали вліянію Фивъ на сѣверѣ, въ Фессаліи и Македоніи, то Эпаминондъ попытался отнять у нихъ преобладаніе на морѣ и произнесъ смѣлыя слова: «слѣдуетъ перенести пропилеи аѣинскаго Акрополя ко входу въ Кадмею», т. е., Фивы

должны затмить Аеины и въ смыслѣ блеска и величія. Попытка эта встрѣтила почти всеобщее осужденіе, и объясняли ее просто завистью къ Аеинамъ, стало-быть мелкими мотивами. Но и здѣсь можно быть другого мнѣнія. Конечно, было бы всего лучше, если бы Эпаминонду удалось соединить Аеины и Фивы для совмѣстнаго руководства свободными государствами Греціи. Но сдѣлать это было невозможно: Аеины боролись много лѣтъ для того, чтобы помѣшать усиленію Фивъ, и Эпаминонду оставалось только напасть на нихъ въ ихъ собственной стихіи. Вѣдь и Спарта, такъ же мало какъ и Фивы бывшая мореходною державою, одержала верхъ надъ Аеинами только на морѣ. Первая попытка Эпаминонда казалась достаточно успѣшной для того, чтобы подать надежду на выполнимость и болѣе широкаго плана. Сдѣлать Фивы настоящею морскою державою Эпаминондъ едва ли когда-либо намѣревался.

Со времени перваго похода въ Пелопонесъ война продолжалась болѣе семи лѣтъ съ перемѣннымъ счастіемъ и неожиданными оборотами. На сѣверѣ вліяніе Фивъ, несмотря на частыя колебанія счастья, распространялось все шире и шире, но въ Пелопонесѣ наступили опасныя замѣшательства. Чѣмъ болѣе Аркадія отдалялась отъ Фивъ, тѣмъ болѣе усиливалось въ ней разстройство. Ликомедъ былъ убитъ, наступила сильная реакція противъ демократическаго объединенія и союза съ еиванцами; раздоръ дошелъ до того, что въ 362 году большая часть области, съ городомъ Мантинеей во главѣ, заключила союзъ со Спартой и Аеинами, а другая настоятельно просила помощи у Фивъ. Основываясь на началѣ автономіи государствъ, Эпаминондъ долго предоставлялъ арка-

дянамъ самимъ разрѣшать свои споры, но теперь онъ убѣдился, что нельзя долѣе медлить, не рискуя утратить все приобрѣтенія. Протестъ лаконской партіи, выставлявшей себя представительницею всей Аркадіи, не остановилъ его. Съ сильнымъ войскомъ изъ союзниковъ онъ перешелъ черезъ Истмъ и вступилъ на плоскогоріе Аркадіи. Большое войско непріятели, къ которому еще должны были примкнуть аеиняне и спартанцы, стояло при Мантинеѣ. Сознавая вполнѣ, что этотъ походъ долженъ рѣшить, сохранять ли Фивы свое вліяніе въ Пелопонесѣ, Эпаминондъ проявилъ невѣроятную дѣятельность. Никогда еще его стратегическій геній не обнаруживался въ такомъ блескѣ, никогда еще его безпредѣльная власть надъ подчиненнымъ ему войскомъ не сказывалась такъ сильно, какъ теперь, когда, казалось, все соединилось противъ него. — Тонко задуманная попытка захватить при помощи ночного нападенія Спарту и покушеніе на Мантинею окончились неудачно, благодаря разнымъ неожиданностямъ. Тогда Эпаминондъ рѣшился дать соединеннымъ силамъ враговъ сраженіе при Мантинеѣ и повелъ противъ нихъ войско. Мастерскимъ маневромъ онъ сумѣлъ внушить непріятелямъ мысль, что сраженія въ этотъ день не будетъ, и затѣмъ, вдругъ повернувъ въ сторону, началъ наступать на нихъ со всемъ своимъ войскомъ. Какъ и при Левктрахъ, всю силу натиска онъ сосредоточилъ на своемъ лѣвомъ крылѣ, направивъ его густыя колонны, какъ клинъ, на правое крыло непріятели. Несмотря на неожиданность, враги храбро сопротивлялись. Завязалась упорная борьба; наконецъ, бурный натискъ еиванцевъ уже принудилъ враговъ къ от-

ступленію, когда самъ Эпаминондъ палъ смертельно раненый и былъ вынесенъ изъ сраженія на холмъ, съ котораго могъ слѣдить за ходомъ боя. Когда ему донесли, что еиванцы взяли верхъ, онъ велѣлъ вынуть изъ раны острие копья и спокойно испустилъ геройскій духъ. Извѣстіе, однако, было вѣрно только наполовину. Лишившись вождя, войска, какъ ошеломленные, въ рѣшительную минуту остановились и не сумѣли довершить побѣду. Сраженіе осталось только наполовину рѣшеннымъ. Положеніе борющихся государствъ оказалось менѣе, чѣмъ когда-либо, опредѣленнымъ. Отъ утомленія они положили оружіе, не рѣшивши главнаго вопроса, не приведя въ устойчивое равновѣсіе систему греческихъ государствъ. Выдающейся роли Эивъ пришелъ конецъ.

Смерть унесла Эпаминонда среди геройскихъ усилій, въ ту самую минуту, когда полный успѣхъ готовъ былъ увѣнчать его многолѣтніе труды. Всѣ свидѣтельства говорятъ согласно, что если бы Эпаминондъ остался въ живыхъ, то была бы одержана полнѣйшая побѣда. Но хотя для него, быть-можетъ, и тяжело было оставлять свои планы не вполне осуществленными, все же на долю его выпала смерть, которую онъ самъ считалъ прекраснѣйшею,—смерть на полѣ битвы. Быть-можетъ, и для его славы было счастіемъ, что онъ погибъ въ минуту побѣды. Вопросъ еще, была ли его политика правильной и цѣль ея достижимой. Объединеніе всей Беотіи соотвѣтствовало вполне тогдашнимъ отношеніямъ и потребностямъ; оно было необходимымъ условіемъ силы государства, и потому Эпаминондъ удачно его провелъ и защитилъ при помощи своихъ

друзей и единомышленниковъ. Другое дѣло внѣшняя политика, — то положеніе, которое Беотія по его мысли должна была занять среди греческихъ государствъ. Это положеніе было безъ сомнѣнія для Беотіи слишкомъ высокимъ: ей не хватало для такой роли не столько матеріальныхъ, сколько духовно-нравственныхъ силъ. Спарта нѣкогда, путемъ долгой борьбы, основала свою гегемонію на строгой дисциплинѣ и порядкѣ. Аѣины купили себѣ гегемонію блестящимъ самопожертвованіемъ на благо общей родины и непримѣрнымъ духовнымъ развитіемъ. Беотійцы, какъ народность, никогда ничѣмъ не выдавались, кромѣ тѣлесной силы и бурной храбрости. Эпаминондъ и немногіе люди, дѣйствовавшіе въ его духѣ, могли на время придать этой силѣ серьезное направленіе, облагородить ее своимъ духомъ, но измѣнить ея сущность, притомъ въ такое короткое время, было невозможно. Даже на высотѣ своей славы Эпаминондъ не могъ предотвратить безтактныхъ грубостей и провести послѣдовательно свою умѣренную политику.

Пониженіе Спарты и Аѣинъ на степень второстепенныхъ державъ могло бы быть благодѣтельнымъ только въ томъ случаѣ, если бы было налицо другое государство, которое могло бы вполне занять ихъ мѣсто, а такимъ государствомъ не была ни Беотія, ни какое-либо другое. Въ этомъ отношеніи, конечно, цѣль, преслѣдуемая Эпаминондомъ, была слишкомъ высокою и его стремленіе ошибочнымъ. Но, насколько мы можемъ судить, виноватъ въ этомъ былъ не столько онъ, сколько его противники. Ненависть Агесилая и насилія Спарты по необходимости заставили Беотію стремиться къ униженію врага, а Аѣины

прямо оттолкнули попытки Эивъ къ сближенію. Поэтому Эпаминонду не оставалось ничего другого, кромѣ того, что онъ сдѣлалъ. Вообще для Греціи прошло время гегемоніи, такъ какъ ни у одного государства уже не было достаточныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ для того, чтобы проводить эту гегемонію съ силою и достоинствомъ. Если, однако, оставить въ сторонѣ несоотвѣтствіе между цѣлью и средствами Эивъ, которое Эпаминондъ, быть-можетъ, надѣялся возмѣстить при помощи своего генія, — то онъ выполнилъ свой планъ мастерски и вполне осуществилъ первое условіе плана, униженіе Спарты. Но этимъ Эпаминондъ, самъ того не желая и не предвидя, только помогъ дальнѣйшему ослабленію Греціи и проложилъ дорогу македонскимъ царямъ.

Если, такимъ образомъ, политическая дѣятельность Эпаминонда представляется по своимъ результатамъ неудовлетворительной, — не столько вслѣдствіе его собственныхъ ошибокъ, сколько вслѣдствіе неблагоприятно сложившихся обстоятельствъ, — то какъ полководецъ онъ стоитъ, напротивъ, на рѣдко достигаемой высотѣ. Одаренный всѣми качествами солдата и вождя, онъ умѣлъ внушить подчиненнымъ безусловное довѣріе, въ самыхъ отчаянныхъ положеніяхъ пробуждалъ въ нихъ мужество и увѣренность и при всякихъ условіяхъ сразу находилъ нужное. Какъ тактикъ онъ прославилъ себя навѣки изобрѣтеніемъ такъ называемаго косога боевого порядка, сосредоточивающаго всю силу натиска на одномъ флангѣ, а его походы достаточно доказываютъ его стратегическую проницательность, памятниками которой еще и теперь служатъ развалины основанныхъ имъ громаднѣхъ крѣпостей. Если

припомнить еще притомъ его достоинства какъ гражданина и человѣка, то можно согласиться съ мнѣніемъ, что въ Греціи никогда не было болѣе великаго дѣятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ его примѣръ ясно показываетъ намъ, какъ даже самая крупная личность служить только однимъ изъ звеньевъ въ великой цѣпи историческаго развитія, и какъ надъ дѣятельностью личности господствуетъ съ неотразимою силою высшій міровой порядокъ. Если же мы, въ концѣ концовъ, спросимъ, какъ могъ такой человѣкъ явиться въ беотійскихъ Фивахъ, то придется отвѣтить, что Эпаминондъ былъ не столько еиванцемъ, сколько эллиномъ, и даже въ Фивахъ воспринялъ въ себя всю глубину и блескъ эллинскаго генія.

XIV. ГРЕЧЕСКІЕ НАЕМНИКИ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ IV ВѢКА.

(*Бабстъ*. Государственные мужи древней Греціи).

До пелопонесской войны въ Греціи встрѣчаются наемники только изъ аркадянъ и критянъ. Аркадяне были швейцарцами древней Греціи. Гористое бѣдное отечество заставляло ихъ съ раннихъ лѣтъ продавать свои услуги всѣмъ и каждому. Остальныя области не знали этого обычая, и каждый грекъ считалъ позорнымъ продавать свою кровь иноземцамъ, тѣмъ болѣе варварамъ.

Впервые встрѣчаемъ мы сколько-нибудь значительное количество наемниковъ въ пелопонесскую войну, а въ послѣдніе годы ея обычай этотъ вполне укоренился. Какъ много было охотниковъ, видно изъ того, что Киръ Младшій легко могъ набрать себѣ 13,000 воиновъ. Въ полномъ блескѣ выступаютъ наемники во время коринѣской войны. «Съ этихъ поръ, — говоритъ Ксенофонтъ, — граждане составляютъ обыкновенно гарнизонъ, войну же ведутъ наемники». Сборнымъ мѣстомъ для нихъ служилъ въ это время Коринѣ, а предводителями ихъ были Хабрій и Ификратъ, создатели новой тактики, о которую разбилося старое военное искусство грековъ. Агесилай также привелъ съ собою отряды наемниковъ изъ

Азіи. На этотъ упадокъ гражданскаго ополченія нерѣдко жалуются ораторы. «Гораздо болѣе воиновъ можно набрать между праздношатающимися, — говоритъ Исократъ, — нежели между гражданами». «Наши предки, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — своею кровью освободили грековъ, а мы ради своей выгоды не хотимъ сражаться и предоставляемъ это наемникамъ, готовымъ всякаго продать за деньги. Мы цѣнимъ наемниковъ такъ высоко, что не обращаемъ вниманія на жалобы, которыми ихъ осыпаютъ; напротивъ, радуемся, слыша о нихъ что-нибудь подобное. Самы мы терпимъ отъ бѣдности, но лишаемъ себя послѣдняго, чтобы заплатить наемникамъ. Этого не дѣлали не только предки наши, мараонскіе бойцы, но даже ненавистные враги нашихъ союзниковъ: тѣ по крайней мѣрѣ сражались сами, а мы, подобно великому царю, прибѣгаемъ къ наемникамъ. Прежде на корабли сажали гребцами чужестранцевъ и рабовъ, а граждане служили на нихъ гоплитами; теперь же, когда корабль пристааетъ къ непріятельскому берегу, достойные вожди эллиновъ оказываются гребцами, а наемники съ оружіемъ идутъ на враговъ». Несмотря на всѣ жалобы, горю помочь было нельзя *). Наемники были такимъ

---

*) Преобладаніе наемниковъ надъ гражданами въ аеинскихъ войскахъ IV вѣка объясняется двумя причинами, частной, или технической, и общей. Первая состояла въ томъ, что война стала искусствомъ не только для вождя, но и для отдѣльныхъ воиновъ. Обыкновенно это упускаютъ изъ виду и осыпаютъ гражданъ Аеинъ незаслуженными упреками. Разъ выбирали вождемъ Ификрата, ему нужно было дать и хорошій матеріалъ въ видѣ обученныхъ воиновъ; иначе онъ самъ ничего не могъ сдѣлать. Что касается общей причины преобладанія наемниковъ, — она заключалась въ томъ, что постоянныя войны были невыноси-

же законнымъ явленіемъ, такимъ же неизбежнымъ результатомъ предыдущаго, какъ и многія другія темныя стороны въ исторіи IV вѣка. Прежній городской строй былъ подорванъ, всюду шла ожесточенная борьба партій, и каждая побѣда сопровождалась изгнаніями или добровольнымъ удаленіемъ: никто не могъ считать себя безопаснымъ. Одни скрывали свои богатства, опасаясь налоговъ; другіе бѣжали, потому что жить было нечѣмъ: и вотъ вся Греція наполнилась бѣглецами, продававшими свои руки первому желающему. Таково происхожденіе греческихъ наемниковъ, — явленіе, подобное которому мы не разъ встрѣчаемъ въ исторіи. Точно такъ же

мы для гражданъ, у которыхъ были, конечно, и другія дѣла, кромѣ войны. Не всѣ же аѣиняне слонялись по площади; у большинства была земля, которую нужно было обрабатывать. Всякій гражданинъ готовъ былъ, разумѣется, защищать свою родину, но онъ не хотѣлъ и не могъ долго сражаться на чужбинѣ. Теперешніе порицатели аѣинянъ повторяютъ только жалобы ораторовъ, не обращавшихъ никакого вниманія на положеніе дѣлъ, разъ оно шло въ разрѣзъ съ ихъ риторическими цѣльями. Правда, необходимость прибѣгать къ наемнымъ воинамъ и вождамъ сопряжена была съ разными неудобствами. Вожди понимали, что Аѣины безъ нихъ обойтись не могутъ, и потому дѣйствовали самостоятельно, чѣмъ того желалъ народъ; наемники, служа изъ-за-денегъ, прежде всего требовали жалованья и, если имъ не высылали его во-время, производили принудительные займы у союзниковъ. Но вѣдь почти то же было уже въ концѣ пелопонесской войны; деньги собирали, т. е. грабили, гдѣ только можно было. Повидимому, государи, желавшіе набрать войско, нерѣдко обращались къ Аѣинамъ съ просьбою прислать имъ вождя, и это возвышало если не могущество, то хоть репутацію Аѣинъ. Вожди въ Аѣинахъ должны были пользоваться вліяніемъ только во время войны, а въ мирное время довольствовались почестями, льстившими ихъ честолюбію: въ честь ихъ воздвигались на аѣинскомъ рынкѣ статуи, но до конца IV вѣка число ихъ было не такъ велико, какъ впоследствии, когда усилилось преклоненіе предъ личностью (*Holm.* III, 208—210).

образовался классъ кондоттьеровъ въ Италиі, то же самое было во время религіозныхъ войнъ въ періодъ реформаціи. Прежде, бывало, греки, вытѣсняемые изъ родины политическими распрями или бѣдностью, основывали на чужбинѣ колоніи; теперь и этого не могло быть. Кому была охота замыкаться въ узкой городской жизни, когда развивавшейся личности представлялось столько соблазновъ? Передъ греками открывалась Азія со всѣми ея сокровищами, богатый Египетъ; ихъ вездѣ принимали радушно; ихъ ласкали князья Фессалии и самъ великій царь. Не одна жажда добычи, не однѣ политическія невзгоды гнали въ Азію такія массы грековъ; они искали здѣсь простора, котораго не находили на родинѣ.

Наемниковъ обвиняютъ въ развратѣ, въ томъ, что они сражались и за свободу, и противъ свободы, за царя персидскаго и противъ него, что они приносили на родину чуждые ей дотолѣ пороки. Все это справедливо, но когда же время разложенія старыхъ формъ общественности отличалось строгою нравственностію? Толпы изгнанниковъ и наемниковъ доказывали ясно, что время требуетъ иныхъ формъ, и служили лучшимъ протестомъ противъ старины. Много свѣжихъ силъ бродило въ Греціи, и онѣ были губительны для Греціи старой, но ихъ нужно было только направить на великое дѣло; и когда явился человекъ, сумѣвшій это сдѣлать, то наемники и образованная ими македонская фаланга завоевали Востокъ для греческой образованности.

Время наемниковъ — это эпоха въ исторіи военнаго искусства древняго міра, такъ же точно какъ тридцати-лѣтняя война — эпоха въ военномъ дѣлѣ

новаго времени. Наемники, подъ начальствомъ Ифискрата и другихъ знаменитыхъ вождей, были такъ отлично выучены и дисциплинированы, что въ случаѣ нужды могли сражаться безъ полководца. Примѣръ тому мы встрѣчаемъ у Ксенофонта въ Анабасисѣ: послѣ вѣроломнаго захвата полководцевъ персами, новые начальники выбираются изъ солдатъ. Кто приобрѣлъ себѣ извѣстность храбростью или силою, могъ всегда легко собрать подъ своимъ начальствомъ толпу удалцовъ, съ которыми отправлялся предлагать свои услуги первому желающему; а работы было вездѣ много. Кто достаточно нагребилъ и въ состояніи былъ давать порядочное жалованье, могъ всегда найти удалцовъ, готовыхъ итти съ нимъ на промыселъ. Стоило ему только отправиться на мысъ Тенаръ, гдѣ стоялъ знаменитый храмъ Посейдона и гдѣ всегда толпились праздные наемники въ ожиданіи прибыльнаго дѣла. Многіе изъ извѣстныхъ вождей начинали свое поприще разбоями, да и вообще наемники не отличались особенной разборчивостью въ способахъ добыванія денегъ. Главною цѣлью была добыча, а какъ она доставалась, — до этого никому не было дѣла. Разъ Ифискратъ спросилъ у своихъ воиновъ, что ему дѣлать съ храмовымъ имуществомъ, а тѣ отвѣчали, что ихъ это не касается, лишь бы только онъ хорошо съ ними расплачивался. Полагаться на наемниковъ также не всегда было возможно, потому что за большую плату они всегда готовы были перейти къ другому. Впрочемъ, все зависѣло тутъ отъ личности и кредита вождя. Аѣинянинъ Тимоеей часто не платилъ наемникамъ подолгу ни обода, но воины не оставляли его, и онъ умѣлъ поддерживать между ними дисциплину. Зато никто и не обла-

далъ такимъ искусствомъ вести войну, не имѣя денегъ, и содержать войско войною, какъ онъ. Конечно, безъ грабежа дѣло не обходилось и здѣсь, и какъ ни былъ человекъколюбивъ Тимоѳеѣй, а приходилось не разъ и ему на день, на два разрѣшать грабежъ. Другіе полководцы такимъ тактомъ не обладали, и имъ оставалось одно изъ двухъ: или распустилъ войско, или подчиниться вполнѣ его прихотямъ. Последнее случалось чаще всего. Когда аѳинскіе корабли приставали къ берегамъ союзниковъ, жители захватывали свое имущество и дѣтей, угоняли скотъ и спѣшили укрыться въ лѣсахъ и горахъ. Наемные вожди завоевывали себѣ часто цѣлые города, особенно приморскіе, и рыскали отсюда по морямъ. Если же предводитель не въ состояніи былъ платить жалованья, — что случалось часто на аѳинскомъ флотѣ, особенно при разстроенныхъ финансахъ государства, — то воины нерѣдко силою принуждали вождя предпринимать походы вопреки распоряженіямъ правительства.

Въ средѣ наемниковъ стирались рѣзкія противоположности между греческими племенами. Здѣсь беготіецъ ближе знакомился съ аѳиняниномъ, аѳинянинъ — со спартанцемъ. Общимъ отечествомъ, роднымъ очагомъ служилъ для нихъ лагерь; здѣсь они собирались и толковали о своихъ дѣлахъ, какъ на любой городской площади. Замѣчательно, какъ грекъ оставался всегда вѣренъ себѣ, какъ онъ въ лагерную жизнь переносилъ и свое государственное устройство и политическую жизнь. Лагерныя сходки живо напоминаютъ намъ народныя собранія въ городахъ Греціи. Мы встрѣчаемъ здѣсь и совѣтъ старѣйшинъ и вѣче. Первый составляли начальники, во второмъ

участвовали простые воины. Наемное войско представляло самую пеструю толпу. Воины часто возили съ собой женъ и любовницъ, и въ послѣдствіи обычай этотъ былъ доведенъ до крайности, какъ это видно изъ извѣстій о Харесѣ, у котораго въ войскѣ постоянно были гетеры. Много надо было имѣть энергіи, много такта, чтобы сдерживать эти буйныя толпы; оттого-то и образовались здѣсь такіе суровые, крѣпкіе характеры, какіе мы видимъ въ знаменитыхъ греческихъ кондотьерахъ.

Наемниками держались князья Эссалии, на нихъ опирался Діонисій въ Сиракусахъ, но самую прибыльную и вѣрную работу находили они себѣ въ Азіи, гдѣ въ нихъ одинаково нуждались и самъ царь персидскій и сатрапы, безпрестанно противъ него возстававшіе. Особенно много наемниковъ кинулось въ Азію послѣ мантинейской битвы, когда въ Греціи на нѣкоторое время воцарилось затишье,—результатъ общаго истощенія силъ.

Легко себѣ представить, какое вліяніе оказали наемники и вообще этотъ переворотъ въ тактикѣ—на политическое устройство городовъ Греціи. Наемники стали главною опорою тиранніи, и только благодаря имъ новая монархія могла взять въ Греціи верхъ надъ республиками. Отъ этого всѣ приверженцы старины такъ и преслѣдовали наемниковъ.

Самыхъ замѣчательныхъ наемниковъ—вождей выставили аѳиняне. Первое мѣсто здѣсь занимаютъ Хабрій и Ификратъ, создавшіе новую тактику во время коринеской войны. Хабрій былъ однимъ изъ ревностныхъ учениковъ Платона, но постоянно занятъ былъ на чужбинѣ или жилъ гдѣ-нибудь вдали отъ родины, преимущественно въ Малой Азіи и

Египтѣ, гдѣ было главное поприще его дѣятельности. Въ Аѣинахъ онъ чувствовалъ себя неловко: его пиры отличались чрезвычайнымъ безпутствомъ. Славу приобрѣлъ онъ себѣ въ беотійскую войну, подъ стѣнами Фивъ, командуя аѣинскимъ вспомогательнымъ войскомъ. Часть его отряда, при приближеніи Агесилая съ его гоплитами, обратилась въ бѣгство. Тогда Хабріѣ велѣлъ остальнымъ воинамъ сомкнуть тѣснѣе ряды, выставить впередъ копья, закрыться щитами и въ такомъ положеніи ожидать непріятеля. Три раза пытался Агесилай врѣзаться въ ряды и три раза долженъ былъ отступить. Въ этомъ маневрѣ мы видимъ зачатки македонской фаланги. Впослѣдствіи въ честь Хабріа воздвигли въ Аѣинахъ статую, изображавшую его въ такомъ же положеніи, въ какомъ стояли его воины во время битвы.

Въ одно время съ Хабріемъ началъ свою дѣятельность Ификратъ. Оба они приобрѣли себѣ извѣстность въ коринеской войнѣ, выведя въ первый разъ въ поле наемниковъ, съ которыми еще ни разу не имѣли случая помѣряться силами полки, составленные изъ гражданъ. Тутъ Ификратъ обратилъ на себя общее вниманіе истребленіемъ отряда спартацевъ, до тѣхъ поръ считавшихся непобѣдимыми. Здѣсь въ первый разъ выступили пельтасты, войско, образованное Ификратомъ. Раньше войско греческое состояло изъ гоплитовъ и легковооруженныхъ; Ификратъ создалъ нѣчто среднее между ними. Того требовало время. Прежняя организація войска была тѣсно связана съ городovýmъ устройствомъ Греціи. Когда родовыя начала стараго строя начали распадаться, должно было измѣниться и военное устройство. Прежде граждане сами сражались за родину, родичь сто-

яль въ войскѣ рядомъ съ родичемъ, и отряды носили родовыя названія (филы, моры). Теперь войска набирались изъ бѣглецовъ, готовыхъ биться противъ кого угодно; надо было соображаться съ характеромъ новыхъ войскъ. Главными условіями новой тактики стали быстрота движеній и легкость. Непрiятеля утомляли безпрестанными переходами, изумляли новыми построеніями, старались нападать врасплохъ, дѣйствовали массами. Ификратъ со своими пельтастами сдѣлался творцомъ новой тактики. Тяжелые щиты гоплитовъ онъ замѣнилъ легкими (пельтами); далъ воинамъ длинные мечи, усовершенствовалъ обувь, которая до римскихъ временъ называлась Ификратовой. Такъ образовалъ онъ легкую пѣхоту, съ которой и одержалъ всѣ свои побѣды. Постоянными ученіями и смотрами Ификратъ довелъ ее до высшаго совершенства. Тяжелую пѣхоту онъ также не оставилъ безъ вниманія и далъ ей длинныя копья. Это нововведеніе было усовершенствовано Филиппомъ, который многимъ былъ обязанъ знаменитымъ вождямъ наемниковъ. Морская служба въ древности была немногосложна, не требовала большого изученія; потому хорошіе генералы были почти всегда отличными адмиралами, такъ какъ и на морѣ дѣло рѣшалось чаще всего рукопашнымъ боемъ. Ификратъ тоже часто командовалъ флотомъ. Занятъ онъ былъ почти постоянно. Въ коринѣской войнѣ онъ игралъ едва ли не первую роль между аѣинскими полководцами; въ войнѣ съ Эивами удачно боролся съ Эпаминондомъ. Но чаще всего онъ велъ войну, какъ и всѣ наемные вожди, за свой собственный счетъ и предлагалъ свои услуги то царю персидскому, то сѣвернымъ князьямъ. На войну онъ смо-

трѣль, конечно, какъ на средство къ обогащенію, и мы рѣдко встрѣчаемъ его въ Аѣинахъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя неловко. Любимымъ мѣстопробываніемъ Ификрата была Эракія; тамъ онъ пировалъ, тамъ же и женился на дочери туземнаго князя.

Самымъ блестящимъ и даровитымъ изъ всѣхъ вождей былъ Тимоѳей, сынъ Конона, создатель второго аѣинскаго союза. Онъ привлекалъ къ себѣ союзниковъ своею кротостію и строгою дисциплиною войска. При немъ не слышно было ни объ изгнаніяхъ, ни о казняхъ, ни о перемѣнѣ правленія. Онъ былъ краснорѣчивъ, дѣятеленъ, слылъ искуснымъ полководцемъ и отличнымъ администраторомъ. Никто изъ современныхъ ему вождей не обладалъ такою способностью содержать войско войною. Онъ покорилъ 24 города съ меньшими издержками, чѣмъ сколько стоила одна осада Мела въ пелопонесскую войну. Частная жизнь Тимоѳея отличалась чрезвычайною роскошью; говорятъ, трудно было найти въ Греціи пиры великолѣпнѣе его. Оттого, несмотря на свое крупное состояніе, онъ часто нуждался въ деньгахъ. Расточительностью вообще отличались греческіе наемники. Къ чему было наемнику беречь и копить деньги, когда его ремесломъ была война, когда онъ постоянно видѣлъ передъ глазами смерть и знать не хотѣлъ родины? Но и полководцамъ не къ чему было думать о бережливости. Сегодня онъ побѣдитель, и его встрѣчаютъ рукоплесканіями, а завтра являются обвинители, какой-нибудь сикофантъ, и подозрительный народъ осуждаетъ вчерашняго героя на изгнаніе, а иногда и на смерть. Разъ передъ выходомъ въ море у Тимоѳея не оказалось денегъ, имѣніе его было заложено, цѣнныя вещи

проданы, и вотъ онъ явился къ банкиру и занялъ у него 1000 слишкомъ руб., надѣясь поправить дѣла въ походѣ. Вдобавокъ, онъ, кажется, растратилъ казенныя деньги и заставилъ корабельныхъ капитановъ занять ему по нѣскольکو сотъ руб. на содержаніе воиновъ. Но этого мало: вмѣсто того, чтобы, какъ было предписано, плыть въ Пелопонесъ, Тимоѳеѣй отправился во Фракію, надѣясь поживиться въ союзныхъ городахъ. Вѣроятно, онъ былъ въ этомъ случаѣ не такъ виновенъ, какъ говорили. Очень можетъ быть, что аѳиняне дали ему плохіе корабли, да и тѣхъ немного, а онъ не хотѣлъ рисковать и надѣялся усилить свое войско при помощи союзниковъ. Во всякомъ случаѣ аѳиняне были имъ очень недовольны, явились обвинители, — и Тимоѳеѣй получилъ приказъ прибыть въ Аѳины для оправданія. Ему пришлось заложить послѣднее имѣніе, чтобы удовлетворить капитановъ, которые также хотѣли жаловаться на него. Процессъ началъ принимать оборотъ очень для него непріятный, когда въ Аѳины прибыли друзья Тимоѳеѣя, князья Феръ и Молоссовъ, съ цѣлью ходатайствовать за него предъ народомъ, и остановились у него въ Пиреѣ. Дѣло шло къ вечеру, именитыхъ гостей надо было принять, а у Тимоѳеѣя въ это время денегъ совсѣмъ не было. Онъ послалъ раба къ банкиру просить постелей, ковровъ, бокаловъ и денегъ. Банкиръ, узнавъ, для кого это нужно и зачѣмъ князья пріѣхали, охотно выдалъ все просимое. Тимоѳеѣй былъ оправданъ. Онъ вернулъ ковры и постели, но деньги и двѣ серебряныя чаши оставилъ у себя, можетъ-быть даже продалъ, потому что ему буквально нечѣмъ было жить. Вскорѣ затѣмъ онъ отпросился у аѳинянъ на службу

къ персидскому царю, воевавшему съ Египтомъ. Тимоеей твердо разсчитывалъ поправить тутъ состояніе и потому, еще до похода, началъ строить себѣ дворецъ въ Циреѣ; лѣсъ для постройки прислалъ ему царь Македоніи. Въ Египтѣ онъ дѣйстви-тельно поправилъ состояніе и вернулся богаче, чѣмъ былъ прежде. Впрочемъ, какъ и всѣ современные вожди, Тимоеей не любилъ Аѣинъ и больше жилъ въ Лесбосѣ *).

---

*; По словамъ Демосеена, аѣинскіе вожди охотнѣе служили въ Азіи, чѣмъ въ Европѣ. Объясняется это вотъ чѣмъ: на добычу полководцевъ въ Европѣ могли заявить притязаніе Аѣины, въ Азіи же, по Анталкидову миру, они не могли себѣ ничего требовать, и здѣсь, стало-быть, вожди могли вполне разсчитывать на цѣлость добычи (*Holm. III, 219*).

XV. РАЗЛОЖЕНІЕ ГРЕЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ КРАЙНОСТЕЙ ИНДИВИ- ДУАЛИЗМА.

(*Pöhlmann. Geschichte des antiken Socialismus und Kommunismus*)

Въ IV и III вв. почти всюду въ Элладѣ замѣтно одинаковое обостреніе экономическихъ противорѣчій. Капиталь и землевладѣніе усиленно сосредоточиваются въ однѣхъ рукахъ, среднее сословіе неудержимо исчезаетъ, значеніе денегъ все растетъ, а съ нимъ и оборотная сторона денежнаго хозяйства — пауперизмъ. Лучшія стремленія глоснуть; всѣ слои народа охватываются жаждой прибыли и наслажденій, безпощадной эксплуатаціей и безумной спекуляціей, классовой завистью и ненавистью различныхъ общественныхъ слоевъ другъ къ другу.

Эти начала соціального разложенія могли проявляться въ Греціи съ полною свободой. Государственная власть въ греческихъ республикахъ была организована такъ, что не могла съ достаточною силою, наперекоръ обнаруживавшимся въ обществѣ эгоистическимъ интересамъ, провести идею государства, какъ представителя общей пользы и равномерной справедливости. Государство не могло подчинить отдѣльныхъ эгоизмовъ общественнымъ цѣ-

лямъ. Въ государственномъ строѣ, основанномъ на началѣ народнаго верховенства, гдѣ въ дѣйствительности въ основѣ устройства лежитъ верховенство общества или точнѣе господствующаго въ немъ въ данный моментъ класса, — и въ политической жизни рѣшающимъ двигателемъ являются съ самаго начала социальныя силы. Экономическія основы общественнаго строя, имущество и его распредѣленіе обуславливаютъ и строй государственный. Поэтому все развитіе политической жизни въ эллинскихъ республикахъ зависѣло въ концѣ концовъ отъ рѣшенія вопроса о томъ, какому именно изъ общественныхъ классовъ — капиталистическому меньшинству, среднему сословію, малоимущимъ или совсѣмъ неимущимъ — удастся добиться преобладающаго вліянія на государственную власть. Но такое общество, предоставленное самому себѣ и не ограниченное сильнымъ органомъ государственной идеи, всегда склонно руководиться въ политической жизни классовыми интересами, — пользованіе государственною властью подчинять частнымъ цѣлямъ. Борьба эгоистическихъ стремленій, происходящая въ обществѣ на почвѣ экономической конкуренціи, переносится отсюда въ сферу политическую: здѣсь мы постоянно наблюдаемъ проявленіе всѣхъ тѣхъ противорѣчій, какія дѣлятъ общество на социальныя группы. Притязанія политическихъ партій на обладаніе государственною властью, при этихъ условіяхъ, были обыкновенно ни чѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ провести классовые частные интересы. Цѣлью борьбы партій, болѣе или менѣе открыто признаваемою, служила просто эксплуатація власти въ интересахъ одного класса насчетъ другихъ. Экономическіе инте-

ресы господствовали нерѣдко надъ государствомъ почти съ такою же стихійною силою, какъ и надъ обществомъ.

Тамъ, гдѣ государство до такой степени подчинено стихійнымъ стремленіямъ классовъ, политическая мысль дѣйствительно должна была сама собою притти къ заключенію, что политическое право есть прежде всего право индивидуальное, не соединенное съ обязанностями относительно цѣлаго; что пользованіе политическою властью не—выполненіе долга передъ государствомъ, а просто—средство къ удовлетворенію частныхъ стремленій.

Пониманіе политической власти какъ средства къ господству и эксплуатаціи другихъ классовъ общества стало, въ концѣ концовъ, чѣмъ-то само собою разумѣющимся. Извѣстный трактатъ объ аѳинской демократіи признаетъ своекорыстное господство черни вполнѣ естественнымъ съ ея точки зрѣнія, такъ какъ каждому простиительно заботиться прежде всего о себѣ; въ то же время здѣсь съ наивною откровенностью признается, что и богатые пользовались бы своимъ преобладаніемъ въ томъ же духѣ. Вполнѣ согласно съ такимъ пониманіемъ Аристотель опредѣляетъ двѣ господствующія тогда формы правленія, олигархію и демократію, какъ такія правительственныя системы, изъ которыхъ одна преслѣдуетъ интересы богатыхъ, а другая—бѣдныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ далѣе Аристотель, въ происходящей всюду борьбѣ имущихъ съ неимущими побѣдители всюду стремятся не столько къ созданію порядка, охраняющаго общіе интересы и примиряющаго интересы частныя, сколько къ захвату власти въ свою пользу. Поэтому Платонъ, быть-можетъ, справедливо

называетъ выросшія на такой основѣ государственныя организациі прямымъ отрицаніемъ идеи государства, орудіями не сохраненія, а разрушенія гражданскаго общества.

Это-то очевидно и имѣетъ въ виду Моммзенъ, говоря о стремленіи грековъ жертвовать цѣлымъ въ пользу лица, обществомъ въ пользу гражданина, доводитъ общественную власть до внутренняго разложенія. Конечнымъ результатомъ является, въ самомъ дѣлѣ, крайній индивидуализмъ, доходящій до полного отрицанія государства и права и выставяющій интересъ личности единственнымъ истиннымъ интересомъ. Распространившаяся, въ связи съ описаннымъ строемъ общественныхъ отношеній, теорія эгоизма не только объявляла личность главной основой всѣхъ порядковъ общежитія, но и провозглашала жизненные цѣли отдѣльнаго лица единственными цѣлями всѣхъ дѣйствій человѣка.

Такое пониманіе должно было неизбѣжно вести къ нравственному матеріализму. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ цѣли жизни отдѣльнаго лица безусловно эгоистичны и направлены преимущественно на физическое существованіе, то что другое можетъ выйти изъ исключительнаго стремленія къ нимъ, какъ не матеріализмъ нравственныхъ побужденій?

Идеѣ права и государства противуполагается такъ называемое естественное право, ограничивающее личность въ удовлетвореніи ея эгоистическихъ стремленій единственно предѣлами ея собственной силы. Какъ въ борьбѣ за жизнь, въ мірѣ животныхъ, сильный всегда беретъ верхъ надъ слабымъ, такъ, по этой догматикѣ эгоизма, право—всегда на сторонѣ того, у кого сила; оно тождественно съ интересомъ

сильнаго. Правительства съ полнымъ правомъ возводятъ въ законъ то, что имъ полезно; справедливымъ оказывается, въ сущности, то, что выгодно для сильнаго. Поэтому помѣшать въ преслѣдованіи своей выгоды положительный законъ можетъ только глупцамъ и трусамъ.

Большинство сознаетъ хорошо свою слабость и знаетъ, что для него единственное спасеніе—въ ограниченіи сильныхъ; поэтому оно и замѣнило естественное право «произвольно придуманнымъ» закономъ. Болѣе сильныхъ отъ природы людей обыкновенно, какъ молодыхъ львовъ, начинаютъ воспитывать съ юности, пока ихъ духъ мягокъ, стараются обмануть ихъ всякими выдумками и довести до признанія равенства съ другими. Но иной, обладая достаточно крѣпкой натурой и прійдя въ возрастъ, сбрасываетъ съ себя все это, разрываетъ магическій кругъ идей, въ которомъ его искусственно держали, а также и всѣ противорѣчащіе природѣ законы, и выступаетъ повелителемъ большинства и блестящимъ выразителемъ права природы.

Особенно приложима эта противуобщественная теорія къ области экономическаго соперничества, къ явленіямъ общественной борьбы за существованіе, которую представители названнаго направленія рассматривали по аналогіи съ явленіями животнаго царства, совершенно такъ, какъ ихъ современные послѣдователи объявляютъ верховенство чистаго эгоизма неизбѣжнымъ выводомъ изъ теоріи естественнаго подбора. Оправдывать ссылками на естественное право то положеніе, что «достояніе слабѣйшихъ принадлежитъ собственно сильнымъ, т. е. лучшимъ или болѣе способнымъ», и что слабые должны довольствоваться

тѣмъ, что имъ оставляютъ сильные, — значить уподоблять борьбу интересовъ въ гражданскомъ обществѣ стихійной борьбѣ силы и хитрости, ведущейся въ мѣрѣ животныхъ.

Это утвержденіе всего рѣзче характеризуетъ стремленія эксплуатирующихъ классовъ. Роковое значеніе такихъ теорій для жизненной практики видно изъ суроваго приговора, произнесеннаго надъ эгоизмомъ эпохи такимъ трезвымъ наблюдателемъ, какъ Аристотель: «Къ идеѣ права и равенства обращаются всегда только слабые, сильные объ этомъ совѣмъ и не думаютъ».

Если высшія общественныя чувства до такой степени стали чужды сознанію широкихъ круговъ, то борьба интересовъ индивидуальныхъ и классовыхъ должна была нерѣдко доходить до ожесточенія, не признающаго никакихъ ограниченій нравственности и права. Въ наиболѣе развитыхъ, экономически и политически, государствахъ эллинскаго міра мы находимъ, съ одной стороны, плутократическое меньшинство, которое съ отвращеніемъ относится къ началу народнаго верховенства, законодательной власти народа, какъ къ неестественному порабоженію высшихъ въ соціальномъ и духовномъ отношеніи, и которое постоянно всѣми способами стремится къ устраненію такого порабоженія; а съ другой стороны, мы видимъ «чернь», столь же односторонне преслѣдующую интересы массъ. Меньшинство добивалось устраненія государственнаго вмѣшательства, стѣснявшаго его экономическое господство; радикальная часть населенія хотѣла при помощи государства доставить массамъ всевозможныя житейскія блага. Это противорѣчіе должно было обострить-

ся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе, подъ вліяніемъ односторонняго развитія общества, падало значеніе состоятельнаго средняго сословія,—т. е. того класса, который имѣлъ возможность противодѣйствовать худшимъ проявленіямъ и насильственнымъ взрывамъ классоваго эгоизма,—и чѣмъ шире становилась вмѣстѣ съ тѣмъ пропасть между богатымъ меньшинствомъ и все растущей по численности и требовательности нищей массой.

Всего яснѣе сказывается разрушительное дѣйствіе такого обостренія вражды классовъ въ преступномъ лозунгѣ тайныхъ олигархическихъ обществъ эпохи: «я буду врагомъ народа и буду вредить ему по силѣ совѣтами». Разложеніе общихъ идей и чувствъ, связующихъ народность, доходило здѣсь на самомъ дѣлѣ до крайнихъ предѣловъ: поистинѣ можно было характеризовать настроеніе времени словами современныхъ демагоговъ, что высшія сословія на родинѣ, все равно какъ иноземные непріатели, оказываются прирожденными врагами бѣднаго чело-вѣка. Съ другой стороны, слѣдуетъ ли удивляться тому, что масса неимущихъ, «равнодушная къ государству, лишь бы только у ней былъ хлѣбъ», всегда выказывала стремленіе до послѣдней степени эксплуатировать то значеніе, какое ей придавали политическая равноправность и ея численный перевѣсъ?

Такъ, политическая борьба становится болѣе или менѣе борьбой экономической и получаетъ свойственный этой послѣдней страстный характеръ. Это уже не просто споръ въ сферѣ политики, но очень часто борьба кулакомъ и оружіемъ; кровопролитный характеръ борьбы воспламеняетъ всюду накопившій-

ся горючій матеріалъ классовой ненависти и приводитъ къ такимъ же ужаснымъ крайностямъ, какъ борьба партій въ концѣ римской республики, французскій терроръ или коммуна.

Вспомнимъ только объ ужасахъ борьбы олигарховъ съ демократами на Керкиръ въ 427 г. и о классическомъ описаніи разложенія народной нравственности духомъ эгоизма у Фукидида *). Вспомнимъ о такъ называемомъ скитализмѣ въ Аргосѣ, гдѣ въ 370 г. неистовая чернь напала на богатыхъ и дубинами перебила 1500 человекъ. «Народъ въ Аргосѣ, — говоритъ Исократъ, — тѣшится избіеніемъ богатыхъ гражданъ и, устраивая это побоище, радуется сильнѣе, чѣмъ иные радуются, умерщвляя враговъ». О положеніи Пелопонеса онъ отзывается въ другомъ мѣстѣ такъ: «Враговъ боятся меньше, чѣмъ своихъ согражданъ. Богачи охотнѣе кинули бы свое достояніе въ море, чѣмъ отдать его бѣднымъ; бѣдные, напротивъ, ничего такъ не желаютъ, какъ ограбить богатыхъ. Жертвы исчезаютъ, на алтаряхъ люди убиваютъ другъ друга. У иного города теперь больше изгнанниковъ, чѣмъ прежде во всемъ Пелопонесѣ».

Такъ, общество раздѣляется на двѣ враждебныя стороны, изъ которыхъ каждая старается постоянно отнять у другой ту защиту, какую государство должно было бы оказывать ея имуществу и свободѣ. Объединяющія силы оказываются настолько слабѣе раздѣляющихъ, что нерѣдко борющіеся классы становятся, въ концѣ концовъ, болѣе чуждыми другъ другу, чѣмъ настоящіе враги и чужеземцы.

*) См. выше, стр. 107—112.

XVI. РЕАКЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ПРОТИВЪ КРАЙНОСТЕЙ ИНДИВИДУАЛИЗМА.

(*Pöhlmann. Geschichte des antiken Socialismus und Kommunismus.*)

Обладая замѣчательной духовной энергіей, греческій народъ, очевидное дѣло, не могъ подчиниться съ тупою покорностью только-что изображенному порядку вещей. Эпоха полного развитія всѣхъ разлагающихъ силъ представляется въ то же время настоящимъ философскимъ вѣкомъ эллинской исторіи, временемъ громадной умственной работы, стремившейся овладѣть грозными противорѣчїями во внутренней и внѣшней жизни народа, найти путь къ ихъ разрѣшенію.

Направленіе, въ которомъ шла эта работа социаль-но-философской мысли, было ясно предуказано только-что охарактеризованными отношенїями. Современная жизнь довела до крайности начало индивидуализма и провозгласила мотивомъ всѣхъ дѣйствій челоуѣка личный интересъ; болѣе вдумчивые люди, убѣдившись, что чрезмѣрное усиленіе этого принципа ведетъ только къ разложенію общества, должны были придать особенное значеніе силамъ центростремительнымъ.

Въ противоположность теорїи, исходившей отъ точки зрѣнїя личности, въ эллинской литературѣ является теперь сильное теченіе, руководимое мыслью,

что всякая индивидуальная жизнь и стремление должны быть постоянно разсматриваемы съ точки зрѣнія ихъ связи съ цѣлымъ. Мѣсто морали, сознательно подчинявшейся догматикѣ эгоизма, — морали, послѣднимъ результатомъ которой могла быть только борьба всѣхъ противъ всѣхъ, — должна была снова занять болѣе чистая нравственность, ставившая цѣли человѣческихъ стремленій выше и дальше личныхъ интересовъ и стремившаяся объединить разрозненные и враждебные общественные элементы въ одно живое цѣлое. Міросозерцаніе крайняго индивидуализма должно было быть замѣнено тѣмъ, что, вмѣстѣ съ Конттомъ и Карлейлемъ, можно было бы назвать «альтруистическою» моралью.

Вотъ великая задача, проходящая со времени пелопонесской войны красною нитью чрезъ соціальную философію. Эта философія стремится снова доставить перевѣсъ общественнымъ мотивамъ надъ чрезмѣрно усилившимся эгоизмомъ, воспитать людей къ общественной дѣятельности, не направленной исключительно на собственное существованіе, но имѣющей постоянно въ виду интересы цѣлага. Такимъ образомъ отъ борьбы, грозившей разложеніемъ обществу и государству, указанъ былъ путь къ соціальному миру, къ прогрессивному объединенію членовъ государства.

Подобно вождямъ сходнаго современнаго движенія, Фихте, Карлейлю, руководители новаго направленія греческой мысли съ самаго начала справедливо указывали на то, что если нужно усилить готовность личности къ жертвамъ на пользу общую, то прежде всего слѣдуетъ измѣнить взаимныя отношенія индивидовъ и классовъ. Необходимо измѣнить

положеніе, которое можетъ вести только къ борьбѣ, такъ какъ оно исключаетъ возможность мирнаго соглашения, — положеніе, при которомъ различные классы перестаютъ понимать другъ друга, бѣдные и богатые живутъ рядомъ какъ два враждебные народа съ совершенно различными настроеніями и воззрѣніями; необходимо поставить государство на новыя нравственныя основы. Нужно содѣйствовать смягченію вражды классовъ, нужно, чтобы совокупность гражданъ снова стала чувствовать себя не столько массою однородныхъ атомовъ, сколько нравственнымъ цѣлымъ, объединяемымъ узами чувствъ и представлений, для всѣхъ одинаковыхъ, и идеаловъ, всѣмъ общихъ, — словомъ, узами болѣе крѣпкими, чѣмъ эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ и классовъ.

Въ этомъ смыслѣ уже Сократъ съ особеннымъ удареніемъ указывалъ на гражданскую присягу, обязывавшую каждого эллина заботиться прежде всего о поддержаніи «единодушія» между гражданами. Это «единодушіе» людей, одинаково настроенныхъ, которое одно только и можетъ сглаживать различія между индивидами и классами, Сократъ провозглашаетъ высшимъ политическимъ благомъ. Слова «объ единодушій» становятся любимымъ заглавіемъ для тѣхъ, очевидно многочисленныхъ, публицистическихъ произведеній, авторы которыхъ высказывались за коренное преобразование государства и общества и рисовали идеаль новаго лучшаго строя.

Въ томъ же смыслѣ Платонъ называетъ высшею цѣлью всякой политики миръ и взаимное благожелательство. Прежде всего слѣдуетъ заботиться о чув-

ствахъ общности, объединяющихъ государство и закрѣпляющихъ его внутреннее единство, для того чтобы государство относилось дружелюбно къ самому себѣ.

Поэтому цѣлью государства не можетъ быть просто благосостояніе одной части народа, а только— всеобщее благо.

Право должно сообразоваться съ интересами и потребностями всего населенія государства; право личности стоитъ уже только на второмъ планѣ. Эта цѣль можетъ быть достигнута только въ томъ случаѣ, если общественная дисциплина и воспитаніе настолько ограничатъ волю личности, настолько подчинятъ ее жизни цѣлаго, что она охотно будетъ содѣйствовать государству въ укрѣпленіи связей, обезпечивающихъ его цѣлостность.

Себялюбію, не признающему ничего, кромѣ потребностей ненасытнаго «я», указываютъ на то, что оно въ концѣ концовъ уничтожаетъ всякую общность между людьми, всякія узы симпатіи, что оно, собственно, совсѣмъ не признаетъ общаго порядка и права и такимъ образомъ отрицаетъ все, что «связываетъ небо и землю, боговъ и людей».

Уже понятіе все охватывающаго и подчиняющаго мірового порядка, Космоса, сущность котораго именно и заключается въ «порядкѣ», связи, гармоніи, указываетъ на противоположность притязанія личности на неограниченное верховенство, на противоположность обращенія общества въ хаосъ анархическихъ силъ, вслѣдствіе безпощаднаго проявленія эгоизма. Подобныя проявленія не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что Платонъ называетъ относительнымъ равенствомъ: въ силу этого равенства

каждый на своемъ мѣстѣ долженъ поддерживать міровой порядокъ, часть котораго составляютъ и государство съ обществомъ.

Крайній индивидуализмъ разложилъ государство на массу одиноко стоящихъ личностей; въ новой теоріи разъединенное представляется снова собраннымъ въ одно живое цѣлое, каждый членъ котораго постоянно сознаетъ свою обязанность дѣлать свое дѣло и дѣйствовать всегда такъ, чтобы его дѣятельность была полезна и для цѣлаго. Надъ себялюбивыми побужденіями должны взять верхъ мотивы общественные, прежде всего искренняя преданность высшему цѣлому, государству. Такимъ образомъ, противъ центробѣжныхъ стремленій и отрицательнаго идеала свободы, сдѣлавшаго личность центромъ міра, здѣсь выступаетъ рѣзкое теченіе центростремительное; противъ индивидуализма выдвигается социализмъ. Это направленіе мысли, совершенно аналогично тому, которое проявилось въ подобномъ же движеніи послѣдняго вѣка противъ міросозерцанія эпохи «просвѣщенія», противъ индивидуалистическаго естественнаго права и политической экономіи. Въ полномъ согласіи съ указанными воззрѣніями грековъ Гете высказываетъ въ своихъ *Wanderjahre* ту мысль, что каждый человѣкъ по отношенію къ своей собственности является только управителемъ и долженъ управлять ею для блага цѣлаго; и далѣе поэтъ предъявляетъ къ каждой личности требованіе: «Сдѣлайся органомъ и жди, какое мѣсто укажетъ тебѣ человечество во всеобщей жизни». Вся общественная теорія идеалиста Платона представляется громкимъ воззваніемъ къ совѣсти общества; то же движеніе противъ индивидуализма сильно отрази-

лось и на болѣе трезвыхъ политическихъ воззрѣнiяхъ Аристотеля.

«Не слѣдуетъ думать», говоритъ Аристотель, совершенно въ духѣ Платона, «что гражданинъ принадлежитъ только самому себѣ; напротивъ, всѣ принадлежатъ государству; вѣдь каждый, — прибавляетъ онъ, есть только часть государства». Въ этомъ положенiи передъ нами снова выступаетъ представленiе государства, какъ организма. Чтобы выяснитъ отношенiе между государствомъ и индивидомъ, Аристотель прямо проводитъ сравненiе съ членами человѣческаго тѣла, съ рукой и ногой, которыя, разъ прекратилось существованiе цѣлаго человѣка, тоже перестаютъ существовать иначе, какъ только по названiю. Часть цѣлаго не можетъ достигать своего назначенiя внѣ цѣлаго, «не удовлетворяетъ самое себя» и, слѣдовательно, достигаетъ полнаго и настоящаго существованiя только благодаря цѣлому. Отсюда Аристотель заключаетъ, что государство, какъ цѣлое, логически существуетъ раньше, чѣмъ его несамостоятельныя части, индивиды. Отдѣльный членъ можетъ быть понятъ только изъ идеи цѣлаго.

Далѣе, какъ организмъ, государство не есть нѣчто искусственное, простое созданiе прихоти и выдумки; оно вырастаетъ изъ чисто-естественныхъ началъ, вызывающихъ такiя же, хоть и менѣе совершенныя, формы общественной жизни уже въ царствѣ животномъ, напр. въ «пчелиномъ государствѣ». Это естественное стремленiе къ общественности достигаетъ въ государствѣ своей конечной цѣли, полнаго самоудовлетворенiя, составляющаго сущность всякаго счастья. Истинно счастливое существованiе — не обособленность, въ которой человѣкъ живетъ по

возможности только для себя, а такое существованіе, въ которомъ человѣкъ, какъ существо общественное, живетъ въ одно и то же время для семьи, друзей и согражданъ.

Въ виду такого представленія объ обществѣ, Аристотель придаетъ особенное значеніе развитію чувствъ общественной нравственности, которымъ онъ посвящаетъ цѣлыя три книги Этики и которыя онъ объединяетъ въ понятіи «дружелюбія» и основныхъ общественныхъ добродѣтелей — добросовѣстности и справедливости.

Въ противоположность специфическому пороку эгоизма, — захватчивости сильнаго, безпощадно проводящаго въ спорѣ за внѣшнія блага свой интересъ въ ущербъ слабому, — здѣсь выставляется прежде всего справедливость, какъ такое нравственное настроеніе, которое стремится по возможности примирить собственный интересъ съ интересомъ другихъ. Всюду, гдѣ дѣло идетъ о распредѣленіи матеріальныхъ выгодъ или убытковъ, человѣкъ долженъ проводить начало относительнаго равенства, не присвоивать себѣ слишкомъ много выгодъ и не оставлять слишкомъ мало ихъ ближнему и наоборотъ. Стало бытъ, въ этомъ смыслѣ справедливость есть примѣненіе правила — всякому свое. Въ противоположность взгляду, признающему только одно начало справедливаго распредѣленія — право силы, эта справедливость относится съ уваженіемъ и къ праву слабого. Поэтому она представляетъ ближнему больше, чѣмъ сколько, въ случаѣ нужды, онъ можетъ требовать по закону; это не простая законность, а добросовѣстность, не останавливающаяся на буквѣ формальнаго права, но добровольно отдающая предпочтеніе спра-

ведливому притязанію ближняго предъ собственнымъ интересомъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ высказывается въ пользу послѣдняго. Такъ какъ справедливость имѣетъ въ виду не только свое благо, но и благо другого, то она оказывается благомъ и для другихъ (альтруизмомъ); ее можно также назвать «совершенною добродѣтелью», такъ какъ человѣкъ, обладающій ею, можетъ примѣнять ее не только къ себѣ и къ своей внутренней жизни, но и въ отношеніяхъ къ другимъ. Многіе люди удовлетворяютъ требованіямъ добродѣтели дома и въ семьѣ; но тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ къ чужимъ людямъ, они оказываются въ большей или меньшей степени ниже этихъ требованій. Особенно ясно сказывается это въ такихъ положеніяхъ, гдѣ дѣятельность человѣка направлена на другихъ и на общество; поэтому Біантъ очень мѣтко замѣтилъ, что только во власти обнаруживается характеръ человѣка.

Справедливость представляется въ то же время «политическимъ благомъ», такъ какъ она приноситъ пользу обществу: она — «добродѣтель общественная». Въ справедливости, говоритъ Аристотель словами поэта, заключается всяческая добродѣтель; въ известномъ смыслѣ справедливость есть воплощеніе добродѣтели. Содѣйствуя тому, чтобы во взаимныхъ сношеніяхъ людей было соответствіе, т. е. справедливое отношеніе между услугой и вознагражденіемъ, справедливость оказывается какъ разъ той силою, которая объединяетъ государство и общество и привязываетъ людей другъ къ другу.

Въ концѣ концовъ Аристотель приходитъ къ заключенію, что справедливость во многихъ отноше-

ніяхъ заключаетъ въ себѣ элементъ того, что греки называли *φιλία*, — того чувства солидарности, которое привязываетъ человѣка къ человѣку и присутствіе котораго составляетъ необходимое условіе для примѣненія справедливости въ чистѣйшемъ и высшемъ смыслѣ слова. Это «дружелюбіе» не слѣдуетъ отождествлять съ дружбою, личнымъ отношеніемъ между отдѣльными людьми; это есть присущее человѣку вообще стремленіе къ жизни въ обществѣ.

Та же самая противоположность социальному атомизму, какою характеризуется это пониманіе справедливости, сказывается также и въ изслѣдованіи о «дружбѣ». Рядомъ съ дружбою въ тѣсномъ смыслѣ здѣсь разбираются самыя различныя формы общечитія, общества, товарищества, короче — союзы всякаго рода, а также самыя разнообразныя формы чувства солидарности, болѣе или менѣе выводящія человѣка за предѣлы индивидуальной жизни.

Поэтому и здѣсь, какъ одна изъ формъ «дружелюбія», является снова «единство настроенія», единоподушіе, «политическая дружба». Она объединяетъ государство и образуетъ прочный оплотъ противъ внутренней борьбы, такъ какъ при наличности ея индивиды чувствуютъ себя членами одного духовно-нравственнаго цѣлаго, проникнутаго общими идеалами, болѣе для нихъ дорогими, чѣмъ частный интересъ: идеалами справедливости и благосостоянія цѣлаго.

Опредѣленіе понятія «дружелюбія» у Аристотеля выходитъ даже за тѣ широкіе предѣлы, которые представляетъ государство. Онъ указываетъ на стремленіе къ общечитію, которое свойственно уже животнымъ, живущимъ сообща, и еще въ высшей степени

свойственно человѣку, на то чувство солидарности, благороднымъ плодомъ котораго является «человѣколюбіе», постоянно доказывающее, какъ «близокъ и дорогъ человѣкъ человѣку». Поэтому эгоистъ, дѣлая все только ради себя, не дѣлая ничего такого, въ чемъ бы не былъ замѣшанъ его интересъ, преслѣдуя въ общей борьбѣ за внѣшнія блага жизни, за богатство, почетъ, наслажденіе—единственно свои личныя выгоды, отказывается отъ всѣхъ истинно человѣческихъ чувствъ. Противуположность такому себялюбію представляетъ настроеніе, которое независимо отъ личныхъ выгодъ воздастъ каждому свое и такимъ образомъ старается исполнить всѣ нравственныя обязательства, налагаемыя на человѣка различными отношеніями къ родственникамъ, друзьямъ, согражданамъ и всему человѣчеству.

Задача воспитанія—развивать по возможности въ народѣ эти общественныя чувства и обезпечивать имъ правильное приложеніе.

Но воспитаніе для такого нравственнаго общежитія есть въ сущности дѣло государства, такъ какъ только въ государствѣ всякая форма общественности достигаетъ совершенства и законченности. Государство и его учрежденія прежде всего должны воспитывать человѣка къ исполненію его общественныхъ обязанностей и содѣйствовать тому уравниенію желаній, которое Аристотель считаетъ первымъ условіемъ соціального мира. Въ случаѣ нужды государство должно даже принуждать къ исполненію такихъ высшихъ общественныхъ обязанностей. Этотъ взглядъ также ставитъ Аристотеля въ противорѣчіе съ одностороннимъ индивидуализмомъ его предшественниковъ. Аристотель даже прямо указываетъ

на двухъ представителей этого индивидуализма, — Гипподама Милетскаго, несомнѣнно близко стоявшаго къ софистикѣ, и софиста Ликофрона. Построенная на демократической основѣ, политическая теорія Гипподама, насколько намъ извѣстно, первая вывела изъ отвлеченнаго начала личной свободы то положеніе, что государство и его законы должны принципиально ограничиваться однимъ охраненіемъ личности и собственности. Еще яснѣе выступаетъ вліяніе индивидуализма у Ликофрона, утверждавшаго, что законъ есть только гарантія взаимныхъ правъ. Это утвержденіе вполнѣ соотвѣтствуетъ духу теоріи, для которой личность служитъ краеугольнымъ камнемъ всего права и существуетъ только для самой себя. Право возникаетъ исключительно на основѣ договора, которымъ индивиды гарантируютъ себѣ взаимно личную безопасность и которому они подчиняются только для того, чтобы сохранить равные шансы во взаимной борьбѣ. Государство должно относиться къ этой борьбѣ личностей по возможности пассивно. Между государствомъ и отдѣльными личностями внутренняя связь такъ же слаба, какъ и между этими послѣдними по отношенію другъ къ другу.

Въ противоположность этой догматикѣ эгоизма Аристотель развиваетъ въ третьей книгѣ Политики абсолютныя основы теоріи государства и общества. Государству принадлежитъ, по этой теоріи, задача положительнаго содѣйствія культурѣ, благосостоянію и нравственности своихъ гражданъ, — задача, далеко выходящая за предѣлы простого обезпеченія безопасности. Государство, — гласятъ положенія Аристотеля, — вызвано настоятельнѣйшими нуждами людей,

но въ своемъ развитіи оно должно содѣйствовать усовершенствованію ихъ внѣшней и внутренней жизни. Государство не есть простой союзъ охраны отъ правонарушеній и внѣшняго насилія; оно существуетъ не только для выгодъ взаимнаго обмѣна или общей наживы. Вѣдь и самостоятельныя государства заключаютъ между собою оборонительные союзы или торговые договоры, но они не заботятся нисколько о нравственности и образованіи того народа, съ которымъ состоятъ въ союзѣ. Между тѣмъ, именно этотъ идеальный элементъ неотдѣлимъ отъ идеи истиннаго гражданскаго общежитія. Простая географическая связь еще не составляетъ поэтому государства. Если бы двѣ различныя общины, — Аристотель называетъ для примѣра Мегары и Коринѣ, — могли сблизиться такъ, чтобы образовать непрерывный рядъ домовъ, то чрезъ это еще не создалось бы единаго государства. Или если бы нѣсколько человекъ жили врознь, но все-таки достаточно близко, чтобы имѣть сношенія другъ съ другомъ, и если бы они при этомъ заключили между собою союзъ для избѣжанія правонарушеній, а также для взаимной защиты, то и это еще не было бы государствомъ. Даже въ томъ случаѣ, если бы они рѣшились прямо поселиться вмѣстѣ, но каждый продолжалъ бы считать свой домъ за отдѣльное государство, а себя за члена охранительнаго союза, обязаннаго только противодѣйствовать внѣшнему насилію, то истинное государство существовало бы такъ же мало, какъ и прежде, потому что не произошло бы никакого измѣненія въ характерѣ и цѣли взаимныхъ отношеній. Ясно такимъ образомъ, что государство не есть простое единство мѣста или союзъ для отпора неспра-

ведливости и для развитія сношеній. Все это, правда, суть необходимыя условія для существованія государства, но сущность его составляетъ общеніе ради возможно полнаго осуществленія всѣхъ цѣлей человѣческой жизни. Цѣль этого общенія—не простое сожительство, а совмѣстная жизнь въ видахъ осуществленія идей добра и красоты. Въ этомъ смыслѣ государство является также и учрежденіемъ для достиженія людьми благополучія, но не въ одномъ матеріальномъ отношеніи. «Великодушному и истинно свободному чувству противно относить все только къ внѣшней пользѣ». Это благополучіе состоитъ, напротивъ, прежде всего въ усовершенствованіи того, что составляетъ благороднѣйшую сторону человѣческаго существа, въ развитіи умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка. Въ сравненіи съ этимъ внѣшнія блага имѣютъ второстепенное значеніе. Они до извѣстной степени необходимы; но, тогда какъ умственное и нравственное развитіе по природѣ своей не имѣетъ и не должно имѣть границъ, необузданная погоня за умноженіемъ матеріальныхъ благъ не даетъ счастья ни цѣлому, ни отдѣльной личности. Напротивъ, если матеріальное богатство превосходитъ извѣстный предѣлъ, то оно можетъ служить ко вреду и даже быть опаснымъ для нравственныхъ цѣлей жизни.

Между тѣмъ,—какъ настойчиво указываетъ Аристотель въ отдѣлѣ Этики объ эгоизмѣ,—большинство людей стремится именно къ этимъ внѣшнимъ благамъ, богатству, почестямъ, наслажденіямъ; эти цѣли составляютъ поэтому предметъ постоянной борьбы страстей и желаній. Особенно усердно стремятся люди къ безпредѣльному накопленію богатства. Большин-

ство людей и заботится только о внѣшнемъ существованіи, а не объ облагороженіи жизни; а такъ какъ предѣлъ жизни неизвѣстенъ, то не имѣетъ предѣла и забота о ней, а вмѣстѣ и стремленіе добыть для жизни возможно большее количество средствъ. Но даже и тѣ люди, которые стремятся къ украшенію жизни, большею частью имѣютъ при этомъ въ виду внѣшнія удовольствія; а такъ какъ для доставленія ихъ необходимо опять-таки богатство, то все ихъ помыслы и стремленія и направляются на пріобрѣтеніе денегъ. Это стремленіе къ пріобрѣтенію, естественно, такъ же трудно бываетъ удержать въ границахъ, какъ и самое наслажденіе, служащее ему цѣлью. При такомъ преобладаніи среди большинства одностороннихъ мотивовъ, въ результатъ неизбѣжно является антагонизмъ между цѣлями личности и цѣлями государства, какъ носителя высшихъ благъ человѣчества, осуществленіе которыхъ приводитъ къ гармоническому примиренію стремленій человѣка, къ установленію правильнаго нравственнаго масштаба. Если, поэтому, главнѣйшую задачу для государства составляетъ подчиненіе эгоизма личностей благу цѣлаго, то для государства, серьезно относящагося къ своимъ нравственнымъ цѣлямъ, необходимо обратить особенное вниманіе на ту область, въ которой этотъ эгоизмъ проявляется всего ярче, гдѣ онъ постоянно получаетъ новое раздраженіе и новую пищу, — на область матеріальныхъ интересовъ. Государство должно выступить рѣшительно противъ крайняго индивидуализма въ сферѣ экономической. Въ противоположность теоріи, которая, ссылаясь на борьбу за существованіе въ природѣ и на естественное превосходство сильнаго надъ слабымъ, отвергала

принципально вмѣшательство государства въ экономическую борьбу и требовала предоставить вещи ихъ естественному теченію,—Аристотель, какъ и Платонъ, возлагаетъ на государство задачу нравственного очищенія экономической жизни и требуетъ рѣшительной борьбы противъ односторонняго извращенія или преувеличенія экономического эгоизма. И въ области хозяйства личность не должна становиться одностороннею цѣлью общежитія; напротивъ, сфера индивидуальныхъ стремленій и дѣятельности должна опредѣляться условіями жизни въ обществѣ. Стихійной силѣ матеріальныхъ интересовъ, господствующихъ надъ обществомъ и всюду стремящихся подчинить себѣ лучшую сторону человѣка, противоплагается высокая идея государства, какъ нравственного общежитія, имѣющаго задачей,—а при правильной организаціи получающаго и возможность,—доставить преобладаніе надъ односторонними экономическими стремленіями высшему праву нравственныхъ цѣлей, хотя бы и пришлось при этомъ прибѣгнуть къ принудительной силѣ. Нужно противодѣйствовать эгоизму не только нравственнымъ воспитаніемъ личности: нужно прямо оспаривать у личности ту сферу, гдѣ она можетъ проявляться всего беспощаднѣе, — сферу экономическихъ отношеній.

XVII. ВЗГЛЯДЪ ПЛАТОНА НА ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ.

(*Pöhlmann. Geschichte des antiken Socialismus und Communismus*).

Поставивъ основной задачей политики—освобожденіе государства отъ односторонняго господства экономическихъ интересовъ, политическая теорія грековъ сама принялась и за осуществленіе этой задачи путемъ рѣзкой критики существующаго порядка, экономического и общественнаго, и путемъ настойчивыхъ указаній общественному мнѣнію на тѣ опасности, какими грозило всей жизни народа и государства преобладаніе экономического эгоизма. Платонъ прямо указываетъ на то, что политическія науки не имѣютъ права ограничиваться одними пустыми теоріями, но должны изучать исторію и явленія дѣйствительной жизни. Изслѣдовать идеаль «справедливости» и созидать на его основаніи идеаль «наилучшаго государства»—особенно трудно, по мнѣнію Платона, безъ изученія принциповъ и жизненныхъ явленій, противоположныхъ этимъ идеаламъ.

Такимъ путемъ Платонъ прекрасно приводитъ насъ къ пониманію настоящаго характера общественныхъ

неурядиць своей эпохи. Восьмая книга Политіи съ ея рѣзкою критикою политическаго строя, вполнѣ поглощаемаго обществомъ и находящагося отъ него въ полной зависимости, представляетъ собою самый жестокой обвинительный актъ противъ верховенства матеріальныхъ интересовъ какъ плутократическаго, такъ и охлократическаго характера. За исходную точку своихъ разсужденій Платонъ принимаетъ ту ступень политическаго развитія общества, на которой вмѣсто общественныхъ побужденій, объединяющихъ общество и государство, главнымъ мотивомъ дѣятельности, по крайней мѣрѣ для нѣкоторой части общества, становится эгоизмъ, разлагающій социальныя связи, а вмѣстѣ съ нимъ и погоня за золотомъ. Таковая переменна въ общественномъ настроеніи создаетъ, по Платону, даже въ аристократическомъ обществѣ, цѣлый классъ людей, для которыхъ идоломъ служатъ деньги. Больше всего заботятся эти люди о своихъ денежныхъ сундукахъ и о томъ, какъ бы сберечь ихъ получше. Стѣны ихъ домовъ дороги имъ потому, что отдѣляютъ ихъ отъ внѣшняго міра: за этими стѣнами, въ своемъ гнѣздѣ, они спокойно могутъ отдаваться семейнымъ удовольствіямъ и скрывать свои дѣйствія отъ глазъ закона. Они изобрѣтаютъ новыя формы роскоши и нарушаютъ законы, охраняющіе простоту старой жизни, которой измѣнили они и ихъ жены. «Наполненный золотомъ денежный сундукъ богачей начинаетъ очень скоро проявлять свое притягательное дѣйствіе на массу. Сначала въ средѣ богачей, а затѣмъ и въ болѣе широкихъ кругахъ возгорается соперничество изъ-за матеріальныхъ благъ и непрерывно растетъ ненасытная жажда стяжанія; въ то же время значеніе

идеальныхъ благъ въ глазахъ общества все болѣе и болѣе падаетъ.

Вслѣдствіе такого преобладанія денегъ и спекуляціи государство естественно попадаетъ въ зависимость отъ денежныхъ магнатовъ, и выраженіемъ этой зависимости служитъ политическое господство капитала; плутократія ¹⁾ или господство немногихъ. Одно богатство вызываетъ похвалы и удивленіе; оно пролагаетъ путь къ высшимъ почестямъ, тогда какъ неимущій уже самой своей бѣдностью возбуждаетъ презрѣніе. Капиталь становится масштабомъ для опредѣленія политическихъ правъ личности. Государство распадается до нѣкоторой степени на двѣ половины, бѣдныхъ и богатыхъ; тѣ и другіе, живя въ одномъ мѣстѣ, враждебно относятся другъ къ другу и находятся въ постоянной, хотя и скрытой, борьбѣ. Такое положеніе вещей ослабляетъ государство и во внѣшнихъ сношеніяхъ: падаетъ его боевая сила, такъ какъ богатые, дорожа своимъ достояніемъ, избѣгаютъ финансовыхъ жертвъ, требующихся для обороны страны; а съ другой стороны, призывая народъ къ оружію, они должны постоянно опасаться, что собственные сограждане окажутся для нихъ опаснѣе внѣшняго врага.

Но величайшимъ зломъ, по мнѣнію Платона, является соотвѣтствующая духу капитализма, или по крайней мѣрѣ допускаемая имъ, полная свобода отчужденія и пріобрѣтенія имущества. Это вызываетъ ненормальное накопленіе капитала, которое однимъ доставляетъ безмѣрное богатство, а другихъ

---

¹⁾ Уже учитель Платона, Сократъ, употреблялъ это слово для обозначенія господства денегъ.

погружаетъ въ состояніе безысходной нужды. Въ противоположность немногимъ богачамъ образуется классъ «круглыхъ бѣдняковъ», которые живутъ въ государствѣ, не составляя части его, не принадлежа ни къ торговцамъ, ни къ ремесленникамъ, ни къ всадникамъ, ни къ пѣхотинцамъ и называясь просто «бѣдными» и «неимущими».

Въ виду такого постепеннаго поглощенія мелкихъ хозяйствъ немногими крупными и обремененія народа арендною платою и долгами, характеризующаго экономическое развитіе эпохи, Платонъ выставляетъ общее положеніе, что въ концѣ концовъ плутократія должна превратитъ въ пролетаріевъ огромную массу людей, не могущихъ войти въ составъ господствующаго класса. Для Платона, стало-быть, вполне ясно стремленіе неограниченнаго капитализма постоянно расширять пропасть между мелкими людьми и аристократіей богатства; онъ понимаетъ, что благодаря этому большіе доходы и состоянія растутъ значительно быстрѣе общаго благосостоянія и въ то же время все болѣе увеличивается какъ абсолютно, такъ и относительно тотъ классъ населенія, который съ трудомъ добываетъ себѣ средства къ существованію.

Къ этому классу присоединяется еще выращенный капитализмомъ классъ лѣнтяевъ и расточителей, которыхъ Платонъ очень мѣтко называетъ трутнями. Трутни эти составляютъ болѣзненный наростъ на тѣлѣ государства. Они хуже трутней въ царствѣ пчель: послѣднихъ божество создало по крайней мѣрѣ безъ жала, а трутней людскихъ оно снабдило острымъ жаломъ. Изъ этихъ людей, главнымъ образомъ, вербуются столь многочисленная въ плутокра-

тическомъ обществѣ масса воровъ, мошенниковъ, святотатцевъ и всевозможныхъ преступниковъ, съ которыми такъ трудно справиться государственной власти. Правда, въ человѣческомъ обществѣ встрѣчаются трутни и безъ жала, т. е. менѣе отважные, чѣмъ ихъ болѣе рѣшительные собратья, восторжествовавшіе въ борьбѣ противъ нравственности и права; зато имъ и грозитъ постоянно опасность на старости лѣтъ сдѣлаться нищими и такимъ образомъ опять-таки усилить число опасныхъ для государства людей. Рядомъ съ этими трутнями, которые всюду, гдѣ появятся, вызываютъ въ общественномъ организмѣ такія же разстройства, какъ слизь и желчь въ тѣлѣ физическомъ, — типичными представителями плутократическаго общества являются спекулянты, которые, по выраженію Платона, возводятъ въ своей душѣ на тронъ жадность и сребролюбіе и, украсивъ ихъ діадемами, золотыми ожерельями и драгоценнымъ оружіемъ, провозглашаютъ ихъ царями своей души.

Чтобы выбиться изъ своего низкаго положенія, эти люди всѣ свои помыслы обращаютъ на стяжаніе. Но въ то время какъ ихъ богатство, благодаря упорной бережливости и неутомимой дѣятельности, все растетъ, ихъ разумъ и чувство оскудѣваютъ, такъ какъ то и другое они подчиняютъ корыстолюбію. Разуму они не даютъ думать и рассуждать ни о чемъ другомъ, кромѣ способовъ превращенія малаго богатства въ большое; а чувству позволяютъ удивляться только богатству и уважать только богатыхъ. Эти низкія души обращаютъ все свое честолюбіе исключительно на приобрѣтеніе денегъ и на то, что такому приобрѣтенію содѣйству-

еть; онѣ умѣютъ пользоваться рѣшительно всѣмъ для достиженія одной цѣли—накопленія капитала, и чужды всякаго стремленія къ образованію.

У этихъ людей тоже начинаютъ появляться стремленія трутней, какъ скоро имъ предоставляется возможность безнаказанно эксплуатировать слабыхъ, напр., беспомощныхъ сиротъ, или вообще поступать несправедливо, напр., при пользованіи чужими деньгами. Несмотря на то, эти люди въ дѣловыхъ сношеніяхъ могутъ пользоваться солидной репутацией: они достаточно благоразумны, чтобы во-время сдерживать свои стремленія, такъ какъ отлично умѣютъ рассчитать, когда нечестность обойдется имъ дороже отказа отъ незаконной прибыли. Они представляются приличнѣе многихъ другихъ, хотя до настоящей добродѣтели гармонически настроенной души имъ такъ же далеко, какъ до неба.

Впрочемъ, самый принципъ капитализма работаетъ въ руку этимъ спекулянтамъ. Ненасытности капиталистическаго общества, никогда не довольствующагося тѣмъ, что имѣетъ, — вполне соответствуетъ безграничная экономическая свобода, позволяющая каждому по произволу располагать своимъ имуществомъ и отчуждать его, — для того конечно, чтобы капиталъ имѣлъ возможность обогащаться ссудными операціями, а также и покупкой обремененныхъ долгами имѣній. Эта свобода быстро приводитъ къ разоренію тѣхъ, кто, подчиняясь стремленію къ роскоши капиталистическаго вѣка, попадаетъ въ руки ростовщиковъ.

«И вотъ обнищавшіе, — продолжаетъ Платонъ, — живутъ въ государствѣ вооруженные, одни будучи обременены долгами, другіе лишившись правъ, третьи

испытавъ то и другое; всѣ они ненавидятъ людей, завладѣвшихъ ихъ достояніемъ, злоумышляютъ противъ нихъ и вообще противъ всѣхъ, нетерпѣливо ожидая всеобщаго переворота». Ростовщики шныряютъ, изогнувшись, какъ воплощеніе нечистой совѣсти и повидимому не замѣчаютъ своихъ жертвъ; «своими золотыми стрѣлами они поражаютъ тѣхъ, кто имъ поддается, и, получая огромные проценты съ капитала, увеличиваютъ въ государствѣ число трутней и нищихъ». Они совсѣмъ не обращаютъ вниманія на настроеніе, вызываемое всѣмъ этимъ въ обществѣ, и спокойно смотрятъ на то, какъ младшее поколѣніе отдается безпутству, отвыкаетъ отъ всякаго труда тѣлеснаго и умственнаго, становится изнѣженнымъ и вялымъ ¹⁾, сами они относятся равнодушно ко всему, кромѣ накопленія богатства, и объ истинной добродѣтели думаютъ такъ же мало, какъ и презираемый ими пролетарій.

Такъ вырастаетъ на почвѣ капитализма опасное чужеродное растеніе — профессиональное бездѣлье, освобождающее себя отъ занятій и труда и существующее на доходъ съ унаслѣдованнаго имущества. Рѣзкими чертами изобразилъ Платонъ во всей ея внутренней нелѣпости жизнь этихъ богатыхъ лѣнтяевъ, полную мимолетныхъ настроеній и капризовъ. Едва ли можно нагляднѣе изобразить упадокъ всякой умственной и нравственной энергіи, являю-

---

¹⁾ Это противоположеніе выросшаго въ роскоши поколѣнія тому, которое накопило богатство упорною работою, доказываетъ невѣрность обыкновеннаго утвержденія, будто въ капиталистическіе періоды древности главный интересъ составляло не накопленіе капитала, какъ теперь, а непосредственное пользованіе имъ.

щійся психологически неизбѣжнымъ послѣдствіемъ дарового дохода, чѣмъ это сдѣлано въ нарисованномъ Платономъ типѣ «демократическаго» самодура — сына «олигархическаго» отца - скопидома. «Человѣкъ живетъ со дня на день, поддаваясь постоянно первой пришедшей въ голову прихоти: то онъ устраиваетъ пиры и приглашаетъ флейтистокъ, то пьетъ воды и лѣчится отъ тучности; сегодня онъ увлекается гимнастикой, завтра лежитъ неподвижно и ничѣмъ не интересуется, а то вдругъ какъ будто начинаетъ заниматься наукой. Часто онъ увлекается политикой, всходитъ на трибуну и говорить и дѣлаетъ все, что ему взбредетъ на умъ; иногда его увлекаютъ военные или банкиры, и онъ съ жаромъ бросается на эти занятія. Нѣтъ въ его жизни ни порядка ни необходимости, а онъ называетъ такую жизнь пріятною и свободною и живетъ ею до конца». Однако этою свободною и «блаженною» жизнью, не признающею никакихъ обязанностей, онъ только ускоряетъ наступленіе грозы, которую господствующій классъ самъ навлекаетъ на себя указаннымъ образомъ жизни и мыслей своихъ представителей, какъ работающихъ, такъ и наслаждающихся.

Тутъ Платонъ прежде всего выдвигаетъ психологическое воздѣйствіе этихъ явленій на низшіе классы народа. «Когда при такомъ настроеніи господствующие и подчиненные ближе сталкиваются другъ съ другомъ—въ путешествіяхъ, на богомольѣ, въ походѣ и т. п., особенно когда одинъ наблюдаетъ другого среди военныхъ опасностей, будетъ ли тогда у богача основаніе смотрѣть на бѣднаго съ презрѣніемъ? Не выйдетъ ли скорѣе наоборотъ, когда худой и загорѣлый простолюдинъ очутится въ сраже-

ніи рядомъ съ богачомъ, привыкшимъ къ пріятной тѣни или страдающимъ отъ излишней тучности, и увидить его задыхающимся и изнуреннымъ? Не придетъ ли тогда бѣдняку въ голову мысль, что эти люди богаты только благодаря ихъ негодности? И вотъ, когда сойдется народъ, не стануть ли они шептать одинъ другому: наши господа никуда не годны?» Разъ масса сознала противорѣчіе между негодностью правящихъ и ихъ притязаніями на господство надъ государствомъ и обществомъ, это сознаніе подрываетъ политическое значеніе капитала. Онъ самъ губить себя ненасытною жадностью, съ какою стремится къ тому, что считаетъ за высшее благо, и пренебреженіемъ ко всему прочему, кромѣ одного обогащенія. Какъ для заболѣванія ослабленнаго тѣла достаточно ничтожнаго повода, какъ это тѣло иногда даже безъ внѣшняго толчка утрачиваетъ внутреннее равновѣсіе, такъ и надъ больнымъ организмомъ плутократическаго общества можетъ развиться катастрофа по самому незначительному поводу. Давно начавшееся броженіе, котораго правящіе не сумѣли потушить, которому они, напротивъ, постоянно доставляли новую пищу, прорывается наконецъ яркимъ пламенемъ наружу.

Денежная олигархія пожинаетъ теперь то, что посѣяла: демократія, заступающая ея мѣсто, остается ареной для хищническихъ поползновеній, привитыхъ капитализмомъ; только теперь возможность обратить эти стремленія противъ капитала переходитъ къ слоямъ экономически слабымъ, къ людямъ мало или совсѣмъ не имущимъ. Между имущими и наиболѣе многочисленнымъ въ демократіи классомъ людей, живущихъ трудомъ рукъ своихъ, становятся трутни

т. е. разорившіеся расточители и лѣнтяи. Они умѣютъ привязать къ себѣ массу рабочаго люда, разжигая въ немъ стремленіе къ «меду», который теперь приходится добывать у имущихъ. Богатство становится добычею трутней; достаточно просто обладать богатствомъ, чтобы считаться врагомъ народа. Масса и ея вожди за прежнее эксплуатированіе ихъ капиталомъ отплачиваютъ теперь безпощадной борьбою съ богатствомъ посредствомъ изгнаній, казней и конфискацій, а также отмѣны долговыхъ обязательствъ и передѣла земель. Прежніе эксплуататоры становятся теперь жертвой собственныхъ правилъ.

Такимъ образомъ изъ демократіи развивается господство охлократіи въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ; принципъ свободы, осуществленный капитализмомъ въ области экономической, переносится охлократіей на всѣ другія сферы жизни и, наконецъ, въ свою очередь, она дѣлается жертвою преувеличенія этого принципа. Она гибнетъ отъ рукъ человѣка, въ которомъ всего сильнѣе воплотится эгоизмъ и самовозвеличеніе личности, который окажется всѣхъ сильнѣе въ безпощадномъ преслѣдованіи собственныхъ интересовъ и удержится на государственной колесницѣ, сбросивъ съ нея на землю всѣхъ остальныхъ своихъ соперниковъ. Такъ изъ капитализма и пауперизма, изъ свободной игры чисто индивидуальныхъ силъ развивается подъ конецъ господство насилія—тираннія.

Въ другомъ мѣстѣ Платонъ сравниваетъ эту борьбу грубыхъ инстинктовъ природы, не признающихъ никакихъ нравственныхъ сдержекъ, съ нападеніемъ титановъ на небожителей. Ему представляется, что

это пробужденіе титаническихъ поползновеній въ груди человѣка возвращаетъ социальную борьбу къ грубо насильственнымъ формамъ первобытной эпохи. У Платона мы встрѣчаемъ уже и понятіе и самый терминъ Гоббсовой «войны всѣхъ противъ всѣхъ», въ которой социализмъ видитъ характерную особенность современнаго общества.

Таковыми же мрачными красками описывается далѣе извращеніе народнаго характера подъ вліяніемъ необузданнаго стремленія къ приобрѣтенію: любовь къ богатству отнимаетъ у гражданъ время заботиться о чемъ-нибудь болѣе высокомъ, чѣмъ собственное достояніе; на это обращено все ихъ вниманіе, такъ что они съ трудомъ могутъ думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ постоянныхъ барышей. Потребныя для этой цѣли подготовку и учрежденія каждый охотно признаетъ полезными, а надъ всѣмъ остальнымъ смѣется.

Подъ вліяніемъ ненасытной жажды денегъ каждый охотно беретъ за любое ремесло, за всякое средство, будь оно честное или безчестное, лишь бы только оно вело къ богатству; не отступаетъ ни передъ какимъ дѣломъ, будь оно богоугодное, грѣховное или и совсѣмъ позорное, если только оно даетъ возможность удовлетворять стремленію къ чувственнымъ удовольствіямъ.

Погоня за этими удовольствіями и за средствами къ ихъ удовлетворенію является одной изъ главныхъ силъ, содѣйствующихъ разложенію общества. Не зная прочныхъ и чистыхъ удовольствій, люди уподобляются скотамъ, которые на пастбищѣ постоянно смотрятъ внизъ, наклоняются къ землѣ и яслямъ и удовлетворяются питаніемъ и размноженіемъ, всту-

пая другъ съ другомъ изъ-за этого въ смертный бой, сражаясь рогами и копытами. Эти призраки наслажденія вызываютъ въ безумцахъ бѣшеное желаніе и становятся предметомъ кровавой борьбы, подобно призраку Елены въ Иліадѣ.

Противорѣчіе между идеаломъ нравственнаго и умственнаго развитія личности, выработаннымъ политической теоріей, съ одной стороны,—и неравенствомъ состояній, обусловленнымъ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатства и приводящимъ къ страшнымъ потрясеніямъ, съ другой; непримиримость господствующаго въ обществѣ эгоизма матеріальныхъ интересовъ съ нравственными идеями, которыя по требованіямъ этой теоріи должны быть осуществлены въ государствѣ и правѣ, — все это не могло бы найти себѣ болѣе рѣзкаго выраженія, чѣмъ та мрачная картина, въ которой Платонъ изобразилъ общественное и политическое развитіе своего народа. Правда, въ этомъ описаніи соціальныхъ отношеній эпохи выступаютъ, и притомъ въ самомъ яркомъ освѣщеніи, только темныя стороны капиталистическаго хозяйства; здѣсь нѣтъ также недостатка и въ тенденціозныхъ преувеличеніяхъ, какъ, напр., при оцѣнкѣ начала экономической свободы. Но такая односторонность представится намъ вполне понятною, если мы, въ виду дѣйствительныхъ бѣдствій эпохи, представимъ себѣ тѣ чувства, какія должны были возбуждать въ мыслитель-философѣ, проникнутомъ соціально-этическимъ міровоззрѣніемъ, матеріалистическій эгоизмъ и враждебный государству индивидуализмъ современниковъ.

Политическая теорія грековъ поистинѣ обезсмертила себя навѣки тѣмъ, что противопоставила край-

нему индивидуализму учение, стремившееся разрешить вопросы политическіе и социальныя съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ. IV столѣтіе до Р. Х. раньше насъ пережило ту борьбу, въ разгарѣ которой мы теперь находимся. Оно выковало большую часть того духовнаго оружія, которымъ мы пользуемся еще и теперь въ этой борьбѣ.

XVIII. ПОЛИТИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ ИСОКРАТА И КСЕНОФОНТА.

(Бабствъ. Государственные мужи древней Греціи).

Исократъ родился въ Аѣинахъ незадолго до начала пелопонесской войны и былъ сыномъ фабриканта флейтъ. Независимое состояніе дало ему возможность слушать лучшихъ софистовъ того времени, жившихъ по большей части въ Аѣинахъ. Посѣщаль онъ и Сократа, очень высоко ставившаго любознательнаго юношу, передъ которымъ уже тогда всѣ остальные ораторы казались дѣтьми. Когда философъ принялъ ядъ, Исократъ наложилъ на себя трауръ. Въ числѣ наставниковъ и друзей его былъ Терамень, одинъ изъ знатнѣйшихъ олигарховъ. Къ жизни политической Исократъ не былъ способенъ. «Природа создала меня, — говорилъ онъ, — менѣе способнымъ управлять государствомъ, нежели когolibо изъ согражданъ моихъ, ибо она не дала мнѣ ни достаточно сильнаго голоса, ни смѣлости, которая позволила бы мнѣ говорить передъ народомъ и браниться съ людьми, тѣснящимися на трибунѣ. Что же касается до здраваго смысла, до хорошаго образованія, — я готовъ состязаться со всякимъ, и не считаю себя хуже другихъ, напротивъ, превосхожу ихъ. Вотъ почему я рѣшаюсь давать совѣты

моему городу, грекамъ и замѣчательнымъ людямъ, и притомъ такимъ способомъ, къ какому сдѣлала меня способнымъ природа». Дѣйствительно, Исократъ ни одной своей рѣчи не произнесъ съ каеэдры, а писалъ ихъ для другихъ; наконецъ, онъ основалъ школу краснорѣчія. Краснорѣчіе въ это время сдѣлалось для политическаго дѣятеля необходимымъ условіемъ успѣха. Со времени Перикла управленіе государствомъ значительно усложнилось. Чтобы править государствомъ и говорить рѣчи въ народномъ собраніи, недостаточно было уже одного здраваго смысла. Необходимо было имѣть даръ слова и образованіе, чтобы не потеряться въ лабиринтѣ политической жизни. Это было время дипломатическихъ переговоровъ, рѣчей. Дѣла рѣшала теперь не столько сила оружія, сколько ловкость въ употребленіи слова. Потребность въ такомъ умѣньѣ сознавалась всеми; люди, владѣвшіе тайнствами политической науки, извѣстны были подъ именемъ риторовъ. Все стремились къ краснорѣчію. Государи и республики одинаково дорожили хорошимъ ораторомъ и стилистомъ. Въ это-то время основалъ Исократъ свою школу, которую Цицеронъ сравниваетъ съ деревяннымъ конемъ троянскимъ, такъ какъ изъ нея вышли все герои краснорѣчія. До Исократа краснорѣчіе примѣнялось единственно къ дѣламъ судебнымъ, къ панегирикамъ; онъ первый приложилъ его къ дѣламъ государственнымъ. Школа Исократа имѣла огромное вліяніе на всю Грецію. До ста слушателей собиралось у Исократа; почти все замѣчательные люди, явившіеся въ этомъ періодѣ на политической аренѣ Греціи, вышли изъ его школы. Вниманіе своихъ учениковъ онъ всегда обращалъ на вопросы, занимавшіе въ то

время грековъ; это было постоянною темою для упражненій, и въ этомъ онъ самъ видѣлъ существенное отличіе свое отъ софистовъ, занимавшихся по преимуществу судебной казуистикой. Рѣчи свои Исократъ писалъ большею частію для школы, но онъ не оставались однакожь въ тѣсномъ кружкѣ его слушателей. Ученики его расходились по всей Греціи; они являлись политическими дѣятелями и постоянно поддерживали сношенія съ Исократомъ; его рѣчи переписывались и находили себѣ многочисленныхъ читателей, которыхъ, конечно, онъ и имѣлъ въ виду. Кромѣ того онъ былъ въ сношеніяхъ и въ перепискѣ съ замѣчательными государственными людьми и съ государями, владычествовавшими около этого времени въ разныхъ углахъ Греціи.

Въ своихъ рѣчахъ и письмахъ Исократъ призывалъ всѣхъ къ согласію и миру, проклиналъ вездѣ гегемонію и морское владычество, какъ единственную причину упадка Греціи, истощившую ея силы и сдѣлавшую ее игрушкою въ рукахъ персидскаго царя, который теперь предписываетъ законы грекамъ; онъ, наконецъ, призывалъ всѣхъ грековъ къ единенію и къ дружной войнѣ съ варварами. Мысль эту Исократъ проводитъ во всѣхъ почти рѣчахъ; она поставила его во главѣ цѣлой партіи, которая все еще видѣла въ персахъ главныхъ враговъ Греціи и только съ ихъ стороны ждала опасности и порабощенія. Это было вліяніе Анталкидова мира, когда грозное вмѣшательство Персіи навело уныніе на многихъ патріотовъ. Не нужно, впрочемъ, думать, что одна боязнь или опасность со стороны персовъ заставляли Исократа и его партію проповѣдывать народную войну. Побудительной причиной къ этому

была скорѣе надежда, что въ великомъ національномъ предпріятіи исчезнетъ вражда между греками и найдутъ себѣ выходъ всѣ безпокойныя стихіи, вызывавшія среди нихъ броженіе. Исократъ не былъ практическимъ человѣкомъ; настоящее его смущало; ему было въ немъ неловко, не такъ, какъ Демосѣену и Ликургу, которые и при тогдашнемъ безотрадномъ положеніи родины умѣли находить средства, залѣчивавшія хоть сколько-нибудь ея глубокія раны. Будущее было страшно и темно, а передъ глазами горячаго патріота носился постоянно величавый образъ Аѣинъ временъ мараѣономаховъ, временъ Перикла, и этотъ образъ сдѣлался его идеаломъ; мы встрѣчаемъ его во всѣхъ рѣчахъ Исократа.

Въ Аѣинахъ было много людей, недовѣрчиво смотрѣвшихъ на риторовъ и утверждавшихъ, что краснорѣчіе не приноситъ государству ничего, кромѣ вреда, что оно развращаетъ молодое поколѣніе и вноситъ въ государство разладъ; уроки софистовъ они считали пустой болтовней и обманомъ, такъ какъ достаточно имѣть хорошія способности, чтобы быть дѣльнымъ ораторомъ, а если занимающіеся краснорѣчіемъ и выходятъ иногда дѣльнѣе другихъ, то зато они становятся въ послѣдствіи людьми дурными и злыми, такъ какъ стараются завладѣть чужимъ имуществомъ. Вполнѣ понятно негодованіе Исократа на такія обвиненія, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сознаться, что аѣинскіе демократы тоже имѣли основаніе опасаться новыхъ школъ и видѣть въ новыхъ учителяхъ политическаго искусства людей, враждебныхъ древнимъ демократическимъ учрежденіямъ. Главнымъ виновникомъ новаго направленія они считали Исократа, для котораго идеаломъ было

такое государство, гдѣ во главѣ правленія стоятъ люди лучшіе и достойнѣйшіе. Такой идеаль онъ считалъ осуществленнымъ въ старыхъ Аѣинахъ, Аѣинахъ временъ Клисѣена и Мильгіада, въ демократіи безъ демагогіи, когда народъ вѣрно оцѣнивалъ людей и ввѣрялъ правленіе достойнѣйшимъ. (Въ то же время Исократъ слишкомъ хорошо понималъ положеніе Аѣинъ, чтобы не видѣть невозможности полнаго возврата къ старинѣ; самъ же онъ говорилъ, что аѣиняне стали совсѣмъ другими людьми). Поэтому онъ старается приблизиться къ идеалу, образованіемъ хочетъ доставить правленіе лучшимъ людямъ и очистить площадь отъ продажныхъ крикуновъ, смущающихъ народъ постоянными доносами и парализующихъ дѣйствія лучшихъ гражданъ. Дѣйствительность жестоко разбивала иллюзіи теоретика-патріота. Люди высокаго образованія, лучшіе ораторы часто оказывались на дѣлѣ самыми продажными людьми, а политическія теоріи и убѣжденія, высказываемыя нерѣдко людьми совершенно чистыми, должны были невольно безпокоить искреннихъ демократовъ и демосъ. Не даромъ же Исократъ обвиняли въ приверженности къ олигархіи; не даромъ въ одномъ письмѣ онъ прямо говоритъ, что въ Аѣинахъ на него смотрятъ какъ на человѣка подозрительнаго. Онъ жалуется, что его не понимаютъ, говоритъ, что онъ другъ демократіи, но демократіи разумной и умѣренной; въ глазахъ демоса его демократія была просто олигархіей. Демосъ видѣлъ въ Исократѣ отголосокъ партіи, которая была чуть ли не главной виновницей олигархическаго переворота, прямо приведшаго Аѣины къ господству тирановъ, — переворота, о которомъ ни

одинъ аѳинянинъ не могъ вспомнить безъ содроганія. Тогда эта умѣренная партія спохватилась, соединилась на время съ демосомъ и выгнала олигарховъ; но по существу она нисколько не измѣнилась и въ тиши работала неутомимо надъ упроченіемъ своего вліянія. Исократъ не видѣлъ возможности поднять Аѳины; онъ понималъ, что время гегемоніи прошло безвозвратно; онъ, равно какъ и вся партія, надѣялся успокоить Аѳины поддержаніемъ мира и внутренняго порядка. Причиной упадка считалась гегемонія, тогда какъ она была торжествомъ генія аѳинскаго: только въ гегемоніи и чрезъ нее аѳиняне сдѣлались великимъ историческимъ народомъ.

Исократу было за 50 лѣтъ, когда онъ написалъ свой панегирикъ, въ которомъ звалъ грековъ ополчиться на общаго врага—персовъ. Рѣчь эта безспорно лучшее и совершеннѣйшее изъ его произведеній. Древніе не могли говорить объ ней безъ восторга. Ходило преданіе, что Александръ, прочитавъ ее, рѣшилъ немедленно итти на варваровъ. Вызвана была рѣчь жалкимъ положеніемъ Греціи послѣ коринтской войны и вмѣшательствомъ персовъ въ греческія дѣла послѣ Анталкидова мира. Грековъ никогда не покидала мысль отомстить персамъ за ихъ нашествія походомъ въ ихъ собственную землю. Не даромъ въ Аѳинахъ было запрещено возстановлять памятники, сожженные персами. О походѣ на Персію мечталъ Алкивіадъ; мысль эта носилась передъ глазами Агесилая, который непременно собрался бы посѣтить царя въ Сузахъ, если бы только греческія дѣла не отозвали его изъ Азіи. Послѣ Анталкидова мира, когда царь персидскій пріобрѣлъ такое вліяніе на дѣла Греціи, когда малоазійскіе города сно-

ва подчинились его власти, старая мысль вновь охватила греческихъ патриотовъ. Уже софистъ Горгій произнесъ по этому поводу рѣчь передъ греками, собравшимися въ Олимпіи, призывая ихъ къ единодушію и къ борьбѣ противъ персовъ. Исократъ жадно схватился за эту мысль. Въ такомъ великомъ національномъ предпріятіи замолкли бы, думалъ онъ, всѣ мелкіе племенные раздоры; оно должно было, по его мнѣнію, отвлечь всѣ безпокойныя стихіи, бродившія въ то время въ Греціи. Мысль вѣрная и глубокая, но преждевременная. Въ эту эпоху еще не рѣшенъ былъ вопросъ о гегемоніи. Она была, правда, въ рукахъ Спарты, но развѣ согласился бы кто-либо изъ грековъ стать подъ ея знамена, когда она сама поддерживала теперь свою гегемонію только при помощи персовъ? Несмотря на свои, по тогдашнему времени, довольно широкія убѣжденія, Исократъ тѣмъ не менѣе оставался аѣиняниномъ: гегемонію въ новомъ великомъ предпріятіи онъ предназначалъ Аѣинамъ, какъ главной виновницѣ великихъ побѣдъ при Марафонѣ и Саламинѣ. Но еще вопросъ, допустила ли бы Спарта до этого? Имѣли ли Аѣины въ то время достаточно силы, чтобы поддержать свою гегемонію? Объ этомъ Исократъ не подумалъ. Надо было предвидѣть, что въ самомъ началѣ похода поднялись бы такія же ссоры за предводительство, какія бывали всегда. Съ другой стороны, новыя посягательства Спарты, душеприказчицы Анталкидова мира, принуждали грековъ забывать о ненавистномъ вліяніи персовъ и все вниманіе обращать на ближайшаго врага греческой свободы. Поэтому на первый разъ слова Исократа остались безъ результата. Но мысль о

походѣ на персовъ не покидала его: онъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, когда человѣку трудно бываетъ разставаться съ задушевными убѣжденіями. Съ этого времени мысль о всеобщемъ ополченіи грековъ на персовъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ рѣчахъ и письмахъ Исократы.

Въ самый разгаръ беотійской войны онъ писалъ къ Діонисію, тирану сиракузскому, и намекалъ ему на великую роль предводителя грековъ въ борьбѣ противъ персовъ. Какъ измѣнились времена! Въ эпоху нашествія Ксеркса греки отказались отъ помощи Гелона, тирана Сиракузъ, такъ какъ онъ заявилъ притязаніе на гегемонію: имъ тогда и въ голову не приходило, чтобы кто-нибудь кромѣ свободныхъ грековъ могъ быть надъ ними гегемономъ. Теперь лучшіе люди, сознавая всю невозможность гегемоніи въ самой Греціи, ищутъ опоры за предѣлами ея. Діонисій умеръ вскорѣ послѣ полученія письма Исократы, да врядъ ли онъ когда-нибудь и согласился бы на его предложеніе. Какъ человѣкъ практическій, онъ хорошо понималъ, что ближайшими его врагами были не персы, а кареагеняне; Италия и Африка—вотъ было естественное поприще дѣятельности Діонисія, и походъ на персовъ только раздробилъ бы его силы. Вѣроятно, Діонисій только улыбнулся, прочитавъ посланіе оратора-патріота.

Затѣмъ, во время борьбы аѣинянъ съ союзниками, Исократъ въ письмѣ къ Архидаму, сыну Агесилая, выражалъ удивленіе, что никто не сжалится надъ Греціей, въ которой теперь всюду свирѣпствуютъ войны, безпокойства, убійства; началось это уже давно, но никто изъ грековъ, высказывавшихъ гордыя притязанія на гегемонію, не оскорблялся этимъ, кро-

мѣ Агесилая, да и онъ, по мнѣнію Исократы, преслѣдовалъ цѣли непримиримыя: онъ хотѣлъ воевать съ персами и въ то же время вернуть своихъ изгнанныхъ друзей на ихъ родину и даже вручить имъ управленіе государствами. Такія старанія за друзей подвергли Грецію новымъ бѣдствіямъ, при которыхъ греки не имѣли времени воевать съ варварами. Отсюда видно, что войны съ персами нельзя предпринять, не положивъ напередъ конца раздорамъ грековъ. Въ заключеніе Исократъ намекаетъ Архидаму, что ему можно стать въ главѣ этого предпріятія. Прошло слишкомъ тридцать лѣтъ съ того времени, какъ Греція прочла въ первый разъ панегирикъ Исократы; цѣлое поколѣніе сошло въ могилу, и никто не двинулся привести въ исполненіе его планы. Но вотъ снова представился удобный случай, и Исократъ рѣшилъ имъ воспользоваться. Въ 346 году Аѣины заключили миръ съ Филиппомъ. Исократъ надѣялся, что ихъ примѣру послѣдуютъ и другія государства, положеніе которыхъ было самое бѣдственное, что всеобщій миръ и единодушіе вооружать наконецъ грековъ для одного общаго предпріятія. Стать во главѣ его, по мнѣнію Исократы, всего приличнѣе было Филиппу: его великія дѣла, его широкіе замыслы, вліяніе на Грецію, — все давало право видѣть въ немъ человѣка, обладающаго всѣми средствами и качествами, необходимыми для такого великаго похода. Горькій опытъ убѣдилъ Исократу въ томъ, что обращаться къ народу, къ правительствамъ отдѣльныхъ государствъ совершенно бесполезно, что кто хочетъ принести пользу, долженъ обратиться къ человѣку, который имѣетъ возможность дѣйствовать и пользуется авторитетомъ. И

вотъ онъ избираетъ своимъ героемъ Филиппа, желая видѣть его посредникомъ между враждующими греками.

Съ этого времени Исократъ является въ Аѳинахъ представителемъ сильной партіи, занимавшей середину между партіей безусловныхъ защитниковъ Филиппа и партіей патріотовъ, во главѣ которой стоялъ Демосѳенъ. Съ послѣднею Исократъ вполнѣ раздѣлялъ недовѣріе къ Филиппу и былъ не менѣе ея патріотомъ, но расходился въ вопросѣ о средствахъ. Наравнѣ съ Фокіономъ, онъ былъ глубоко убѣжденъ въ невозможности противиться Македоніи и единственное средство къ спасенію видѣлъ въ добровольномъ признаніи первенства Филиппа для борьбы съ варварами и, наконецъ, въ самой борьбѣ, которая могла бы отвлечь его вниманіе отъ Греціи. Что Исократъ понималъ, какая опасность грозитъ грекамъ со стороны Македоніи, это ясно видно изъ многихъ мѣстъ его письма, гдѣ онъ безпрестанно уговариваетъ Филиппа не посягать на свободу грековъ, такъ какъ это неприлично потомку Геракла, лучшаго изъ героевъ; наконецъ, то же явствуетъ и изъ ловкихъ намековъ на разные толки, ходившіе тогда въ Греціи относительно плановъ Филиппа. Исократъ показываетъ видъ, что не вѣритъ этимъ толкамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтуетъ Филиппу дѣйствовать такъ, чтобы прекратить подобныя слухи. «Тебѣ стоитъ только обходиться со всѣми государствами одинаково, перестать быть съ одними въ отношеніяхъ дружескихъ, а съ другими во враждебныхъ и рѣшиться наконецъ дѣйствовать такъ, чтобы внушить къ себѣ грекамъ довѣріе, а варварамъ страхъ. Я глубоко убѣжденъ, что тебѣ слѣдуетъ за-

ботиться о примиреніи Спарты, Эивъ, Аргоса и Аѳинъ. Если ты успѣешь въ этомъ, то найдешь, безъ сомнѣнія, единодушіе и между остальными». Мастерскою рукою изобразивъ положеніе важнѣйшихъ государствъ Греціи, Исократъ показываетъ Филиппу всю легкость задачи примирить ихъ. Онъ приводитъ ему въ примѣръ великихъ людей Греціи, которые совершали крупныя дѣла, не обладая во все такими средствами, какъ Филиппъ, и представляетъ ему все величіе этой роли примирителя и посредника между греками.

Можно думать, что такая заманчивая перспектива давно уже носилась предъ глазами Филиппа. Однако онъ хорошо понималъ, что этого посредничества можно добиться не иначе, какъ опираясь на македонскую фалангу. Другими словами, посредничество, которое представлялось Исократу въ такомъ радужномъ свѣтѣ и въ которомъ онъ видѣлъ начало новой счастливой эры для Греціи, на самомъ дѣлѣ было диктатурой, монархіей, къ которой прямо вела исторія. Безъ гегемоніи Греція не могла существовать; но въ данную эпоху, когда ни у одного государства не хватало нравственныхъ силъ, чтобы стать центромъ соединенія для отдѣльныхъ частей Греціи, не могло быть и гегемоніи въ прежнемъ смыслѣ слова; гегемонія должна была перейти въ диктатуру. Кому же было вручить ее въ самомъ дѣлѣ, какъ не государю, чуждому всѣхъ преданій греческой старины? И вотъ Исократъ обратилъ свои взоры на Филиппа. Онъ даже, кажется, готовъ былъ пожертвовать частью свободы, чтобы только дать Греціи желаемый покой и утраченное благосостояніе. Единственнымъ средствомъ отвлечь Филиппа отъ

Исторія Греціи.

замысловъ на Грецію представлялся Исократу общій походъ противъ персовъ; на этотъ походъ онъ безпрестанно звалъ Филиппа, который и самъ думалъ о томъ же, но вмѣстѣ съ тѣмъ не спускалъ глазъ съ Греціи, считая походъ возможнымъ только тогда, когда вся она подчинится его власти.

Съ этого времени Исократъ находился, повидимому, въ постоянной перепискѣ съ Филиппомъ. Изъ писемъ его особенно замѣчательно первое, гдѣ онъ съ особеннымъ жаромъ, съ какою-то торопливостью побуждаетъ Филиппа къ походу. Онъ какъ будто начинаетъ бояться царя и старается отвлечь его вниманіе отъ Греціи, представляя ему, какъ пламенно всѣ греки желаютъ похода. Написано было это письмо по окончаніи фокидской войны, когда между всѣми городами установился миръ, и Греція на время успокоилась. Въ заключеніе Исократъ выражаетъ благодарность своей старости за то, что все, чѣмъ была полна его душа, о чемъ онъ говорилъ въ панегирикѣ и въ рѣчи къ Филиппу, отчасти уже выполняется, а отчасти подаетъ надежду на выполненіе. Но маститому старцу не суждено было умереть радостно. Злая судьба сдѣлала его свидѣтелемъ того, какъ одно за другимъ падали государства Греціи и какія формы приняло посредничество Филиппа и вмѣшательство его въ греческія дѣла. Когда Исократъ получилъ извѣстіе о битвѣ при Херонѣѣ, онъ уморилъ себя голодомъ.

Съ Исократомъ сходилса во многомъ его старшій современникъ Ксенофонтъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказывалъ и такія мнѣнія, какихъ не могъ выражать ораторъ, остававшійся все-таки прежде всего афиняниномъ: Ксенофонтъ вдали отъ родины многое ви-

дѣвшій, многое испытавшій, меньше былъ связанъ традиціей. Еще юношею онъ сблизился съ Сократомъ и сталъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ его учениковъ. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ походѣ союзника Спарты, Кира младшаго, и за это былъ присужденъ къ изгнанію изъ Аѣинъ. По возвращеніи изъ похода, прославившаго его имя, онъ поступилъ въ войско спартанцевъ, возобновившихъ войну съ персами. Когда прибылъ въ Азію Агесилай, Ксенофонтъ сдѣлался его постояннымъ спутникомъ. Здѣсь у нихъ завязалась дружба, продолжавшаяся до самой смерти царя. Ксенофонтъ былъ горячимъ поклонникомъ Агесилая и свою любовь къ нему онъ перенесъ на Спарту. Большую и лучшую часть своей жизни онъ провелъ въ лагерѣ, почти всегда вмѣстѣ со спартанцами; онъ видѣлъ могущество Спарты, ея перевѣсъ въ военномъ отношеніи надъ остальными греками, превосходство ея дисциплины, отсутствіе въ ней демагогическихъ смуть, жертвою которыхъ были Аѣины, практическій смыслъ ея правительства, и все это, вмѣстѣ съ озлобленіемъ противъ изгнавшей его родины, заставляло Ксенофонта отдавать во всемъ предпочтеніе Спартѣ. Этимъ объясняется пристрастіе къ спартанскому устройству, проглядывающее во всѣхъ его сочиненіяхъ. На Аѣины онъ смотрѣлъ глазами воина, привыкшаго къ лагерной дисциплинѣ. Съ Агесилаемъ онъ вернулся въ Грецію и сражался при Коронѣ; съ нимъ же прибылъ онъ въ Спарту. Подъ конецъ жизни Ксенофонтъ позволено было вернуться въ Аѣины, но онъ не воспользовался этимъ позволеніемъ и умеръ въ Коринѣ въ глубокой старости.

Ксенофонтъ былъ вѣрнымъ представителемъ того

матеріальнаго направленія греческихъ умовъ, которому чуждо уже было всякое воодушевленіе, которое смѣялось надъ всѣми благородными порывами, называло ихъ глупостью, мечтательностью, искало во всемъ одной только практической пользы и смотрѣло на политеизмъ, на искусство, на добродѣтель исключительно съ точки зрѣнія ихъ полезности для будничной жизни. Обстоятельства жизни заставили Ксенофонта глубоко ненавидѣть аѣинскую жизнь, глубоко презирать ее. Это было, можетъ-быть, наслѣдіе Сократа, не очень жаловавшаго аѣинское устройство, порвавшаго съ нимъ всякую связь. Но Сократъ не указалъ ни одному изъ учениковъ своихъ идеала, къ которому, по его убѣжденію, должна бы была стремиться греческая жизнь. Онъ научилъ ихъ только отрицать современную жизнь; онъ указывалъ имъ вездѣ на несостоятельность существующаго и вездѣ училъ искать полезнаго, опираться на врожденное человѣку чувство долга и полезности, какъ на единственный критерій истины въ жизни частной и общественной. Среди безпрестанныхъ междоусобій, среди буйствъ продажной черни, руководимой подкупными демагогами, у всякаго благороднаго человѣка носился передъ глазами идеаль порядка и гармоніи въ жизни государственной, который могъ бы замѣнить настоящее неустройство, и у cadaго была въ запасѣ своя утопія. Порядокъ—это было лозунгомъ того времени; порядка хотѣлъ и Ксенофонтъ, привыкшій къ военной дисциплинѣ. Такому характеру должны были особенно нравиться неподвижность и строгое іерархическое устройство Спарты, гдѣ каждое звено находило себѣ мѣсто въ одной цѣпи, оковывавшей обще-

ственную жизнь. Такой порядокъ былъ по душѣ Ксенофонту, и во имя его онъ оправдывалъ часто такія вещи, которыя могутъ насъ заставить видѣть въ этомъ любезномъ и добродушномъ философѣ кроваваго члена аѣинской тиранніи «тридцати». Въ сочиненіяхъ Ксенофонта мы безпрестанно встрѣчаемъ горькія истины, высказываемыя по адресу Аѣинъ, злыя насмѣшки надъ аѣинскою жизнью, надъ государственными людьми, надъ владычествомъ демагоговъ. Онъ сталъ чуждъ своей родинѣ, и не мудро: стоитъ только припомнить его долгое отсутствіе изъ Аѣинъ, куда онъ не воротился, даже когда получилъ прощеніе.

Но не одно спартанское устройство вызывало къ себѣ симпатію Ксенофонта. Еще сильнѣе видна его любовь къ монархіи, которая казалась ему, повидимому, самую благодѣтельною формою правленія, даже единственною, отъ которой онъ ожидалъ спасенія Греціи. Монархическія стремленія высказываются и у Исократы, но послѣдній понималъ монархію не иначе, какъ въ смыслѣ гегемоніи свободныхъ грековъ. Такими глазами смотрѣлъ онъ и на Діонисія и на Филиппа, которыхъ избралъ въ свои герои. Ксенофонтъ идетъ гораздо дальше и доказываетъ прямо превосходство монархическаго правленія надъ существовавшими тогда въ Греціи политическими формами. До насъ дошло любопытное политическое сочиненіе Ксенофонта — разговоръ Гіерона, тирана сиракузскаго, съ Симонидомъ, извѣстнымъ лирическимъ поэтомъ. Это сочиненіе содержитъ въ себѣ полное оправданіе монархіи. Симонидъ доказываетъ Гіерону, что жизнь монарха и его дѣятельность должна быть и бываетъ всегда

источникомъ счастья для народа. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ксенофонтъ написалъ это сочиненіе послѣ своего изгнанія. Выборъ лицъ разговора чрезвычайно удаченъ. Ксенофонтъ выводитъ на сцену не восточнаго деспота, царствующаго по праву рожденія, и не подданныхъ, привыкшихъ къ единовластію, но чело-вѣка, который сталъ государемъ въ богатомъ городѣ, только-что передъ тѣмъ бывшемъ республикой, и вмѣстѣ съ тѣмъ испытавшемъ всѣ невзгоды демагогіи и отчаянной борьбы партій. Почти навѣрное можно предполагать, что, составляя этотъ разговоръ, Ксенофонтъ имѣлъ въ виду аѳинянь и хотѣлъ имъ показать, какъ бы умно они поступили, избравши себѣ одного правителя и пожертвовавши для общаго блага своей свободой. Ксенофонтъ заставляетъ своего Гіерона жаловаться на невзгоды, которымъ подвергается тиранъ; онъ рисуетъ Симониду самыми яркими красками жизнь тирана, его безпре-станное тревожное состояніе и опасности, окружающія его со всѣхъ сторонъ. Изъ словъ, вла-гаемыхъ Ксенофонтомъ въ уста Гіерону, видно, что ему очень хорошо были извѣстны всѣ неудобства жизни тѣхъ начальниковъ наемныхъ войскъ, кото-рые овладѣли на время судьбою государствъ Сици-ліи и великой Греціи, и что не такой монархіи же-лалъ онъ для Греціи, но единовластія разумнаго, которое управляло бы народомъ сообразно съ за-конами и ко благу подданныхъ, — однимъ словомъ, мо-нархіи, о которой толковалъ и Сократъ, потеряв-шій уже всякую вѣру въ демократію. Симонидъ, собесѣдникъ Гіерона, защищаетъ единовластіе и по-казываетъ тирану, какимъ способомъ можетъ въ Гре-ціи властитель сдѣлаться счастливымъ и какъ ему

слѣдуетъ дѣйствовать, чтобы пріобрѣсти любовь и всеобщее уваженіе. Гіеронъ жалуется на горькую необходимость, которой подвержены онъ и всѣ, подобно ему силою захватившіе власть въ свои руки, — необходимость дѣлать все то, что возбуждаетъ ненависть гражданъ, — на примѣръ, собирать налоги, наказывать преступниковъ. «Кромѣ того, намъ нужны наемники, — говоритъ Гіеронъ, — а ненавистнѣе ихъ нѣтъ ничего для гражданина. Какъ же мнѣ поступать, чтобы граждане меня за нихъ не ненавидѣли?» Отвѣтъ Симонида на жалобы Гіерона есть собственный взглядъ Ксенофонта на монархическое правленіе; изъ него мы видимъ ясно, чего хотѣлъ и требовалъ Ксенофонтъ отъ своего греческаго монарха, и какъ послѣдній долженъ былъ, по его мнѣнію, дѣйствовать. Есть обязанности, исполненіе которыхъ вызываетъ къ человѣку ненависть; есть и другія, доставляющія любовь; исполненіе послѣднихъ тиранъ долженъ брать на себя, а первыя предоставлять другимъ. Относительно наемниковъ Симонидъ говоритъ: «Есть люди, которые, подобно лошадямъ, чѣмъ болѣе имѣютъ избытка во всемъ необходимомъ, тѣмъ бываютъ необузданнѣе, и наемная стража лучше всего можетъ держать такихъ людей въ границахъ; благоразумнымъ же гражданамъ ты только окажешь благодѣяніе наемниками, особенно если ты сдѣлаешь ихъ охранителями не одного себя, но всѣхъ гражданъ. Кромѣ того наемники дадутъ возможность гражданамъ заниматься своими дѣлами, такъ какъ защита государства будетъ лежать на войскѣ. Они, притомъ же, гораздо опытнѣе въ военномъ дѣлѣ. Постоянныя войска лучше всего могутъ упрочить благоденствіе друзей и быть грозой и ужасомъ вра-

говь. И когда граждане увидятъ, что наемники не дѣлаютъ никакого зла людямъ честнымъ, но удерживаютъ отъ зла людей неблагонамѣренныхъ, охраняютъ гражданъ и подвергаются сами за нихъ опасностямъ, тогда отчего бы, кажется, самимъ гражданамъ не пожертвовать охотно частью своего достоянія въ пользу наемниковъ? Держать же они, для охраненія своего имущества, сторожей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Геронъ, не забывай употреблять собственное свое имущество на общее благо; ибо мнѣ кажется, что все, что ты издерживаешь на городъ, расходуется болѣе производительно, чѣмъ то, что тратится на твои собственные нужды. Смотри на родину, какъ на собственный свой домъ, на согражданъ, какъ на вѣрныхъ друзей, на друзей, какъ на дѣтей своихъ, на дѣтей, какъ на собственную жизнь свою. Старайся побѣдить всѣхъ своими благодѣяніями, и тогда враги не въ состояніи будутъ тебѣ противиться. И когда ты совершишь все это, будь увѣренъ, что ты достигъ всего, чего только человекъ можетъ достигнуть, ибо ты будешь счастливъ, не возбуждая ни въ комъ зависти».

Другое сочиненіе Ксенофонта о монархіи — это его политическій романъ, Киропедія. Цѣль Ксенофонта здѣсь — показать, что государствомъ можно управлять легко, какъ машиной, и что умный правитель кротостью и любовью можетъ осуществить идеаль, о которомъ мечтали въ Греціи. Его романъ можетъ служить лучшимъ выраженіемъ тогдашняго настроенія умовъ въ Греціи, — сентиментальности и ложной чувствительности, охватившей греческое общество и замѣнившей прежнее чувство долга и вѣру въ боговъ. Мы не видимъ здѣсь ни одного живого

лица. Киръ и его окружающіе — не люди, а какіе-то благодѣтельные гени. Намъ трудно понять такія картины, особенно если мы припомнимъ всѣ тѣ жертвы, которыя тысячами гибли въ междоусобныхъ войнахъ, грубые характеры спартанскихъ вождей и кондоттьеровъ. Но греки утѣшали себя этими картинами. Само собой разумѣется, что исторической истины въ лицахъ Киропедіи искать мы не можемъ. Весьма вѣроятно, что Ксенофонтъ воспользовался для своего романа преданіями и рассказами, ходившими въ Персіи о Кирѣ и собранными имъ во время пребыванія въ войскѣ Кира младшаго; но это не имѣетъ для насъ никакого значенія. Его Киръ получаетъ воспитаніе совершенно спартанское; разговоры Кира напоминаютъ намъ бесѣды Сократа съ учениками; и въ цѣломъ романѣ видно пестрое смѣшеніе греческой цивилизаціи съ грубостью и патріархальной простотой азіатскихъ кочевниковъ. Цѣль, съ которою Ксенофонтъ написалъ свой романъ, ясна изъ размышленій въ началѣ романа. Автора часто удивляли постоянные перевороты въ политической жизни грековъ и неурядица въ отношеніяхъ рабовъ и господъ; сравнивая все это съ тѣмъ повиновеніемъ, какое стада скота оказываютъ своимъ пастухамъ, онъ готовъ былъ прійти къ убѣжденію, что человѣку легче руководить животными, чѣмъ другими людьми, но вспомнилъ, что жилъ когда-то среди персовъ Киръ, покорившій себѣ много городовъ и народовъ, и вынужденъ былъ сознаться, что управлять людьми вовсе не такъ ужъ трудно, если взяться за дѣло съ умомъ.

Въ концѣ романа Ксенофонтъ изображаетъ правленіе Кира и показываетъ, чѣмъ именно могъ онъ

сдѣлать людей счастливыми и царствовать спокойно надъ множествомъ различныхъ народовъ. Администрація Кира есть не болѣе и не менѣе какъ военное устройство. Здѣсь опять проглядываетъ старый воинъ, который видѣлъ спасеніе Греціи только въ строгой дисциплинѣ. Дисциплина заставила его удивляться Спартѣ; ее вывелъ онъ и въ своей Киропедіи, какъ идеаль государственнаго устройства. Люди разсматриваются здѣсь какъ безсловесныя животныя; Ксенофонтъ ихъ даже прямо такъ и называетъ. Въ итогѣ онъ приходитъ прямо къ кастическому устройству восточныхъ государствъ. Каждый классъ народа долженъ былъ имѣть свою опредѣленную дѣятельность, свое назначеніе, изъ котораго ему не было бы выхода. Во время похода Киръ приказывалъ водить къ водѣ людей служилаго класса, какъ вьючный скотъ. Когда подходило время завтрака, онъ ждалъ, покуда они утолятъ свой голодъ. Оттого-то они называли его отцомъ, а онъ заботился о нихъ, но при этомъ старался, чтобы они непрекословно оставались рабами. Такимъ образомъ доставилъ онъ крѣпость персидскому владычеству и приобрѣлъ увѣренность, что ему ниоткуда не угрожала опасность, ни даже со стороны покоренныхъ. Но этого мало, заботливость Кира простиралась далѣе. «Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ были счастливы и любили его, а такъ какъ онъ полагалъ, что ни одно благодѣяніе не можетъ бытъ пріятнѣе, чѣмъ подачка пищи и питья, то онъ и устроилъ свою трапезу такъ, что отъ яствъ, вкушаемыхъ имъ самимъ, оставалось всегда много лишняго, и онъ раздавалъ этотъ излишекъ друзьямъ, которымъ хотѣлъ оказать свое благоволеніе, а также и слугамъ, желая имъ вы-

разить тѣмъ свое удовольствіе; онъ приказывалъ даже обѣдъ слугъ своихъ ставить къ себѣ на столъ, полагая, что это заставитъ ихъ, какъ собакъ, любить его»...

Изъ этихъ выписокъ можно ясно видѣть конечную цѣль, которую на старости лѣтъ преслѣдовалъ Ксенофонтъ. Плохо было жить въ Греціи, когда ученикъ Сократа въ подобномъ устройствѣ способенъ былъ видѣть идеаль государства.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВРЕМЯ ФИЛИППА И АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

І АΘИНЫ ОКОЛО 360 ГОДА

(*Holm. Griechische Geschichte, 3 Band.*)

Государственное устройство Аѳинъ оставалось то же, что и во время Перикла; народъ и гелиасты пользовались тѣми же правами, какъ и прежде; была только сдѣлана попытка ограничить вліяніе совѣта, измѣнивъ способъ избранія руководителя экклесіи. Вслѣдствіе интригъ олигарховъ, отъ которыхъ приходилось много терпѣть въ V вѣкѣ, народъ относился теперь еще подозрительнѣе къ выдающимся людямъ и къ возможнымъ съ ихъ стороны правонарушеніямъ; поэтому снова установлена была отвѣтственность полководцевъ и ораторовъ за предлагаемые ими законопроекты, и число процессовъ по обвиненію въ неправильномъ отправленіи должности и внесеніи незаконныхъ предложеній значительно увеличилось. Положимъ, и прежде не было недостатка въ примѣрахъ строгости народа къ государственнымъ людямъ: доказательствомъ этого служатъ осужденія Мильтіада, Антифонта и побѣдителей при

Аргинусахъ; но въ IV вѣкѣ такіе процессы и такія осужденія встрѣчаются еще чаще. Въ это время было опаснѣе, чѣмъ когда-либо, служить Аѣинамъ совѣтникомъ или полководцемъ. Аристо^{сикофант}фа 75 разъ привлекали къ суду за незаконныя предложенія, но ни разу не удалось его осудить, и это доказываетъ, что, по крайней мѣрѣ, не всегда обвиненія сопровождались успѣхомъ. Говорятъ, будто часто процессы начинали только съ цѣлью обогащенія казны имуществомъ осужденныхъ, но это—преувеличеніе: больше всего вызывались процессы борьбою партій, для которыхъ гибель противниковъ была важнѣе, чѣмъ пополненіе казны. Точно также нельзя утверждать, будто сикофанты часто выдвигали такія обвиненія въ видахъ собственнаго обогащенія. Были, правда, люди, эксплуатировавшіе страхъ мирныхъ гражданъ передъ процессами, но вѣдь въ политическихъ дѣлахъ обвинителю, не получившему пятой части голосовъ, грозилъ штрафъ въ 1000 драхмъ, и это многимъ мѣшало выступать съ неосновательными обвиненіями такого рода. Въ общемъ неудобства, связанные съ процессами о нарушеніи закона, съ лихвой выкупались тѣмъ благодѣтельнымъ вліяніемъ, какое они оказывали, напоминая постоянно совѣтникамъ народа объ отвѣтственности. Народныя собранія вовсе не отличались особенною беспорядочностью; бывало въ нихъ шумно и бурно, когда не хотѣли слушать оратора, но въ общемъ народъ былъ проникнутъ сознаніемъ, что нужно слѣдовать совѣту знающихъ людей, и въ минуты опасности онъ всегда подчинялся руководству тѣхъ, кто пользовался его довѣріемъ. Такихъ явныхъ несправедливостей, какъ осужденіе побѣдителей при Аргинусахъ, въ

IV вѣкѣ тоже не встрѣчается вплоть до времени діадоховъ. О владычествѣ черни въ Аѣинахъ этой эпохи не можетъ быть и рѣчи. Какъ мало имѣла вліянія чернь, видно изъ совѣщанія по взятіи Элатей Филиппомъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду и темной стороны аѣинскаго устройства. Заключалась она въ отсутствіи твердаго правительства, которое могло бы сообщать единство отдѣльнымъ рѣшеніямъ народа. Въ Аѣинахъ правилъ самъ народъ. Каждая мѣра должна была быть принята народомъ; ничто и никто не могли помѣшать ему завтра дѣйствовать совсѣмъ иначе, чѣмъ сегодня; никто не могъ его заставить руководиться какой-либо системой въ своихъ рѣшеніяхъ: право рѣшенія принадлежало ему постоянно и исключительно. Однажды народъ объявилъ, что, въ случаѣ убійства Филиппа, убійца подлежитъ выдачѣ, а черезъ день послѣ того опредѣлилъ оказать убійцамъ почести—все по предложенію и подъ отвѣтственностью отдѣльнаго лица. Народъ объявлялъ войну и опредѣлялъ число высылаемыхъ воиновъ и кораблей, но если онъ не назначалъ изъ извѣстныхъ источниковъ средствъ, нужныхъ для данной цѣли, то рѣшеній нельзя было исполнить, и никто не былъ отвѣтственъ за неисполненіе, такъ какъ никто не могъ взять денегъ изъ неуказанной для того кассы. Иногда народъ высылалъ флоты и войска, но чрезъ нѣкоторое время, за отсутствіемъ готовыхъ средствъ, переставалъ назначать для нихъ содержаніе; тогда могло случиться, что никто не считалъ себя обязаннымъ настаивать на доставкѣ средствъ, такъ какъ для каждаго рѣшенія, даже если бы оно было необходимымъ слѣдствіемъ другого, требовалось отвѣтственное лицо, а между тѣмъ

никого изъ гражданъ нельзя было принудить взять на себя отвѣтственность. Отъ этого правительственная машина могла въ важныя минуты останавливаться; такъ и случилось иногда дѣйствительно, какъ мы знаемъ изъ жалобъ Демосоена. Эти неудобства дѣлались менѣе замѣтными, когда политическимъ и военнымъ главою государства становился человекъ всеми уважаемый, и усиливались, если главный руководитель эkkлeсiи не могъ быть вождемъ на войнѣ; а такъ именно и бывало всего чаще въ IV вѣкѣ. Народъ никогда не довѣрялся вполнѣ великимъ полководцамъ: Хабрію, Ификрату, Тимоеею, такъ какъ считалъ ихъ опасными для гражданской свободы; поэтому руководящія предложенія исходили въ большинствѣ случаевъ отъ другихъ лицъ. Стратеги не пользуются уже тѣмъ вліяніемъ, какое народъ предоставлялъ имъ въ V вѣкѣ. Падавшая сначала на архонта, а затѣмъ на стратега, обязанность вносить руководящія предложенія перешла теперь къ оратору, не занимавшему ни гражданской, ни военной должности. Можно еще иначе опредѣлить тотъ недугъ, которымъ страдалъ аѳинскій народъ: онъ слишкомъ поддавался вліянію минуты. Такъ бывало въ судахъ, такъ и въ политикѣ. Въ судахъ дѣло рѣшалось безвозвратно немотивированнымъ приговоромъ присяжныхъ, въ политикѣ все мелочи разрѣшало народное собраніе. Въ юстиціи не было апелляціи и высшей инстанціи, въ политикѣ не было учрежденія, которое могло бы разрѣшать частности въ духѣ самого народа. Судъ и политика распались такимъ образомъ на рядъ отдѣльныхъ мѣръ, между которыми иногда отсутствовала всякая разумная связь. Невыгоды такого положенія сказыва-

лись особенно во внѣшней политикѣ, которую аѣинскіе дѣятели того времени нерѣдко вели въ эгоистическомъ духѣ и при помощи софистическихъ средствъ и въ которой за совершаемыя ошибки приходилось платиться вдвойнѣ и втройнѣ. Ошибочная внѣшняя политика и привела Аѣины къ паденію.

Финансы государства находились не въ такомъ благопріятномъ положеніи, какъ при Периклѣ. Явились, правда, снова союзники, дѣлавшіе денежные взносы, но эти взносы никогда не могли достигнуть прежней высоты, а расходы сравнительно съ прежнимъ скорѣе увеличились, такъ какъ теперь почти постоянно приходилось гдѣ-нибудь вести войну. Поэтому въ годъ архонта Навсиника (378/7) окончательно введены были прямые налоги. Затѣмъ во второй половинѣ вѣка упоминается должность вышаго контролера финансовъ, и такъ какъ въ финансовой исторіи IV вѣка не было эпохи болѣе важной, чѣмъ годъ Навсиника (когда былъ возобновленъ аѣинскій союзъ и произведены измѣненія въ податной системѣ), то естественно предположить, что эта должность была впервые учреждена именно тогда или вскорѣ затѣмъ.

Въ IV вѣкѣ не можетъ быть и рѣчи объ аѣинскомъ царствѣ въ томъ видѣ, какъ оно существовало въ V столѣтіи. Союзники занимали по отношенію къ Аѣинамъ гораздо болѣе самостоятельное положеніе, чѣмъ прежде. Чрезъ своихъ выборныхъ они имѣли возможность войти законнымъ путемъ во взаимное соглашеніе, иногда направленное и противъ Аѣинъ. Сверхъ того составъ союза сильно колебался: почти ежегодно кто-нибудь выходилъ изъ него, тогда какъ Аѣины и теперь заявляли старое требованіе, такъ рѣзко

защищавшееся ими въ V вѣкѣ, о воспрещеніи кому бы то ни было выходить изъ союза. Какъ и въ V столѣтіи, это требованіе вело къ столкновеніямъ. Въ одномъ отношеніи Аѣины дѣйствовали очень неловко. При заключеніи союза онѣ обѣщали не отнимать земель у союзниковъ, не вводить снова ненавистныхъ клерухій; соблюдая это обязательство вообще, Аѣины однако въ одномъ важномъ пунктѣ снова основали колонію, и притомъ очень крупную. Самось, присоединившійся сначала къ Аѣинамъ, вышелъ затѣмъ изъ союза и спустя долгое время былъ покоренъ Тимооеемъ; тогда на островъ явились аѣинскіе поселенцы и прогнали прежнихъ жителей, которымъ пришлось искать прибѣжища въ другихъ государствахъ. Кромѣ этого неправильнаго захвата, Аѣины владѣли еще, какъ законною собственностью, Скиромъ, Имбромъ и Лемномъ и пользовались, стало быть, свободнымъ путемъ къ Геллеспону. Въ 357 году онѣ снова получили Херсонесъ; Босфорское царство въ Черноморьѣ было съ ними въ большой дружбѣ. Такимъ образомъ торговля съ Понтомъ, одинъ изъ источниковъ благосостоянія Аѣинъ, все еще была въ ихъ рукахъ. На еракійскомъ берегу онѣ владѣли только немногими пунктами, но вся страна была вовлечена въ ихъ интересы. Отношенія къ князьямъ Эракіи и Македоніи мѣнялись, какъ и въ V вѣкѣ. Такимъ образомъ Аѣины все еще оставались одною изъ крупнѣйшихъ державъ Востока. По спискамъ у нихъ числилось 400 триеръ, и хотя на дѣлѣ число ихъ было всегда меньше, все же ни одна держава Востока не могла похвалиться такимъ крупнымъ флотомъ *).

*) О наемникахъ и вождяхъ см. выше стр. 231 и слѣд.

Съ частною жизнью аѣинянъ въ IV вѣкѣ ораторы знакомятъ насъ такъ же хорошо, какъ въ V столѣтїи Аристофанъ; основываясь на ихъ показанїяхъ, мы не можемъ согласиться съ тѣми, которые видятъ въ этой эпохѣ время упадка. Безнравственности и роскоши въ IV вѣкѣ было не больше, чѣмъ въ V. Въ образѣ жизни аѣинской молодежи незамѣтно разницы между временемъ Гиперида, защищавшаго Фрину передъ судомъ, и эпохой Алкивіада. Роскошь скорѣе даже уменьшилась оттого, что Аѣины не пользовались уже такимъ политическимъ значенїемъ какъ въ V вѣкѣ. Аѣинская жизнь приобрѣла болѣе провинціальнѣй, мѣщанскїй характеръ, и на эту важную сторону дѣла по большей части не обращаютъ вниманїя. Жалуются на роскошь этой эпохи, но что же приводятъ въ доказательство ея существованїя? Обстановку Алкивіада и образъ жизни Мидїя. Но вѣдь утварь Алкивіада была распродана уже въ 415 году, а Мидїя самъ врагъ его, Демосѣенъ, упрекаетъ только въ томъ, что у него, кромѣ дома въ Аѣинахъ, есть еще красивый домъ въ Элевсинѣ, что жена его катается на бѣлыхъ коняхъ, а самъ онъ ѣздитъ на сѣдлѣ, вышитомъ серебромъ. О большихъ состоянїяхъ не слышно ничего. Что аѣиняне не утратили нравственной силы, это, по общему признанїю, доказывается ихъ поведенїемъ до и послѣ битвы при Херонеѣ. Правда, съ конца V вѣка явилась новая причина упадка нравовъ—усиленїе софистики, но вредъ былъ не столь значителенъ, какъ можно было ожидать, такъ какъ софистамъ противодѣйствовали Сократъ и его школа: глубокїя умозрѣнїя Платона, практическїя наставленїя Ксенофонта—должны же были оказать свое благотѣтельное влїанїе. И неуже-

ли могъ находиться въ нравственномъ упадкѣ народъ, раздѣлявшій благородные принципы, выраженные въ рѣчи Демосеена о вѣнкѣ?

Преувеличенность всѣхъ такихъ толковъ объ упадкѣ Аѳинъ доказывается наконецъ и изслѣдованіемъ гражданскихъ отношеній, волостного устройства и религіозныхъ обществъ въ Атикѣ. Это изслѣдованіе выдвигаетъ тотъ важный фактъ, что въ мельчайшихъ общественныхъ союзахъ господствовало здоровое самоуправленіе; благодаря такому участию въ дѣлахъ гражданъ, государство могло существовать, — и до извѣстной степени процвѣтать, — въ видѣ демократической общины. Эта самостоятельность особенно замѣтна въ волостномъ управленіи, дававшемъ отличную подготовку для государственнаго. У волости (дема) есть свое имущество, которымъ она сама управляетъ; ея доходы состояются изъ арендной платы за земли и зданія, а также изъ налоговъ; расходуются они главнымъ образомъ на цѣли богослужебныя. Главная власть принадлежитъ волостному собранію; ежегодно избираемые старшины служатъ только представителями, не начальниками волости. Вся финансовая часть волостного управленія до послѣднихъ мелочей вѣдается собраніемъ демотовъ. Такимъ образомъ каждый гражданинъ пріучался къ личному участию въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ, и это существенно облегчало самоуправленіе государства.

Привычка къ самоуправленію проявлялась далѣе въ существованіи многихъ обществъ, созданныхъ для опредѣленныхъ цѣлей и считавшихся юридическими личностями съ правомъ владѣнія. Центромъ для такихъ обществъ служило обыкновенно какое-

нибудь религиозное учреждение. Учреждались они съ цѣлями похоронными, ради судоходства и торговли, для эксплуатаціи рудниковъ; были и общества съ цѣлями увеселительными, на примѣръ, знаменитый клубъ остряковъ, за протоколы засѣданій котораго Филиппъ Македонскій предлагалъ большую сумму. Все болѣе росло значеніе обществъ актеровъ, которые называли себя Діонисовыми художниками или просто художниками и были распространены по всему греческому міру. Какъ актеры считали своимъ покровителемъ Діониса, такъ философы—музъ. Начало соединенію философовъ въ постоянныя общества положила академія Платона, особенно почитавшая музъ и получившая корпоративныя права.

Впослѣдствіи образцомъ для ученыхъ обществъ сдѣлался музей въ Александріи. Учреждались, естественно, и просто религиозныя общества, безъ всякихъ постороннихъ цѣлей. Живое религиозное чувство не находило себѣ достаточнаго удовлетворенія въ официальныхъ культахъ. Такъ какъ греки считали религію государственнымъ дѣломъ, то государство имѣло право, если считало это нужнымъ, дозволить иноземцамъ служеніе богамъ по ихъ обычаямъ; въ такихъ культахъ принимали затѣмъ участіе и туземцы. У этихъ заносныхъ культовъ изъ Фракіи, Малой Азіи, Сиріи, Египта была та общая черта, что они стремились возбуждающими обрядами доводить людей до состоянія экстаза, въ которомъ видѣли средство непосредственнаго общенія съ божествомъ. Греки допускали публичную пропаганду такихъ ученій. Широкое распространеніе ихъ объясняется тѣмъ, что греческая религія, состоявшая

главнымъ образомъ изъ обрядовъ, подь конецъ не могла уже удовлетворять потребностямъ народа. Такъ было въ Греціи всюду. Существовали, правда, въ Атикѣ въ видѣ государственнаго учрежденія элевсинскія мистеріи, въ которыхъ предполагалось болѣе глубокое содержаніе, но и онѣ не удовлетворяли многихъ, быть-можетъ именно потому, что ими руководило государство, тогда какъ вѣрующимъ хотѣлось личныхъ сношеній съ божествомъ. Такимъ образомъ въ Аѣинахъ въ религіозномъ отношеніи существовали самые различные круги. Были простые приверженцы государственной религіи, изъ которыхъ многіе были связаны съ ней и внѣшней связью—жреческимъ саномъ; сюда принадлежали всѣ знатныя фамиліи. Были далѣе люди,—особенно изъ низшихъ сословіи,—религіозное чувство которыхъ не находило себѣ удовлетворенія въ государственныхъ культахъ; эти люди искали удовлетворенія въ иноземныхъ ученіяхъ. Наконецъ было много людей, вѣрившихъ, что человѣкъ можетъ собственнымъ разумомъ постигнуть спасительную истину; такіе люди примыкали къ одной изъ философскихъ школъ; самую значительную между ними была школа Сократа. Нормальность жизненнаго строя называется и въ томъ, что аѣинскій гражданинъ проводилъ все еще много времени въ деревнѣ, гдѣ владѣлъ землею. Юридически онъ оставался въ той волости, къ которой былъ приписанъ, хотя бы проживалъ и владѣлъ землею въ другой. Городъ Аѣины служилъ центромъ управленія и главныхъ культовъ, мѣстомъ собранія для всѣхъ гражданъ; Пирей былъ центромъ заграничной торговли, мѣстопребываніемъ купцовъ, метековъ и иностранцевъ; Элевсинъ слу-

жилъ для страны религіознымъ центромъ, гдѣ у состоятельныхъ аѳинянъ были собственные дома. Наконецъ въ Атикѣ существовали еще небольшія укрѣпленія, въ которыхъ отслуживали свои сроки юноши; тамъ развивалась веселая гарнизонная жизнь, и главный тонъ давала военная молодежь.

Для нѣкоторыхъ сторонъ культурной жизни большое значеніе имѣли въ то время нѣкоторые греческіе города на Востокѣ, напримѣръ, Византія для торговли, Эфесъ для живописи и скульптуры, Теосъ для драматическаго искусства, Галикарнассъ, Родосъ и Хиосъ для искусства, торговли и краснорѣчія. Хотя такимъ образомъ просвѣщеніе, въ V вѣкѣ направлявшееся, повидимому, скорѣе съ востока на западъ, теперь снова отливало на востокъ, тѣмъ не менѣе Аѳины все еще остаются главнымъ государствомъ и истинной опорой Греціи въ гражданскомъ, военномъ и духовномъ отношеніи, все еще признаются всѣми за духовный центръ греческаго міра. И вотъ противъ этой республики выступаетъ государство совсѣмъ другого рода, сѣверная область, управляемая царскою властью.

II. МАКЕДОНИЯ ДО ФИЛИППА И ЕГО РЕФОРМЫ.

(Дройзенъ. Исторія эллинизма, т. I).

Македоняне принадлежали къ тѣмъ же пеласгическимъ племенамъ, которыя нѣкогда занимали всю территорію Греціи и большинство которыхъ впоследствии стало представляться эллинамъ (отъ которыхъ они отстали въ развитіи) варварами или полуварварами. Объ исконномъ родствѣ съ греками свидѣтельствуется религія и обычаи македонянъ; если на границахъ и происходило смѣшеніе съ иллирійскими и еракійскими племенами, то все-таки языкъ македонянъ является наиболѣе близкимъ къ древнѣйшимъ діалектамъ греческаго языка.

Въ военномъ устройствѣ македонянъ до позднѣйшихъ временъ осталось въ употребленіи имя этеровъ. Если это имя, какъ въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться, появилось въ странѣ вмѣстѣ съ учрежденіемъ царской власти, то изъ него мы можемъ заключить, что македонскимъ гераклидамъ предстояла нѣкогда та же задача, какъ и ихъ предкамъ въ Пелопонесѣ, а именно необходимость по переселеніи въ чужую страну основать свою силу и право на подчиненіи туземцевъ. Разница только въ томъ, что здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ дорическихъ государствахъ, старое смѣшалось съ новымъ и слилось

въ одно цѣлое, сохранившее первобытную свѣжесть, но также и грубую суровость предковъ. Повсюду въ другихъ мѣстахъ Греціи царская власть, не сумѣвшая найти себѣ опору въ простомъ народѣ, была вытѣснена развитіемъ аристократіи; затѣмъ простой народъ, долго отстранявшійся отъ всякаго участія въ руководствѣ общественной жизнью и терпѣвшій гнеть, возсталъ противъ этой аристократіи, отнялъ у знатныхъ родовъ ихъ преимущества и низвелъ ихъ къ равноправности демократическаго строя. Напротивъ, Македонія сохранила свою исконную царскую власть, такъ какъ здѣсь отношенія между сословіями не успѣли обостриться и сдѣлаться враждебными. «Превосходя всѣхъ богатствомъ и уваженіемъ», говоритъ Аристотель, старинная царская власть здѣсь сохранилась.

Опасности для общественнаго порядка грозили тутъ совсѣмъ съ другой стороны. Царская власть принадлежала царскому роду; но престолонаслѣдіе въ этомъ родѣ не было установлено настолько прочно, чтобы имъ заранѣе устранялось всякое сомнѣніе и несогласіе. Чѣмъ свободнѣе была въ Македоніи царская власть, тѣмъ болѣе требовала она личной энергіи и дѣятельности отъ того, кто являлся ея носителемъ. Весьма часто бывало такъ, что малолѣтній наслѣдникъ престола, если онъ былъ неспособенъ или бездѣятеленъ, долженъ былъ уступить свое мѣсто болѣе энергичному родному или двоюродному брату. Въ другихъ случаяхъ «простасія», организованная форма опеки, давала средства для захвата власти. Была еще и другая опасность: младшіе сыновья царя, а также и чужеземцы, какъ видно изъ многихъ примѣровъ, получали въ наслѣдственное

владѣніе участки въ странѣ, конечно, подѣ верховенствомъ царя, но съ такими царственными полномочіями, которыя давали имъ право призывать народъ на военную службу и держать собственные войска. Царская власть не могла усилиться, не приведя въ повиновеніе этихъ княжескихъ линій; между тѣмъ послѣднія находили себѣ опору въ пограничныхъ областяхъ, управлявшихся независимыми князьями. На видѣ казалось, что царская власть имѣла широкое право регламентации; но въ дѣйствительности право это опредѣлялось обычаемъ, и недостатокъ законодательныхъ нормъ замѣнялся преданіемъ. Можно сказать, что царская власть была такъ же далека отъ азіатской деспотіи, какъ народъ отъ крѣпостного состоянія и рабской подчиненности. «Македоняне—свободные люди», говоритъ одинъ древній писатель, не пенесты, какъ масса народа въ Фессаліи, не илоты, какъ въ землѣ спартанцевъ, но народъ земледѣльцевъ, имѣющихъ свободную и наследственную собственность, управляющихся общиннымъ устройствомъ съ мѣстными собраниями и мѣстнымъ судомъ, несущихъ всеобщую воинскую повинность. Еще и въ позднѣйшее время войско считается въ Македоніи собравшимся народомъ и созывается въ народное собраніе для совѣта и суда. Въ этомъ войскѣ замѣтно выступаетъ многочисленная знать подѣ именемъ «этеровъ», боевыхъ товарищей, извѣстныхъ уже пѣснямъ Гомера. Эту знать мы врядъ ли имѣемъ право назвать аристократіей; она отличалась только ббльшей обширностью владѣній, воспоминаніями о благородномъ происхожденіи и близкими отношеніями къ личности царя, награждавшего ихъ за вѣрную службу по

Исторія Греціи.

честями и подарками. Большихъ городовъ въ эллинскомъ смыслѣ мы не встрѣчаемъ въ этой землѣ крестьянъ и знати; города, лежавшіе на морскомъ берегу, были греческими колоніями, независимыми общинами, стоявшими въ сознательной оппозиціи съ страной, лежавшей далѣе въ глубь материка.

Болѣе оживленныя сношенія Македоніи съ Греціей начались лишь около времени персидскихъ войнъ, особенно въ царствованіе Александра I, «Филэллина», какъ называетъ его Пиндаръ. Подобно ему, и его ближайшіе преемники съ большимъ или меньшимъ умѣньемъ и энергіей старались поставить свою страну въ непосредственную связь съ торговлей, политической жизнью и образованностью Эллады. Близость богатыхъ торговыхъ колоній въ Халкидикѣ, частыя сношенія при ихъ посредствѣ съ главными государствами Греціи, боровшимися за обладаніе этими колоніями и искавшими или боявшимися вліянія Македоніи, почти непрерывная борьба въ самой Элладѣ, заставлявшая многихъ знаменитыхъ людей бѣжать изъ отчизны и искать покоя и почестей при богатомъ дворѣ въ Пеллѣ,—все это благоприятствовало успѣхамъ Македоніи.

Наиболѣе важно и плодотворно было время царя Архелая. Въ то время какъ пелопонесская война волновала и терзала всю остальную Элладу, Македонія подъ его разумнымъ руководствомъ дѣлала быстрые успѣхи; онъ построилъ крѣпости, которыхъ прежде въ странѣ не было, проложилъ дороги, продолжалъ далѣе начатую организацію войска; «во всѣхъ отношеніяхъ», говоритъ Фукидидъ, «онъ сдѣлалъ для Македоніи болѣе, чѣмъ предшествовавшие ему восемь царей». Въ честь олимпійскаго Зевса и

музъ, онъ около Дібна, недалеко отъ гробницы Орфея, учредилъ гимнастическія и музыкальныя состязанія по образцу греческихъ. Его дворъ, при которомъ собирались поэты и художники и который былъ сборнымъ пунктомъ македонской знати, служилъ народу образцомъ и руководилъ его дальнѣйшимъ развитіемъ; Архелай считался современниками богатѣйшимъ и счастливѣйшимъ человекомъ на свѣтѣ.

Послѣ Архелая внутренніе раздоры возобновились сильнѣе прежняго. Быть-можетъ, отчасти они были возбуждены и раздuty реакціей противъ усилившейся царской власти; но въ то же время они носили и характеръ протеста, направленнаго противъ новой образованности и новыхъ обычаевъ, вводимыхъ царями. Представителями оппозиціонныхъ стремленій, поощрявшихся политикой руководящихъ государствъ Греціи, явились по самому ходу вещей княжескіе роды и часть этеровъ, тогда какъ масса народа, повидимому, оставалась совершенно равнодушной.

Въ 359 году вступилъ на престолъ Филиппъ, при очень запутанныхъ обстоятельствахъ. Страна была занята иллирійцами и пѣонами; явились претенденты, которымъ помогали Аѣины и еракійскіе князья. Поддерживаемый страной, пошедшей навстрѣчу его желаніямъ, Филиппъ преодолѣлъ первыя затрудненія. Его осторожность, умъ и рѣшительность спасли царство отъ варваровъ, престолъ—отъ претендентовъ, а царскій домъ—отъ новыхъ интригъ и смуть. Аѣиняне, получивъ признаніе своихъ притязаній на Амфиполь, имѣли неблагоразуміе отказаться отъ общей борьбы противъ Филиппа; а когда они были обезпожены его успѣхами и, чтобы сломить силу

Македоніи единовременнымъ вторженіемъ варваровъ съ трехъ сторонъ, заключили оборонительный и наступательный союзъ съ иллирійцами, пэонами и еракійцами, оказалось уже поздно. Амфиполь былъ уже взятъ, и граждане перешли на сторону Филиппа; онъ быстро появился на границахъ, и далеко еще не готовые къ войнѣ варвары должны были поспѣшно покориться. Къ 356 году границы были уже въ полной безопасности отъ варваровъ. Скоро исчезли и партіи при дворѣ.

Такимъ образомъ Македонія была въ рукахъ монарха, который сумѣлъ методически и искусно развить силы своего государства, воспользоваться ими и увеличить ихъ до такой степени, что съ ихъ помощью можно было, наконецъ, осуществить великую идею борьбы съ Персіей во главѣ греческаго міра. Въ историческомъ преданіи, какъ оно до насъ дошло, изумительные успѣхи царя заставили забыть тѣ элементы, изъ которыхъ сложилось это могущество. Преданіе внимательно слѣдитъ за каждымъ хитрымъ движеніемъ руки, захватывавшей одно за другимъ государства Греціи; но относительно тѣла, которому принадлежала эта рука и которому она была обязана своей силой и увѣренностью своихъ движеній, преданіе оставляетъ насъ почти въ совершенной неизвѣстности. Соблазнительное золото, которое часто показываетъ, а въ нужную минуту и раздаетъ эта рука, представляется въ преданіи чуть не единственнымъ важнымъ средствомъ, съ помощью котораго дѣйствовалъ Филиппъ.

Если мы, однакоже, ближе всмотримся во внутреннюю жизнь Македоніи, то мы ясно различимъ два рычага, которые, хотя существовали еще и ра-

нѣе, но только Филиппомъ были развиты во всей ихъ силѣ и сдѣлались основой его могущества.

«Когда мой отецъ вступилъ на престолъ,—говорить у Арріана Александръ взбунтовавшимся македонянамъ,—вы были кочевниками, нищими, одѣтыми въ шкуры, вы пасли на горахъ овецъ и едва могли отбивать ихъ отъ сосѣднихъ варваровъ; онъ далъ вамъ плащъ солдата, свелъ васъ въ равнину и научилъ сражаться съ сосѣдями». Конечно, уже ранѣе, въ случаѣ войны, въ поле выходилъ всякій способный носить оружіе македонянинъ, чтобы по окончаніи войны снова возвратиться къ своему плугу или очагу. Трудное положеніе, при которомъ вступилъ на престолъ Филиппъ, войны, которыми онъ, особенно въ первые годы своего царствованія, долженъ былъ защищать страну отъ грозившихъ со всѣхъ сторонъ опасностей, подали ему поводъ взяться за продолженіе дѣла, начатаго уже Архелаемъ и уничтоженнаго послѣдовавшими смутами. Опираясь на обязательность военной службы, Филиппъ создалъ національное войско, которое, возрастая все болѣе и болѣе, достигло наконецъ численности 40,000 человекъ.

Филиппъ не только сумѣлъ сформировать войско, но и далъ ему нужную дисциплину и военную выправку. Намъ сообщаютъ, что въ пѣхотѣ онъ уничтожилъ ненужный обозъ и телѣги съ поклажей, всадникамъ дозволилъ имѣть только по одному конюху, и часто, даже въ лѣтніе жары, заставлялъ войско дѣлать переходы въ 6—7 миль съ полнымъ багажомъ и запасомъ провіанта на нѣсколько дней. Дисциплина въ войскѣ была такъ строга, что въ войнѣ 338 года два высшихъ офицера были разжа-

лованы за то, что привезли съ собой въ лагерь арфистку. Съ новымъ устройствомъ службы созда- лась строгая іерархія начальниковъ и подчиненныхъ и лѣстница чиновъ, подниматься по которой можно было только съ помощью заслугъ и признанной храбрости.

Послѣдствія такой военной организаціи не замед- лили сказаться. Ея результатомъ было то, что раз- личныя волости царства привыкли чувствовать себя однимъ цѣлымъ, а македоняне—однимъ народомъ. Эта организація дала возможность новопріобрѣтен- нымъ областямъ срастись съ древней Македоніей. Вмеѣстѣ съ единствомъ и съ усвоеніемъ новаго военна- го типа, ставшаго отнынѣ преобладающимъ, у маке- донскаго народа явилось гордое чувство своей воен- ной доблести и возвышающее сознание прочнаго порядка и іерархіи, главой которыхъ былъ самъ царь. Царю, въ свою очередь, земледѣльческое на- селеніе страны давало гибкій и прочный матеріаль для его цѣлей, а знать, — этеры, — поставляла контин- гентъ офицеровъ, исполненныхъ чувства чести и желанія отличиться. Такое войско должно было стать выше шаекъ наемниковъ или даже обычной граждан- ской милиціи греческихъ государствъ; такой крѣпкій и свѣжій народъ не могъ не превзойти грека, пре- сыщеннаго демократической цивилизаціей и возбу- жденнаго или притупленнаго городской жизнью. Благосклонная судьба сохранила за Македоніей ста- ринную силу и характеръ до тѣхъ поръ, пока ей не выпало на долю показать себя на обширномъ поприщѣ. Въ борьбѣ между царями и аристократіей побѣда склонилась здѣсь не на сторону надменной аристократіи, какъ нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ

въ Греціи, а на сторону царской власти. И эта царская власть у свободнаго и крѣпкаго народа пахарей, эта военная монархія придала теперь македонскому народу силу, стройность и подвижность, необходимость которыхъ хотя и сознавалась въ греческихъ демократіяхъ, но сохранить которыя и развить въ прочную организацію у нихъ уже не доставало силъ. Напротивъ, лучший плодъ греческой жизни—образованность должна была всецѣло сдѣлаться достояніемъ македонскаго народа; начатому уже прежними царями движенію въ этомъ смыслѣ не суждено было заглухнуть. Примѣръ царя и его двора игралъ здѣсь крайне важную роль. Вслѣдъ за дворомъ и знать страны сдѣлалась скоро образованною частью націи и заняла такимъ образомъ очень вліятельное положеніе. Такое различіе между классами не могло развиться ни въ одномъ изъ главныхъ государствъ Греціи. Спартанцы всѣ были грубы и отличались отъ илотовъ и періэковъ своей страны только тѣмъ, что были ихъ господами; свободные аеиняне всѣ безъ исключенія считали себя крайне образованными. Въ другихъ мѣстахъ существованіе аристократіи хотя и прекратилось со введеніемъ демократіи, но возникновеніе различія между бѣднымъ и богатымъ повлекло за собою неизбѣжный упадокъ уровня умственной жизни.

Филиппъ жилъ въ Оивахъ во время Эпаминонда; на его судьбу рано приобрѣлъ вліяніе одинъ изъ учениковъ Платона; самого Филиппа Исократъ называетъ другомъ литературы и образованія, а приглашеніе Аристотеля въ учителя къ сыну подтверждаетъ это. Читеніе всевозможныхъ лекцій, предназначавшихся для окружавшихъ Филиппа пажей, имѣло

своей цѣлью образованіе молодого поколѣнія знати; эту молодежь онъ по мѣрѣ возможности старался привлекать ко двору, привязывать къ своей личности и приучать къ непосредственному служенію царскому дому. Въ качествѣ пажей, а потомъ въ качествѣ тѣлохранителей царя, командировъ отдѣльных частей войска, посланниковъ къ греческимъ государствамъ, знать имѣла достаточно случаевъ отличиться или получить награду за оказанныя услуги; вездѣ нужны были и аттическія манеры, какихъ желалъ царь и какими онъ самъ обладалъ. Самый ожесточенный противникъ Филиппа долженъ былъ признаться, что даже среди аѣинянъ не найдется ему соперника въ свѣтскомъ изяществѣ; и если въ обычныхъ при его дворѣ пирахъ, шумѣ и пьянствѣ, «какъ у кентавровъ или лестригоновъ», по презрительному выраженію Теопомпа, и прѣоглядывала грубость македонскихъ нравовъ, то зато торжественныя придворныя празднества при приѣмѣ иностранныхъ пословъ или празднованіи великихъ игръ устраивались въ чисто эллинскомъ духѣ и вкусѣ; все было роскошно и устроено на широкую ногу. Имѣнія царскаго дома, поземельныя подати страны, портовыя пошлины, рудники Пангея, приносившіе ежегодно 1000 талантовъ дохода, и прежде всего введенные Филиппомъ въ управленіе порядокъ и экономія придали такой блескъ его царствованію, подобный которому Греція видѣла только одинъ разъ—въ Аѣинахъ эпохи Перикла. Дворъ Пеллы съ его роскошью, военнымъ блескомъ и собиравшейся при немъ знатью могъ производить внушительное впечатлѣніе даже на аѣинскихъ пословъ. Многіе изъ этихъ знатныхъ родовъ были княжескаго происхо-

жденія. Таковъ былъ дворъ и нація въ томъ видѣ, какой имъ придалъ Филиппъ; мы должны прибавить, что монархическій элементъ въ государственной жизни Македоніи не могъ не приобрести рѣшительнаго перевѣса, какъ благодаря историческому положенію этого государства, такъ и благодаря личной энергіи Филиппа. Характеръ и образъ дѣйствій царя становятся понятными только въ общей связи съ цѣлымъ. Стоя въ центрѣ противорѣчій и противоположностей самаго разнообразнаго характера, грекъ для своего народа, македонянинъ для грековъ, Филиппъ превосходилъ грековъ хитростью и коварствомъ, македонянь—грубостью и энергіей, а тѣхъ и другихъ—яснымъ пониманіемъ своихъ цѣлей, строгою логикой въ проведеніи своихъ плановъ и быстротою и тайною, съ какими приводилъ въ исполненіе свои замыслы. Онъ умѣлъ всегда оставаться загадкой для своихъ противниковъ, являться имъ всегда иначе, не съ той стороны и не въ томъ направленіи, какъ они ожидали. Склонный отъ природы къ чувственности и наслажденіямъ, онъ былъ такъ же несдержанъ, какъ и непостояненъ въ своихъ привязанностяхъ; часто онъ казался находящимся вполне во власти своихъ страстей, а между тѣмъ во всякій данный моментъ онъ былъ ихъ полнымъ господиномъ, трезвымъ и холоднымъ, какъ этого требовали его цѣли; и трудно рѣшить, гдѣ болѣе проявлялась его истинная натура: въ добродѣтеляхъ ли или въ порокахъ. Въ немъ, какъ въ одномъ фокусѣ, отражаются образованность вѣка, его лоскъ, умъ, распущенность и смѣшеніе великихъ идей и утонченной практической изворотливости. Феопомпъ говоритъ о Филиппѣ: «Никогда, если принять во

вниманіе всѣмъ обстоятельства, Европа не носила такого человѣка, какъ сынъ Аминты».

Но чтобы завершить дѣло, въ которомъ Филиппъ видѣлъ цѣль своей жизни, ему, упорному, расчетливому, работавшему не покладая рукъ, не доставало еще чего-то, чего ему не было дано судьбою. Онъ могъ схватиться за мысль о борьбѣ съ Персіей, какъ за средство объединить Грецію и обратить взоры своихъ македонянъ къ высшей цѣли; эта мысль была внушена ему образованностью и исторіей Греціи; къ этой мысли привело его трудное положеніе, съ которымъ ему такъ долго и такъ тяжело приходилось бороться, а не необходимость и не непреодолимая увлекательность самой мысли. Видя, какъ онъ медлилъ среди новыхъ и новыхъ приготовленій и уклонялся въ сторону отъ этой главной цѣли, можно было бы усомниться въ его вѣрѣ въ нее. Конечно, эти приготовленія были необходимы, но, нагромождая Оссу на Пеліонъ, все-таки не достигнешь Олимпа боговъ. Да, — онъ видѣлъ по ту сторону моря поле побѣдъ и будущности Македоніи; но затѣмъ его взглядъ затмился, и его планы заволоклись воздушными образами его желаній. То же исканіе великаго дѣла сообщилось отъ него его окружающимъ, знати и всему народу, оно сдѣлалось постоянно звучащимъ основнымъ тономъ македонской жизни, заманчивой тайной будущаго: они воевали съ еракійцами и побѣждали грековъ; но цѣлью, для которой они воевали и побѣждали, былъ Востокъ.

ХАРАКТЕРЪ И ПОЛИТИКА ФИЛИППА.

(*Schäfer. Demosthenes und seine Zeit, II Band*).

Уже въ первое десятилѣтіе своего управленія Филиппъ расширилъ предѣлы царства, соединилъ подъ своею властью враждовавшихъ между собой и притѣсняемыхъ сосѣдями македонянъ, прославилъ ихъ имя. Чѣмъ меньше значенія имѣла до того Македонія, тѣмъ больше росла слава молодого царя, который при скромныхъ средствахъ и тяжелыхъ условіяхъ добился такихъ блестящихъ успѣховъ: самъ Демосеенъ съ почитательнымъ удивленіемъ описываетъ передъ своими согражданами, какъ образецъ, необыкновенные таланты, обнаруженные Филиппомъ. Въ самомъ дѣлѣ, величіе Македоніи было настоящимъ созданіемъ Филиппа. Одаренный богатыми силами, тѣлесными и душевными, крѣпкою и красивою фігурою, неутомимый въ трудахъ, рано созрѣвшій подъ вліяніемъ смуть, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ дѣтствѣ, и знакомства съ великими политиками и полководцами Фивъ и другихъ государствъ Эллады, одаренный быстрымъ соображеніемъ и даромъ слова, притомъ столь любезный въ личныхъ сношеніяхъ, что немногіе изъ людей, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, могли противустоять его обаянію, — такимъ является передъ нами Филиппъ.

Во многихъ случаяхъ Филиппу помогали благоприятныя обстоятельства и ошибки противниковъ, но все же большая часть его успѣховъ была куплена тяжелымъ трудомъ. Безъ отдыха и утомленія начиналъ онъ одну войну за другую; каждая одержанная побѣда только пролагала путь къ новымъ предпріятіямъ. Онъ любилъ смотрѣть въ лицо опасности, много разъ былъ раненъ въ битвахъ, и его даже упрекали въ томъ, что онъ слишкомъ рискуеть жизнью. Но своимъ примѣромъ онъ увлекалъ за собою македонянъ и составилъ себѣ войско, которому не было равнаго въ опытности и искусствѣ и которое всюду охотно слѣдовало за своимъ царственнымъ вождемъ. Съ этимъ войскомъ Филиппъ раздѣлялъ всѣ его труды. Едва оправившись отъ болѣзни, онъ снова цѣликомъ отдавался дѣятельности. Онъ переносилъ съ одинаковой выдержкой утомительные походы и продолжительныя осады, все равно зимою или въ лѣтнее время, совсѣмъ наперекоръ обычному у эллиновъ и болѣе удобному способу веденія войны. Въ своихъ походахъ Филиппъ далъ тактическое образованіе фалангѣ тяжелой македонской пѣхоты и конницѣ; въ то же время онъ часто и искусно пользовался легкими войсками, состоявшими въ большинствѣ изъ вспомогательныхъ отрядовъ иноземцевъ и наемниковъ; затѣмъ онъ довелъ до небывалой высоты осадное искусство.

Въ вооруженіи, обученіи и расположеніи войскъ образцомъ для царя могло служить еиванское устройство и военное искусство Эпаминонда, Пелопида, Пас^мимена, и впоследствии онъ охотно принималъ къ себѣ на службу эллинскихъ вождей и наемниковъ. Но ядро войска составляли македоняне, и раздѣле-

ніе его на части соотвѣтствовало племенамъ, населявшимъ различныя области страны. Изъ этого не слѣдуетъ, что въ своихъ предпріятіяхъ Филиппъ опирался на національныя стремленія; наоборотъ, оградивъ себя отъ набѣговъ сосѣднихъ племенъ, македоняне охотнѣе сидѣли бы спокойно дома, не заботясь о распряхъ эллиновъ и разложеніи дряхлѣющаго царства персовъ. Но Филиппъ не давалъ имъ покоя и сумѣлъ при помощи не столько силы, сколько ловкости и настойчивости овладѣть энергіей своего народа и направить ее на широкія предпріятія. Особое значеніе получилъ теперь старыи обычай, по которому сыновья македонскихъ дворянъ воспитывались въ качествѣ пажей и оруженосцевъ царя при дворѣ. Юноши эти могли служить заложниками вѣрности своихъ родственниковъ. Скоро къ нимъ присоединились сыновья иноземныхъ князей. Тѣ и другіе получали такое воспитаніе, которое впоследствии давало имъ возможность служить царю военачальниками и намѣстниками. Ими наполнялась царская лейбъ-гвардія, образованная изъ воинственнаго дворянства. Первое мѣсто занимали въ ней конные отряды знатныхъ «друзей и дружинниковъ царя»; ближе всего къ нимъ стояли «щитники», отборное пѣшее войско, выдѣлявшееся также своею знатностью. Масса тяжелой пѣхоты состояла, наконецъ, изъ ополченій отдѣльныхъ племенъ; эти свободные македоняне носили также почетное имя «пѣшихъ товарищей царя». Такъ Филиппъ собралъ вокругъ себя цвѣтъ македонской молодежи и умѣлъ привязать ее къ своей особѣ примѣромъ, товариществомъ и щедрыми наградами. Твердою рукою организовавъ постоянное войско, Филиппъ выказывалъ так-

же рѣдкую проницательность въ выборѣ военачальниковъ и составилъ свой штабъ изъ отличныхъ полководцевъ. Особенно полагался онъ какъ на войнѣ, такъ и въ дипломатическихъ переговорахъ, на испытаннаго, осторожнаго Парменіона и на бдительнаго, трезваго Антипатра. Филиппъ уважалъ ихъ откровенное сужденіе и чувство собственнаго достоинства. Онъ не терпѣлъ только, чтобы полководецъ искалъ себѣ славы, не довольствуясь тою честью, какую давала служба подъ начальствомъ царя. Кто хотѣлъ видвинуться, того Филиппъ отодвигалъ назадъ, чтобы оставаться одному поводителемъ войска.

Пользуясь такимъ образомъ въ своихъ видахъ свѣжими силами македонскаго народа и принимая въ расчетъ его обычаи и племенные отношенія, Филиппъ вовсе не имѣлъ намѣренія ограничивать себя въ своихъ планахъ національными интересами. Македонія служила ему только базисомъ для образованія болѣе крупной державы, и мысли его далеко выходили за ея предѣлы. Прежде всего онъ стремился стать третейскимъ судьей и полководцемъ эллиновъ и подчинить себѣ народы Сѣвера, жившіе между Понтомъ и Адриатическимъ моремъ. Разъ всѣ силы Греціи, морскія и сухопутныя, вмѣстѣ съ силами Македоніи и сосѣднихъ земель были въ его распоряженіи, ему должно было казаться дѣломъ легкимъ отнять Малую Азію и побережья Средиземнаго моря у персидскаго царя, власть котораго въ этихъ областяхъ давно была лишена всякаго прочнаго основанія. Проникать дальше на Востокъ онъ, быть-можетъ, сначала не намѣревался; мнѣ кажется, возраженія Парменіона противъ смѣлаго стремленія

Александра въ необозримую даль были совсѣмъ въ духѣ Филиппа. Впрочемъ, уже и у него мы находимъ неудержимое стремленіе къ постоянно новымъ предпріятіямъ. Какъ ни крупны были административные таланты Филиппа,—а доказательствомъ ихъ служить, кромѣ организаціи войска, также и то, что онъ положилъ начало македонскому мореходству и сумѣлъ развить горнодѣліе на Пангеѣ и внутри страны,—тѣмъ не менѣе благосостояніе подданныхъ служило для него не главною цѣлью, а только средствомъ для осуществленія широкихъ замысловъ. Македоняне были очень недовольны тѣмъ, что война и блокада не допускала къ ихъ рынкамъ аѳинянъ и прибрежныхъ эллиновъ, закупавшихъ у нихъ лѣсъ и хлѣбъ: имъ было бы пріятнѣе поддерживать съ своими покупателями мирныя сношенія. Филиппъ не обращалъ на это никакого вниманія. Онъ слишкомъ былъ воиномъ, чтобы спокойно наслаждаться постепенно созрѣвающими плодами культуры; ему противно было бережливо хозяйничать, сводить приходы съ расходами. Чѣмъ болѣе получалъ онъ съ царскихъ имѣній, отъ пошлинъ, рудниковъ, данью съ подчиненныхъ племенъ или военной добычей (съ македонянъ онъ не взымалъ прямыхъ податей),—тѣмъ болѣе онъ тратилъ и раздиривалъ; какъ ни сильно поднимались его доходы, однако при смерти его, наканунѣ великой войны, казна была совершенно пуста и обременена долгами. Филиппъ ведетъ смѣлую игру, въ которой рискуетъ своею жизнью, больше радуясь удачному ходу, чѣмъ доставляемому имъ выигрышу,—если только этотъ выигрышъ не позволяетъ повысить ставку. Филиппъ полными руками черпалъ изъ жизненной чаши.

Всего пріятнѣе чувствовалъ онъ себя въ самомъ пылу сраженія, а также на веселомъ пиру, гдѣ кругомъ ходили кубки съ цѣльнымъ виномъ. У кого здѣсь обнаруживалось природное остроуміе, кто дурачился всѣхъ сумасброднѣе, пѣлъ за столомъ самыя безпутныя пѣсни, тотъ и нравился ему всѣхъ больше: такіе люди сходились къ его двору со всей Греціи и получали богатыя награды. При этомъ не было и рѣчи о поддержаніи царскаго достоинства и приличія; Филиппъ не стѣснялся показываться въ пьяномъ видѣ передъ своими приближенными. Но все это были проявленія избытка силы; онъ любилъ того, кто съ пира шелъ за нимъ прямо въ бой и прокучивалъ добычу, отнятую у побѣжденнаго врага; напротивъ, для царя не было ничего противнѣе вялой изнѣженности, и онъ неумолимо наказывалъ за нее своихъ подчиненныхъ. Самъ, то утопая въ чувственныхъ удовольствіяхъ, то вслѣдъ за тѣмъ перенося всякіе труды и лишенія, онъ требовалъ того же и отъ тѣхъ, кто ему служилъ. Таковъ былъ обычай македонянъ. Но Филиппъ слѣдовалъ обычаю предковъ не только въ мимолетномъ наслажденіи виномъ, игрою и распутствомъ. Его не вразумили судьбы его дома и цареубійства, бывавшія нерѣдко слѣдствіемъ многоженства; вѣдь и самъ онъ погубилъ трехъ сводныхъ братьевъ, чтобы обезпечить себѣ престоль. Кромѣ Олимпіады, онъ имѣлъ еще шесть женъ. Часто онъ руководился при этомъ политическими соображеніями. Но и для Филиппа эта слабость стала роковою: семейныя несогласія навлекли на него преждевременную смерть отъ руки убійцы и поколебали все выведенное имъ зданіе. Своею невоздержностью и роскошью Филиппъ напоминалъ

варваровъ, отъ которыхъ недалеко ушли его подданные. Однако онъ умѣлъ вполне цѣнить духовное просвѣщеніе эллиновъ. Къ радости по поводу олимпійскихъ побѣдъ, въ честь которыхъ онъ велѣлъ даже чеканить монету, — могъ, конечно, въ сильной степени примѣшиваться политическій расчетъ. Поминки по Платонѣ, пріѣзды аѳинскихъ актеровъ и другихъ художниковъ также могли устраиваться только для того, чтобы выставить въ блестящемъ свѣтѣ македонскій дворъ, какъ прибѣжище музъ. Но съ другой стороны, своей столицей Филиппъ сдѣлалъ Пеллу и, что еще важнѣе, воспитателемъ своего сына и наследника избралъ Аристотеля и около него образовалъ изъ знатныхъ юношей разсадникъ эллинскаго просвѣщенія во всемъ мірѣ. Это — яркое доказательство того, какъ высоко цѣнилъ Филиппъ значеніе высшаго образованія, котораго былъ лишенъ самъ въ своей молодости. Въ самомъ себѣ онъ выше цѣнилъ тѣ успѣхи, которыми былъ обязанъ своему выдающемуся уму, чѣмъ подвиги физической силы и выигранныя сраженія.

Дѣйствительно, какъ дипломатъ, Филиппъ стоялъ еще выше, чѣмъ какъ полководецъ. Война всегда оставалась для него лишь средствомъ для достиженія политическихъ цѣлей. Къ силѣ онъ прибѣгалъ только тогда, когда переговоры и мирныя средства оказывались недостаточными. И какъ выгодно было для него, сравнительно съ враждующими между собою эллинами, подчинявшимися близорукимъ или корыстнымъ руководителямъ, то обстоятельство, что онъ одинъ былъ хозяиномъ какъ своего войска и своихъ средствъ, такъ и своихъ плановъ. Въ то время какъ греки совѣщались на открытой площади, Филиппъ

тщательно скрывалъ отъ всѣхъ свои планы и намѣренія, пока дѣло не было сдѣлано. Въ лукавствѣ онъ не имѣлъ себѣ равнаго. Никто не умѣлъ такъ затронуть слабую сторону противника и привлечь его обѣщаніями или услугами, разстроить заранѣе враждебный союзъ или воспользоваться въ своихъ видахъ существующими несогласіями, подобрать себѣ защитниковъ и сторонниковъ внутри воюющихъ государствъ. Такъ исподволь подготавливалъ онъ торжество своего оружія. Если не было возможности выполнить свое намѣреніе немедленно, Филиппъ выжидалъ болѣе удобнаго времени; неудача заставляла его не бросать свой планъ, а только откладывать его исполненіе.

Въ своей политикѣ Филиппъ руководился глубокимъ пониманіемъ партійныхъ отношеній въ эллинскихъ государствахъ, но въ этой политикѣ не было ни великодушія, ни честности. Филиппъ не уважалъ людей и смотрѣлъ на нихъ только какъ на свои орудія. Обѣщанія связывали его только до тѣхъ поръ, пока были для него выгодны. Со всякимъ противникомъ онъ вступалъ въ борьбу не прежде, чѣмъ удавалось привлечь и обойти его сладкими рѣчами, договорами или даже услугами. Онъ игралъ своимъ царскимъ словомъ и клятвами; страхъ передъ богами чужды былъ его душѣ, хотя по временамъ онъ и не брезговалъ лицемѣрною религіозностью, чтобы придать себѣ видъ человѣка благочестиваго. Такъ поступалъ Филиппъ и въ сношеніяхъ съ государствами и въ отношеніяхъ съ отдѣльными правителями и ораторами. Онъ всюду умѣлъ находить слабую струну: здѣсь онъ подкупалъ продажныхъ людей пенсіями и царскими подарками, тамъ привлекалъ довѣрчи-

выхъ любезностью, вниманіемъ къ чужимъ обычаямъ или содѣйствіемъ интересамъ партій и доставленіемъ прямыхъ выгодъ общинѣ. Онъ нуждался для своихъ цѣлей въ низкихъ людяхъ и нашелъ ихъ худшими, чѣмъ ожидалъ; поэтому ему удалось устранить всякое единодушіе эллиновъ въ сопротивленіи. Филиппъ охотно смотрѣлъ на льстивое преклоненіе предъ своимъ величіемъ, онъ ласкалъ и награждалъ предателей, но въ душѣ онъ презиралъ такихъ продажныхъ людей и, разъ они сдѣлали свое дѣло, равнодушно отъ нихъ отворачивался. Многимъ изъ нихъ пришлось отъ Филиппа очень плохо.

Такимъ образомъ Филиппъ оцѣнивалъ все съ точки зрѣнія своей выгоды и осуществленія своихъ плановъ. Отъ природы онъ былъ склоненъ къ состраданію и кротости и чуждъ жестокости и метительности. Ему очень хотѣлось прослыть другомъ эллиновъ, ихъ посредникомъ и миротворцемъ, и многіе города, — вспомнимъ только о Мегалополѣ, — долгое время спустя продолжали еще прославлять его какъ благодѣтеля. Но Филиппъ не рѣшался предоставлять полной самостоятельности своимъ союзникамъ: онъ сохранялъ вліяніе въ странѣ, на примѣръ въ Фессалии, или принималъ мѣры къ тому, чтобы его друзья и впредь не могли обходиться безъ его помощи. Ни одна община, разъ вступившая съ нимъ въ сношенія, не сохранила въ цѣлости своей чести, силы и внутренняго устройства. Система Филиппа заключалась въ томъ, чтобы выдвигать отдѣльныхъ правителей, которыхъ онъ поддерживалъ своимъ вліяніемъ, деньгами и, въ случаѣ нужды, наемниками. А если какой эллинскій городъ противодѣйствовалъ его намѣреніямъ, то Филиппъ не зналъ жалости: въ городѣ онъ

не оставлялъ камня на камнѣ, а жителей продавалъ въ рабство. Такъ было съ Потидеей, немного лучше съ Метоной; такая же участь должна была постигнуть Олинеъ и Халкидскіе города, а все населеніе Фокиды Филиппъ хладнокровно отдалъ въ жертву мести ожесточенныхъ враговъ.

Вопросъ былъ въ томъ, должны ли эллины видѣть въ Филиппѣ своего вождя и покровителя или противиться ему всѣми силами. Въ прежнее время, при болѣе здоровомъ строѣ народной жизни, на этотъ счетъ не могло бы возникнуть никакихъ сомнѣній, по крайней мѣрѣ въ руководящихъ государствахъ: челоуѣкъ, предложившій отказаться отъ полной самостоятельности и подчиниться иноземному государю, былъ бы немедленно побитъ камнями. Но ни для кого не было тайной, что времена измѣнились, что государства во внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ страдали такимъ разстройствомъ и разложениемъ, которое дѣлало очень сомнительнымъ исходъ борьбы противъ объединенной силы и послѣдовательности Филлипа. Немногіе чувствовали себя заинтересованными лично, когда какой-нибудь эллинскій городъ былъ обращаемъ въ развалины, а граждане его были изгоняемы съ родины или обращаемы въ рабство, или когда провозглашали Филиппа освободителемъ и благодѣтелемъ тамъ, гдѣ всѣ эллины должны были бы возстать противъ причиненнаго имъ зла. Да и тотъ, кто чувствовалъ и оплакивалъ это зло, не рѣшался воспротивиться всѣми силами его дальнѣйшему развитію. Иные надѣялись еще какъ-нибудь уцѣлѣть сами среди общей гибели, другіе, — и это были не всегда самые плохіе люди, — совсѣмъ отчаялись въ спасеніи отечества и считали

за лучшее покориться неизбежной судьбѣ. Такимъ образомъ аеиняне въ предпринятой ими войнѣ остались одни безъ сильныхъ союзниковъ, да и сами они были слишкомъ преданы удовольствіямъ, чтобы вѣрно оцѣнить значеніе противника и грозившей съ его стороны опасности. Не слѣдовало ли въ этомъ случаѣ государственному человѣку, ясно представлявшему себѣ положеніе дѣлъ, все свои силы употребить на то, чтобы во что бы то ни стало сойтись съ Филиппомъ и побудить своихъ соотечественниковъ содѣйствовать образованію великой эллино-македонской державы, вмѣсто того, чтобы послѣ безплодной борьбы пасть къ ея ногамъ съ разбитыми силами? Вотъ какой вопросъ напрашивался все яснѣе и настойчивѣе.

Кажется, человѣкъ, любившій свою родину и внимательно присматривавшійся къ характеру Филиппа, не могъ колебаться въ отвѣтѣ. Разрывъ со всеми преданіями прошлаго и отказъ отъ свободы и самостоятельности самъ по себѣ былъ нелегкою жертвою: народъ не можетъ отречься безнаказанно отъ своей исторіи, и благосостояніе Аеинъ было неразрывно связано съ ихъ независимостью. И что могли получить эллины взаменъ тѣхъ благъ, которыя ихъ предки купили своею кровью? Какъ бы мы ни были убѣждены въ томъ, что македонянамъ въ ряду историческихъ народовъ предназначена была Провидѣніемъ важная роль, мы не имѣемъ права относиться на этомъ основаніи съ высокомернымъ недружелюбіемъ къ тѣмъ эллинамъ, которые рисковали всею въ борьбѣ за національное существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, Филиппъ былъ только безсознательнымъ орудіемъ великихъ цѣлей: онъ не имѣлъ въ виду

упроченія народнаго благосостоянія, основой его дѣятельности былъ одинъ эгоизмъ, а его высшею цѣлью — его личное могущество и слава. Потому оружіемъ для него служила не истина, а ложь, не справедливость, а произволь и насиліе; потому онъ не старался пробудить въ эллинскихъ государствахъ благороднѣйшія силы и привлечь ихъ къ себѣ, а поощрялъ самыя низкія страсти и привлекалъ къ себѣ на службу продажныхъ ^{рѣз?} пэлателей; потому онъ не заботился о преобразованіи Греціи въ крѣпкій и здоровый организмъ, а старался только еще болѣе обострить въ ней вражду партій. И какой залогъ для будущаго представляло созданіе Филиппа? Настолько ли проченъ былъ въ Македоніи порядокъ престолонаслѣдія, чтобы, по смерти его, можно было заранѣе ожидать появленія Александра, которому съ большею смѣлостью мысли предстояло докончить дѣло, доведенное только до половины? Не слѣдовало ли скорѣе разсчитывать на появленіе уже по смерти Филиппа тѣхъ смуть и кровавыхъ раздоровъ, которые наступили по кончинѣ Александра?

Несомнѣнно, что хотя бы греки и ~~не~~ могли пожертвовать собою ради великой идеи, но рекомендовать имъ подчиненіе властолюбивымъ замысламъ Македоніи могло только близорукое ослѣпленіе или мрачное отчаяніе въ спасеніи родины или, наконецъ, позорное предательство. Но если Греціи суждено было еще впредь сохранить свою самостоятельность, то нужно было, прежде всего, устранить разслабленіе и разрозненность, отъ которыхъ она страдала. Задачи политика, поставившаго себѣ эту цѣль, заключались въ пробужденіи среди согражданъ духа единодушія и готовности къ жертвамъ и затѣмъ въ

объединеніи всѣхъ эллиновъ для борьбы за національную независимость, съ соблюденіемъ добросовѣстности во взаимныхъ обязательствахъ и съ пожертвованіемъ своими отдѣльными интересами. На это и были направлены стремленія Демосѣена.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ ДЕМОСӨЕНА.

(Schäfer. Demosthenes und seine Zeit, 1 Band).

Въ началѣ своей политической дѣятельности Демосөенъ какъ въ судебныхъ рѣчахъ, такъ и въ народномъ собраніи открыто и смѣло выступаетъ противъ вождей разныхъ партій и ихъ сторонниковъ, сначала по возможности не задѣвая личностей, но чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче и прямѣе. Онъ стоитъ еще одиноко: онъ не примкнулъ ни къ одной изъ старыхъ партій, ни къ спартанской, ни къ еиванской, его дѣятельность не сосредоточилась еще на какомъ-либо одномъ, жизненномъ для государства, вопросѣ, во имя котораго около него самого могла бы образоваться тѣсно сплоченная партія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни внимательно слѣдилъ Демосөенъ за успѣхами Филиппа, какъ ни настаивалъ онъ на энергичномъ веденіи войны противъ него, все-таки вліяніе Македоніи было еще не настолько распространено и сильно въ Греціи, чтобы борьба съ этимъ вліяніемъ и его сторонниками сосредоточила какъ бы въ одномъ фокусѣ всѣ стремленія Демосөена и людей дальновидныхъ. Вопросы о войнѣ и мирѣ съ персидскимъ царемъ, о союзѣ съ Мегалополемъ, о дѣлахъ Эракіи и восстановленіи свободы Родоса—на первый взглядъ мало имѣютъ между собою внутренней

связи, и ни одинъ изъ нихъ не вызванъ появленіемъ какой-нибудь новой силы на политическомъ горизонтѣ; скорѣе они вытекаютъ изъ прежнихъ отношеній Аѣинъ къ ихъ союзникамъ и къ другимъ государствамъ. Но ни одна изъ рѣчей Демосеена по всѣмъ этимъ вопросамъ не льститъ слабостямъ толпы и властителямъ минуты; съ глубокой проницательностью и благородствомъ Демосеенъ борется здѣсь противъ злоупотребленій, которыхъ не замѣчали сограждане, противъ предразсудковъ и страстей, руководившихъ ихъ рѣшеніями, борется большею частью безъ успѣха; такъ какъ аѣиняне еще не созрѣли для его совѣтовъ. Аѣинскій народъ слишкомъ легко позволяетъ себя морочить и увлекать пустыми словами; часто онъ награждаетъ высокими почестями людей недостойныхъ и принимаетъ подъ вліяніемъ мимолетнаго увлеченія неразумныя рѣшенія. Въ любой моментъ можно предложить ему новые законы, и они принимаются безъ надлежащаго разсмотрѣнія; суды отказались отъ прежней строгости: парюю хорошихъ остроумій виновный можетъ расположить судей въ свою пользу. Въ народномъ собраніи много рѣчей и рѣшеній, но дѣло останавливается на словахъ: никто не хочетъ исполнять своей обязанности, одинъ сваливаетъ ее на другого. Ораторы поддерживаютъ эту слабость народа и пользуются ею; они одни только и говорятъ въ собраніи, такъ какъ большинство гражданъ отказывается отъ права голоса, да едва ли и можетъ составить себѣ собственное мнѣніе, а слушаетъ только то, что говорятъ ораторы. Ораторы же обманываютъ и проводятъ совѣтъ и народное собраніе, стараются вкратѣ въ ихъ расположение и въ то же время совсѣмъ не обращаютъ

вниманія на благо государства и свою добрую славу. Они расхищаютъ общественныя деньги: казна пустѣетъ, а они ведутъ пышную и веселую жизнь. Есть цѣлая шайка такихъ негодяевъ, готовыхъ за деньги продать все: за деньги они готовы внести на обсужденіе и поддержать любое предложеніе; въ самыхъ Аѣинахъ они защищаютъ дѣло враговъ. Поэтому разумныя рѣшенія или отвергаются или плохо исполняются: аѣиняне всегда упускаютъ удобные случаи и спохватываются, когда уже слишкомъ поздно.

Несмотря на эти горькія жалобы, Демосеенъ не теряетъ мужества и не перестаетъ напоминать и ободрять. Въ самомъ дѣлѣ, при всей слабости и беззаботности, у народа есть разсудокъ и добрая воля; нужно только хорошо ими руководить и предлагать ихъ къ дѣлу. При своихъ финансовыхъ средствахъ, прекрасномъ войскѣ и флотѣ аѣинское государство можетъ еще занимать внушительное положеніе. Если аѣинянь легко увлечь, то съ другой стороны они доступны разумному совѣту и подчиняются благороднымъ рѣшеніямъ; позволяя часто обманывать себя видимостью, они, съ другой стороны, умѣютъ признавать и щедро награждать истинную заслугу, а это поддерживаетъ соревнованіе благородныхъ людей въ заботѣ объ общемъ благѣ. Мягкость и человѣколюбіе лежатъ въ самомъ характерѣ ихъ государственнаго строя: государство управляется не жестокостью и произволомъ, но согласно законамъ и по постановленіямъ гражданъ; и всѣ граждане пользуются одинаковыми правами и неограниченной свободой слова. Эта привязанность Демосеена къ обычаямъ и строю своего отечества, —

привязанность, которую поддерживало въ немъ преклоненіе предъ прежнимъ величіемъ Аѳинъ, не будетъ удивлять насъ, если мы сравнимъ дѣйствительное положеніе другихъ эллинскихъ государствъ его времени съ положеніемъ Аѳинъ. Нигдѣ въ Греціи не существовало наслѣдственной монархіи, которая стояла бы на стражѣ закона и охраняла бы общественное благосостояніе во имя долга, возложеннаго на нее волею божества. Дворы князей Македоніи и Фракіи еще очень недавно представляли отталкивающую картину страшныхъ раздоровъ и кровавыхъ ужасовъ. Пользовалось почетомъ имя государей боспорскихъ, но у нихъ, кромѣ эллиновъ, были подъ властью и варвары, да и положеніе ихъ государства вообще требовало большаго сосредоточенія силы. Власть тирановъ въ Греціи тѣсно связана была въ общемъ мнѣніи съ понятіемъ произвола и насильственнаго захвата; не менѣе тяжело давилъ подданныхъ гнетъ олигархіи. Какое бы удивленіе ни возбуждала Спарта съ ея аристократическимъ строемъ, созданнымъ Ликурговыми законами, все же и Спарта была теперь только тѣнью прежняго своего величія: мѣсто старой простоты нравовъ и дисциплины заняло корыстолюбіе и безпутство, тонъ давали распутныя женщины, землевладѣніе сосредоточилось въ рукахъ немногихъ, масса была въ нищетѣ; страна платилась за униженное положеніе крѣпостныхъ. Однимъ словомъ, куда бы ни взглянулъ Демосѳенъ, онъ не могъ не отдать предпочтенія своей родинѣ, не могъ не поставить ей задачей защищать свободу эллиновъ отъ опасностей, угрожавшихъ этой свободѣ.

Поэтому Демосѳенъ старается ободрить своихъ согражданъ, пробудить въ нихъ энергію ссылками

на примѣръ предковъ или на великодушныя рѣшенія послѣдняго времени. Поэтому онъ настаиваетъ и на охраненіи основъ государства. Эти основы составляютъ законы и суды: разъ ослабѣваетъ дѣйствіе старыхъ, испытанныхъ законовъ или они подвергаются легкомысленнымъ измѣненіямъ, государство идетъ къ гибели; разъ судебное рѣшеніе утрачиваетъ свое рѣшающее значеніе, разрушается государственное устройство. Поэтому граждане обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не нарушалъ и не искажалъ законовъ. Вообще въ политической жизни слѣдуетъ руководиться страхомъ Божиимъ, умѣренностью и нравственностью: источникомъ всякаго зла служить нежеланіе поступать справедливо. Предковъ возвеличило то, что они соперничали въ чести и доблести и охотно жертвовали временными благами. Напротивъ, если народъ ввѣряется порочнымъ вождямъ, онъ долженъ сбиться съ пути и рискуетъ или присутствовать при захватѣ власти этими вождями, — такъ какъ порокъ не выносить свободного слова, — или же самъ быть увлеченнымъ на ложный путь. До какой степени могло бы возвыситься афинское государство, если бы всѣ наперерывъ старались содѣйствовать общему благу! Вѣдь средства къ развитію благосостоянія и могущества — всѣ налицо. Военный флотъ не имѣетъ себѣ равнаго среди эллиновъ и никогда не былъ сильнѣе, чѣмъ именно теперь. Отъ состоянія флота всего болѣе зависитъ благо и несчастіе государства; потому его слѣдуетъ поддерживать и усиливать, особенно же стараться о томъ, чтобы наличныя силы постоянно были въ готовности. Для этого слѣдуетъ преобразовать податное устройство, уменьшить тяжесть на-

логовъ, облагая каждого по его имуществу При этихъ условіяхъ, если каждый будетъ исполнять свой долгъ, Аѣины могутъ быстро вмѣшаться, гдѣ понадобится, и послужить для всѣхъ эллиновъ защитой въ опасности.

Призваніе Аѣинъ—охранять право и миръ среди раздѣленныхъ раздорами эллиновъ, не допускать чрезмѣрнаго усиленія ни Спарты, ни Фивъ, но оберегать слабѣйшихъ отъ угнетенія и всегда защищать притѣсненныхъ. Ни въ какомъ случаѣ не должны аѣиняне допускать подчиненіе эллиновъ власти варваровъ. Всѣ присоединятся къ этой справедливой и честной политикѣ, хотя иные сдѣлаютъ это только потому, что всякій въ извѣстной степени стыдится открыто высказываться за неправое дѣло. Если какое государство находится въ опасности и нуждается въ помощи, то не слѣдуетъ напоминать ему о прежнемъ злѣ: отказъ изъ-за старыхъ обидъ отъ помощи въ настоящемъ не ведетъ ни къ чему хорошему и только впутываетъ въ безконечныя распри. Потому аѣинянамъ слѣдуетъ въ Пелопонесѣ поддерживать миръ и защищать Мегалополь отъ мщенія спартацевъ, во Фракіи не оставлять мелкихъ князей на произволь Керсоблепта, на Родосѣ помогать угнетенному народу и его изгнаннымъ вождямъ и отражать притязанія князей Кафѣи. На ѣиванцахъ, вслѣдствіе ихъ безмѣрнаго властолюбія и жестокаго опустошенія старыхъ городовъ Беотіи, тяготѣетъ заслуженная ненависть; но изъ-за этого не слѣдуетъ забывать, что аѣиняне и ѣиванцы снова могутъ выступить сообща противъ общаго врага. Съ варварами ѣиванцы никогда уже болѣе не вступятъ въ союзъ противъ эллиновъ; напротивъ, они ищутъ

случая заглядить свою прежнюю вину передъ со-
племенниками. Союзъ съ вождями фокидцевъ, хотя
и выгодный при данныхъ обстоятельствахъ, все-таки
вызываетъ сомнѣніе: ихъ никогда нельзя считать
надежными союзниками аѣинскаго народа. Наконецъ,
Аѣинамъ слѣдуетъ не начинать безъ нужды внѣшней
войны, поддерживать миръ съ царемъ персидскимъ
и предоставить ему свободу дѣйствія въ его царствѣ;
Аѣины должны ожидать нападенія вооруженными
и готовыми къ борьбѣ и оказывать рѣшительное
сопротивленіе всякому открытому врагу. Нарушенія
своихъ правъ Аѣины не должны допускать; спокойно
смотрѣть на несправедливыя притязанія значить
выказывать не справедливость, а трусость: право
государствъ соразмѣряется съ проявляемою ими
силою.

Вотъ основныя начала, выражаемыя Демосѣеномъ.
Онъ рекомендуетъ ихъ аѣинскому народу послѣ
глубокаго изслѣдованія каждаго вопроса, прямо и
добросовѣстно, безъ всякихъ себялюбивыхъ побужде-
ній. Онъ могъ съ чистою совѣстью подвести итогъ
своимъ честнымъ стремленіямъ, какъ ни горько было
ему сознавать, что будущее оправдало всѣ его опа-
сенія и взрастило то зло, которое онъ хотѣлъ пре-
дотвратить. Войны съ Персіей, согласно совѣту Де-
мосѣена, удалось избѣжать; но въ Пелопонесѣ, во
Ѳракіи, на Родосѣ аѣиняне не поняли своей задачи;
ослѣпленіе и безпечность ихъ въ этихъ важныхъ
случаяхъ проложили путь царю Македоніи, поста-
вившему себѣ цѣлью сдѣлаться посредникомъ и во-
ждемъ эллиновъ.

V. АѢИНСКІЯ ПАРТІИ ВЪ 340 ГОДАХЪ.

(*Курційсъ*. Греческая исторія. Т. III).

При заключеніи Филократова мира предостерегающій голосъ Демосеена не подѣйствовалъ на аѢи-нянъ; они желали быть обманутыми и вслѣдствіе того охотно слушали такихъ людей, какъ Эсхинъ и Эвбуль. Впрочемъ ихъ городъ, болѣе чѣмъ всякій иной, имѣлъ и другія причины искренно желать мира. Бѣднымъ миръ доставлялъ неограниченное наслажденіе праздниками; богачи и среднее сословіе, привлеченное теперь къ отправленію общественныхъ повинностей, радовались прежде всего тому, что не слышать ничего ни о военныхъ налогахъ, ни о снаряженіи кораблей.

Свободная морская торговля была выгодна не для однихъ только судохозяевъ и крупныхъ торговцевъ, но и для cadaго жителя АѢинъ, такъ какъ въ этомъ огромномъ городѣ, принужденномъ постоянно покупать чужой хлѣбъ, отъ морской торговли зависѣли цѣны на необходимые жизненные припасы. Кромѣ того АѢины еще продолжали быть мѣстомъ, гдѣ можно было всегда найти самыхъ лучшихъ художниковъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ; здѣсь можно было достать всѣ предметы роскоши, и потому ни одинъ

городъ не имѣлъ столько убытковъ отъ войны и столько выгодъ отъ мира, какъ Аѣины. Послѣ долгаго промежутка снова отворились закрытыя сѣверныя гавани; при быстро усиливавшейся эллинизациі Македоніи и при возрастаніи денежныхъ средствъ, здѣсь замѣтно увеличился спросъ на произведенія греческой промышленности. Дворъ Филиппа снова дѣлалъ свои заказы въ Аѣинахъ. И въ Греціи послѣ разграбленія дельфійскаго храма явилось въ оборотѣ множество золота и серебра, лежавшихъ тамъ цѣлые вѣка въ видѣ мертваго капитала. Благодаря всему этому, цѣны должны были вообще подняться и жизнь вздорозать. Аѣиняне же тѣмъ болѣе должны были заботиться о торговыхъ и промышленныхъ прибыляхъ, что ихъ мѣстные источники дохода стали уменьшаться. Разрушеніе ихъ морского господства необходимо должно было тяжело отозваться на благосостояніи гражданъ, и въ то время, какъ въ горныхъ залежахъ Эракіи открылись неподозрѣваемые дотолѣ богатства, серебряныя жилы Лавріона стали истощаться. «Какъ безумно, — говорится въ современномъ сочиненіи о доходахъ, — разсуждаютъ тѣ, кто думаетъ, будто миръ вредитъ славѣ и значенію Аѣинъ! Во время войны городъ подвергается только униженіямъ и презрѣнію, между тѣмъ какъ въ мирное время нѣтъ ни одного сословія, которое не нуждалось бы въ немъ. Судохозяева и купцы, хлѣбные торговцы, винодѣлы и маслодѣлы, овцеводы, затѣмъ всякій, кто обладаетъ духовнымъ капиталомъ, какъ-то: художники, философы, поэты, всякій, желающій усладить зрѣніе и слухъ искусствомъ, наконецъ всѣ дѣловые люди, отыскивающіе рынокъ для быстрой продажи или покупки, — всѣ они принуждены обра-

щаться къ Аѣинамъ. Короче сказать, во время войны Аѣины бѣдны и слабы, а во время мира онѣ велики и могущественны и составляютъ всеми признаваемый центръ образованнаго міра. Потому политика Аѣинъ должна быть политикою мира; онѣ не должны выступать впередъ съ насиліемъ и оскорбительными притязаніями на власть, но посредствомъ благодѣяній стараться привлекать къ себѣ сосѣднія государства; онѣ должны пріобрѣтать вліяніе безъ денежныхъ жертвъ и военныхъ бѣдствій, а посредствомъ посольствъ, и ими добывать для себя союзниковъ». Это была политика конгрессовъ, предложенная Эвбуломъ и Эскиномъ, и въ этомъ смыслѣ авторъ надеется, что новое столкновеніе съ Дельфами будетъ благополучно улажено, а самостоятельность храма будетъ восстановлена безъ всякой борьбы. Такимъ образомъ Эвбулова политика мира, выраженная въ сочиненіи, приписываемомъ Ксенофонту, съ своими планами и надеждами продолжается до времени священной войны.

По окончаніи ея развилась другая политика мира. Въ это время Исократъ написалъ свою рѣчь къ Филиппу.

И онъ также ратуетъ противъ злополучныхъ демагоговъ, постоянно старающихся впутать городъ въ войну, чтобы возвратить ему положеніе, безвозвратно потерянное имъ и никогда не составлявшее для него истиннаго счастья, такъ какъ оно всегда основывалось на несправедливости и могло поддерживаться только насчетъ его благосостоянія, съ помощью желѣза и крови. Поэтому Исократъ проклиналъ уже войну за Амфиполь и всячески старался поддерживать начатые наконецъ переговоры о мирѣ.

Македонское могущество кажется ему началомъ лучшей будущности. Эллинскія республики непримиримо враждуютъ одна съ другою; нуженъ великій человекъ, герой, который долженъ стоять выше партій и соединить государства. Провидѣніе не разъ уже указывало на подобнаго человека; Архидамъ, Язонъ, Діонисій были, казалось, призваны къ этому. Наконецъ дѣйствительно появился такой человекъ, въ историческомъ призваніи котораго невозможно сомнѣваться, такой же государь изъ племени Гераклидовъ, какъ и Архидамъ. Онъ—новый Агамемнонь, который поведетъ эллиновъ на борьбу противъ ихъ наслѣдственнаго врага. Ему слѣдуетъ довѣрять и не слушать ораторовъ, клеветующихъ на него и наносящихъ этимъ величайшій вредъ отечеству. Если Филиппъ и сдѣлалъ зло нѣкоторымъ эллинамъ, то это было слѣдствіемъ неблагоприятно питаемой вражды. Жестока война, а не царь Македоніи. Такимъ образомъ съ лицомъ Филиппа Исократъ соединяетъ свои національныя надежды и потому вступаетъ съ нимъ въ непосредственныя сношенія, умоляетъ его не слишкомъ подвергать опасности свою особу и проситъ его не гнѣваться на Аѣины за поступки его противниковъ. Филиппъ долженъ упрочить заключенный миръ и затѣмъ снова начать давно уже прерванную національную войну, успѣхъ которой несомнѣненъ при слабости персидскаго царства, доказанной Киромъ и Агезилаемъ. То была старая кимоновская политика—прекращать внутренніе раздоры посредствомъ войны съ Персіей: идея, уже не разъ развивавшаяся, какъ благодарный сюжетъ для оратора, въ общественныхъ праздничныхъ рѣчахъ другими представителями краснорѣчія, а именно

Горгіемъ и Лизіемъ, но теперь снова получившая политическое значеніе благодаря Исократу.

Наконецъ, была еще третья партія, ратовавшая за миръ не изъ патріотическихъ цѣлей и не ради всеобщаго благосостоянія, а вслѣдствіе своихъ отношеній ко двору Филиппа. Можно навѣрное предполагать, что съ того времени, какъ аѣинскіе граждане сдѣлались для Филиппа предметомъ напряженнаго вниманія (слѣдовательно со времени спора за Амфиполь) у него были въ Аѣинахъ свои люди, старавшіеся, ради его интересовъ, удерживать гражданъ отъ энергическихъ рѣшеній, укрѣплять въ нихъ легкомысленное довѣріе къ царскимъ обѣщаніямъ и рабскою услужливостью пріобрѣтать благодарность Филиппа. Они возбуждали и эксплуатировали всякое настроеніе, соотвѣтствовавшее цѣлямъ Филиппа, какъ воинственное, такъ и миролюбивое; они все смѣлѣе обнаруживали свой образъ мыслей по мѣрѣ того, какъ все ближе и ближе чувствовалось могущество македонскаго царя. Вѣдь хвастался же Филократъ передъ всѣмъ народомъ полученными имъ деньгами и открыто пользовался богатствомъ, которымъ былъ обязанъ милости Филиппа! Другіе въ подобныхъ случаяхъ поступали осторожнѣе. Но и Эсхинъ получилъ также помѣстья въ Македоніи; и онъ сталъ теперь открыто держать сторону Филиппа и ждалъ всякаго благополучія отъ того самаго человека, на котораго незадолго передъ тѣмъ напалъ, какъ на злѣйшаго врага Аѣинъ. Эти люди, а также и приверженцы ихъ партій, поступали такъ, какъ будто бы всѣ другіе заблуждались, а они одни были истинные государственные люди и самые вліятельные политики того времени.

Итакъ по заключеніи мира мы находимъ въ Аѳинахъ три политическихъ направленія, которыя можно назвать эвбуловскимъ, исократовскимъ и филократовскимъ. Эти три партіи, несмотря на все различіе своихъ воззрѣній, сходились между собою въ томъ, что считали заключенный миръ счастіемъ для города, а всякаго, грозившаго его сохраненію, старались представить врагомъ отечества. Въ своемъ «Филиппѣ» Исократъ ратуетъ противъ «бѣснующихся на ораторской каѳедрѣ, противъ завистниковъ могущественнаго царя, неотступно подозрѣвающихъ его, приводящихъ городъ въ волненіе, видящихъ во всеобщемъ мирѣ ловушку для свободы, говорящихъ такъ, какъ будто могущество царя возрастаетъ не для Эллады, а противъ нея, какъ будто онъ, устроивъ фокейскія дѣла, преслѣдуетъ лишь ту цѣль, чтобы покорить всю Грецію, и проповѣдующихъ разныя другія глупости, притомъ съ такою увѣренностью, какъ будто все имъ доподлинно извѣстно». Такъ могъ говорить аттическій патриотъ, уважаемый глава большого кружка, изображая политику Демосѳена; въ то же время осуждали Демосѳена и подкупленные приверженцы партій, называя его одною изъ безпокойныхъ головъ, мѣшающихъ великодушному царю исполнять свои доброжелательныя къ Аѳинамъ намѣренія. Между тѣмъ Демосѳенъ не былъ такъ одинокъ, и положеніе его не было такъ безнадежно, какъ это могло показаться. Дѣятельность его была не напрасна, а уваженіе къ нему увеличивалось. Между тѣмъ какъ старому Исократу, пережившему всѣ бѣдствія пелопонесской войны, вся исторія аттическаго государства представлялась какъ бы законченнымъ процессомъ, не

могшимъ уже начаться снова, подросло молодое поколѣніе, воспламенявшееся отъ словъ Демосѣена. Даже обстоятельства того времени были ему на руку, такъ какъ они выясняли по крайней мѣрѣ положеніе вещей и разрушали обманчивыя представленія. Кстати ли было теперь обольщаться тѣмъ, будто съ помощью посольствъ и мирныхъ договоровъ можно удержать царя, какъ того хотѣли сторонники Эвбула! Что же касается надеждъ Исократы, то въ разрушеніи фокейскихъ городовъ, послѣдовавшемъ тотчасъ по отсылкѣ его рѣчи, заключался царскій отвѣтъ на его просьбу; страшныя халкидскія событія (разрушеніе Олинеа) повторились въ сердцѣ Греціи. Могъ ли теперь трезвый человѣкъ вѣрить тому, будто Филиппъ дѣйствительно ничего больше не желаетъ, какъ только быть предводителемъ эллиновъ въ національномъ походѣ? Прочіе приверженцы Филиппа, державшіе себя съ такою гордостью, какъ будто игра была уже выиграна, должны были, благодаря своему измѣнническому направленію, потерять уваженіе во всѣхъ кружкахъ, гдѣ еще дорожили эллинскою гражданскою доблестью. Даже менѣе виновные изъ нихъ являлись въ глазахъ народа себялюбивыми, безхарактерными, измѣнчивыми людьми, ненадежными переметчиками, которые зачастую обманывали своихъ согражданъ посредствомъ выдумокъ и ложныхъ увѣреній. Какъ можно было теперь допускать ихъ вліяніе на общественныя дѣла!

Слѣдовательно, Демосѣенъ долженъ былъ возвыситься въ общемъ мнѣніи передъ всѣми тремя партіями мира, и немедленно послѣ самаго тяжкаго пораженія, нанесеннаго его политикѣ, личность его

сильнѣе прежняго выдвинулась изъ среды гражданъ. Онъ заслужилъ довѣріе не только у молодежи, но даже и у пожилыхъ людей. Такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что съ македонской стороны ни одному голосу не придавали ббльшаго значенія, то независимость его характера, недоступная никакимъ искушеніямъ, и непоколебимая твердость его личныхъ убѣжденій должны были постоянно усиливать уваженіе къ нему. Демосеенъ одинъ остался вѣренъ себѣ; онъ одинъ неутомимо трудился для города, онъ имѣлъ связи съ торговыми людьми во Фракии, Македоніи, Фессаліи, онъ всегда лучше всѣхъ зналъ дѣло, и если нѣкоторое время онъ вѣрилъ въ возможность почетнаго мира, то теперь пріобрѣлъ болѣе ясный взглядъ на положеніе дѣла. Если же, несмотря на все это, Демосеенъ по случаю послѣдняго посольства снова совѣтовалъ миръ, то и эта мирная рѣчь была въ сущности воззваніемъ къ войнѣ, но къ войнѣ обдуманно подготовленной, въ которой аеиняне не возстановили бы противъ себя существующій союзъ, и которая началась бы не изъ-за амфиктіонійскихъ нововведеній, долженствовавшихъ рушиться вмѣстѣ съ властью Филиппа, но при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, — къ войнѣ за необходимые и существенные интересы Аеинъ. Подготовку къ этой рѣшительной борьбѣ Демосеенъ оставляетъ съ неуклонной энергіей. Всего важнѣе было укрѣпить убѣженіе въ ея необходимости, завязать союзы и увеличить военныя силы.

Городскія средства были все еще довольно значительны; государство было бѣдно вслѣдствіе плохого финансоваго управленія, но народъ былъ относительно богатъ, такъ что Демосеенъ могъ вполне

справедливо сказать своимъ согражданамъ: «Взгляните, аѣинскіе мужи, на свой городъ! Въ немъ столько же богатствъ, сколько ихъ, смѣю сказать, во всѣхъ другихъ городахъ, взятыхъ вмѣстѣ». Точно также здѣсь не было недостатка и въ духѣ общественности. Называли людей, которые отличились своею готовностью къ жертвамъ при отбываніи триерархіи. Кромѣ того, немедленно по заключеніи мира начали заботиться объ отдѣлкѣ военныхъ гаваней, о постройкѣ новыхъ корабельныхъ верфей и арсенала, который сталъ предметомъ патріотической гордости аѣинянъ. Вообще послѣ униженія, вынесеннаго аѣинянами вслѣдствіе Филократова мира и гибели Фокиды, мы замѣчаемъ проявившееся въ различныхъ сферахъ искреннее стремленіе исправить общественный бытъ и уничтожить злоупотребленія демократіи, — стремленіе, похожее на то, какое обнаружилось послѣ господства тридцати. Стало быть, между гражданами были еще достойные люди, здраво судившіе о благосостояніи родного города и горячо заботившіеся о немъ, не отчаиваясь въ его будущности.

Демосѣенъ съ самаго начала не былъ человѣкомъ партіи. Это была необычайно самостоятельная натура; онъ шелъ обыкновенно собственнымъ путемъ и вѣрилъ въ силу истины, которой граждане необходимо должны будутъ наконецъ подчиниться. Но при этомъ естественно было, что его воззрѣнія сходились иногда съ воззрѣніями старѣйшихъ партій города. Такъ, съ бѣотійской партіей онъ раздѣлялъ любовь къ конституціи, духъ предприимчивости и рѣшимость не давать надъ собою перевѣса Спартѣ. Съ другой стороны, онъ приближался къ

Каллистратовой политикѣ равновѣсія и раздѣляль его нелюбовь къ Беотіи; эта нелюбовь постоянно усиливалась и распространялась въ Аѣинахъ послѣ переговоровъ еиванцевъ съ Персіею и въ продолженіе фокидской войны. Въ рѣчи за Мегалополь Демосеенъ выставляетъ основнымъ положеніемъ аттической политики—не давать усиливаться ни Спартѣ, ни Фивамъ, а въ рѣчи противъ Аристократа онъ могъ даже, съ своей точки зрѣнія, разсматривать раздоръ между эллинами, какъ счастье для аѣинянъ. Но постепенно все это измѣнилось. Чѣмъ тяжеле становились времена, тѣмъ болѣе Аѣины, какъ и въ эпоху персидскихъ войнъ, дѣлались главнымъ гнѣздомъ всѣхъ свободныхъ стремленій; эгоистическіе взгляды на прочія государства все болѣе и болѣе отступали назадъ, и все сильнѣе выдвигалась впередъ національная идея, образовавшая наконецъ вокругъ Демосеена особую партію.

Къ нему примкнули люди, возбужденные его рѣчами и дѣлами или преслѣдовавшіе тѣ же самыя цѣли по собственному побужденію,—люди, въ которыхъ снова возродился духъ лучшихъ временъ, ораторы и политики съ истинно республиканскимъ характеромъ, бдительно охранявшіе, подобно Демосеену, и внутри и извнѣ честь города. Изъ числа ихъ наибольшее значеніе имѣли Ликургъ и Гиперидъ.

Ликургъ былъ немного старше Демосеена; онъ принадлежалъ къ старинному жреческому роду и былъ аттическимъ дворяниномъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Великодушный и вѣрный преданіямъ своей родины, онъ былъ какъ будто перенесенъ въ настоящее изъ лучшаго прошлаго. Но онъ не былъ ни чуждъ, ни враждебенъ этому настоящему. Отличаясь

чрезвычайной умѣренностью, онъ былъ склоненъ къ миру и соглашенію, хотя крайне строго относился и къ самому себѣ и къ другимъ. Вообще Ликургъ ненавидѣлъ всякія козни, былъ прямодушенъ, простъ и богобоязненъ, исполненъ честнаго патріотическаго чувства и уже поэтому являлся рѣшительнымъ противникомъ Македоніи, хотя и не принадлежалъ къ народной партіи, а отличался, напротивъ того, аристократическимъ направленіемъ. Это была идеалистическая натура. Восторженно увлекался онъ древними поэтами, отлично понималъ пластическое искусство, поклонялся Платону, что впрочемъ не мѣшало ему принимать дѣятельное участіе въ общественной жизни. Онъ чрезвычайно добросовѣстно изучилъ ораторское искусство и, сдѣлавшись ораторомъ, употреблялъ свое вліяніе на то, чтобы неутомимо выяснять всѣ недуги государства, карать измѣну и безнравственность, поддерживать хорошее дѣло и настаивать на необходимости дисциплины и порядка какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни.

Гиперидъ принадлежалъ также къ знатной семьѣ и былъ энергическимъ поборникомъ національной независимости; но во всемъ остальномъ онъ представлялъ совершенную противоположность Ликургу. Это была чувственная натура, лишенная нравственной выдержки и неумѣренно преданная наслажденіямъ, хотя и обладавшая при этомъ духовной гибкостью Алкивіада. Это былъ человекъ съ сильной душою и гораздо бѣльшими природными способностями къ ораторству, чѣмъ Ликургъ, — человекъ, умѣвшій быстро и ловко связывать мысли и удачно выражать ихъ, свѣжій, естественный и необыкновенно остроумный.

Такимъ образомъ Демосеенъ, одиноко стоявшій въ теченіе многихъ лѣтъ, увидѣлъ себя теперь окруженнымъ значительною группою единомышленниковъ. Серьезность положенія оказала свое дѣйствіе. Требования его были такъ ясны и неопровержимы, что лица самыхъ разныхъ направленій, аристократы и демократы, философы и свѣтскіе люди, идеальныя и чисто практическія натуры, безъ всякаго предварительнаго уговора сошлись въ общихъ воззрѣніяхъ. Конечно, какъ это необходимо въ жизни партій, здѣсь сошлось много людей, первоначально не имѣвшихъ между собой ничего общаго, много порочныхъ личностей примкнуло къ безупречному Демосеену; но ужъ и то было большимъ успѣхомъ, что вмѣсто тупого равнодушія, господствовавшаго до тѣхъ поръ, въ Аѣинахъ образовались рѣзкія противоположности. Треть фракціямъ мирной партіи противустала теперь партія патріотовъ, считавшая Демосеена своимъ передовымъ бойцомъ.

Но чѣмъ болѣе формировалась въ Аѣинахъ національная партія, тѣмъ неизбѣжнѣе становилась борьба между нею и ея противниками. Особенно трудно было терпѣть, чтобы приверженцы царя считались попрежнему честными людьми среди гражданъ. Слѣдовало рѣзко отдѣлить правду отъ лжи и поддержать расшатанную общественную совѣсть. Для этого должны были послужить суды, столь тѣсно связанные у аѣинянъ съ общественною жизнью; отъ судовъ ожидали обыкновенно въ Аѣинахъ послѣдняго рѣшенія и въ политическихъ распряхъ. Пренія, не поконченныя въ народномъ собраніи, снова поднимались въ общественныхъ процессахъ; судебный приговоръ долженъ былъ установить, что граждане

были страшно обмануты своими уполномоченными, а это должно было принудить толпу навсегда отказаться отъ подобныхъ вождей. Слѣдовательно, процессы противъ пословъ были начаты не изъ мелочной мстительности и не изъ-за личныхъ видовъ: это не были бесполезныя перебранки изъ-за поконченныхъ уже безвозвратно дѣлъ, но состязаніе, необходимое для того, чтобы выяснить взгляды партій и показать аеинянамъ въ настоящемъ свѣтѣ какъ миротворцевъ, такъ и самый миръ.

Демосеенъ положилъ начало дѣлу, призвавъ къ отвѣтственности Эсхина. Обыкновенная форма состояла въ томъ, что въ продолженіе тридцати дней по окончаніи срока извѣстной службы контрольная власть предлагала запросъ всѣмъ гражданамъ, не можетъ ли кто изъ нихъ указать на замѣченныя имъ упущенія по службѣ. Демосеенъ подалъ жалобу и обязался вмѣстѣ съ Тимархомъ, также подписавшимся подъ нею, привести доказательства того, что Эсхинъ исполнилъ обязанность посла несогласно съ долгомъ и совѣстью.

Демосеенъ имѣлъ полное основаніе рассчитывать на успѣхъ, но онъ соединился съ человѣкомъ, не имѣвшимъ съ нимъ ничего общаго, кромѣ ближайшей цѣли партіи; и это сообщество принесло большой вредъ всему дѣлу. Тимархъ былъ человѣкъ очень легкаго поведенія, публично оскорблявшій благопристойность, и какъ ни мало эти недостатки его характера относились къ разбиравшемуся дѣлу, тѣмъ не менѣе Эсхинъ сумѣлъ очень хитро воспользоваться такимъ обстоятельствомъ. Старательно собралъ онъ всѣ скандальныя исторіи, какія только могъ найти, изъ безпутной юности Тимарха и, въ

лицемѣрно-добродѣтельнымъ рвеніи, напалъ на него такъ сильно, что его объявили лишеннымъ гражданскою чести. Слѣдствіемъ этого было то, что жалоба была сочтена недѣйствительною, и что не только Эскинъ возвысился во мнѣніи многихъ гражданъ, но даже на Демосѣена и на его дѣло, благодаря его сообщничеству съ безпутнымъ человѣкомъ, легла нѣкоторая тѣнь. Маневръ Эскина имѣлъ полный успѣхъ. Приверженцы Филиппа снова исполнились самоуверенности, а царь, конечно съ помощью всякихъ новыхъ обѣщаній, не упустилъ случая ободрить своихъ сторонниковъ. Они рѣшились снова открыто высказаться за него; уже самъ Эскинъ въ своей рѣчи противъ Тимарха указываетъ опять на благонамѣренные замыслы Филиппа и при этомъ удобномъ случаѣ ратуетъ также противъ Демосѣена, выставляя его человѣкомъ опаснымъ для города и вредно дѣйствующимъ на юношество. Вся эта рѣчь носила рѣзкій отпечатокъ партійности, и Эскинъ находился здѣсь въ своей настоящей сферѣ, разыгрывая съ пріобрѣтеннымъ имъ на кафедрѣ паѳосомъ роль проповѣдника нравственности, чтобы подъ этою личною успѣшно защитить себя отъ нападений національной партіи.

Успѣхъ Эскина не могъ однакоже быть окончательнымъ: это было не болѣе, какъ перемиріе. По осужденіи Тимарха Демосѣенъ не думалъ отказываться отъ своей жалобы, и если онъ не тотчасъ же представилъ ее снова, то это потому, что онъ ожидалъ болѣе благопріятной минуты для продолженія процесса. Рѣшеніе такихъ процессовъ, при устройствѣ аттическаго суда присяжныхъ, совершенно зависѣло отъ настроенія гражданъ, и Демосѣенъ могъ

разсчитывать на то, что вскорѣ случится многое такое, что сдѣлаетъ несомнѣнною вину Эсхина. Довольно подозрительно было уже то, что Эсхинъ вздумалъ протестовать, когда Демосеенъ, по окончаніи второго посольства, представилъ въ контрольное учрежденіе отчетъ; Эсхинъ утверждалъ, что для этого посольства не нужно особеннаго отчета; оно де не болѣе, какъ продолженіе перваго, и основано на одинаковыхъ съ нимъ наказахъ. Такое мнѣніе, какъ и слѣдовало ожидать, было отвергнуто властями; непосредственное начальство, вѣроятно, отобрало отчетъ и у Демосеена и у другихъ пословъ, между тѣмъ какъ жалоба противъ Эсхина разсматривалась въ судѣ. Ближайшіе годы еще болѣе ослабили уваженіе къ Эсхину. Очень дурной свѣтъ бросило на него то, что онъ принялъ участіе въ нѣкоемъ Антифонѣ, схваченномъ по настоянію Демосеена вслѣдствіе падавшаго на него сильнаго подозрѣнія, что онъ состоялъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ македонянами и обязался за золото Филиппа поджечь корабельныя верфи въ Пиреѣ. Эсхинъ объявилъ поступокъ Демосеена, дѣйствовавшаго здѣсь, безъ сомнѣнія, въ качествѣ должностнаго лица, за противузаконное превышеніе власти и за оскорбленіе гражданской свободы и права домашняго убѣжища; онъ сумѣлъ склонить на свою сторону народное собраніе и добиться оправданія обвиняемаго, хотя тотъ и былъ вычеркнутъ изъ списка гражданъ. Но тутъ въ дѣло вмѣшался ареопагъ, выступившій впервые съ особенными полномочіями. По распоряженію ареопага Антифонъ былъ снова схваченъ, подвергнутъ суду присяжныхъ, изобличенъ и казненъ.

Новый ударъ, постигшій македонскую партію,

исходилъ отъ Гиперида; именно, онъ привлекъ въ это время къ суду Филократа, самаго наглаго, дерзкаго и неосторожнаго приверженца Македоніи въ Аѣинахъ. Дѣло было поведено не обыкновеннымъ законнымъ путемъ, но, — въ видѣ «эйсангеліи» или доноса, — непосредственно представлено народному собранію, чтобы возстановить всѣхъ гражданъ противъ оратора, дававшего имъ совѣты вредные для интересовъ города и состоявшаго на жалованьи у чужеземцевъ. Было указано на вредъ, принесенный городу обманчивыми посольскими отчетами Филократа, и такъ какъ сужденіе объ его личности уже установилось, то онъ, несмотря на содѣйствіе Эсхина, не могъ отразить направленнаго противъ него удара. Онъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ, прежде чѣмъ состоялся приговоръ; уже находясь въ изгнаніи, онъ былъ обвиненъ въ тяжкихъ преступленіяхъ и приговоренъ къ смерти.

Хотя и послѣ этого событія Эсхинъ дѣлалъ видъ, будто у него не было ничего общаго съ осужденнымъ, но уже въ продолженіе этого процесса Демосѣенъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы доказать противоположное и выяснить передъ гражданами одинаковую виновность Эсхина. Насколько уваженіе къ Эсхину пострадало вслѣдствіе паденія Филократа и его связи съ измѣнникомъ Антифономъ, обнаружилось скоро при другомъ случаѣ, — когда понадобилось выбрать надежнаго человѣка между аттическими ораторами, чтобы почтить его общественнымъ порученіемъ совѣмъ особаго рода.

А именно, подъ вліяніемъ Македоніи, на Кикладахъ и даже на Делосѣ, всего ближе связанномъ съ Аѣинами, образовалась партія, возставшая противъ

притязаній аѳинянъ на господство и оспаривавшая ихъ право на управленіе делосскимъ святилищемъ. Несомнѣнно, это движеніе имѣло связь съ стремленіями македонской партіи пріобрѣсть во время мира какъ можно больше точекъ опоры вокругъ Аѳинъ и подкопаться подъ остатки аттическаго могущества, сохранившіеся еще за предѣлами Аттики. Для плановъ Филиппа было особенно важно выступить и здѣсь представителемъ народнаго святилища, какимъ ему удалось явиться въ Дельфахъ и какимъ онъ, навѣрное, намѣревался сдѣлаться въ Олимпіи. Дѣйствительная связь между этими явленіями видна уже изъ того, что делосцами руководилъ сторонникъ Македоніи Эвекратъ, тотъ самый, который предалъ Олинъ, и что они заявили желаніе, чтобы этотъ споръ былъ рѣшенъ въ Дельфахъ; этимъ открывался превосходный случай придать новому союзному совѣту политическое значеніе и возвысить «тѣнь Дельфъ» на степень силы въ Греціи. Аѳины были не въ состояніи отклонить требованіе делосцевъ, и все дѣло было въ томъ, чтобы найти подходящаго человѣка, который могъ бы быть представителемъ Аѳинъ на третейскомъ судѣ. Граждане выбрали Эскина, котораго, казалось, сама природа намѣтила въ ораторы по всѣмъ дѣламъ амфиктіоніи. Но этотъ выборъ долженъ былъ представляться въ высшей степени опаснымъ для всѣхъ патріотовъ. Можно ли было ввѣрять защиту священнѣйшихъ интересовъ Аѳинъ противъ Эвекрата такому человѣку, который самъ былъ приверженцемъ и орудіемъ политики Филиппа,—и притомъ защиту передъ судомъ, находившимся также подъ македонскимъ вліяніемъ! Потому національная партія пу-

стила въ ходъ всѣ средства, чтобы объявить недѣйствительнымъ рѣшеніе гражданъ, и сумѣла достичь того, что рѣшеніе этого вопроса было предоставлено ареопагу. Послѣдній уничтожилъ первые выборы и назначилъ представителемъ Аѣинъ Гиперида, только-что проявившаго свой образъ мыслей и свою энергію въ процессѣ противъ Филократа. Онъ оказался вполнѣ достойнымъ довѣрія, и такъ какъ Филиппъ не счелъ удобнымъ насильственно вмѣшиваться въ это дѣло, то аѣиняне, благодаря «делосской рѣчи» Гиперида въ Дельфахъ, добились приговора, которымъ снова торжественно были признаны ихъ притязанія. Послѣ этого новаго пораженія Эсхина Демосеенъ рѣшилъ, что для него наступило время возобновить процессъ, веденіе котораго онъ считалъ дѣломъ своей совѣсти. Онъ продолжалъ неизмѣнно стоять на своемъ и не упускалъ ни одного случая, чтобы открыто выставить своего противника предателемъ и врагомъ отечества; теперь граждане должны были согласиться съ его взглядомъ.

Повидимому, этого можно было достигнуть безъ труда. Если Филократъ былъ измѣнникъ, то Эсхинъ не могъ быть невиненъ, хотя и отрекся теперь отъ своего прежняго товарища. Между тѣмъ, на дѣлѣ успѣхъ былъ здѣсь вовсе не такъ несомнѣненъ. Эсхинъ былъ хитрый и осторожный человѣкъ, никогда не обнаруживавшій своихъ слабыхъ сторонъ, подобно неловкому Филократу; онъ былъ образцомъ тонкой пристойности. По наружному поведенію такому человѣку нельзя было приписать ничего позорящаго его. Попрежнему у него было множество приверженцевъ, такъ какъ онъ служилъ самымъ талантливымъ органомъ Эвбуловской партіи и, какъ

политикъ и ораторъ, продолжалъ быть любимцемъ народа. Потому Демосеенъ не обратился съ жалобою противъ него къ гражданамъ, какъ Гиперидъ противъ Филократа, а привлекъ его къ отвѣту передъ контрольною властью, но не предложилъ при этомъ никакого опредѣленнаго наказанія, а взялся только доказать нечестное исполненіе обязанностей посла, чтобы предоставить потомъ опредѣленіе кары суду, который будетъ созванъ контрольною властью.

Хотя Демосеенъ началъ дѣйствовать путемъ правильнаго законнаго порядка, но все это дѣло по своей сущности не поддавалось строго юридическому обсужденію; рѣчь шла здѣсь не о нарушеніи отдѣльныхъ законовъ, но о томъ непатріотическомъ духѣ, съ какимъ исполнялись обязанности, возложенныя довѣріемъ гражданъ, о перемѣнѣ въ политическомъ направленіи Эсхина, объяснимой только иноземнымъ вліяніемъ, и объ его безчестныхъ дѣйствіяхъ относительно гражданъ. Здѣсь были налицо открытые факты, не нуждавшіеся ни въ какихъ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Всѣ граждане были свидѣтелями того, что Эсхинъ, бывший прежде пламеннымъ патріотомъ, совершенно измѣнился со времени пребыванія въ Пеллѣ, что онъ дѣйствовалъ съ тѣхъ поръ въ интересахъ Филиппа и обманывалъ гражданъ ложными увѣреніями. Конечно, Демосеенъ долженъ былъ допустить, что его противникъ легко могъ быть обманутъ самъ и, передавая согражданамъ обѣщанія царя, лично вѣрилъ имъ отъ всего сердца. Но если бъ это было такъ, то Эсхинъ, убѣдившись въ своей ошибкѣ, долженъ былъ бы съ негодованіемъ отвернуться отъ партіи царя. Между тѣмъ его хорошія отношенія къ нему нисколько не измѣни-

Исторія Греціи.

лись, и онъ принималъ даже живое участіе въ праздннкѣ, устроенномъ по случаю побѣды царя надъ фокидцами, пораженію которыхъ онъ содѣйствовалъ и самъ. Необходимымъ выводомъ изъ всего этого было то, что Эсхинъ умышленно обманывалъ своихъ согражданъ въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ и сознательно сдѣлалъ все для того, чтобы заключить такой миръ, который былъ всего выгоднѣе для Филиппа и всего позорнѣе и гибельнѣе для Аѳинъ.

Но какъ ни ясенъ былъ главный вопросъ, всего болѣе занимавшій Демосѳена, очень естественно, что относительно такого человѣка, какъ Эсхинъ, трудно было опредѣлить размѣры вины, установить точное различіе между слабостью и злою волею и доказать его измѣнническое направленіе на отдѣльныхъ фактахъ. Въ лицѣ Эсхина Демосѳенъ боролся со всѣми измѣнниками, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе размножавшимися въ Греціи; гнѣвъ завлекъ его слишкомъ далеко, и преувеличенность его обвиненій оказалась полезною для его противника. Изображая его измѣнникомъ, сдавшимъ Эермопилы и введшимъ чужеземнаго царя въ сердце Греціи, приписывая ему гибель Фокиды и паденіе Керсobleпта, онъ не замѣчалъ, что сила подобныхъ обвиненій можетъ быть легко уничтожена опроверженіемъ отдѣльныхъ частныхъ, на которыхъ они основывались. Противникъ могъ доказать, что главный городъ еракійскаго вождя палъ еще до отъѣзда посольства, и что фокидскіе тираны сами довели себя до гибели. Эсхинъ могъ отрицать тайные переговоры съ царемъ Филиппомъ, въ которыхъ его обвиняли, такъ какъ они не были достаточно доказаны; онъ могъ указать на то, что несправедливо дѣлать его одного

отвѣтственнымъ за все и относиться къ нему такъ, какъ будто онъ и только онъ одинъ хлопоталь за Филиппа и за миръ. Но самымъ благопріятнымъ для Эсхина обстоятельствомъ было то, что нападеніе лично на него было въ то же время нападеніемъ на миръ, а это необходимо должно было испугать всѣхъ миролюбивыхъ гражданъ. Осужденіе Эсхина было бы новымъ разрывомъ между Филиппомъ и Аѣинами и косвеннымъ изъявленіемъ желанія со стороны гражданъ возстановить свою честь, утраченную ими благодаря миру.

Эсхинъ былъ именно такимъ человѣкомъ, который могъ вполнѣ воспользоваться этими благопріятными условіями. Подобно ловкому борцу, уклоняется онъ отъ нападеній сильнѣйшаго противника и, вмѣсто того, чтобы серьезно оправдываться противъ самой сути обвиненій, онъ пользуется его слабыми сторонами, смѣется надъ чрезмѣрною отвѣтственностью, взваливаемою на его бѣдную голову, и изображаетъ весь процессъ какъ борьбу политическихъ партій, вовсе суду не подлежащую. По его словамъ, онъ является жертвою дикой агитаціи и платится за направленіе той партіи, которая старается сохранить для аѣинянъ миръ, оказывавшійся до сихъ поръ всегда благодѣтельнымъ какъ для благосостоянія, такъ и для гражданскаго строя Аѣинъ. Онъ воспользовался хорошимъ мнѣніемъ объ его личности, распространеннымъ между аѣинянами, чтобы убѣдить ихъ въ полной несовмѣстимости приписываемыхъ ему преступленій съ его характеромъ. Для этого онъ употребилъ все искусство своего краснорѣчія и все то вліяніе, какое его голось оказывалъ на сердца. При этомъ для него оказалось благопрі-

ятымъ еще то обстоятельство, что онъ говорилъ послѣднимъ, такъ что его противникъ не имѣлъ возможности изгладить впечатлѣнія, произведеннаго его краснорѣчіемъ; наконецъ за него заступились такіе уважаемые люди, какъ Эвбуль и Фокіонъ, такъ что великая борьба между двумя замѣчательнѣйшими аѣинскими ораторами на четвертый годъ послѣ начала ея окончилась оправданіемъ Эсхина по обвиненію въ нарушеніи обязанностей и освобожденіемъ его отъ всякой отвѣтственности. Но это была не побѣда, а скорѣе пораженіе. Обвиняемый былъ оправданъ только тридцатью голосами, и всякій, кто былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ, зналъ очень хорошо, что это большинство основывалось не на убѣжденіи въ невинности Эсхина, а было создано внѣшними вліяніями, настроеніями, соображеніями и взглядами, вовсе не касавшимися самого процесса. Слѣдовательно, если желаемый результатъ и не получился, тѣмъ не менѣе Демосѣенъ не имѣлъ никакого основанія раскисиваться въ томъ, что положилъ столько трудовъ на эту борьбу; это возвысило только уваженіе къ нему среди лучшей части гражданъ и привело къ болѣе ясному различенію между ложью и истиной.

VI. ДЕМОСΘΕΝЪ О БИТВѢ ПРИ ХЕРОНЕѢ.

(Изъ рѣчи „о вѣнкѣ“).

Филиппъ постарался возбудить въ насъ (аѳинянахъ) и еиванцахъ недовѣріе другъ къ другу, затѣмъ двинулся съ войскомъ и занялъ Элатею, въ полной увѣренности, что мы съ ними ни въ чемъ согласиться не можемъ. Всѣ вы, конечно, знаете, какое страшное безпокойство овладѣло тогда городомъ, тѣмъ не менѣе я напому вамъ нѣсколько важнѣйшихъ фактовъ.

Былъ уже вечеръ, когда пританы получили извѣстіе о взятіи Элатеи. Они тотчасъ встали изъ-за стола, удалили торговцевъ изъ ихъ лавочекъ на рынкѣ и велѣли (въ знакъ тревоги) зажечь ихъ навѣсы; затѣмъ они послали за стратегами и приказали трубить тревогу; городъ пришелъ въ смятеніе. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня пританы созвали совѣтъ въ ратушу, а вы собрались въ народное собраніе, и прежде чѣмъ совѣтъ окончилъ совѣщаніе и постановилъ рѣшеніе, весь народъ уже былъ въ сборѣ. Затѣмъ совѣтъ пришелъ въ собраніе; пританы сообщили полученное извѣстіе и велѣли вѣстнику самому передать это извѣстіе. Когда онъ кончилъ, глашатай предложилъ вопросъ: «кто желаетъ говорить?» Никто не выступилъ; хотя глашатай нѣ-

сколько разъ повторялъ вопросъ, никто не поднимался. И однако тутъ присутствовали всѣ стратеги и всѣ ораторы, и ко всѣмъ обращенъ былъ общій призывъ родины подать спасительный совѣтъ: въ самомъ дѣлѣ, призывъ глашатая справедливо считать общимъ призывомъ родины. Конечно, если бы дѣло шло о томъ, чтобы выступили впередъ всѣ, кто желаетъ спасенія отечества, то всѣ вы и прочіе аеиняне поднялись бы и поспѣшили бы къ ораторской кафедрѣ: всѣ вы, — я знаю это, — желали спасенія родины. Если бы, опять-таки, нужно было выступить людямъ богатѣйшимъ, то поднялись бы Триста ¹⁾. Если бы, наконецъ, понадобилось и то и другое, — патриотизмъ и богатство, — встали бы всѣ тѣ, которые потомъ многимъ жертвовали (въ пользу государства): дѣлали они это, конечно, потому, что были патриотами и людьми богатыми. Но, повидимому, этотъ случай и этотъ день требовалъ человѣка, который не только былъ бы патриотомъ и богачомъ, но и слѣдилъ бы за событіями съ самаго начала и правильно понималъ бы мотивы и цѣли Филиппа, такъ какъ человѣкъ, не знакомый съ ними и не обдумавшій все заранѣе, несмотря на свой патриотизмъ и богатство, не могъ знать, что тутъ нужно дѣлать, и не могъ подать вамъ совѣтъ. Такимъ свѣдущимъ человѣкомъ оказался въ тотъ день я; я взошелъ на кафедру и сказалъ вамъ слѣдующее, — прошу васъ выслушать это еще разъ внимательно, во-первыхъ, для того, чтобы вы видѣли, что въ минуту опасности я одинъ изъ ораторовъ и политиковъ не покинулъ своего поста и въ своихъ рѣчахъ и

---

¹⁾ Богатѣйшіе граждане, завѣдывавшіе сборомъ податей.

предложеніяхъ среди общей паники выказалъ заботливость о вашемъ благѣ, а, во-вторыхъ, потому, что вы потеряете на это немного времени, но зато тѣмъ лучше поймете дальнѣйшій ходъ событій. Итакъ я сказалъ слѣдующее.

«Я думаю, не понимаютъ настоящаго положенія дѣлъ тѣ, которые воображаютъ, будто еиванцы исполнѣ въ рукахъ Филиппа, и потому теряются больше, чѣмъ слѣдуетъ. Будь это дѣйствительно такъ, мы видѣли бы Филиппа, — я въ этомъ исполнѣ увѣренъ, — не въ Флатеѣ а на нашихъ границахъ. Напротивъ, я хорошо знаю, что настоящая цѣль его прихода — именно привлечь Еивы на свою сторону. Послушайте же теперь, какъ обстоитъ дѣло. Филиппъ привлекъ уже на свою сторону всѣхъ тѣхъ еиванцевъ, которыхъ могъ подкупить или обмануть; напротивъ, онъ никакъ не можетъ сладить съ тѣми, которые возставали противъ него сначала, да и теперь противятся ему. Какова же его цѣль? для чего онъ занялъ Флатею? Чтобы, развернувъ вблизи свои силы и придвинувъ войско, возбудить мужество и смѣлость въ друзьяхъ и страхомъ или силою заставить противниковъ согласиться на тѣ уступки, которыхъ они теперь не желаютъ. Итакъ, если мы въ настоящую минуту предпочтемъ не забывать нашихъ несогласій съ еиванцами и на этомъ основаніи не окажемъ имъ довѣрія, какъ естественнымъ противникамъ нашихъ враговъ, то, во-первыхъ, мы сдѣлаемъ то именно, что желательно Филиппу, а затѣмъ на его сторону перейдутъ и его теперешніе противники: всѣ еиванцы станутъ друзьями Филиппа, и онъ съ нами вмѣстѣ нападетъ на Аттику. Напротивъ, если вы отнесетесь къ моимъ совѣтамъ внимательно, а не враж-

дебно, то вы найдете мое мнѣніе правильнымъ и такимъ образомъ отвратите опасность, грозящую городу. Итакъ что я считаю нужнымъ? Во-первыхъ, отбросить теперешній страхъ за себя и заботиться всѣмъ о еиванцахъ: они гораздо ближе къ грозѣ, чѣмъ мы, имъ прежде всѣхъ грозитъ опасность; затѣмъ все наличное войско должно выйти къ Элевсину и показать всѣмъ, что вы сами стоите подъ оружіемъ; это придастъ мужества вашимъ сторонникамъ въ Эивахъ въ борьбѣ за право; они увидятъ, что какъ измѣнники, продавшіе Филиппу отечество, рассчитываютъ на помощь войска, занявшаго Ола-тею, такъ и вы готовы въ случаѣ нападенія помочь людямъ, желающимъ отстаивать свободу родины. Затѣмъ я предлагаю выбрать десять пословъ и дать имъ полномочіе вмѣстѣ съ стратегами опредѣлить время и характеръ выступленія. Эти послы тотчасъ отправятся въ Эивы; но какъ должны они поступать тамъ по моему мнѣнію? Они не должны — слушайте внимательно мои слова — требовать чего бы то ни было отъ еиванцевъ, — въ такомъ положеніи это было бы постыдно, — а должны объявить, что мы готовы помочь имъ въ случаѣ призыва съ ихъ стороны, въ виду того, что они находятся въ опасности, а мы спокойнѣе, чѣмъ они, можемъ смотрѣть на будущее. Если они примутъ предложеніе и присоединятся къ намъ, то мы достигнемъ своей цѣли и притомъ въ самой почетной для государства формѣ; если же добиться этого не удастся, то въ случаѣ несчастія еиванцы должны будутъ винить самихъ себя, а мы не сдѣлаемъ ничего постыднаго или унижительнаго».

Сказавъ это и тому подобное, я сошелъ съ ка-

еядры. Всѣ выразили согласіе, никто не представилъ ни одного возраженія. Я не ограничился этою рѣчью, но внесъ соотвѣтствующія предложенія; я не только внесъ предложенія, но и принялъ на себя обязанности посла; я не только участвовалъ въ посольствѣ, но и убѣдилъ еиванцевъ; однимъ словомъ, я провелъ все дѣло отъ начала до конца, я жертвовалъ собою за васъ въ опасности, грозившей городу.

Таково было начало и первая перемѣна въ нашихъ отношеніяхъ къ Еивамъ, а раньше эти люди (Эсхинъ съ товарищами) поддерживали въ обоихъ городахъ взаимную вражду, ненависть и недовѣріе. Это рѣшеніе разсѣяло какъ облако опасность, грозившую тогда городу. Въ виду опасности хорошій гражданинъ былъ бы обязанъ тогда же указать всѣмъ, не было ли чего-нибудь лучшаго, чѣмъ мое предложеніе, — а не осуждать этого предложенія теперь. Этимъ именно и отличается настоящій политикъ отъ политическаго болтуна (хотя и во всемъ остальномъ они нисколько не похожи одинъ на другого): первый высказываетъ свое мнѣніе заранѣе и отвѣчаетъ за исходъ и случайности передъ согражданами и передъ любымъ обвинителемъ, второй, напротивъ, хранить молчаніе, когда нужно говорить, а потомъ, въ случаѣ неудачи, выражаетъ свое порицаніе. Тогда была, какъ я сказалъ, удобная минута для человѣка, заботящагося о благѣ города и могущаго подать добрый совѣтъ. Но я иду еще дальше, я готовъ признать себя неправымъ даже въ томъ случаѣ, если кто, хотя бы теперь, сможетъ указать что-либо лучшее, или если вообще найдутъ, что возможно было сдѣлать что-либо другое, кромѣ предложеннаго мною. Если кто теперь знаетъ путь, слѣдовать ко-

тому было бы тогда полезно, то я объявляю, что я не долженъ былъ упускать этого пути изъ вида. Но если ничего такого нѣтъ и не было, если никто не можетъ указать никакого другого пути даже сегодня, что долженъ былъ дѣлать тогда политикъ? Не долженъ ли онъ былъ выбрать наилучшее изъ того, что было передъ глазами и подъ руками?

Такъ и отвѣтилъ я, Эсхинъ, на вопросъ глашатая «кто желаетъ говорить?»—а не на вопросъ: «кто желаетъ осуждать прошлое?» или «кто желаетъ ручаться за будущее?» Ты молчалъ тогда въ собраніи и продолжалъ спокойно сидѣть, а я всталъ и потребовалъ слова. Но если ты молчалъ тогда, такъ говори хоть теперь! Скажи, какое важное соображеніе, какое полезное для города обстоятельство упустилъ я изъ виду? Какой союзъ, какую мѣру, къ которой скорѣе слѣдовало бы мнѣ побудить согражданъ?

Прошлое всѣ и всегда считаютъ дѣломъ поконченнымъ, и никто не устраиваетъ совѣщаній по его поводу; напротивъ, будущее или настоящее привлекаютъ къ себѣ вниманіе политика. И вотъ тогда несчастіе, казалось, отчасти еще предстояло, отчасти уже наступило; въ этомъ случаѣ ты долженъ оцѣнивать мотивы моей политики, а не порицать случившееся: вѣдь исходъ зависитъ отъ воли бога, а мысль политика выясняется изъ его мотивовъ. Не ставь мнѣ поэтому въ вину, что Филиппу удалось побѣдить въ сраженіи: вѣдь исходъ сраженія былъ въ рукахъ бога, а не моихъ. Но докажи мнѣ, что я воспользовался не всѣмъ, что было возможно для человѣческаго ума, что я поступилъ неправильно, небрежно, безъ напряженія всѣхъ силъ, или что я не сдѣлалъ того, чего требовала честь города и да-

вление обстоятельствъ, — докажи мнѣ это, Эсхинъ, и тогда только обвиняй меня. Что дѣлать, если разразившаяся буря оказалась сильнѣе не только насъ, но и всѣхъ прочихъ эллиновъ? Это все равно, какъ если бы кто сталъ обвинять въ крушеніи корабля кормчаго, сдѣлавшаго все для его спасенія, снабдившаго его всевозможными спасательными средствами, а затѣмъ увлеченнаго бурей, которая повредила или и вовсе уничтожила его снаряды. Да я и не правилъ кораблемъ, могъ бы сказать онъ, какъ и я не былъ полководцемъ и властителемъ судьбы, которая сама всѣмъ распоряжается. Подумай и вотъ еще объ чемъ: если намъ суждено было потерпѣть такое пораженіе, несмотря на поддержку еиванцевъ, то чего слѣдовало бы ожидать въ томъ случаѣ, если бы у насъ не было и этихъ союзниковъ, и они присоединились бы къ Филиппу, который для этой цѣли расточалъ тогда все свое краснорѣчіе? Далѣе, если такая страшная опасность грозила городу теперь, когда сраженіе произошло въ трехъ дняхъ пути отъ Аттики, то чего слѣдовало ждать, если бы эта самая бѣда случилась гдѣ-нибудь въ странѣ. Развѣ ты не знаешь, что теперь одинъ, два или три дня дали городу время ободриться, собраться съ силами, передохнуть, сдѣлать многое для нашего спасенія? а иначе... но не стоитъ и говорить о томъ, отъ чего избавила насъ милость какого-то бога и союзъ съ Оивами, порицаемый тобою.

Такъ какъ онъ (Эсхинъ) настойчиво ссылается на несчастный исходъ, то я хочу высказать сужденіе нѣсколько странное. Зевсомъ и прочими богами заклинаю васъ не считать это съ моей стороны за преувеличеніе, а отнести къ моимъ словамъ доб-

рожелательно. Даже если бы мы всё знали будущее заранѣе, и ты, Эсхинъ, возвѣщалъ его намъ со слезами и крикомъ, — а ты не сказалъ вѣдь ни слова, — даже и въ этомъ случаѣ городу не слѣдовало отказываться отъ этого рѣшенія, если только у него была мысль о славѣ, о предкахъ или о потомствѣ. Теперь нашъ городъ несетъ на себѣ послѣдствія простаго несчастія, какое можетъ случиться съ каждымъ по волѣ бога; а если бы Аѣины, претендовавшія на главенство надъ всѣми, затѣмъ добровольно отказались отъ этого главенства, то ихъ обвинили бы въ томъ, что онѣ предали всѣхъ Филиппу. Откажись онѣ безъ борьбы отъ того, ради чего предки подвергались всевозможнымъ опасностямъ, кто не проклиналъ бы тебя? лишь бы только не городъ и не меня! Какими глазами смотрѣли бы мы на иностранцевъ, посѣщающихъ нашъ городъ, если бы дѣла пришли въ теперешнее положеніе и Филиппъ былъ выбранъ вождемъ и главою всѣхъ, и если бы въ борьбѣ противъ этого результата не участвовали однѣ Аѣины, — Аѣины, которыя никогда еще не предпочитали безславнаго покоя борьбѣ за честь и правду?

Если бы я сталъ говорить, будто именно я вызвалъ въ васъ образъ мыслей, достойный славныхъ предковъ, то каждый могъ бы справедливо осудить меня. Нѣтъ, я объявляю открыто: рѣшеніе принадлежало вамъ! Я утверждаю, что и до меня Аѣины руководились такимъ же настроеніемъ. Я говорю только одно: я тоже принималъ участіе въ проведеніи всѣхъ этихъ рѣшеній. Порицая ихъ и вызывая въ васъ враждебное отношеніе ко мнѣ, какъ къ виновнику страховъ и опасностей для города, онѣ

(Фсхинъ) на первый взглядъ старается меня лишить въ настоящее время чести, а на дѣлѣ у васъ отнимаетъ вѣчную славу. Ибо если вы объявите, что я не далъ вамъ тогда наилучшаго совѣта, то вы признаетесь въ своей ошибкѣ, благодаря которой, а не по винѣ судьбы, васъ и постигло несчастіе. Но нѣтъ, аеиняне, право нѣтъ, вы не сдѣлали ошибки, начавъ опасную борьбу за общую свободу и спасеніе.

Клянусь въ этомъ нашими предками, сражавшимися за Элладу при Марафонѣ, поддерживавшими прочихъ эллиновъ при Платеяхъ, бившимися на морѣ при Саламинѣ и Артемисіи; клянусь многими другими храбрыми, покоящимися въ общественныхъ могилахъ! Всѣхъ ихъ, не только счастливецъ и побѣдителей, городъ удостоилъ одинаково почетнаго погребенія, и вполне справедливо: всѣ они сдѣлали то, что было возможно для храбрыхъ людей; успѣхъ же ихъ зависѣлъ отъ судьбы, посланной каждому богомъ.

По прибытіи въ Эивы, мы (десять пословъ) застали уже тамъ пословъ Филиппа, ессалійцевъ и прочихъ союзниковъ; наши друзья были въ страхѣ, а сторонники Филиппа исполнены смѣлости. Въ доказательство того, что я говорю это не только теперь для своей пользы, — ссылаюсь на письмо, которое мы, послы, тотчасъ по прибытіи послали сюда. Итакъ эиванцы созвали народное собраніе и пригласили на него сначала пословъ Филиппа и его сторонниковъ, какъ представителей своихъ союзниковъ. Тѣ выступили съ длинными рѣчами, въ которыхъ превозносили Филиппа и унижали васъ, напоминая о всѣхъ вашихъ враждебныхъ эиванцамъ

дѣйствіяхъ. Въ концѣ концовъ они приглашали еиванцевъ отблагодарить Филиппа за его благодѣянія, а намъ отомстить за обиды, какимъ угодно образомъ: или давъ македонянамъ свободный проходъ къ вамъ, или вторгнувшись съ ними вмѣстѣ въ Аттику; они доказали, по ихъ мнѣнію, съ очевидностью, что при принятіи ихъ плана беотяне завладѣютъ скотомъ, рабами и прочею движимостью Аттики, а если они послушаютъ насъ, то Беотія будетъ опустошена войною. Говорили они кромѣ этого и много другого, все въ томъ же смыслѣ. Я могъ бы, конечно, передать въ подробности и нашъ отвѣтъ на ихъ рѣчи, но опасаясь, что вы сочтете это пустой болтовней, такъ какъ событія эти отошли въ область прошлаго и всѣ эти отношенія какъ будто унесены потопомъ. Выслушайте только отвѣтъ еиванцевъ на наши убѣжденія. Они просили васъ прийти къ нимъ на помощь, вы выступили въ походъ и были встрѣчены ими съ такимъ довѣріемъ, что когда ваше войско показалось подъ стѣнами Фивъ, жители ихъ приняли его въ свои дома и въ городъ, въ общество своихъ женъ и дѣтей—въ свои святилища. Въ этотъ день еиванцы наилучшимъ образомъ завѣрили передъ всѣми людьми три ваши достоинства: храбрость, справедливость и дисциплину. Своимъ рѣшеніемъ сражаться съ вами, а не противъ васъ, они показали, что считаютъ ваше дѣло болѣе прочнымъ и правымъ, чѣмъ дѣло Филиппа, а введя васъ въ свои семьи, охраняемые у нихъ, какъ и во всемъ свѣтѣ, съ величайшею заботливостью, они показали, какое довѣріе питаютъ къ вашей дисциплинѣ. Оказалось, что во всемъ этомъ они вѣрно судили о васъ, аеиняне. Въ самомъ дѣлѣ, по вступленіи ва-

шего войска въ городъ, на васъ не было подано ни одной, даже несправедливой, жалобы: такъ прекрасно вели вы себя; и въ двухъ первыхъ сраженіяхъ вы не только оказались безупречными, вы даже возбудили общее удивленіе своей дисциплиной и вооруженіемъ, а также мужествомъ. За это другіе осыпали васъ похвалами, а вы отблагодарили боговъ жертвами и процессіями. Очень хотѣлось бы мнѣ спросить Эсхина, что дѣлалъ онъ въ тѣ дни, когда городъ утопалъ въ радости, весельи и довольствѣ: приносилъ ли онъ жертвы и радовался вмѣстѣ съ согражданами или сидѣлъ дома въ печали, горѣ и недовольствѣ на общее благополучіе. Если онъ велъ себя какъ и другіе, то съ его стороны было бы низостью и даже преступленіемъ—желать убѣдить васъ, совершавшихъ возліянія передъ богами, чтобы вы признали теперь неправильнымъ то, что самъ онъ предъ лицомъ боговъ провозглашалъ благомъ. Если же онъ не принималъ участія въ жертвахъ, то не заслужилъ онъ развѣ тысячи разъ смерти, чувствуя скорбь при видѣ общаго веселья?

Итакъ мы занимались тогда принесеніемъ жертвъ, а еиванцы были вполнѣ убѣждены, что намъ они обязаны спасеніемъ. Положеніе дѣлъ такимъ образомъ измѣнилось вполнѣ: прежде, благодаря уловкамъ Эсхина и его сообщниковъ, мы, казалось, нуждались въ помощи другихъ, а теперь, послѣдовавъ моимъ совѣтамъ, вы получили возможность сами помогать другимъ. Какъ выражался тогда Филиппъ объ этомъ и въ какой онъ былъ тревогѣ, это вы узнаете изъ писемъ, посылавшихся имъ къ союзникамъ въ Пелопоннесъ; изъ нихъ вы увидите, къ какимъ результатамъ привела моя настойчивость, мои

постоянные разѣзды и масса рѣшеній, такъ порицаемыхъ теперь Эсхиномъ.

Много было у васъ, аеиняне, и до меня славныхъ и великихъ ораторовъ, но никто изъ нихъ не отдавался съ такою полнотою государству: одинъ внесъ предложенія, но не участвовалъ въ посольствахъ; другой служилъ въ послахъ, но не дѣлалъ предложеній; каждый изъ нихъ старался сохранить себѣ съ одной стороны извѣстный досугъ, а съ другой, на случай неудачи, отступленіе. Какъ, спросить тутъ кто-нибудь, неужели ты настолько превзошелъ прочихъ умомъ и силами, что можешь все дѣлать самъ? Я этого не говорю; я только считалъ опасность, грозившую городу, настолько грозною, что она, казалось мнѣ, не оставляла мѣста для мысли о личной безопасности и побуждала искать удовлетворенія только въ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей. Далѣе, — быть-можетъ, неосновательно, но я пришелъ къ убѣжденію, что никто не можетъ лучше меня ни внести предложеніе, ни привести его въ исполненіе, ни выполнить охотноѣе и надежнѣе посольскія обязанности. Поэтому я и выступалъ во всѣхъ этихъ роляхъ.

VII. ГЕГЕМОНИЯ ФИЛИППА.

(*Schäfer Demosthenes und seine Zeit, III Band*).

Наказавши враждебныя общины и наградивъ преданныя, царь Филиппъ вернулся въ Коринѣъ, чтобы созвать сеймъ, который долженъ былъ соединить въ одинъ общій миръ отдѣльные договоры и установить новый порядокъ вещей. Можно думать, что сюда прислали пословъ всѣ города, уже прежде бывшіе въ союзѣ съ Филиппомъ, а также и тѣ, которые стояли на сторонѣ аѳинянъ, за исключеніемъ только Спарты, — такъ какъ и въ Пелопоннесѣ и на западѣ Греціи всякое сопротивленіе, послѣ подчиненія Аѳинъ, прекратилось. На сеймѣ Филиппъ старался устранить всякое недовѣріе и всякое сомнѣніе въ чистотѣ и безкорыстїи своихъ намѣреній и добиться признанія себя посредникомъ, покровителемъ и природнымъ вождемъ въ священномъ походѣ. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ общій миръ и союзный договоръ, насколько намъ извѣстны отдѣльныя постановленія его изъ возобновленія его при Александрѣ и Филиппѣ Арридеѣ. Въ самомъ началѣ указывалась цѣль договора — обезпеченіе свободы и самостоятельности эллиновъ, а

также спокойнаго владѣнія имуществомъ и земскаго мира: сообразно этому воспрещались всякія распри, и дозволялись свободныя мирныя сношенія между всѣми государствами. Участники договора пользовались правомъ свободнаго плаванія, и никто не могъ имъ въ этомъ препятствовать или принуждать купцовъ къ выгрузкѣ товара. Ни одинъ городъ не былъ обязанъ впускать въ свою гавань чужіе военные корабли. Эллинскіе города оставались свободными и самостоятельными и не платили никакихъ податей. Дѣйствовавшія при заключеніи договора учрежденія должны были оставаться безъ перемѣнъ. Для охраненія этой взаимной гарантіи въ Коринѣ былъ учрежденъ союзный совѣтъ всѣхъ эллиновъ, въ который каждая община должна была присылать засѣдателей. Засѣдатели эти должны были сообща слѣдить за тѣмъ, чтобы ни въ одной изъ союзныхъ общинъ не производилось, вопреки дѣйствующимъ въ ней законамъ, ни казней и изгнаній, ни конфискацій, ни передѣла земель, ни отмѣны долговъ, ни освобожденія рабовъ въ цѣляхъ революціонныхъ. Кто нарушаетъ миръ, кто старается ниспровергнуть свободу или существующее въ одномъ изъ государствъ устройство, тотъ вмѣстѣ со своею землею считается общимъ врагомъ, и всѣ должны итти на него войною. Особенно было поставлено въ обязанность союзнымъ общинамъ не допускать, чтобы изъ ихъ городовъ выходили изгнанники для нападенія на другія общины союза; въ противномъ случаѣ, городъ, откуда они вышли, изъ союза исключался. Засѣдавшія въ Коринѣ державы, повидимому, гарантировали взаимно свои владѣнія, а также существовавшее тогда устройство, вѣроятно

въ томъ смыслѣ, что прямо приняли въ общій трактатъ тѣ опредѣленія границъ, какія были установлены Филиппомъ въ отдѣльныхъ договорахъ. Воспрещено было возстановленіе разрушеннхъ Филиппомъ городовъ, а также тѣхъ политическихъ учрежденій, которыя онъ объявилъ враждебными себѣ; вѣроятно воспрещалось также возвращать изгнанниковъ, удаленныхъ по волѣ Филиппа. Между эллинами и царемъ былъ заключенъ вѣчный союзъ оборонительный и наступательный. Наконецъ, для отмщенія персамъ за оскверненіе эллинскихъ святилищъ, рѣшено было начать противъ нихъ всеми силами войну и начальство въ ней на морѣ и на сушѣ поручить съ неограниченною властью царю Филиппу. вмѣстѣ съ тѣмъ было опредѣлено, сколько каждое государство должно выставить кораблей и людей. Всѣмъ эллинамъ воспрещалось служить въ войскѣ противъ царя Филиппа или какимъ-либо другимъ образомъ противодѣйствовать ему: виновный въ этомъ подвергался изгнанію вмѣстѣ со своимъ родомъ и лишался имущества. Судь надъ разрушителями трактата поручался совѣту амфиктіоновъ.

Таково, насколько намъ извѣстно, содержаніе тѣхъ договоровъ, при помощи которыхъ Филиппъ старался придать юридическое основаніе приобрѣтенному оружіемъ и ловкой политикой верховенству надъ эллинами. Современники удивлялись его удачѣ во всемъ. Онъ разбилъ на-голову своихъ враговъ и разорвалъ ихъ союзъ. Его милость измѣнила настроеніе аѳинянъ и побудила ихъ къ миру, еиванцевъ онъ строго наказалъ, спартанцевъ ему было нечего опасаться; во всехъ другихъ городахъ

онъ отдалъ управленіе преданнымъ ему партіямъ и многія общины обязалъ благодарностью. Какъ глава учрежденнаго имъ союза, онъ располагалъ морскими и сухопутными силами эллиновъ и могъ быть увѣренъ въ ихъ содѣйствіи при покореніи персидскаго царства. Таково великое дѣло, совершенное Филиппомъ. Но эллинамъ оно не принесло добра. Если они утратили самостоятельность, благодаря своей слабости, медлительности и раздорамъ, то подъ чужою властью ихъ паденіе стало еще болѣе быстрымъ и глубокимъ. Конечно, въ значительной степени причина этого заключалась въ неизлѣчимыхъ недугахъ, которыми страдалъ эллинскій народъ, въ овладѣвшемъ какъ отдѣльными личностями, такъ и цѣлыми общинами, стремленіи къ наслажденіямъ и въ разъединеніи. Но не менѣе виноватъ былъ въ этомъ и самъ Филиппъ. Навязанный эллинамъ договоръ вытекалъ не изъ желанія пробудить между ними свѣжую, сильную жизнь, а изъ стремленія обезпечить себѣ ихъ услуги. Съ начала своего поприща Филиппъ строилъ козни и прибѣгалъ къ коварству; милостью и звонкимъ золотомъ онъ пріобрѣталъ себѣ услужливыхъ переносчиковъ и приверженцевъ, въ каждомъ городѣ подбиралъ себѣ партію, интересамъ которой оказывалъ содѣйствіе. Первымъ шагомъ соответствовало и его послѣднее мѣропріятіе. Оно не было дѣломъ великодушной справедливости государя, который, сознавая свое назначеніе, становится выше партій; оно предпринято было въ интересахъ партій, помогавшихъ побѣдителю, и бѣдствія массы изгнанниковъ наглядно доказывали, какъ мало руководился Филиппъ милосердіемъ. Враждующія партіи не были примирены и преобразованы

въ органическое цѣлое; напротивъ, враждѣ ихъ была дана новая пища. Вновь заключенный союзъ не объединилъ, такимъ образомъ, эллиновъ между собою, а только подчинилъ ихъ всѣхъ одному вождю, преслѣдовавшему свои собственныя цѣли. Поэтому коринескій договоръ, не вызывая новаго развитія энергій, только закрѣпилъ порабощеніе грековъ; поэтому при первомъ же случаѣ снова вспыхиваетъ старая вражда; поэтому, наконецъ, такъ скоро переходятъ къ противникамъ македонской политики даже такіе города, которые первыми стали на сторону Филиппа.

Правда, Филиппъ выставилъ священную обязанностью союзниковъ участіе въ походѣ противъ персовъ, и изъ этого могло развиваться высшее единство: свободные греки могли участвовать въ созданіи македоно-эллинской державы на Востокѣ, къ которому Филиппъ проложилъ пути, могли на вновь завоеванной почвѣ примириться съ потерей свободаго самоопредѣленія—наслѣдія предковъ. Но нигдѣ не видно доказательствъ того, что Филиппъ или хотя бы Александръ хотѣли пользоваться эллинами иначе, какъ въ видахъ личнаго господства. Для ~~Александра~~ ^{и Филиппа} принятыя въ Коринѣ рѣшенія имѣли, конечно, большое значеніе. Тяжелая масса персидскаго царства поддерживалась только внутреннею косностью и услугами эллинскихъ наемниковъ. Если, какъ было постановлено сеймомъ въ Коринѣ, служба въ войскѣ Дарія наказывалась впредь какъ измѣна, то этимъ у царства его отнималась лучшая сила, такъ какъ собственныя войска варваровъ не могли устоять передъ силою македонянъ и образованіемъ эллиновъ, соединенными подъ руководствомъ

Филиппа. Такъ и этою мѣрою Филиппъ дальновидно подготавливалъ предпріятіе, обѣщавшее ему силу, честь и славу. Когда мы говоримъ, что Филиппомъ тутъ руководило личное честолюбіе и властолюбіе, а не мысль о благѣ его народа и тѣмъ менѣе эллиновъ, мы не думаемъ, конечно, унижать его этимъ. При всемъ увлеченіи эллинскимъ образованіемъ ни Филиппъ, ни Александръ никогда не любили эллиновъ какъ націю: для ихъ стремленій и дѣятельности характерной чертой является стремленіе разлагать національности, чтобы пользоваться для своихъ властолюбивыхъ цѣлей всѣми пригодными средствами. Такъ же мало стѣснялись они, начиная борьбу, и уваженіемъ къ эллинскимъ богамъ. Филиппъ не въ первый разъ прикрывалъ эгоистическія намѣренія маской служенія дѣлу религіи; такъ и теперь мщеніе за оскорбленныхъ боговъ должно было только служить удобнымъ предлогомъ для освященія его завоевательныхъ плановъ и привлеченія мечтательныхъ умовъ, которые увлеклись этими идеями благодаря рѣчамъ Исократы и подобныхъ ему людей. Напротивъ, завоеванія македонянъ въ Азіи вызвали скорѣе и въ области религіи такое же національное разложеніе, какъ въ сферѣ политическихъ отношеній. Поклоненіе Александра Амону, Ваалу и другимъ иноземнымъ богамъ заключало въ себѣ болѣе глубокое оскорбленіе эллинскихъ боговъ, чѣмъ насильственное разрушеніе ихъ храмовъ персами; и это оскорбленіе Александръ увѣнчалъ тѣмъ, что самъ причислилъ себя къ богамъ и велѣлъ поклоняться себѣ наравнѣ съ ними. Всемирно-историческое значеніе завоеванія Азіи съ Запада и состоитъ въ этомъ разложеніи и смѣшеніи націо-

нальностей, при которомъ эллинская культура стала міровымъ просвѣщеніемъ, но отдѣлилась отъ той религіозной основы, на которой она развилась. Такъ язычество приведено было въ упадокъ и съ этой стороны, и этотъ упадокъ расчистилъ путь для новыхъ религіозныхъ вліяній.

VIII ЗАВОЕВАНІЯ АЛЕКСАНДРА ВЪ АЗІИ.

(*Schäfer. Demosthenes und seine Zeit, III Band.*)

Нельзя не замѣтить, что Александръ съ намѣреніемъ ограничилъ численность своего войска. Для него было бы легко значительно увеличить эту численность наборомъ наемниковъ, но отъ этого отчасти должны были возрасти трудности продовольствованія арміи, а отчасти, въ случаѣ преобладанія эллинскихъ наемниковъ, Александръ былъ бы не такъ увѣренъ въ своемъ войскѣ. Теперь вся сила его заключалась въ македонянахъ, большею частью заслуженныхъ воинахъ, которыми командовали испытанные вожди. Къ македонскому ядру присоединились прочія части, поставленныя, безъ исключенія даже вѣрныхъ ессалійцевъ, подъ начальство македонянъ. Такимъ образомъ оказалось возможнымъ обратить войско въ одно тѣсно сплоченное цѣлое, различные элементы котораго служили царю каждый на своемъ мѣстѣ. Всѣ части войска, не исключая и союзныхъ отрядовъ, получали жалованье и содержаніе отъ Александра. Средства для покрытія военныхъ расходовъ должна была доставить непріятельская страна; въ казнѣ царя находилось всего 60—70 талантовъ, —сумма, едва достаточная для содержанія войска въ теченіе мѣсяца; кромѣ

того, Александръ взялъ займы 800 талантовъ. Но о деньгахъ онъ нисколько не заботился; онъ былъ до того увѣренъ въ успѣхѣ, что передъ походомъ щедрою рукою раздарилъ много государственныхъ имѣній. Несмотря на то, что Филиппъ съ первыхъ лѣтъ своего правленія заботился о созданіи флота, все-таки въ распоряженіи Александра находилось всего, со включеніемъ выставленныхъ по договору союзниками триеръ, 160 или, самое большое, 182 военныхъ корабля, изъ которыхъ двадцать принадлежали аѳинянамъ. Слѣдовало ожидать, что флотъ этотъ не въ состояніи будетъ долго противиться превосходнымъ силамъ персовъ; поэтому для Александра было всего важнѣе дать скорѣе рѣшительный оборотъ сухопутной войнѣ, чтобы ослабить дѣйствія враговъ на морѣ и такимъ образомъ очистить свой тылъ. Отсюда развился геніальный планъ—изолировать персидскій флотъ, довести его до разложенія посредствомъ завоеванія всего побережья Средиземнаго моря до Египта и такимъ образомъ прервать сношенія великаго царя съ эллинами.

Лучшими годами Александра было время, когда онъ велъ войну въ западныхъ областяхъ Азіи. Господство персовъ было тамъ давно подорвано. Хотя незадолго передъ тѣмъ и были усмирены непокорные князья и сатрапы въ Малой Азіи и возстанія въ Сиріи и Египтѣ, но результатъ этотъ могъ быть достигнутъ только хитростью и предательствомъ или при помощи эллинскихъ наемниковъ; прочныхъ корней власть Персіи не пустила нигдѣ. Эллинамъ Малой Азіи побѣды Александра принесли избавленіе отъ тяжелаго ига, такъ какъ онѣ освободили

города отъ тиранновъ, которыхъ поддерживали персидскіе сатрапы; среди прочихъ племенъ Малой Азіи національныя различія были уже настолько сглажены, а эллинское просвѣщеніе такъ укоренилось, что объ упорномъ сопротивленіи македонянамъ нечего было и думать. Въ Финикіи антагонизмъ съ эллинскимъ міромъ, поддерживавшійся ~~въ~~ запада Кареагеномъ, сосредоточился въ одномъ Тирѣ. Египтяне подчинились Александру тѣмъ охотнѣе, чѣмъ ненавистнѣе было для нихъ владычество персовъ. Послѣдніе относились съ отвращеніемъ къ египетскому идолослуженію, Александръ выказывалъ къ нему уваженіе и не затронулъ тѣсно связаннаго съ нимъ общиннаго устройства. Этого для египтянъ было достаточно: они не пытались снова образовать самостоятельное національное царство и замкнуться отъ всѣхъ чужеземцевъ. Уже давно эллины жили рядомъ съ ними и дружились; теперь основаніе Александріи создало, наконецъ, міровой рынокъ, на которомъ египтяне и греки обмѣнивались своими товарами и знаніями. Изъ этихъ странъ Александръ составилъ царство, которое, какъ ни были различны его составныя части, все же можно было превратить въ одно цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ, въ окружавшемъ эти области восточномъ бассейнѣ Средиземнаго моря онѣ имѣли оживленный торговый путь; ихъ связывали между собой одинаковые или сходные интересы торговли, искусства, образованія; наконецъ, всюду уже утвердилось вліяніе грековъ. Но Александръ не могъ довольствоваться обработкой такъ хорошо подготовленной почвы: юношеское стремленіе къ подвигамъ и обаяніе славы увлекали его все дальше и дальше. Въ воображе-

ни онъ видѣлъ уже себя царемъ Азіи, властителемъ міра, и потому отвергъ мирныя предложенія Дарія, а также совѣты осторожныхъ друзей. Онъ перешелъ черезъ Евфратъ, чтобы покорить внутреннія области Персіи. Здѣсь начинается второй отдѣлъ его войнъ въ Азіи. И здѣсь намъ приходится удивляться его талантамъ, какъ полководца и правителя. Дарій былъ побѣжденъ, и провинціи одна за другою подчинены. Но какъ ни дряхло было персидское царство, даже въ своихъ внутреннихъ частяхъ, и наверху и внизу, — все же національныя антипатіи сказывались здѣсь сильнѣе, а сопротивление было упорнѣе. Правда, Александръ не безъ успѣха старался эллинизировать и привлечь къ себѣ персовъ, но такой устойчивости, какъ въ западныхъ областяхъ, его господство на Востокѣ пріобрѣсти не могло. Чѣмъ больше сближался онъ съ азіатами и допускалъ поклоненіе себѣ какъ сыну бога, тѣмъ сильнѣе отдалялся отъ обычаевъ македонянъ и эллиновъ. Можно не приписывать особой важности тому обстоятельству, что онъ отпустилъ на родину изъ Экбатанъ эллинскіе отряды и удержалъ въ своемъ войскѣ изъ эллиновъ только набранныхъ къ нему на службу наемниковъ; но измѣненіе въ характерѣ царской власти мы замѣчаемъ и во многомъ другомъ. Отсюда вытекли кровавыя катастрофы: осужденіе военнымъ судомъ Филота, тайное убійство отца его Парменіона, умерщвленіе Клита и другія осложненія той эпохи. Александръ все еще не былъ удовлетворенъ: въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ его походовъ стремленіе къ далекому и чудесному приняло еще болѣе грандіозныя размѣры. Походъ въ Индію, какъ ни величавъ тутъ

былъ и самый замыселъ, и его исполненіе (я разумѣю именно всего болѣе развитую здѣсь систему основанія колоній на стратегически важныхъ пунктахъ; творцомъ ея былъ впрочемъ еще Филиппъ) въ сущности былъ просто смѣлой авантюрой, а вовсе не предпріятіемъ такого царя, для котораго высшую цѣль составляетъ упроченіе и благосостояніе его государства. Если бы Александръ упорствовалъ въ своемъ намѣреніи, то, удаляясь все больше отъ своего операционнаго базиса, онъ, наконецъ, истощилъ бы свои силы, а въ тылу свѣжая еще вражда, измѣна и ослушаніе, проявлявшіяся уже и теперь, вызвали бы открытое возмущеніе. До этого дѣло не дошло; Александръ вернулся, но не по свободному рѣшенію, а потому, что этого желало войско. Роковой была эта минута, когда войско изъ служебнаго орудія стало самостоятельнымъ тѣломъ, и слѣдствія этого не замедлили сказаться. Правда, Александръ могъ еще со своими македонянами совершать великія дѣла; его недовольство и немилость дѣйствовали удручающе на всякаго воина, какъ и на все войско; но онъ былъ поставленъ въ необходимость, неизбѣжную для военныхъ деспотій, — давать постоянно работу своимъ солдатамъ и ухаживать за ними. Когда онъ умеръ, войско было единственнымъ жизненнымъ организмомъ въ его царствѣ; только отъ него и могло исходить рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи.

IX. АЛЕКСАНДРЪ В. И ГРЕКИ.

(*Ranke, Weltgeschichte, I Theil. Дройзенъ, Исторія эллинизма т. I*) 1).

Когда Александръ побѣдилъ Дарія, покоренныя племена признали его самого наслѣдникомъ Ахеменидовъ и перенесли на завоевателя благоговѣйное почтеніе, какое выказывали къ своимъ прежнимъ царямъ, представителямъ божественнаго авторитета. Идеи, на которыхъ основывалось это почитаніе, представляли силу, объединявшую народы и укрѣплявшую высшую власть. Долженъ ли былъ Александръ отвергнуть это поклоненіе? Этимъ онъ ослабилъ бы выпавшую ему на долю высшую власть, сдѣлалъ бы невозможнымъ распространеніе ея на незавоеванныя еще области. Съ другой стороны, допустивъ поклоненіе, какъ онъ это и сдѣлалъ, онъ сталъ въ противорѣчіе съ своею предшествовавшею дѣятельностью: уничтожая до того все, что было создано персидскимъ владычествомъ въ сферѣ религіи и государства, онъ теперь поддался искушенію, а можетъ-быть и политической необходимости, и подчинился этимъ самымъ идеямъ. Но тутъ нужно поставить вопросъ: могъ ли Александръ въ одно

---

1) О различіи взглядовъ того и другого см. *Пѣльмана*—Краткій очеркъ греческой исторіи стр. 87—88.

и то же время усвоить себѣ восточный деспотизмъ и остаться царемъ Запада, могъ ли онъ одновременно быть и персомъ и грекомъ? Эти противорѣчія сталкивались среди самыхъ близкихъ къ нему людей. Онъ любилъ появляться съ тиарой и въ одѣяніи персидскихъ царей, но его македонянамъ не хотѣлось подражать персамъ и такъ же мало желали этого сопровождавшіе его греки.

Македонскіе цари вели, правда, свой родъ отъ героевъ, но они не управляли самовластно, а сообразовались всегда съ македонскимъ закономъ и обычаемъ. Поэтому войско, составившееся вокругъ царя Филиппа, пользовалось извѣстною внутреннею самостоятельностью, результатомъ военнаго ремесла. Такъ же относились къ Александру и греки: они оказали ему не меньше услугъ, чѣмъ онъ имъ. Въ это время нерѣдко вспоминали стихъ Эврипида, въ которомъ выражается сожалѣніе о томъ, что слава удачнаго похода достается вождямъ, а не совершившимъ его войскамъ. Съ выраженнымъ здѣсь стремленіемъ въ прямомъ противорѣчій стояло то, что теперь слуги царя приближались къ нему съ выраженіями такого почтенія, какое греки обыкновенно выказывали только богамъ. Не была ли это та же самая власть, съ которой греки вели вѣковую борьбу? Не вернула ли она вновь себѣ преобладанія, несмотря на понесенное пораженіе, благодаря тому, что она досталась государю, одержавшему побѣду? Это противорѣчіе вызвало всѣ тѣ сцены, которыя омрачили жизнь Александра; какъ разъ лучшіе его друзья возставали противъ такого подчиненія въ восточномъ вкусѣ.

Если въ греческомъ мірѣ сохранилось еще какое-нибудь здоровое національное чувство, то можно думать, что побѣды Александра при Иссеѣ, при Гавгамелѣ, освобожденіе эллиновъ Азіи, уничтоженіе торговаго могущества Тира, уничтоженіе персидскаго царства должны были примирить даже непримиримыхъ, освѣжить все нервы греческаго народа; греки съ радостнымъ соревнованіемъ должны были принять участіе въ дѣлѣ, взятыя за которое, согласно заключеннымъ ими договорамъ, было для греческихъ государствъ не только обязанностью, а даже правомъ. Но самые вліятельные изъ союзныхъ государствъ понимали патриотизмъ и национальное дѣло иначе. Въ годъ битвы при Иссеѣ Аеины были близки къ тому, чтобы двинуть свой флотъ на помощь Персіи. Царь Агисъ въ тотъ моментъ, когда Дарій былъ убитъ во время бѣгства, находился уже въ походѣ противъ македонянъ, а мелкія государства ожидали только первой побѣды спартанскаго царя, чтобы примкнуть къ нему. Пораженіе, понесенное спартацами лѣтомъ 330 года, восстановило спокойствіе въ Греціи, но недовольство и предубѣжденіе остались. Греки не склонны были замѣчать величія совершавшихся событій. «Можно ли представить себѣ такія нечаянныя и неожиданныя событія», говоритъ Эскинъ въ одной рѣчи осенью 330 года, «которыя не случились бы въ наши дни? Вѣдь мы не жили жизнью обыкновенныхъ людей, но наши годы сдѣлались временемъ чудесъ для будущихъ поколѣній». А съ тѣхъ поръ случились еще большія чудеса; мы разумѣемъ эти пять лѣтъ, столь богатая изумительными подвигами въ далекой Азіи, и столь жалко и вяло протекшія на родинѣ въ Гре-

ціи: тамъ — завоеваніе бактрскихъ земель, Индіи, открытіе южнаго океана, здѣсь — пошлая тривіальность и суетливость мелкихъ городовъ, фразы, громоздимыя на фразы; дѣйствительно, нравственная цѣнность или, такъ сказать, удѣльный вѣсъ этой политики греческихъ государствъ падали все ниже и ниже.

Съ тѣхъ поръ какъ могущество македонянъ достигло такихъ громадныхъ размѣровъ, что дальнѣйшее сопротивленіе имъ, — единственная мысль, оживлявшая еще до нѣкоторой степени общественную жизнь государствъ Греціи, особенно Спарты и Аѳинъ, — сдѣлалось невозможнымъ, исчезъ и послѣдній остатокъ политической дѣятельности въ массахъ, и различія между партіями, сводившіяся исключительно къ лозунгу: «за или противъ Македоніи», начали исчезать и сглаживаться.

Время мелкихъ государствъ миновало; становилось все яснѣе, что эти государства сдѣлались невозможными рядомъ съ новообразовавшейся могущественной державой, что вполне перемѣнившіяся политическія и общественныя условія требовали также и полного пересозданія организаціи этихъ государствъ. И если намѣреніемъ Александра было оставить греческимъ государствамъ ихъ демократію только въ области ихъ общинной администраціи и связать ихъ между собою поставленнымъ надъ ними могуществомъ и авторитетомъ его обширной монархіи, если это дѣло осталось неоконченнымъ благодаря его скорой смерти или, если угодно, благодаря внутренней необходимости греческой жизни, то именно въ этомъ лежитъ причина того печальнаго упадка, которымъ слѣдующее столѣтіе греческой

исторіи должно было затмить былую славу лучшихъ времянь.

Согласно своему плану Александръ рѣшилъ принять двѣ мѣры, которыя, конечно, должны были задѣть грековъ за живое.

Онъ потребовалъ божескихъ почестей также и отъ эллиновъ. Каковы бы ни были заключенія, которыя мы можемъ вывести изъ этого приказа относительно личныхъ взглядовъ царя и ихъ переменны, во всякомъ случаѣ это не было такимъ неслыханнымъ кощунствомъ, какимъ оно кажется нашему чувству, развившемуся на основѣ монотеизма; не слѣдуетъ кромѣ того упускать изъ виду чисто политическаго характера этой мѣры. Греческое язычество уже давно привыкло къ антропоморфическому взгляду на своихъ боговъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ слова древняго мыслителя: «боги суть безсмертные люди, люди—смертные боги». Ни священная исторія, ни догматика грековъ не покоились на прочной основѣ откровенія, содержаніе котораго могло бы считаться безспорнымъ. Въ дѣлахъ религіи для грековъ не было другого масштаба и формы, кромѣ человѣческаго чувства и мысли, существовавшихъ и развивавшихся въ самой тѣсной связи съ жизнью. Рядомъ съ этимъ стояли, конечно, предписанія оракуловъ и различныя толкованія знаменій; но и они только отражали на себѣ настроеніе времени. Если поэтому оракулъ Зевса Аммона, какъ бы ни смѣялись надъ этимъ, въ концѣ концовъ все-таки назвалъ царя сыномъ Зевса, если Александръ, происходившій изъ рода Геракла и Ахилла, завоевалъ и пересоздалъ цѣлый міръ, если онъ дѣйствительно совершилъ болѣе крупныя подвиги,

чѣмъ Гераклъ и Діонисъ, если рационализмъ уже давно отучилъ умы отъ болѣе глубокой религіозной потребности и сохранилъ отъ воздаваемыхъ богамъ почестей и празднествъ только одну увеселительную сторону, только внѣшніе обряды и календарный смыслъ, — то мы найдемъ весьма понятнымъ, что грекамъ того времени мысль о божескихъ почестяхъ и боготвореніи человѣка вовсе не была такъ чужда. Напротивъ, ближайшія десятилѣтія доказываютъ намъ съ полной ясностью, насколько это было въ согласіи съ духомъ того времени; Александръ Великій только первый потребовалъ для себя того, что послѣ него отъ эллиновъ и грековъ, и особенно отъ аѳинянъ, могли получать за ничтожныя услуги самыя жалкіе монархи и опозоренные люди. Пусть одни думаютъ, что Александръ вѣрилъ въ свое божественное происхожденіе, а другіе, что онъ считалъ это только политическою мѣрой; во всякомъ случаѣ до насъ дошло слѣдующее его изреченіе: «Хотя Зевсъ и отецъ всѣхъ людей, но только лучшихъ онъ дѣлаетъ своими сыновьями». Народы Востока привыкли чтить своего царя какъ существо высшаго порядка; эта вѣра, какъ бы ни измѣнялась потребность въ такомъ представленіи сообразно съ нравами и предразсудками времени, является здѣсь постоянной основой монархіи, и даже всякой иной формы господства. Даже дорическія аристократіи древности признавали за потомками своихъ героическихъ основателей это преимущество надъ подвластнымъ имъ народомъ, а демократическія Аѳины основали на совершенно аналогичномъ съ этимъ предразсудкѣ свои понятія о необходимости рабства въ интересахъ привилегированнаго класса свободныхъ.

Монархія Александра сравнительно съ этимъ представлениемъ все-таки имѣла хотя бы то преимущество, что не смотрѣла на варваровъ какъ на рожденныхъ для рабства. Александръ принималъ отъ варваровъ «поклоненіе», которое они привыкли воздавать своему царю, «богоравному человѣку»; если греческій міръ долженъ былъ умѣститься въ рамкахъ этой монархіи, то первымъ и самымъ существеннымъ шагомъ было привести и приучить грековъ къ той же самой вѣрѣ въ величіе монарха, которую питала Азія и въ которой Александръ видѣлъ самую существенную гарантію своего престола.

Въ то время, когда въ Азіи дѣлались послѣдніе шаги къ сліянію культуры Запада и Востока, въ Грецію было послано приглашеніе даровать царю посредствомъ общественныхъ постановленій божескія почести. Конечно, большинство городовъ исполнило то, чего отъ нихъ требовали. Постановленіе спартанцевъ гласило: «такъ какъ Александръ желаетъ быть богомъ, то да будетъ онъ богомъ». Въ Афинахъ это предложеніе внесъ въ народное собраніе Демадъ; Писеея выступилъ съ возраженіемъ противъ него. «Противно законамъ Солона, — говоритъ онъ, — чтить другихъ боговъ, кромѣ отечественныхъ». Когда его спросили, какъ онъ, еще такой молодой, можетъ говорить о такихъ важныхъ предметахъ, то онъ отвѣчалъ, что Александръ еще моложе. Ликургъ тоже возсталъ противъ этого предложенія. «Какой это можетъ быть богъ, — сказалъ онъ, — покидая святилище котораго необходимо очищать себя?» Прежде чѣмъ въ Афинахъ пришли къ какому-нибудь рѣшенію, къ вопросу объ апоѳеозѣ Александра при-

соединился другой вопросъ, непосредственно затрогивавшій общественную жизнь.

То было распоряженіе царя относительно изгнанниковъ греческихъ государствъ. Изгнанія были по большей части слѣдствіемъ политическихъ перемѣнъ, происшедшихъ благодаря побѣдамъ, одержаннымъ македонянами за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Конечно, изгнаніямъ подверглись преимущественно противники Македоніи. Многіе изъ этихъ политическихъ бѣглецовъ находили себѣ раньше возможность продолжать борьбу противъ Македоніи на службѣ въ войскахъ персидскаго царя; послѣ паденія Персіи они, беспомощные и безпріютные, бродили по бѣлому свѣту; нѣкоторые могли поступить на службу въ македонское войско, другіе, пока Александръ находился въ Индіи, были завербованы сатрапами лично для себя, а остальные возвратились послѣ своихъ скитаній въ Грецію, чтобы ожидать по сосѣдству съ своими родными городами перемѣны положенія, или отправились на центральный пунктъ вербовки солдатъ на Тенарѣ, чтобы тамъ наняться къ кому-нибудь на службу. Значительное число людей безъ дѣла должно было сильно возрасти, когда Александръ предложилъ всѣмъ сатрапамъ отпустить ихъ наемниковъ; и опасность, которою эти люди грозили спокойствію Греціи, должна была усилиться пропорціонально ихъ численности, несчастному положенію и отсутствію всякихъ видовъ на будущее. Единственнымъ средствомъ отвратить эту опасность было доставить изгнанникамъ возможность воротиться на родину; это средство приобрѣло бы Македоніи благодарность изгнанниковъ, и усилило бы македонскую партію въ отдѣльныхъ госу-

дарствахъ. За внутреннее спокойствіе Греціи были бы въ такомъ случаѣ отвѣтственны уже сами государства, и если теперь внутренній расколъ проявился бы снова, то македонская держава имѣла бы удобный предлогъ вмѣшаться. Правда, эта мѣра была противна постановленіямъ коринѳскаго союза, была очевиднымъ покушеніемъ на гарантированное ими самодержавіе принадлежавшихъ къ союзу государствъ; можно было предвидѣть, что исполненіе царскаго повелѣнія подастъ поводъ къ безконечнымъ неурядицамъ даже въ семейныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ. Но прежде всего это благодѣяніе приносило пользу противникамъ Македоніи; наступало время, когда передъ единствомъ общаго всѣмъ государства начали исчезать политическія партіи въ греческихъ городахъ, какъ и антагонизмъ національной вражды между греками и азіатами; примѣненіе въ такихъ обширныхъ размѣрахъ истинно царскаго права помилованія было первымъ актомъ высшей имперской власти, къ которой Александръ надѣялся приучить грековъ.

Царскій рескриптъ долженъ былъ быть объявленъ во время празднованія олимпійскихъ игръ 324 года. Извѣстіе объ этомъ распространилось заранѣе; изгнанники со всѣхъ сторонъ стекались въ Олимпію, чтобы услышать слово прощенія. Въ отдѣльныхъ государствахъ, напротивъ, это извѣстіе вызвало возбужденіе въ разныхъ формахъ: между тѣмъ какъ многіе радовались, что снова будутъ жить вмѣстѣ со своими родными и друзьями и что, благодаря всеобщей амнистіи, вернется спокойствіе и благосостояніе лучшихъ временъ, другіе въ этомъ повелѣніи съ негодованіемъ должны были видѣть нару-

шеніе правъ ихъ государства и начало крупныхъ внутреннихъ неурядиць. Во время празднованія сто четырнадцатой олимпіады, въ присутствіи эллиновъ изъ всеѣхъ мѣстностей, въ числѣ которыхъ находилось около 20,000 изгнанниковъ, глашатай прочелъ царскій декретъ: «Царь Александръ шлетъ свой привѣтъ изгнанникамъ греческихъ городовъ. Виною вашего изгнанія были не мы; но мы хотимъ доставить возможность возвратиться на родину всеѣмъ, за исключеніемъ тѣхъ, на которыхъ тяготѣетъ убійство. Поэтому мы повелѣли Антипатру принудить къ этому силой тѣ города, которые откажутся принять васъ». Слова глашатая были приняты съ безконечнымъ ликованіемъ, и во все стороны потянулись со своими единоплеменниками изгнанники по направленію къ своей родинѣ, которой они такъ долго были лишены.

Только аеиняне и этоляне отказались послѣдовать приказу царя. Аеиняне не могли не видѣть, что благодаря декрету имъ грозитъ опасность потерять самый важный островъ, который остался у нихъ отъ поры ихъ прежняго господства. Во времена Тимофея они изгнали жителей Самоса и раздѣлили ихъ землю между аеинскими клерухами; теперь аеинскіе колонисты, согласно приказу царя, должны были уступить мѣсто прежнимъ жителямъ и оставить тѣ земли, которыя они болѣе тридцати лѣтъ или воздѣлывали сами, или отдавали въ аренду. Всего болѣе задѣтъ и раздражить ихъ должно было то обстоятельство, что царь далъ этому приказу такую форму, какъ будто онъ просто желалъ осуществить законное право бѣглецовъ, какъ будто бы онъ вовсе не нуждался въ согласіи государствъ, которыхъ это

касалось, хотя договоры 334 года ясно опредѣляли, что ни одно изъ союзныхъ государствъ не должно содѣйствовать попыткамъ насильственнаго возвращенія на родину изгнанниковъ другихъ союзныхъ государствъ. Можно сказать, что этимъ приказомъ Александра былъ явно поднятъ вопросъ объ автономіи и самодержавіи аѣинскаго государства; подчинившись ему, народъ призналъ бы себя подданнымъ македонскаго царя. Неужели же аѣиняне были уже настолько недостойны своихъ предковъ, а Аѣины уже столь безсильны, что должны были молча склониться передъ деспотическимъ приказомъ?

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ОБРАЗОВАНІЯ ГОСУДАРСТВЪ И СОЮЗОВЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(*Vischer, Kleine Schriften, I Band.*)

Въ исторіи всѣхъ народовъ и государствъ мы находимъ два начала, съ равнымъ правомъ стремящіяся къ преобладанію; взаимное разграниченіе этихъ началъ составляетъ одну изъ высшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и труднѣйшихъ задачъ политической жизни. Съ одной стороны, это свободная дѣятельность отдѣльных частей народа, крупныхъ и мелкихъ, съ другой—единство цѣлаго. Первое начало обусловливаетъ свободу и богатство внутренней жизни народа, второе—могущество и значеніе государства, его внѣшнюю независимость и вліяніе. Ни одно изъ этихъ началъ не можетъ развиваться вполне безъ помощи другого. Исключительное преобладаніе начала свободы приводитъ къ анархіи, безсилію, внѣшней зависимости, за которой естественно слѣдуетъ и внутреннее рабство; одностороннее проведеніе начала единства ведетъ къ подавленію внутренней свободы, къ безправію и деспотизму,—явленія, за которыя плохо вознаграждаетъ призракъ внѣшняго могущества. Отношеніе обоихъ этихъ началъ другъ къ другу опредѣляетъ характеръ политической исторіи народовъ. Тамъ, гдѣ преобладаетъ начало свободы, народъ распадается на нѣсколько государствъ, соединенныхъ между собою болѣе или менѣе тѣсною связью; тамъ же, гдѣ пріобрѣтаетъ особенное значеніе начало единства, народъ образуетъ единое государственное тѣло, въ которомъ свобода дѣйствій отдѣльных членовъ болѣе или менѣе стѣсняется или является вовсе подавленной. Въ первомъ случаѣ народу грозитъ распаденіе на атомы, потеря силы и независимости, во второмъ—вымираніе индивидуальной жизни, застой, утрата истинной свободы.

Особенно большимъ значеніемъ пользовалось начало свободы отдѣльныхъ частей націи именно у грековъ, которые и въ этомъ отношеніи выступаютъ первыми представителями европейской

свободы въ противоположность азіатскому деспотизму. Это стремленіе къ свободѣ и самостоятельности отдѣльных частей, къ образованію мелкихъ политическихъ общинъ, достигающихъ почти художественной законченности, составляетъ существенную особенность греческаго народа. Этой особенностью объясняется множество другихъ явленій греческой жизни; она служитъ источникомъ какъ того безконечнаго разнообразія, съ которымъ развивается исторія грековъ, такъ и ихъ политической раздробленности. Въ нужное время грекамъ не удается найти такой формы, въ которой нашли бы себѣ надлежащее удовлетвореніе оба начала. Въ бесплодныхъ поискахъ за примиреніемъ ихъ и въ столь же бесплодной борьбѣ между ними и гибнетъ въ концѣ концовъ греческій народъ, утрачивая сначала внѣшнюю независимость, а затѣмъ постепенно и внутреннюю свободу. Изученіе различныхъ попытокъ грековъ удовлетворить этой основной потребности, образовать болѣе или менѣе крупныя политическія союзы, представляетъ задачу столь же интересную, какъ и поучительную. При разрѣшеніи ея въ цѣломъ объемѣ пришлось бы разслѣдовать происхожденіе почти всѣхъ греческихъ государствъ, обозрѣть съ извѣстной точки зрѣнія всю греческую исторію. Здѣсь мы ограничимся попыткою изложить возможно короче главные моменты въ развитіи объединительныхъ стремленій грековъ, а также указать главные способы, какими греки старались отъ обособленности отдѣльныхъ государствъ перейти къ болѣе крупнымъ политическимъ союзамъ.

Едва ли какое изъ греческихъ государствъ, въ томъ видѣ, какъ они представляются намъ въ эпоху ихъ расцвѣта, напр., въ VI—V вѣкахъ до Р. Хр., съ самаго начала составляло политическое цѣлое. Было время, когда Аттика раздѣлялась на много государствъ, когда въ Лаконіи существовали другъ подлѣ друга независимыя общины; о другихъ областяхъ, которыя мы привыкли считать за цѣлое, извѣстно, что и въ позднѣйшее время ихъ политическое объединеніе было очень непрочное, если не вовсе отсутствовало. Примѣрами могутъ служить Фессалія, Этолія, Аркадія, Арголида. Чѣмъ ближе подходимъ мы къ началу собственно эллинской жизни, тѣмъ сильнѣе сказывается это раздробленіе, и мы

можемъ не колеблясь выставить положеніе, что болѣе крупныя государства образовались у грековъ постепенно, путемъ послѣдовательнаго объединенія, централизаціи мелкихъ общинъ.

Остатки этой древнѣйшей формы государства наблюдаются еще въ позднѣйшія времена въ Аркадіи, гдѣ, за отсутствіемъ городовъ, группы селеній образуютъ волостные союзы съ характеромъ самостоятельныхъ государствъ. Этолійцы до позднѣйшихъ временъ тоже жили въ селеніяхъ, соединявшихся одно съ другимъ очень слабыми политическими узами.

Потребности самозащиты рано побудили эти общины къ образованію болѣе тѣснаго союза, въ древнѣйшія времена принимавшаго иногда форму волостного устройства, а позднѣе, обыкновенно, путемъ такъ называемаго синойкизма, видъ города. Однако этому слову «городъ» не слѣдуетъ приписывать здѣсь того значенія, какое оно получило въ средніе вѣка и въ новое время, когда, въ противоположность сельчанамъ, горожанами стали называть только обитателей самаго города или, по крайней мѣрѣ, его округа, занимающихся большею частью ремеслами и торговлей. Слово «городъ» по-гречески имѣетъ два значенія: болѣе узкое и болѣе широкое; оно употребляется для обозначенія какъ мѣста, занимаемаго поселеніемъ, такъ и политическаго цѣлаго. Въ первомъ случаѣ оно обозначаетъ первоначально укрѣпленіе, построенное, большею частью, на холмѣ и составляющее древнѣйшее ядро города; укрѣпленіе это получаетъ названіе «верхняго города» (кремля) только тогда, когда у подошвы холма образуется нижній городъ (посадь), обыкновенно

гораздо болѣе обширный. Позднѣе именемъ города стали обозначать всю совокупность поселенія. Что греческій городъ не былъ непременно окруженъ стѣнами, это доказываетъ примѣръ Спарты, но извѣстно также и то, что онъ обыкновенно былъ укрѣпленъ. Въ болѣе широкомъ смыслѣ слово городъ обозначало у грековъ сосредоточивавшуюся вокругъ крѣпости политическую общину большого или меньшаго размѣра; городъ служилъ для этой общины административнымъ и судебнымъ центромъ. Въ этомъ смыслѣ отдѣльный городъ вовсе не состоялъ обязательно изъ одного поселенія; напротивъ, большею частью онъ заключалъ въ себѣ нѣсколько мѣстечекъ, которыя, въ противоположность центру управленія, назывались селеніями или общинами (комы или демы); иногда нѣсколько такихъ мѣстечекъ сами составляли городъ въ болѣе узкомъ смыслѣ слова. Такъ, Спарта состояла изъ четырехъ или пяти сельскихъ общинъ (комъ); еще большее число демовъ находилось въ стѣнахъ Аѳинъ.

При самомъ возникновеніи города у грековъ мы можемъ различить два вида объединенія, которые, какъ мы увидимъ ниже, постоянно появляются при всякой попыткѣ греческихъ государствъ къ централизаціи. Въ одномъ случаѣ всѣ общины соединяются на равныхъ правахъ въ одинъ городъ, такъ что всѣ члены ихъ становятся гражданами государства, все равно проживаютъ ли они въ городѣ или нѣтъ. Въ другомъ случаѣ одно поселеніе пріобрѣтаетъ надъ сосѣдними такой перевѣсъ, что они становятся въ зависимость отъ него. Особенно часто происходило послѣднее, повидимому, тамъ, гдѣ племена завоевателей поселялись въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Жи-

тели мелкихъ поселковъ входятъ, правда, въ составъ государства, но въ качествѣ подданныхъ, а не равноправныхъ гражданъ.

Такимъ образомъ изъ отдѣльныхъ общинъ, путемъ ли волостного устройства или посредствомъ основанія городовъ и политическаго синойкизма, составляются государства. Но этотъ первый шагъ все еще оставляетъ независимыми очень большое число политическихъ единицъ, которыя не сближаются одна съ другой ни въ виду опасностей войны, ни ради мирныхъ сношеній. Разобщеніе выступаетъ тѣмъ рѣзче, что по античнымъ понятіямъ защитой закона пользовался только членъ своего государства, членъ же чужого государства былъ лишенъ ея, если только не было между государствами на этотъ счетъ особыхъ договоровъ. Въ виду этого естественно должна была явиться потребность въ болѣе тѣсномъ сближеніи отдѣльныхъ государствъ, обнаруживавшаяся, смотря по обстоятельствамъ, то слабѣе, то сильнѣе.

Какъ соединеніе въ волостные союзы или въ города, такъ и объединеніе этихъ союзовъ въ болѣе крупное цѣлое обуславливалось, прежде всего, естественной близостью племенной или географической. Племенные различія составляли основу эллинскихъ областныхъ дѣленій. Въ этихъ областныхъ группахъ и проявляется прежде всего стремленіе къ единству, то охватывая ихъ цѣликомъ, какъ въ Лаконіи, Атикѣ, Беотіи, то образуя внутри ихъ меньшія соединенія и какъ бы останавливаясь на срединѣ между образованіемъ городовъ и преобразованіемъ народности въ политическое тѣло, какъ это было въ Аркадіи, Арголидѣ, на Критѣ. При такомъ объединеніи пле-

мень развиваются двѣ основныя формы политической связи: государство централизованное и государство союзное; между обѣими формами является, однако, множество переходовъ и точекъ соприкосновения.

Разсмотримъ сначала первую форму, представляющую собою, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, повтореніе соединенія волостей въ городъ. Въ этомъ случаѣ все племя соединяется вполне въ одно государство, образуетъ одинъ «городъ»; самостоятельные прежде города исчезаютъ, какъ отдѣльныя общины, и становятся по отношенію къ государству въ положеніе волостей (комъ, демовъ). Это объединеніе происходитъ двумя путями: или чрезъ поглощеніе отдѣльныхъ государствъ новымъ цѣлымъ, съ сохраненіемъ равноправности за жителями прежнихъ государствъ, такъ что главный городъ имѣетъ только то преимущество, что служитъ центромъ государства; или же чрезъ подчиненіе прочихъ городовъ главному, граждане котораго захватываютъ власть надъ жителями остальныхъ государствъ, бывшихъ прежде самостоятельными.

Первая форма объединенія примѣнялась въ тѣхъ областяхъ, гдѣ населеніе въ цѣломъ носило характеръ однородный, гдѣ части его не выступали прямо другъ противъ друга, какъ побѣжденные и побѣдители. Наилучшій образецъ этого представляетъ Атика. Первоначально она распадалась по крайней мѣрѣ на двѣнадцать отдѣльныхъ государствъ. Правда, правители Аѣинъ, повидимому, рано начали предъ-являть притязанія на извѣстное верховенство, но связь во всякомъ случаѣ была очень шаткая, такъ что между городами бывали даже войны. Конецъ

такому состоянію положила великая реформа, приписываемая Тесею, котораго поэтому съ полнымъ правомъ можно считать настоящимъ основателемъ аѣинскаго государства и аѣинской свободы. А именно, онъ уничтожилъ городскія власти и правительства всѣхъ другихъ городовъ, учредилъ для нихъ единое управленіе въ Аѣинахъ и принудилъ ихъ гражданъ признавать «городомъ» только Аѣины, хотя имъ можно было жить попрежнему въ своихъ владѣніяхъ. Въ воспоминаніе объ этомъ важномъ событіи аѣиняне не безъ основанія сохранили до позднѣйшихъ временъ праздникъ синойкій. О подчиненіи одной части области подъ власть другой не было при этомъ и рѣчи; въ Аттикѣ не было никакихъ подданныхъ въ противоположность гражданамъ города, но жители всей Аттики были гражданами Аѣинъ. Всякое политическое различіе между Аттикой и Аѣинами исчезло; не существовало ничего подобнаго тому контрасту, какой былъ между спартанцемъ и лакедемоняниномъ, между еиванцемъ и беотійцемъ. Напротивъ того, до самой пелопонесской войны аристократы Аттики жили преимущественно въ своихъ помѣстьяхъ и питали особенную привязанность къ сельской жизни, такъ что для нихъ тяжело было переселяться въ городъ въ началѣ войны. Полное единство области и города, начало которому положилъ Тесей, было завершено Клизеевомъ, раздѣлившимъ весь аѣинскій народъ вмѣсто четырехъ колѣнъ, на которыя онъ до того распался, на десять филъ. Вся Аттика такимъ образомъ составила одно цѣлое, образовала, такъ сказать, одинъ большой городъ, чего въ такой степени не бывало почти нигдѣ. Рано также въ Аттикѣ совсѣмъ пере-

стали называть городами отдѣльныя мѣстечки, а стали называть ихъ демами, хотя многія изъ этихъ поселеній имѣли внѣшніе признаки города, были укрѣплены и иногда отличались порядочными размерами.

Такое полное объединеніе Аттики въ одно государство, — съ сохраненіемъ однако за демами полной свободы въ своихъ общинныхъ дѣлахъ, — послужило одной изъ главныхъ причинъ того, что эта область, хотя и принадлежавшая къ болѣе мелкимъ областямъ Греціи, обнаружила почти невѣроятную силу; а насколько такое объединеніе соответствовало потребности населенія, видно всего яснѣе изъ того, что при всѣхъ движеніяхъ и переворотахъ, черезъ которые прошло аѣинское государство, мы ни разу не встрѣчаемъ попытки оторвать отъ города отдѣльныя части области. Городъ, напротивъ, служилъ для страны украшеніемъ, на которое всякій взиралъ съ чувствомъ гордости: всякій гражданинъ Аттики былъ такимъ же аѣиняниномъ, какъ и тотъ, который жилъ въ самомъ городѣ. Въ другихъ областяхъ синойкизмъ былъ проведенъ съ гораздо меньшей полнотою и на меньшемъ пространствѣ.

Второй способъ объединенія области въ государство, — черезъ подчиненіе мелкихъ поселеній главному городу, — примѣнялся обыкновенно тамъ, гдѣ сравнительно небольшая дружина пришлыхъ завоевателей сталкивалась съ болѣе многочисленнымъ туземнымъ населеніемъ, разбѣяннымъ по странѣ: съ самаго начала завоеватели становятся въ этомъ случаѣ во враждебныя отношенія къ покоренному народу и, чувствуя свое превосходство, не легко

выпускаютъ власть изъ рукъ. Кромѣ того, обыкновенно покоренныхъ отдѣляетъ отъ побѣдителей племенное различіе, что еще болѣе затрудняетъ смѣшеніе между тѣми и другими. Завоеватели поселяются въ одномъ или нѣсколькихъ городахъ и отсюда управляютъ окрестными поселеніями. Лучшимъ примѣромъ области, такимъ путемъ образовавшей объединенное государство, служить Лаконика. Здѣсь страна была объединена чрезъ подчиненіе ея господству одного города; но отношенія были организованы такъ прочно, что являлась возможность наивысшаго развитія силъ, и скрѣпленное такимъ образомъ государство долгое время оказывалось сильнѣе другихъ племенъ. Это доказали войны съ Мессеніей, Аргосомъ и Аркадіей, гдѣ такого сосредоточенія силъ или совѣмъ не было, или оно не было доведено до конца.

Съ подобнымъ ходомъ образованія государствъ мы встрѣчаемся и въ остальныхъ дорійскихъ государствахъ Пелопонеса; разница тутъ была только въ томъ, что они большею частью занимали области гораздо меньшія по размѣру, такъ какъ съ самага начала завоеватели поселились въ большемъ числѣ городовъ и изъ каждаго такого города подчинили себѣ ближайшій къ городу округъ, оставаясь при этомъ сами независимыми другъ отъ друга. Такъ было главнымъ образомъ въ Арголидѣ, гдѣ образовалось нѣсколько мелкихъ государствъ, мѣшавшихъ объединенію всей области, затѣмъ въ Элидѣ, гдѣ жители низменности Элиды, съ главнымъ городомъ того же имени, образовали собственное государство и держали въ подчиненіи двѣ другія части области.

Въ этихъ государствахъ процессъ объединенія не отличался такою послѣдовательностью и энергіею, какъ въ Спартѣ, и потому въ нихъ происходило много перемѣнъ и переворотовъ; въ частности, Элидѣ не удалось придать этимъ отношеніямъ прочнаго характера, такъ что въ удобные моменты подданные иногда снова становились независимыми, по временамъ встрѣчая въ этомъ стремленіи поддержку со стороны самой Спарты.

Итакъ мы видимъ, что наибольшую силу приобрѣли въ Греціи тѣ области, которымъ удалось образовать вполнѣ объединенное государство, путемъ ли полнаго сліянія въ одинъ городъ или посредствомъ подчиненія главному городу остальной страны. Одно изъ такихъ государствъ, Лакедемонъ, сдѣлалось главной опорой аристократіи, и учрежденія его держались цѣлыя столѣтія неизмѣнными; другое, пройдя черезъ всѣ формы греческаго государственнаго устройства, достигло высшаго процвѣтанія въ эпоху полной демократіи.

Въ то время, какъ только-что названныя племена объединялись вокругъ одного города въ единое государство, у другихъ племенъ стремленіе къ объединенію было слабѣе и обнаруживалось только въ образованіи союзовъ, сохранявшихъ за отдѣльными государствами большую или меньшую самостоятельность.

Едва ли можно называть союзами такія связи племенъ, которыя ограничивались періодическими собраніями у храма племенного божества, — хотя и здѣсь мы часто находимъ зародыши дальнѣйшаго объединенія. Очень слабымъ началомъ образованія

союза представлялось, напимѣръ, собраніе азіатскихъ іонянъ у Паніоніона. То же можно сказать и о праздничныхъ сборищахъ шести дорійскихъ городовъ Малой Азіи.

О настоящемъ союзномъ государствѣ рѣчь можетъ итти только тамъ, гдѣ есть налицо общія власти, которыя въ общихъ дѣлахъ постановляютъ обязательныя для всѣхъ членовъ союза рѣшенія и которыя во внѣшнихъ сношеніяхъ представляютъ союзъ какъ цѣлое. Такое государство принимаетъ самыя разнообразныя формы, болѣе или менѣе развитыя: оно то предоставляетъ равныя права всѣмъ членамъ, то создаетъ привилегіи для главнаго города; но въ общемъ, при всемъ разнообразіи своихъ оттѣнковъ, оно занимаетъ средину между религіозными союзами и объединеннымъ государствомъ.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ федеративная связь существовала съ незапамятныхъ временъ; напротивъ, въ другихъ связи были первоначально очень слабы и окрѣпли только впоследствии. Высшей степени своего развитія федеративное начало достигало только тогда, когда силы народа находились уже въ упадкѣ, и, можетъ-быть, именно потому, что онѣ пришли въ упадокъ. Въ болѣе раннія эпохи сильныя государства при своемъ властолюбіи не легко соглашались на предоставленіе равныхъ правъ менѣе сильнымъ; это было тѣмъ понятнѣе, что не было еще найдено формы, которая установила бы справедливое отношеніе между правами и обязанностями всѣхъ членовъ государства.

Ходъ развитія федеративнаго начала естественно стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ остальной исторіей,

внутренней и внѣшней. Въ болѣе раннюю эпоху основою связи, болѣею частью довольно слабой, служило въ такихъ союзныхъ государствахъ, на ряду съ общими святилищами, еще свѣжее чувство племенного родства и потребность въ необходимой самооборонѣ. То и другое должно было особенно чувствоваться въ періодъ времени, послѣдовавшій за переселеніемъ дорянъ. Всюду почти тогда воинственные племена захватывали себѣ новыя мѣста для поселенія, измѣнялись заново поземельныя отношенія, отовсюду грозила опасность прочности отношеній, только-что созданныхъ переворотами. Поэтому среди древнѣйшихъ союзныхъ государствъ оказывается много племенъ, занявшихъ путемъ завоеванія новыя области. Къ числу ихъ принадлежали ессалійцы, беотійцы, ахейцы въ Эгіалеѣ. Другія племена принуждены были держаться вмѣстѣ для защиты себя отъ нападений этихъ самыхъ завоевателей; такъ было, на примѣръ, съ фокидцами. Чѣмъ менѣе устойчивости представляло положеніе дѣлъ въ Греціи, тѣмъ необходимѣе было племенамъ сплачиваться ради общей защиты. Но возникшая такимъ образомъ связь ослабѣвала съ теченіемъ времени по мѣрѣ упроченія отношеній, по мѣрѣ того, какъ и отдѣльныя государства достигали достаточной силы. Развитіе отдѣльныхъ государствъ съ одной стороны, образованіе большихъ союзовъ (симмахій) съ гегемоніей— съ другой, оказывали сильное вліяніе на большую или меньшую прочность союзовъ. Различіе въ государственномъ устройствѣ вызывало отчужденіе между отдѣльными государствами, а антагонизмъ политическихъ интересовъ, симпатіи и антипатіи часто брали верхъ надъ сознаніемъ племенной близости.

сти. Въ интересѣ гегемоновъ было не допускать усиленія союзныхъ государствъ, но самимъ служить опорой для болѣе слабыхъ изъ нихъ и такимъ образомъ не допускать такого развитія силъ, которое могло быть опасно для гегемоніи. Особенно послѣдовательно держалась такой политики Спарта.

Таковы тѣ причины, по которымъ союзныя государства пользовались наименьшимъ значеніемъ во время высшаго расцвѣта Греціи, въ V ст. до Р. Х. Борьба между демократіей и олигархіей, достигшая въ то время своего наибольшаго напряженія, ослабляла эти государства внутри, могущество Спарты и Аѣинъ ограничивало ихъ развитіе извнѣ, раздѣленіе всей Греціи на два большихъ лагеря поглощало интересы отдѣльныхъ племенныхъ союзовъ.

Только когда пелопонесская война сломила могущество Аѣинъ, а Спарта выказала стремленіе превратить свою гегемонію въ гнетущую тираннію и, подъ предлогомъ охраны автономіи отдѣльныхъ государствъ, разрушить все союзы,—только тогда снова ожило стремленіе племенъ къ единенію. Это стремленіе создало формы, которыя, хотя и не привели на первыхъ порахъ къ особенно прочнымъ результатамъ, тѣмъ не менѣе составляютъ новую ступень въ развитіи союзаго начала и заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны историка. А именно, въ это время, между пелопонесской войной и появленіемъ Филиппа Македонскаго, проявляется стремленіе укрѣпить силы племенъ чрезъ сосредоточеніе ихъ въ одномъ значительномъ городѣ, слить отдѣльныя государства въ единое цѣлое, и

притомъ съ демократическимъ устройствомъ. Объединенію помѣшало сопротивленіе отдѣльныхъ государствъ, которымъ грозила опасность и которыя нашли себѣ поддержку главнымъ образомъ у Спарты.

Послѣдняя ступень въ развитіи союзнаго государства наступаетъ, наконецъ, въ третьемъ столѣтіи до Р. Х., когда главныя державы прежняго времени или взаимно обезсилили другъ друга или были ослаблены Македоніей. Въ двухъ областяхъ, до тѣхъ поръ державшихся больше въ сторонѣ, въ Этоліи и Ахайѣ, въ это время является союзное государство на новыхъ началахъ, установившее правильное отношеніе между властью центральныхъ учреждений и свободою членовъ союза и въ то же время вышедшее далеко за предѣлы племени. Такое союзное государство представляетъ переходъ отъ союзовъ отдѣльныхъ племенъ къ союзамъ обще-греческимъ.

На ряду съ указанными уже различіями въ устройствѣ союзовъ, разнообразіе еще усиливается отношеніями внутри отдѣльныхъ государствъ союза; послѣднія или состоятъ изъ равноправныхъ гражданъ или изъ привилегированныхъ гражданъ и подданныхъ; наконецъ, въ иныхъ случаяхъ оказываются подданные у цѣлыхъ союзовъ.

Разсмотримъ прежде всего простѣйшій и древнѣйшій видъ союза, въ которомъ различныя государства одного племени, не имѣя ни главнаго города, ни подданныхъ, составляютъ равноправное цѣлое, основанное не столько на положительныхъ постановленіяхъ, сколько на сознаніи племенного единства и родства. Примѣръ этого мы находимъ въ Фоки-

дѣ, состоявшей, повидимому, по крайней мѣрѣ въ серединѣ IV ст., изъ двадцати-двухъ городовъ. Что эти города стояли другъ съ другомъ въ довольно тѣсной связи, это видно изъ того, что фокидцы въ исторіи почти всегда являются какъ одно цѣлое. Въ общихъ дѣлахъ, напр., относительно войны и мира, рѣшеніе, повидимому, принадлежало областному собранію. Такъ было, по крайней мѣрѣ, во время такъ называемой священной войны. Кромѣ того существовало еще, безъ сомнѣнія, болѣе тѣсное собраніе—союзный совѣтъ. Рано встрѣчаемъ мы также союзныхъ полководцевъ, руководившихъ военными дѣйствіями и представлявшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время, высшую власть и во внутреннихъ дѣлахъ. Во время священной войны во главѣ фокидцевъ стоитъ одинъ полководецъ съ неограниченными полномочіями. Повидимому, онъ выбирался на неопредѣленное время, или, по крайней мѣрѣ, полномочія его возобновлялись каждый разъ по истеченіи срока. Кромѣ того, должность стратега въ это время представляется фактически почти наследственной въ одной семьѣ; но это нужно считать явленіемъ исключительнымъ, почти узурпаціей, а потому противники не совсѣмъ безосновательно называли этихъ стратеговъ тиранами фокидцевъ. Возможно также, что тогда, какъ въ другихъ областяхъ, такъ и въ Фокидѣ, союзныя связи стали крѣпче. На верховныя права или притязанія на нихъ главнаго города мы не находимъ никакихъ указаній, если не считать ранняго отдѣленія Дельфы отъ остальной страны, вызваннаго, быть-можетъ, этой причиною. Города, составлявшіе союзъ, точно такъ же не имѣли подданныхъ, и всѣ

жители страны пользовались одинаковыми правами и свободой. Такъ какъ притомъ до половины IV вѣка въ Фокидѣ не было совсѣмъ и рабовъ, то она представлялась самой свободной страной во всей Элладѣ. Но устройство союза было здѣсь не настолько прочно, чтобы оно могло совсѣмъ устранять распри; это видно изъ отдѣленія Дельфъ.

Это и другія подобныя государства образовались въ тѣхъ частяхъ Греціи, политическая жизнь которыхъ была всего менѣе развита и которыя не оказали рѣшительнаго вліянія на исторію страны. Поэтому, за недостаткомъ данныхъ, мы можемъ сказать съ достаточной увѣренностью только то, что здѣсь союзное устройство, кромѣ религіозныхъ торжествъ, ограничивалось улаживаніемъ внутреннихъ раздоровъ и общими мѣрами для защиты отъ внѣшнихъ нападений, но часто оказывалось недостаточнымъ даже и для этого. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ сильнаго союзнаго правительства, которое давало бы этимъ государствамъ определенное направленіе. Даже самое сохраненіе фокидскаго союза нужно, быть-можетъ, главнымъ образомъ приписывать частымъ нападеніямъ, которыя фокидцамъ приходилось терпѣть отъ эссалійцевъ и беотійцевъ. Подобное союзное устройство могло удовлетворять только при такихъ отношеніяхъ, для которыхъ высшую цѣль составляла замкнутая жизнь, не тревожимая сосѣдями; для болѣе высокихъ политическихъ цѣлей это устройство было непригодно.

Болѣе искусственное союзное устройство съ различными ступенями зависимости и съ высшей союзной властью, по временамъ пріобрѣтавшею большую силу, образовалось въ Эссалии, хотя и здѣсь союз-

ное правительство не приобрѣло характера постояннаго учрежденія. Объединяющимъ элементомъ, кромѣ общаго происхожденія, служили здѣсь главнымъ образомъ потребность господствующихъ классовъ обезпечить себѣ господство надъ подвластными и обладаніе общими подданными. Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ троянской войны эпирское племя ессалійцевъ завоевало страну, названную впоследствии по ихъ имени; одну часть населенія завоеватели вытѣснили, другую, большую, подчинили себѣ. Они поселились затѣмъ въ городахъ средней Фессаліи. Жители ближайшихъ частей страны были поставлены въ тяжкую зависимость: подобно лакедемонскимъ гелотамъ, они подъ именемъ пенестовъ обрабатывали земли побѣдителей. Напротивъ, жители болѣе отдаленныхъ округовъ сохранили полную свободу личности и собственности, но въ то же время все-таки были подчинены ессалійцамъ, которымъ они доставляли войско и платили подати, особенно въ военное время. Большинство этихъ племенъ были подчинены не отдѣльнымъ городамъ, а всемъ ессалійцамъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ Фессалія состояла изъ нѣсколькихъ правящихъ городовъ; у каждаго изъ нихъ были въ своемъ округѣ особые подданные, а у болѣе крупныхъ, можетъ-быть, даже цѣлыя подчиненныя племена; всѣ эти правящіе города вмѣстѣ господствовали надъ сосѣдними болѣе мелкими племенами. Уже одна эта наличность общихъ владѣній приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что союзъ городовъ существовалъ съ самаго времени завоеванія; съ другой стороны, существованіе такого союза доказывается и общими походами, предпринимающимися уже съ раннихъ поръ, особенно часто

противъ Фокиды. Повидимому, союзъ этотъ мало затрогивалъ внутреннія отношенія отдѣльныхъ государствъ, въ которыхъ изстари господствовали олигархія или отдѣльныя фамиліи; цѣль его заключалась скорѣе въ поддержаніи власти надъ подданными и въ объединеніи боевыхъ силъ страны для нападенія и обороны. Каково было устройство ессалійскаго союза въ обыкновенное время, въ какой формѣ постановлялись общія рѣшенія, какія были ^{должности} учрежденія союза, — обо всемъ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Нѣсколько больше извѣстно намъ объ одной чрезвычайной должности. Когда обстоятельства требовали энергичнаго общаго дѣйствія, то иногда выбирали общаго военачальника съ титуломъ «тагоса» (вождя), а въ болѣе раннее время, повидимому, даже царя. Должность эта была долгосрочною и даже пожизненною; иногда она является почти наследственною въ одномъ родѣ. Званіе тагоса давалось всегда людямъ, и безъ того выдававшимся могуществомъ и вліяніемъ, — правителямъ и тиранамъ крупнѣйшихъ городовъ. Власть тагоса не ограничивалась предводительствомъ надъ войскомъ, а распространялась и на внутреннее управленіе. Какія силы могла проявить Эссалія при дѣльномъ тагосѣ, это показалъ примѣръ Язона ферскаго, который, быть-можетъ, предвосхитилъ бы роль Филиппа македонскаго, если бы не былъ убитъ раньше осуществленія своихъ смѣлыхъ плановъ. Но такъ какъ должность тагоса была учрежденіемъ только чрезвычайнымъ, а въ обыкновенное время союзныя связи отличались большою слабостью, и такъ какъ вражда партій ослабляла отдѣльныя государства, то Эссалія никогда не занимала среди греческихъ государствъ на

сколько-нибудь долгое время такого положенія, на какое она могла бы рассчитывать по своему пространству и населенности. При различіи политическихъ правъ разныхъ слоевъ населенія страны, для веденія крупной политики нужно было послѣдовательное, твердое управленіе, въ родѣ спартанскаго. Такого управленія создано не было. Да и санъ тагоса сводился почти къ одной юридической формѣ, подѣ прикрытіемъ которой честолюбивые и энергичные князья подчиняли страну неограниченной власти.

Хотя въ Фессаліи и не могло образоваться союзнаго устройства съ равными правами для всего населенія, но по крайней мѣрѣ центральная власть не была тамъ прикрѣплена къ извѣстному городу. Въ Фессаліи нѣтъ и рѣчи о привилегіяхъ столицы. Напротивъ, въ Беотіи мы находимъ именно такую «столичную» систему, хотя и далеко не признанную всѣми. Хотя и беотійцы, подобно фессалійцамъ, завладѣли страной посредствомъ завоеванія, но въ Беотіи не развилось такого подданства и крѣпостной зависимости, какъ въ Фессаліи. Въ Беотіи мы не встрѣчаемъ сожительства двухъ различныхъ племенъ: здѣсь всѣ жители страны (многіе изъ прежнихъ выселились) слились въ одинъ народъ. Фивы съ ихъ древнимъ кремлемъ стали центромъ, въ которомъ сосредоточилась сила пришельцевъ, и изъ котораго они постепенно завладѣвали страной и заселяли ее; но въ результатѣ получилось не единое государство, а союзъ, въ который вступили независимые города. Послѣдніе раздѣлили между собой всю область, и притомъ такъ, что по крайней мѣрѣ болѣе значительнымъ изъ мѣстныхъ центровъ было

подчинено по нѣскольку небольшихъ городковъ и мѣстечекъ. Вошедшіе въ союзъ города объединялись древнимъ союзнымъ устройствомъ. Общія дѣла обсуждались четырьмя беотійскими совѣтами, рѣшавшими окончательно вопросы о войнѣ, мирѣ, союзахъ и т. под. Въ качествѣ исполнительной власти и союзныхъ полководцевъ во главѣ союза стоятъ «беотархи». При выборѣ ихъ эиванцы, какъ гегемоны, пользовались преимуществомъ предъ прочими беотійцами. Притязанія Эивъ на гегемонію, какъ это вообще бывало съ отношеніями греческихъ метрополій къ колоніямъ, основывались больше на обычаяхъ, чѣмъ на опредѣленныхъ постановленіяхъ. Это стремленіе Эивъ руководить всей Беотіей и сопротивленіе другихъ государствъ вызывали постоянныя распри и междоусобія и послужили поводомъ къ отпаденію многихъ городовъ. Несмотря на измѣненія въ ходѣ дѣлъ и на временное распаденіе, Эивы все-таки умѣли всегда возстановлять союзъ и особенно упрочили его послѣ пелопонесской войны, пока онъ не былъ расторгнутъ Анталкидовымъ миромъ. Но когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, иго Спарты было свергнуто и на мѣсто поддерживаемой ею олигархіи была поставлена демократія, тогда прежнее союзное устройство не было возстановлено; потребность болѣе энергичнаго дѣйствія и вліяніе времени вызвали новыя формы. Теперь Эивы стремятся объединить всю Беотію такъ, чтобы она составляла уже не союзъ, но единое государство, съ столицею въ Эивахъ, т. е. стараются ввести такое государство, какое было въ Атикѣ. Потому возстановленная должность беотарховъ оказывается въ то же время эиванскимъ учрежденіемъ; эиванцы теперь повсюду являются

подъ именемъ беотійцевъ, и мы находимъ даже въ рѣшеніяхъ аѣинскаго народа выраженіе «беотійцы въ Эивахъ». Упорное сопротивленіе нѣкоторыхъ беотійскихъ городовъ и жестокое отношеніе къ нимъ Эивъ не должно приводить насъ къ заключенію, будто дѣло шло объ установленіи постояннаго подчиненія. Эти города только не хотѣли снизойти на степень дѣмовъ; они хотѣли сохранить свою самостоятельность; они имѣли тѣмъ болѣе основаній желать этого, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ имѣли строго олигархическое устройство, и потому ихъ должна была очень мало привлекать перспектива поглощенія эиванско-беотійской демократіей, дѣйствовавшей вообще грубо и рѣзко. Пока Эивы подъ руководствомъ Эпаминонда сохраняли значеніе, держалось и новое устройство; затѣмъ эиванцы старались поддержать это устройство, несмотря на сильное сопротивленіе многихъ городовъ, находившихъ себѣ поддержку въ Фокидѣ. Этимъ антагонизмомъ объясняется страшное ожесточеніе Эивъ и Фокиды въ священную войну. Битва при Херонеѣ и, наконецъ, разрушеніе Эивъ Александромъ положили конецъ союзу.

Итакъ въ Беотіи мы имѣемъ союзное государство, въ которомъ, несмотря на существованіе союзнаго совѣта и высшихъ должностей, замѣщаемыхъ всѣми государствами, центральная власть фактически принадлежала могущественной столицѣ; именно изъ-за этого въ союзѣ и происходили постоянныя распри и раздоры, пока союзное государство не преобразовалось въ единое или, по крайней мѣрѣ, не приблизилось къ нему въ сильной степени. Но чувство самобытности все еще было слишкомъ сильно во мно-

гихъ городахъ; ихъ недовольство Эивами пустило слишкомъ глубокіе корни, чтобы они охотно подчинились новому положенію. Общебеотійское право гражданства не вознаграждало ихъ за потерю городской самостоятельности, а фактической перевѣсъ столицы, несмотря на юридическую равноправность, давалъ себя чувствовать тѣмъ сильнѣе, что народъ отличался всегда грубостью и склонностью къ насилию. Къ подчиненію относились какъ къ тяжкому игу; его выносили, пока это было необходимо, но при первомъ случаѣ старались отъ него отдѣлаться.

Послѣ пелопонесской войны мы видимъ, что въ Эссалии должность тагоса превратилась почти въ наследственную монархію и что Беотія преобразовалась въ единое демократическое государство. Въ то же время и во многихъ другихъ мѣстахъ сдѣланы были попытки такого же объединенія, большею частью сопровождавшіяся введеніемъ демократическаго устройства; нерѣдко попытки эти переходили за предѣлы отдѣльнаго племени.

Первымъ примѣромъ служить союзъ Аргоса и Коринѳа во время коринѳской войны. Стороны не довольствовались въ этомъ случаѣ заключеніемъ тѣснаго союза, но въ 392 г. Коринѳъ, по побужденію демократической партіи, вступилъ, какъ составная часть, въ аргивское государство. Пограничные столбы были сняты, коринѳяне стали гражданами аргивскаго государства, государство получило общее названіе Аргоса. Анталкидовъ миръ положилъ конецъ этому положенію, противъ котораго страшно возставали олигархи Коринѳа.

Гораздо успѣшнѣе проводилъ ту же политику

объединенія Олинѣ на границѣ Фракіи. При началѣ пелопонесской войны онъ усилился благодаря тому, что жители многихъ мелкихъ городовъ Халкидскаго побережья переселились туда съ цѣлью успѣшнѣе противиться аѣинянамъ, отъ которыхъ они отпали. Царь македонскій, побудившій ихъ къ этому противодѣйствію, и не думалъ, что создаетъ такимъ образомъ опаснаго соперника для своего царства. Его преемникамъ пришлось скоро испытать это. Когда вліяніе Аѣинъ въ этихъ областяхъ было сломлено и такимъ образомъ македоняне и халкидцы достигли общей цѣли, которая до тѣхъ поръ ихъ связывала, когда все вниманіе Спарты было занято коринтской войной, а Македонію ослабили споры за престолъ и нападенія иллирійцевъ, тогда Олинѣ въ короткое время сумѣлъ пріобрѣсти такую силу, что подчинилъ себѣ большую часть Македоніи и сталъ грозить существованію всего царства. Такого могущества онъ достигъ благодаря тому, что сталъ не просто главою союза, но центромъ новаго политическаго организма. Для этой цѣли Олинѣ пригласилъ сосѣдніе города составить съ нимъ одно государство. Многія мелкія поселенія добровольно сдѣлали это, и Олинѣ пріобрѣлъ благодаря этому такой перевѣсъ надъ разьединенными сосѣдями, что они одни за другими были присоединены къ новому государству. Что здѣсь въ самомъ дѣлѣ мы имѣемъ объединенное государство, а не простой союзъ и даже не подчиненіе остальныхъ городовъ главному, — это видно всего яснѣе изъ рѣчи, произнесенной въ Спартѣ послами враждовавшихъ съ Олинѣомъ городовъ, Аканѣа и Аполлоніи.

Граждане всѣхъ городовъ подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ, пользуются правомъ всюду вступать въ браки и приобрѣтать недвижимую собственность; противящіеся объединенію города отказываются быть членами олинесскаго гражданства и желаютъ остаться самостоятельными городами. Особенно важны заключительныя слова рѣчи: нужно, чтобы Спарта вмѣшалась немедленно, такъ какъ теперь нѣкоторые города еще не рѣшаются подчиниться новому государству; если же предоставить это государство на нѣкоторое время самому себѣ, то связи упрочатся, такъ что его ужъ не легко будетъ разрушить. Такой результатъ могъ получиться только при равноправности всѣхъ гражданъ. Сопровитвеніе названныхъ городовъ вполнѣ объясняется пристрастіемъ грековъ къ городской самостоятельности, или автополитіи: Олинеъ именно и хотѣлъ принудить Аканеъ и Аполлонію пожертвовать этой самостоятельностью и войти въ составъ новаго государства. Это могущественное государство, въ основѣ котораго лежали начала, пользовавшіяся тогда успѣхомъ во всей Греціи, послѣ геройской четырехлѣтней борьбы было, въ 380 году, сокрушено оружіемъ Спарты и Македоніи, дѣйствовавшихъ въ союзѣ съ недовольными городами. Позднѣе попытка объединенія была повторена съ успѣхомъ, но на этотъ разъ самъ Олинеъ былъ разрушенъ Филиппомъ македонскимъ. Тѣмъ не менѣе примѣръ этотъ показалъ, чего можно достигнуть на этомъ пути.

Тѣмъ же стремленіемъ къ образованію болѣе крупныхъ государствъ, черезъ десять лѣтъ послѣ усмиренія Олинеа, вызвано было основаніе Мегалополя.

Раньше Аркадія никогда не составляла настоящаго союза, и въ ней существовало рядомъ другъ съ другомъ большое число независимыхъ городовъ и волостей. Какъ сосѣдямъ Спарты, аркадцамъ издавна приходилось чувствовать на себѣ ея могущество; еще въ 385 г. спартанцы раздробили политически Мантинею. Потому, послѣ битвы при Левктрахъ, Аркадія захотѣла тоже страхнуть съ себя прежнюю зависимость отъ Спарты. Средствомъ для этого выдающійся политическій дѣятель Ликомедъ изъ Мантинеи призналъ тѣсный союзъ всѣхъ частей страны; въ этой мысли его поддерживалъ Эпаминондъ. По убѣжденію Ликомеда, аркадцы, или по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, рѣшили основать общее государство съ общимъ правительствомъ, законодательной властью и съ общимъ для всего государства войскомъ. Чтобы имѣть твердый опорный пунктъ противъ Спарты, а можетъ-быть также и не желая отдать предпочтеніе одному изъ прежнихъ городовъ, аркадцы основали новый городъ — Мегалополь. Заселить его вынуждены были, — отчасти послѣ сильнаго сопротивленія, — жители сорока мелкихъ городовъ и селеній. Они принадлежали къ самымъ различнымъ, до того независѣвшимъ другъ отъ друга, волостямъ и городскимъ округамъ. По плану, всѣ аркадскія государства должны были впредь имѣть одну законодательную власть и повиноваться однимъ законамъ. Высшая власть должна была принадлежать общенародному собранію «десяти тысячъ», собиравшемуся со всей Аркадіи въ Мегалополь. Кромѣ изданія законовъ это собраніе рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ, о союзахъ, отправляло пословъ, принимало отъ нихъ отчеты, — ко-

роче сказать, оно имѣло почти всѣ права эkkлeсiи въ чистой демократiи, но отличалось отъ послѣдней тѣмъ, что не всѣ граждане Аркадiи призывались къ участию въ этомъ собранiи. Текущими дѣлами общее собранiе завѣдывать, понятно, не могло; завѣдывали ими особые сановники, упоминаемые подъ общимъ именемъ «начальниковъ аркадцевъ». Можетъ-быть, во главѣ ихъ стояли стратеги, которымъ, во всякомъ случаѣ, принадлежало главное начальство надъ войскомъ. Важно было то, что былъ образованъ въ качествѣ кадра военныхъ силъ отрядъ постоянного войска, въ задачи котораго входило и исполненiе постановленiй по внутреннимъ дѣламъ. Сначала отрядъ этотъ получалъ жалованье, позднѣе оно было отмѣнено, и вслѣдствiе этого въ составъ отряда стали входить только люди состоятельные, придававшiе всей политикѣ союза болѣе аристократическое направленiе. Отдѣльные города области должны были, очевидно, по этому плану перейти на положенiе простыхъ демовъ, а вся сила Аркадiи—сосредоточиться въ рукахъ центрального правительства. Но съ самаго начала явились препятствiя. Нѣкоторые города отказались вступить въ союзъ: они хотѣли оставаться самостоятельными и нашли себѣ сильную поддержку у Спарты. Вскорѣ начались раздоры и между присоединившимися городами: противъ демократовъ, склонявшихся на сторону Фивъ, выступили аристократы, сторонники Спарты. Событiя послѣднихъ двухъ лѣтъ передъ битвой при Мантиней, вызвавшiя послѣднiй походъ еиванцевъ, указываютъ на очень сильное сопротивленiе, которое оказывалъ центральной власти главнымъ образомъ сильнѣйшiй изъ городовъ—Мантиней. Спартанской партiи

удалось привлечь на свою сторону даже союзных сановниковъ. Но тутъ противъ нихъ выступили демократы, призвавшіе въ страну еиванцевъ. Въ этомъ походѣ, окончившемся битвой при Мантинее, аркадцы находились въ обоихъ лагеряхъ. Мегалополь, Тегея и много мелкихъ поселеній были на сторонѣ Эпаминонда; прочіе города, съ Мантинеей во главѣ, стояли за Спарту. По заключенному затѣмъ миру объединеніе всей Аркадіи въ одно государство было уничтожено, и плодомъ всей этой многообъщавшей попытки остался только новый городъ Мегалополь, да и онъ удержался съ трудомъ. Тѣмъ не менѣе движеніе это показало, какое значеніе можетъ приобрести въ Элладѣ объединенная Аркадія. Въ самомъ дѣлѣ, захватить снова гегемонію въ Пелопоннесѣ помѣшалъ Спартѣ главнымъ образомъ Мегалополь.

Въ заключеніе упомянемъ еще, что указанное вѣяніе времени сказалось и при возстановленіи Мессеніи. Вся отдѣлившаяся отъ Лаконики область составила единое государство съ одною столицею; это было здѣсь тѣмъ необходимѣе, что свободу противъ Спарты можно было отстаивать только при сосредоточеніи всѣхъ силъ.

Такимъ образомъ, въ періодъ отъ пелопонесской войны до появленія Филиппа былъ сдѣланъ рядъ попытокъ образовать единыя демократическія государства изъ племенъ, до того еще связанныхъ между собою, или изъ совсѣмъ самостоятельныхъ государствъ. Почти повсюду попытки эти имѣли паразитическій успѣхъ и сразу обнаружили таившіяся до того силы; но ни одно изъ этихъ государствъ не удержалось надолго. Объясняется это различны-

ми причинами, — внутренними и внешними. Прежде всего тутъ дѣйствовало извѣстное пристрастіе грека къ самостоятельной жизни въ мелкихъ государствахъ. Обыкновенно онъ предпочиталъ быть самостоятельнымъ въ своемъ тѣсномъ кругу, даже жертвуя внешней независимостью, чѣмъ поступаться своей частной свободой въ пользу ббльшаго цѣлаго съ тѣмъ, чтобы потомъ чувствовать себя сильной и независимой частью этого цѣлаго. Происходило это оттого, что грекъ понималъ свободу только какъ непосредственное личное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, а чѣмъ меньше было государство, тѣмъ, конечно, сильнѣе могло сказываться вліяніе личности. Коринеская партія, противившаяся соединенію съ Аргосомъ, не хотѣла допустить, чтобы Коринѣъ назывался Аргосомъ. Аканейцы и аполлоныаты хотѣли остаться самостоятельными и сохранить свои законы, унаслѣдованные отъ предковъ; они предпочитали сохранить эту самостоятельность подъ защитой Македоніи и Спарты, чѣмъ быть простыми членами олинесскаго государства. Въ Аркадіи партія, враждебная объединенію, тоже предпочитала жить подъ охраной Спарты, чѣмъ отказаться въ пользу обще-аркадскаго собранія отъ свободы, унаслѣдованной отъ предковъ. Это сопротивленіе было тѣмъ понятнѣе, что въ отдѣльныхъ государствахъ часто господствовала олигархія, а въ объединенномъ государствѣ вводилось демократическое устройство. Но и помимо этого, въ основѣ сопротивленія лежала доля истины; мысль объ утратѣ части свободы не была простымъ предубѣжденіемъ. Грекъ признавалъ, какъ уже сказано, только непосредственное участіе въ государственной жизни, личное пользо-

ваніе политическими правами. Высшая власть въ демократіи принадлежала общей сходкѣ всего народа. Представительства греки не знали. Такъ было и въ новыхъ государствахъ, образовавшихся путемъ объединенія; попытку создать нѣчто въ родѣ представительства можно видѣть развѣ только въ аркадскомъ собраніи «десяти тысячъ». При такомъ устройствѣ резиденція правительства пользовалась большими преимуществами, и при частыхъ народныхъ собраніяхъ жители ея имѣли значительный перевѣсъ надъ жителями остальныхъ мѣстностей союза: и эти преимущества столицы становились тѣмъ сильнѣе, чѣмъ обширнѣе была союзная область. Сверхъ того центральное управленіе, повидимому, было въ то же время управленіемъ столичнаго города, или, точнѣе говоря, такъ какъ объединеніе исходило отъ столицы, то въ сущности городское управленіе становилось управленіемъ обще-государственнымъ. Поэтому на самомъ дѣлѣ мнѣніе грека, что присоединеніе къ такому государству налагало на него зависимость, было не такъ ужъ неосновательно; особенно можно сказать это о тѣхъ случаяхъ, гдѣ главный городъ былъ много сильнѣе остальныхъ или раньше уже предъявлялъ притязанія на преимущества и власть. Потому намъ нечего удивляться тому, что, напр., олигарховъ Орхомена и Теспій не особенно привлекала та свобода, которую доставляло имъ вступленіе въ беотійское государство и которая должна была представляться имъ подчиненіемъ демосу города Фивъ. Кромѣ того переходъ отъ прежней самостоятельности къ новому порядку былъ часто довольно рѣзокъ; объ этомъ, впрочемъ, нельзя составить себѣ яснаго понятія, такъ какъ

намъ неизвѣстно, какъ вѣдали свои мѣстныя дѣла прежнія государства, перешедшія теперь на положеніе демовъ. Преобладаетъ, очевидно, стремленіе исполнѣ подчинить отдѣльныя общины началу объединительному.

Несмотря на всѣ эти внутреннія затрудненія, союзныя государства могли бы, вѣроятно, окрѣпнуть, если бы ихъ развитіе не встрѣтило внѣшнихъ препятствій. Но этого-то условія и не было налицо. Въ интересѣ сильныхъ сосѣдей, особенно Спарты и Македоніи, было — мѣшать ихъ усиленію. Слѣдуя исполнѣ естественной политикѣ, оба эти государства выступили на защиту мнимой свободы мелкихъ государствъ и сумѣли такимъ образомъ повсюду разстроить союзы названныхъ племенъ. Послѣ битвы при Херонеѣ племена Греціи находились, по большей части, въ состояніи полного разложенія, и Македонія долгое время успѣшно поддерживала его. Только когда Македонія занялась другими дѣлами и лишилась возможности пристально слѣдить за Греціей, на развалинахъ стараго устройства развились два новые союза, просуществовавшіе долгое время. Но такъ какъ они скоро вышли за предѣлы одного племени, то эти два союза — этолийскій и ахейскій — приводятъ насъ къ разсмотрѣнію такихъ соединеній, которыя, не ограничиваясь одною областью или однимъ племенемъ, стремились охватить всю Грецію или, по крайней мѣрѣ, большую часть ея.

На первыхъ двухъ ступеняхъ мы нашли два главныхъ вида объединенія — централизованное государство и федерацію (союзъ). На третьей и послѣдней ступени централизація не дошла до образованія

объединеннаго государства въ настоящемъ смыслѣ, но создала самыя разнообразныя формы федераціи—отъ слабѣйшей, направленной только на отраженіе внѣшнихъ враговъ, до тѣснѣйшей, приближающейся къ формѣ объединеннаго государства. Но преобладающей формою было тутъ соединеніе въ союзъ подъ главенствомъ (гегемоніей) столичнаго города. Сущность гегемоніи состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что сильнѣйшее государство союза предводительствуетъ союзнымъ войскомъ и руководитъ общими дѣлами; такимъ образомъ особаго союзнаго правительства не существуетъ, но первенствующее государство ставитъ во главѣ союза свои собственныя учрежденія, своихъ собственныхъ правителей, выбираемыхъ только имъ. Въ этомъ заключается, съ одной стороны, сила этой формы союза, такъ какъ власти его всегда могутъ разсчитывать на поддержку сильнѣйшаго государства, а съ другой стороны, и опасность для остальныхъ членовъ союза, такъ какъ у главенствующаго государства легко является искушеніе обращаться съ союзниками, какъ съ подданными.

Самую древнюю и сохранившуюся до позднѣйшихъ временъ форму такого союза, который не ограничивается племенными границами, представляли амфиктіоніи; изъ нихъ самою славною и крупною была дельфійская. Но теперь уже достаточно доказано, что эти амфиктіоніи не были настоящими союзами государствъ, тѣмъ менѣе союзными государствами, которыя бы преслѣдовали общія политическія цѣли; онѣ были скорѣе просто союзами для охраны нѣкоторыхъ святилищъ и, въ крайнемъ случаѣ, для соблюденія нѣкоторыхъ началъ и обычаевъ

Исторія Греціи. 19

международнаго права. Принадлежавшія къ амфиктіоніямъ государства вели между собой войны, не нарушая тѣмъ своихъ обязательствъ; напр. во время войнъ персидскихъ и пелопоннеской такія государства стоятъ на обѣихъ сторонахъ. Если амфиктіоніи и выступаютъ иногда какъ политическіе союзы, то дѣлаютъ это только ради упомянутыхъ религіозныхъ цѣлей, а не для блага народовъ; это вполне доказала послѣдняя такъ называемая священная война.

Здѣсь намъ предстоитъ говорить только о такихъ крупныхъ политическихъ союзахъ, которые объединяли или по крайней мѣрѣ стремились объединить на долгое время греческій народъ или крупныя части его.

Древнѣйшимъ изъ такихъ союзовъ, хотя въ значительной степени все еще съ миѣическими чертами, представляется гегемонія Атридовъ въ Микенахъ. Фукидидъ справедливо говоритъ, что не клятвы жениховъ Елены побудили князей всей Греціи къ походу противъ Трои, но вліяніе Агамемнона. Всѣ греческіе князья признаютъ его своимъ предводителемъ и великимъ княземъ и подчиняются ему на войнѣ, правда больше изъ-за превосходства его силъ на дѣлѣ, чѣмъ на основаніи юридическихъ обязательствъ. Но его верховенство проявляется только въ военное время; нигдѣ нѣтъ и рѣчи о власти его въ мирное время, о вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла. Это—гегемонія въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова. Конецъ ей положили перевороты, вызванные войною и вскорѣ затѣмъ переселеніями; прошло много времени, прежде чѣмъ новыя государства образовали болѣе крупные союзы. Прежде всего

эти государства были заняты опредѣленіемъ своего положенія въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ и тѣмъ меньше нуждались въ дальнѣйшемъ объединеніи, чѣмъ меньше имъ приходилось бороться съ внѣшними врагами. Только когда дорійскія государства Пелопоннеса достигли большаго развитія, два изъ нихъ, Аргось и Спарта, стали стремиться къ расширенію своего вліянія. Сначала Аргось, по крайней мѣрѣ по временамъ, бралъ верхъ надъ своимъ соперникомъ, пока послѣднему, послѣ покоренія Мессеніи, не удалось наконецъ пріобрѣсти рѣшительный перевѣсъ въ Пелопоннесѣ.

Вскорѣ затѣмъ Спарта перенесла свое вліяніе и за предѣлы Пелопоннеса. Особенно содѣйствовало этому то положеніе, какое спартанцы заняли въ VI-мъ стол. относительно тиранновъ: почти повсюду они низвергали ихъ оружіемъ или переговорами, и такимъ образомъ брали на себя роль защитниковъ эллинской свободы. Такимъ путемъ ко времени персидскихъ войнъ Спарта сдѣлала своими союзниками почти всѣ государства Пелопоннеса и нѣкоторыя внѣ его; но и у остальныхъ государствъ почтеніе къ ней было такъ велико, что во время войны всѣ они безъ сопротивленія передали ей главное начальство на сушѣ и на морѣ, а послѣ войны Спарта стала во главѣ почти всѣхъ греческихъ государствъ на материкѣ и большей части острововъ и городовъ во Фракіи, на Геллеспонтѣ и въ Азій. Союзный совѣтъ называлъ себя общимъ совѣтомъ эллиновъ. Послѣ битвы при Платеяхъ союзъ былъ вновь подтвержденъ всѣми участниками борьбы, а вскорѣ затѣмъ въ него были приняты азіатскіе греки. Правда, Спарта не долго сохраняла за собой такое положеніе.

Едва прошло нѣсколько лѣтъ, какъ всѣ почти морскія государства отказали ей въ повиновеніи и передали предводительство на войнѣ аѳинянамъ. Даже на материкѣ Спарта лишилась части своихъ союзниковъ, а по миру 445 г. она, послѣ различныхъ перипетій, признала гегемонію Аѳинъ надъ морскими государствами. Такимъ образомъ формальнымъ договоромъ вся Греція была теперь раздѣлена на два большихъ союза. Только удачное окончаніе пелопоннесской войны снова поставило Спарту во главѣ всѣхъ грековъ, — и опять на короткое время. Коринеская война грозила вліянію ея даже въ Пелопоннесѣ и поставила ее въ большое затрудненіе, изъ котораго Спарта выпуталась лишь благодаря Анталькидову миру 387 г. Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Спарта пользовалась своей гегемоніей суровѣе, чѣмъ когда-либо, какъ настоящей тиранніей, пока возвышеніе Эивъ и военный геній Эпаминонда не сокрушили навсегда ея могущества. Во всѣ эти различные періоды гегемонія Спарты основывалась на однихъ и тѣхъ же началахъ, и союзъ въ сущности имѣлъ одно устройство; разница была только въ томъ, что Спарта то церемонилась со своими союзниками, то нѣтъ, — смотря по тому, нуждалась ли она или не нуждалась въ ихъ помощи.

Какъ показываетъ названіе «симмахіи», союзъ собственно былъ рассчитанъ только на общее веденіе войны подъ предводительствомъ Спарты. Рѣшенія по общимъ дѣламъ постановлялись союзнымъ собраніемъ, созывавшимся обыкновенно въ Спартѣ, рѣже въ другихъ городахъ. Это собраніе состояло изъ выборныхъ отъ всѣхъ союзныхъ государствъ;

депутаты, повидимому, подавали голоса обыкновенно по даннымъ имъ инструкціямъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ одинъ голосъ независимо отъ размѣровъ государства. Это собраніе рѣшало вопросы о войнѣ, мирѣ, договорахъ и т. под.; ему же, безъ сомнѣнія, приходилось опредѣлять доли членовъ союза въ войскѣ и денежныхъ взносахъ. Созывала союзное собраніе Спарта, которой принадлежало также предсѣдательство въ собраніи и общее руководство имъ. Спарта же, за отсутствіемъ собранія, дѣйствовала отъ имени союза. Затѣмъ она не только назначала главнаго начальника, но и руководила всѣмъ ходомъ войны, опредѣляла, какія части войска должны идти въ походъ и давала союзнымъ отрядамъ, сверхъ ихъ собственныхъ начальниковъ, еще вождей и съ своей стороны. Очень часто Спарта поступала по своему усмотрѣнію не только въ дѣлѣ веденія войны, но и начинала самовольно войну, заключала миръ и союзы, правда, не безъ сопротивленія со стороны болѣе сильныхъ членовъ союза. Во внутреннихъ дѣлахъ отдѣльныхъ государствъ должны были сохранять полную автономію, или самостоятельность, не стѣсняемую ни союзнымъ совѣтомъ, ни вліяніемъ Спарты. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта независимость заходила даже очень далеко; такъ, напр., отдѣльные члены союза имѣли въ свою очередь болѣе близкихъ союзниковъ и подданныхъ; между членами союза допускались и дѣйствительно бывали войны, насколько онѣ не наносили уцербъ ихъ союзнымъ обязанностямъ. Потому такія частныя распри должны были пріостанавливаться на время союзной войны: въ этомъ случаѣ войска, только-что сражавшіяся другъ съ другомъ, соединялись подѣ

командой Спарты. Но, по правилу, споры между союзниками разрѣшались третейскимъ судомъ. Такая кажущаяся свобода отдѣльныхъ государствъ, при равенствѣ ихъ голосовъ, давала Спартѣ большой перевѣсъ, такъ какъ она умѣла держать ближайшіе города въ фактической зависимости отъ себя, и потому по большей части за ней было обезпечено большинство голосовъ въ союзномъ совѣтѣ. Съ другой стороны, Спарта всегда слѣдила за тѣмъ, чтобы устройство «автономныхъ» городовъ отвѣчало ея интересамъ, т. е. носило олигархическій характеръ. Этимъ объясняется отвѣтъ, данный афинянами спартанцамъ по предложенію Перикла передъ пелопоннесской войной: они де согласны принять нѣкоторыя изъ предъявленныхъ требованій, если Спарта предоставитъ своимъ союзникамъ автономію для ихъ собственной пользы, а не въ интересахъ только спартанцевъ. Зависимость болѣе слабыхъ государствъ усиливалась еще тѣмъ, что Спарта пріобрѣтала себѣ особыхъ союзниковъ, обязывавшихся только доставлять ей войско, но не имѣвшихъ представителей въ союзномъ совѣтѣ. Мнимую самостоятельность такихъ союзниковъ она по временамъ нарушала самымъ безцеремоннымъ образомъ, вводя гармостовъ, декархій и т. под. Да и вообще преобладаніе главенствующаго государства часто давало послѣднему поводъ дѣйствовать вмѣсто союза и ставить свои личные интересы на мѣсто интересовъ союза. Когда наконецъ послѣ пелопоннесской войны греки, такъ часто обманывавшіеся въ своихъ надеждахъ, осмѣлились выступить кое-гдѣ противъ притязаній Спарты, то она, чтобы помѣшать усиленію враждебныхъ государствъ, нашла для себя

выгоднымъ истолковать принципъ самостоятельности своихъ союзниковъ въ томъ смыслѣ, что никто изъ нихъ не можетъ имѣть подданныхъ; а когда во время коринтской войны стремленіе къ объединенію равноправныхъ государствъ стало грозить ей опасностью, то въ Анталкидовомъ мирѣ Спарта довела начало автономіи до послѣднихъ предѣловъ. А именно, этотъ миръ опредѣлялъ, что всѣ города въ Греціи—большіе и малые—должны быть автономными; Спарта и Персія брали на себя ручательство за миръ, и всѣ города обязывались подъ командою Спарты воевать противъ противниковъ мира. Вопросъ, кто является такимъ противникомъ, рѣшала одна Спарта. Такимъ образомъ она теперь по договору и фактически стала гегемономъ всей Греціи, государства которой, лишившись всякой другой опоры, только въ Спартѣ должны были видѣть свой центръ. Извѣстно, какъ Спарта истолковала этотъ договоръ, какъ она до предѣловъ Эракіи преслѣдовала всякіе союзы и попытки къ объединенію и даже вновь раздробила на четыре «автономныхъ» селенія Мантиней, уже давно образовавшуюся чрезъ соединеніе четырехъ волостей. Съ такимъ же правомъ Спарта могла бы раздробить снова на двѣнадцать городовъ и Аѣины. Такая заносчивость привела Спарту къ паденію и послужила поводомъ къ упомянутымъ выше попыткамъ объединенія въ Беотіи, Аркадіи и другихъ областяхъ. Хотя попытки эти и не имѣли успѣха, но все-таки Спарта не могла уже оправиться отъ того удара, какой нанесли ей битва при Левктрахъ и возстановленіе Мессеніи. Итакъ въ Спартѣ и ея союзѣ мы имѣемъ образецъ союза съ гегемономъ во главѣ и номиналь-

ной самостоятельностью союзниковъ. Подъ конецъ эта гегемонія превратилась въ невыносимый деспотизмъ, не вознаграждавшій за потерю свободы ни крупными внѣшними успѣхами, ни другими блестящими результатами.

Иначе и откровеннѣе, но не менѣе насильственнымъ путемъ пошли къ цѣли Аѣины. Свободныхъ союзниковъ и подданныхъ онѣ имѣли уже и прежде; тѣмъ не менѣе основаніе ихъ гегемоніи относится только ко времени персидскихъ войнъ. Такъ какъ главную роль въ этихъ войнахъ играли Аѣины, то новые союзники, — особенно изъ іонійскихъ городовъ Малой Азіи, — и передали имъ главное начальство противъ персовъ, послѣ того, какъ высокоумѣріе Павсанія возмутило ихъ противъ Спарты. Для успѣшной борьбы съ персами съ цѣлью восстановления или упроченія свободы необходимо было дѣйствовать единодушно; сознаніе этой потребности привело къ образованію союза и поставило во главѣ его сильнѣйшее изъ государствъ. Отъ предѣловъ Памфіліи союзъ вскорѣ распространился по Ликии, Каріи, Іоніи, Фолидѣ, Геллеспонту, по берегу Эракіи и почти по всѣмъ островамъ Эгейскаго моря. Для обсужденія общихъ дѣлъ выборные отъ всѣхъ городовъ союза собирались подъ предсѣдательствомъ Аѣинъ въ святилищѣ Аполлона на островѣ Делосѣ. По предложенію Аристиды это собраніе опредѣлило повинности членовъ союза на случай войны: одни должны были поставлять корабли, другіе дѣлать денежные взносы. Сухопутныя войска требовались, повидимому, ото всѣхъ, смотря по нуждѣ. Казна хранилась на Делосѣ и находилась подъ управленіемъ десяти «эллинотаміевъ», выбиравшихся, вѣ-

роятно по жребію, изъ аѣинянъ и въ Аѣинахъ. Между союзниками, поставлявшими корабли и платившими деньги, не было никакого различія; и тѣ и другіе были самостоятельны и посылали выборныхъ въ союзный совѣтъ. Споры между союзниками, какъ и въ союзѣ спартанскомъ, рѣшались не союзнымъ совѣтомъ, а третейскимъ судомъ, позднѣе, повидимому, даже приказами аѣинянъ; случались впрочемъ между союзниками и войны.

Съ самаго начала Аѣины пользовались въ союзѣ большимъ вліяніемъ и занимали положеніе очень соблазнительное. Стремленіе ихъ къ расширенію своихъ правъ было тѣмъ сильнѣе, что союзное собраніе изъ нѣсколькихъ сотъ выборныхъ, частью отъ совсѣмъ мелкихъ городовъ, очевидно было совсѣмъ непригодно для рѣшенія важныхъ дѣлъ, которыми ему приходилось заниматься. Аѣины должны были почти произвольно присвоить себѣ права этого собранія. Когда же многіе города въ видахъ удобства вмѣсто поставки кораблей стали вносить деньги, на которыя Аѣины строили корабли, тогда естественно могущество главы союза возросло въ той же степени, въ какой упала военная сила союзниковъ; и когда нѣкоторые изъ послѣднихъ захотѣли при помощи оружія выйти изъ тяжелаго положенія, то аѣиняне принудили ихъ покориться и обратили ихъ въ подданныхъ, не имѣвшихъ болѣе права голоса. Вскорѣ затѣмъ (около 460 г.), по предложенію самосцевъ и по постановленію союзнаго собранія, союзная казна была перенесена въ Аѣины, и это привело къ рѣшительному измѣненію въ устройствѣ союза. Повидимому, съ этихъ поръ

собрания союзниковъ перестаютъ составляться; во всякомъ случаѣ они уже не рѣшаютъ серьезныхъ вопросовъ и вскорѣ совсѣмъ исчезаютъ. Съ этого времени Аѣины такъ же свободно распоряжаются союзной казной, какъ и рѣшаютъ единолично вопросы о войнѣ и мирѣ. Союзники уже не могутъ больше слѣдить за употребленіемъ ихъ денежныхъ взносовъ, войскъ, кораблей. Такимъ образомъ на дѣлѣ взносы обратились въ подати, для взиманія которыхъ союзные города были раздѣлены на пять округовъ. Скоро и въ другихъ отношеніяхъ аѣиняне начинаютъ смотрѣть на союзниковъ, какъ на подданныхъ; понятія данника и подданнаго становятся равнозначащими. Аѣины вмѣшиваются теперь и во внутреннія дѣла союзниковъ: онѣ не только наблюдаютъ черезъ особыхъ чиновниковъ за всѣми ихъ дѣйствіями и поддерживаютъ въ нихъ демократію, но отнимаютъ у нихъ большую часть ихъ судебной власти и принуждаютъ ихъ искать правосудія въ Аѣинахъ. Вскорѣ Аѣины пошли еще дальше: онѣ стали назначать подати по своему произволу и тратить поступающія деньги уже не на расходы союза, а на свои собственные, именно, на постройку великолѣпныхъ зданій, которыми тогда стали украшаться ихъ городъ. Даже такъ называемые союзники, не обязанные платить подати, число которыхъ сильно уменьшилось, стали въ очень зависимое положеніе, такъ какъ, не оказывая вліянія на дѣла, должны были только поставлять корабли для всѣхъ войнъ, начинаемыхъ Аѣинами. Аѣиняне утверждали, что они обязаны только защищать союзниковъ отъ внѣшнихъ враговъ, а какъ это дѣлается, до этого союзникамъ нѣтъ дѣла; исполняя эту обязанность,

Аѣины могутъ распоряжаться по произволу союзной казной и никому не обязаны отдавать въ этомъ отчета. Такимъ образомъ Аѣины прибрѣтаютъ на счетъ союзниковъ такую силу, что всякое сопротивленіе становится бесполезнымъ. Онѣ укрѣпляютъ свое положеніе особыми соглашениями съ другими государствами и высылкою клерухій, охранявшихъ въ качествѣ постоянныхъ гарнизоновъ обширную территорію союза; такимъ образомъ ихъ т. наз. «симмахія» на дѣлѣ обращается въ почти неограниченное господство надъ союзниками. Обладаніе имъ позволило Аѣинамъ развить невѣроятную силу. Въ срединѣ V стол. ихъ гегемонію признавала нѣкоторое время и большая часть материка, такъ что, казалось, эта гегемонія должна была распространиться на всю Грецію. Этому помѣшала битва при Коронѣ и миръ 445 г.; но по тому же миру Спарта формально признала господство Аѣинъ надъ морскими государствами. Тѣмъ не менѣе господство это продержалось не долго: отношенія были слишкомъ натянуты, чтобы ихъ можно было поддерживать безъ помощи силы, а аѣинская демократія со смерти Перикла не обладала достаточной послѣдовательностью и спокойствіемъ для проведенія старой системы. Не удивительно поэтому, что почти все союзники враждебно относились къ Аѣинамъ и охотно отозвались на призывъ Спарты вернуть себѣ свободу. Исходъ пелопоннесской войны уничтожилъ это блестящее владычество, но не замѣнилъ его ничѣмъ лучшимъ, напротивъ, повелъ за собою болѣе тяжелый гнетъ и принесъ въ жертву Персіи свободу малоазіатскихъ городовъ. — Разсматривая аѣинскую гегемонію, можно находить удовлетвореніе,

по крайней мѣрѣ, въ томъ, что она со славою и успѣхомъ защищала независимость и честь всѣхъ грековъ противъ варваровъ и позволила самимъ аеинянамъ во всѣхъ областяхъ духовной жизни дойти до высшихъ ступеней развитія. Образование и духовная гибкость аеинянъ до нѣкоторой степени смягчали политическій гнетъ, заставляли забывать о немъ ради пышнаго блеска столицы, отражавшагося и на подданныхъ.

Позднѣйшія попытки Аеинъ возстановить симмахию не привели къ прочнымъ результатамъ, да притомъ въ основѣ этихъ попытокъ лежали почти тѣ же начала, что и у перваго союза, и развивались онѣ тѣмъ же путемъ. Сущность дѣла не измѣнилась, конечно, отъ того, что подати стали называться теперь взносами. Правда, договоръ прямо обезпечивалъ всѣмъ союзникамъ автономію и установилъ въ Аейнахъ союзное собраніе, соотвѣтствовавшее прежнему собранію на Делосѣ; тѣмъ не менѣе Аейны, какъ только имъ это позволяли обстоятельства, постоянно проявляли склонность къ произвольному угнетенію союзниковъ. Навсегда сокрушено было могущество Аеинъ Филиппомъ македонскимъ; послѣ этого онѣ уже не пытались больше возстановить гегемонію, за исключеніемъ быстро окончившейся ламійской войны. Такимъ образомъ и аейнская гегемонія только довела до необычайной высоты могущество главы союза на счетъ прочихъ членовъ его: и Аейнамъ не удалось примирить надолго свободу отдѣльнаго государства съ могуществомъ всего цѣлаго.

Гегемонія Фивъ, или скорѣе ихъ попытка пріобрѣсти ее, была слишкомъ мимолетна и незаконченна

для того, чтобы на ней здѣсь останавливаться. Македонская гегемонія была господствомъ чужеземцевъ. Только въ позднѣйшую эпоху македонскаго владычества удалось на нѣкоторое время союзамъ этолійскому и ахейскому совмѣстить со свободой отдѣльныхъ государствъ прочное союзное устройство безъ гегемоніи. Тайна успѣха заключалась въ томъ, что эти союзы создали *особое* союзное правительство, независимое отъ отдѣльныхъ государствъ, достаточно сильное для того, чтобы стоять выше ихъ и въ то же время не имѣвшее интереса угнетать ихъ. Зависѣло это, несомнѣнно, главнымъ образомъ отъ того, что въ обѣихъ областяхъ, создавшихъ эти союзы, не было главнаго города, да и вообще выдававшегося своею силою государства, а также отъ того, что новымъ членамъ, при вступленіи въ союзъ, давались права, равныя съ прежними.

Первоначально между этолійцами существовала очень слабая связь, едва заслуживавшая названіе союза. Настоящими дѣятелями въ греческой исторіи они выступаютъ только въ концѣ IV стол., когда государства, выдававшіяся прежде, ослабѣли и отступили на второй планъ. Объ этолійцахъ упоминаютъ съ похвалою въ ламійской войнѣ; можетъ-быть, они уже тогда составили болѣе тѣсный союзъ. Съ этихъ поръ они сохраняютъ значеніе вплоть до войны римлянъ съ Антиохомъ, ими вызванной и ихъ погубившей. Свѣдѣнія наши объ устройствѣ этолійскаго союза очень скудны. Главныя особенности этого устройства заключались въ томъ, что все государства, какъ собственно этолійскія, такъ и другія, пользовались безъ различія равными правами, и что вопросы относительно войны, мира и внѣшнихъ сно-

шеній рѣшались всѣмъ союзомъ вообще, а не отдѣльными государствами. Въ союзномъ собраніи могли участвовать всѣ граждане союзныхъ государствъ. Какъ производилось въ немъ голосованіе, неизвѣстно; кажется болѣе вѣроятнымъ, что оно происходило поголовно, а не по городамъ. Собраніе рѣшало вопросы о мирѣ, войнѣ, изданіи союзныхъ законовъ и выбирало чиновъ союза. Комитетъ, составленный повидимому изъ депутатовъ отъ государствъ, вель, въ качествѣ постояннаго совѣта, текуція дѣла, самъ рѣшалъ менѣе важныя изъ нихъ, а болѣе важныя передавалъ въ общее собраніе.

Рѣшенія союзныхъ властей*) ограничивали, правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ внутреннюю самостоятельность отдѣльныхъ государствъ, но въ общемъ все-таки эта самостоятельность была, повидимому, въ достаточной степени обезпечена. Поэтому въ союзъ вступили не только сосѣдніе народы, но и города Пелопоннеса и даже Геллеспонта, хотя послѣдніе, быть-можетъ, ограничились временнымъ соглашеніемъ; другіе города были, правда, принуждены къ присоединенію силою оружія. Слишкомъ столѣтіе этолійскій союзъ былъ главной державой средней Греціи; онъ игралъ важную роль въ борьбѣ грековъ и Рима и, можетъ-быть, принесъ бы еще больше пользы независимости Греціи, если бы на него не вліяли прирожденная грубость этолійцевъ и ихъ враждебное отношеніе къ ахейцамъ. Главный недостатокъ союзнаго устройства заключался, безъ сомнѣнія, въ огромныхъ размѣрахъ собранія; послѣднее, въ виду об-

---

*) О нихъ см. *Пельмана*, стр. 100—101.

ширности союзной территоріи, едва ли было настоящимъ представителемъ всего союза и легко позволяло честолюбивымъ и воинственнымъ вождямъ вызывать необдуманнныя рѣшенія.

Нѣсколько точнѣе освѣдомлены мы относительно ахейскаго союза. Въ прежнія времена Ахайя составляла болѣе или менѣе тѣсный союзъ, въ началѣ македонской эпохи почти совсѣмъ распавшійся. Только въ 280 г. четыре города снова вступили въ болѣе тѣсный союзъ, къ которому вскорѣ примкнули и другіе города. Большую устойчивость союзъ пріобрѣлъ только черезъ 25 лѣтъ послѣ этого, благодаря новому устройству, замѣнившему, между прочимъ, прежнихъ двухъ полководцевъ однимъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ къ союзу примкнулъ Сикіонъ, первый не ахейскій городъ; это имѣло очень важныя послѣдствія, такъ какъ съ этихъ поръ руководителемъ союзной политики сталъ ловкій Аратъ. Онъ началъ склонять ко вступленію въ союзъ одинъ городъ за другимъ. Неудачная Клеоменова война со Спартой, а затѣмъ союзническая война противъ Этоліи разрушили открывшіяся было смѣлыя надежды и поставили союзъ въ печальную зависимость отъ Македоніи; тѣмъ не менѣе, послѣ пораженія македонянъ римлянами, союзу подъ руководствомъ Филопемена удалось присоединить къ себѣ почти весь Пелопоннесъ, а также нѣкоторыя государства, лежавшія внѣ его. Но въ это время Римъ уже сталъ въ такое отношеніе къ Греціи, что и ахейскій союзъ не могъ больше служить противъ него оплотомъ. Побѣда Эмилиа Павла надъ Персеемъ въ сущности сокрушила также и свободу ахейцевъ, вполне затѣмъ уничтоженную Мумміемъ.

По устройству ахейскій союзъ имѣлъ очень много общаго съ этолійскимъ, только это устройство было здѣсь гораздо болѣе выработано. Въ ахейскомъ союзѣ тоже господствовала полная равноправность всѣхъ членовъ. Въ великомъ собраніи могли участвовать всѣ граждане союзныхъ государствъ старше тридцати лѣтъ. Оно рѣшало вопросы относительно войны, мира, принятія новыхъ членовъ и союзныхъ законовъ, разрѣшало споры между городами, избирало союзныхъ властей *). Голосованіе въ собраніи происходило, несомнѣнно, по городамъ, такъ что было все равно, много или мало собралось гражданъ извѣстнаго государства. Неяснымъ остается одно, подавали ли голоса за свое государство только опредѣленные выборные или всѣ случайно бывшіе въ собраніи; вѣрнѣе кажется, однако, послѣднее. Всѣ города союза должны были имѣть демократическое устройство, можетъ-быть нѣсколько ограниченное цензомъ; они имѣли одинаковые законы, мѣры, вѣсъ и монету. Отъ рѣшеній городскихъ судовъ можно было апеллировать къ союзному суду; въ союзную казну города платили опредѣленные взносы. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они пользовались полною свободою въ своей внутренней жизни.

Въ обоихъ этихъ союзахъ, особенно въ ахейскомъ, мы видимъ соединеніе централизаціи и свободы отдѣльныхъ государствъ въ небывалой до тѣхъ поръ степени; объединяющимъ элементомъ является независимое отъ отдѣльныхъ государствъ центральное

---

*) О нихъ см. *Пельмана* стр. 102 и во второмъ выпускѣ статью «Устройство ахейскаго союза».

управленіе. Подчиненіе ему не представлялось подчиненіемъ другому государству, и потому отдѣльные крупные города охотно соглашались на такое подчиненіе; правда, другія государства и въ этомъ случаѣ сопротивлялись. Устройство народнаго собранія было и здѣсь очень несовершенно, все равно происходило ли голосованіе поголовно, что было хуже всего; или по городамъ: во всякомъ случаѣ, замѣтно отсутствіе такого представительства, которое было бы приведено въ соотвѣтствіе съ повинностями. При всемъ томъ мы можемъ признать ахейскій союзъ совершеннѣйшимъ явленіемъ этого рода въ Греціи. Если и эти союзы не могли помѣшать политической гибели Эллады, то въ этомъ виновато не ихъ устройство: и самаго лучшаго устройства недостаточно тамъ, гдѣ духъ и сила покинули народъ и гдѣ внѣшнія условія сложились такъ неблагоприятно, какъ въ этомъ періодѣ греческой исторіи. Несчастливая вражда между ахейцами съ одной стороны и этолійцами и Спартой—съ другой и тутъ терзала Грецію и поставила ее въ зависимость сначала отъ Македоніи, а потомъ отъ гораздо болѣе опаснаго Рима. Если бы была возможность соединить въ нужное время Спарту и Ахайю или слить въ одно цѣлое совершенно сходные между собой союзы ахейскій и этолійскій, то, можетъ-быть, тогда судьбы Греціи приняли бы еще другое направленіе. *)

---

*) По вѣрному замѣчанію *Дробуа*, исторія союзовъ этолійскаго и ахейскаго показываетъ, насколько греки сблизились другъ съ другомъ со времени Александра Великаго. Это сблизеніе, кромѣ самаго существованія союзовъ, видно изъ того, что даже Спарта и ахейцы составили бы единый большой союзъ, не помѣшавъ этому

Оглядываясь на всѣ эти попытки объединенія, мы должны заключить, что греки, за исключеніемъ послѣднихъ временъ, умѣли достигать надолго большой силы только чрезъ соединеніе въ одно государство или чрезъ подчиненіе одному государству, хотя по формѣ такое подчиненіе могло представляться союзомъ. Напротивъ, настоящіе союзы никогда не умѣли примирять могущества цѣлаго со свободой отдѣльныхъ членовъ. Когда, наконецъ, греки стали, повидимому, приближаться къ достиженію этой цѣли, сила народа оказалась уже исчерпанной. Въ сравненіи съ новыми народами грекамъ не хватало именно выработанной системы союзнаго представительства, хотя попытки ея являлись и у нихъ. Но главной помѣхой для значенія цѣлаго народа служило то, что постоянно по нѣскольку государствъ заявляло притязаніе на первое мѣсто и господство. Поэтому грекамъ пришлось отказаться отъ того преобладанія надъ варварами, на которое они могли бы расчи-

---

Аратъ. Въ этихъ явленіяхъ прежде всего замѣтенъ прогрессъ въ политическомъ сознаніи греческихъ племенъ. Въ V в. въ Греціи было только два значительныхъ государства,—Спарта и Аѣины; въ IV ст. къ нимъ присоединились Фивы. Въ III в. Фивы утратили свое значеніе; зато выдвинулись и образовали союзы тѣ государства, которыя прежде отставали въ развитіи отъ трехъ главныхъ. Усиленіе этихъ племенъ имѣло большое значеніе; безъ него греческая исторія была бы не полной. Новая ступень довершала развитіе первоначальныхъ задатковъ греческаго народа: Спарта, Аѣины, ахейскій и этолійскій союзы являются только представителями старыхъ племенъ: дорянъ, іонянъ, ахейнъ, этолянъ. Такимъ образомъ развитіе III вѣка—естественное продолженіе исторіи V и IV ст.; разница только въ томъ, что крупныя общины, прежде неохотно подчинявшіяся Спартѣ и Аѣинамъ, въ III в. сплотились въ высшее цѣлое. (*Holm. Griech. Gesch. IV, 336—339*).

тывать по своей даровитости. Въ этомъ отношеніи партикуляризмъ греческаго народа представляетъ печальное явленіе; но съ другой стороны, мы не должны забывать, что эта самая черта характера обусловила безконечно разнообразное развитіе, которое сопровождалось роскошнымъ расцвѣтомъ искусства и науки, составлявшимъ во всѣ времена предметъ удивленія и въ значительной степени вознаграждающимъ за всѣ неудачи въ политической сферѣ.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНѢЙШИХЪ ТЕРМИНОВЪ.

(Цифры указываютъ страницы съ объясненіями терминовъ).

- Автономія
Автополитія (426) } политическая самостоятельность.
Ареопагъ—верховное судилище въ Аѳинахъ.
Аристократія—государственное устройство съ преобладаніемъ „лучшихъ“ людей (знати).
5. Беотархи—вышіе сановники беотійскаго союза (422).
Буле—совѣтъ пятисотъ въ Аѳинахъ.
Гармость—намѣстникъ Спарты въ подчиненномъ городѣ (60).
Гегемонія—предводительство, преобладаніе въ союзѣ сильнѣйшаго члена надъ прочими (434).
Гелиастъ—присяжный засѣдатель (въ Аѳинахъ).
10. Гелоть (илоть)—крѣпостной (въ Лаконикѣ).
Гераклиды—потомки баснословнаго героя Геракла.
Гермы—столбы съ изображеніемъ бога Гермеса.
Гермокопиды—разрушители гермовъ.
Гетера—„подруга“, женщина свободнаго поведенія.
15. Гетерія—тайное политическое общество, клубъ (50).
Гоплитъ—тяжеловооруженный воинъ.
Декархія—правленіе десяти, десятиначаліе.
Декадархъ—десятиначальникъ.
Демагогъ—вождь, руководитель народа.
20. Демагогія—руководство народомъ (при помощи совѣтовъ и рѣчей въ народномъ собраніи (15—19)).
Демократія—государство, въ которомъ править народъ, народоправство.
Демось—народъ.
Демъ—волость, округъ (410).

- Клерухія—поселеніе (аеинскихъ) гражданъ на завоеванной землѣ (443).
25. Кома—сельская община (403).
 Кондотгерь (итал.)—вождь наемной дружины.
 Мараэономахъ—мараэонскій боець, воинъ стараго закала.
 Мистеріи—тайное ученіе и служеніе богинѣ земли Деметрѣ въ Элевсинѣ (въ Атикѣ).
- Олигархія—государственное устройство съ преобладаніемъ немногихъ (знатныхъ и богатыхъ).
30. Олигархъ—членъ правительства въ олигархіи.
 Олигархическій—приверженный къ олигархіи.
 Олимпія—участокъ земли около храма Зевса олимпійскаго въ Эладѣ, гдѣ происходили олимпійскія игры.
 Остракизмъ—способъ изгнанія, введенный Клизееномъ въ Аеинахъ.
- Палестра - школа гимнастики.
35. Партикуляризмъ—стремленіе частей народа къ обособленности.
 Пауперизмъ—объдѣнныя народной массы.
 Пельтасты—легкая пѣхота (238—239).
 Пенесты—крѣпостные въ Фессалии (419).
 Пниксъ—холмъ, на которомъ въ Аеинахъ собиралось народное собраніе.
40. Полемархи—высшіе сановники въ Фивахъ (212).
 Пританы—члены совѣта пятисотъ въ Аеинахъ, завѣдывавшіе по очереди его дѣлами.
 Пританей—мѣсто угощенія почетныхъ гостей государства въ Аеинахъ (182).
 Пропилеи (224)—преддверіе, великолѣпныя постройки у входа въ аеинскій кремль (акрополь).
 Проэдры—прелсѣдатели (64).
45. Псефисма—частное постановленіе народа.
 Риторъ—учитель краснорѣчія (155—157).
 Сикелюты—греки, жившіе на Сициліи.
 Сикофантъ—доносчикъ по ремеслу.
 Симмахія—союзъ въ цѣляхъ войны (436).
50. Синегоры—защитники или обвинители на судѣ (19).
 Синойкизмъ—объединеніе мелкихъ поселеній въ одно крупное.
 Синойкіи—праздникъ въ память объединенія Атики Тесеемъ (409).

- Софистъ—наставникъ мудрости (157).
 Стратеги—военачальники, сановники въ Аѳинахъ (10—11).
 55. Талантъ—денежная единица въ Атикѣ, около 1420 рублей.
 Тиранинъ—человѣкъ, незаконно захватившій верховную власть надъ республикой.
 Тираниннѣ—власть, управленіе тиранна.
 Трирема (лат.)—тріера—трехъярусный военный корабль.
 Тріерархъ (въ Аѳинахъ)—гражданинъ, обязанный на свой счетъ снарядить тріеру.
 60. Фила—колѣно, подраздѣленіе народа (409).
 Филаллинъ—другъ грековъ.
 Хариты (греч.)—граціи (лат.)—богини прелести.
 Хорегъ (въ Аѳинахъ)—гражданинъ, обязанный на свой счетъ содержать хоръ для драматическихъ представленій.
 Эвпатриды—благородные, знатные.
 65. Экклесія—народное собраніе.
 Эллинотаміи—хранители союзной казны эллиновъ (440).
 Этеры—товарищи, друзья (313).
 Эфоры—надзиратели, контролеры (71).
-

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
81	4	на сторонѣ	въ странѣ
94	14	современнѣе	совершеннѣе
112	1	нерѣшительно	рѣшительно
137	16	участію	участіе
164	2 вн.	Бѣлохъ	Белохъ
220	15	борьбы	борьба
301	4	Аристофана	Аристафонта
324	3 вн.	Пасимена	Паммена
334	9	писателей	предателей
334	12	не могли	могли
341	8 вн.	Кафіи	Каріи.
381	11 вн.	Александра	Филиппа
386	7	съ Запада	на Западѣ
413	22	достигало	достигло
420	9	учрежденія	должности

Прим. 1 на стр. 90 относится къ концу предыдущаго отдѣла на стр. 89.

Нумерація статей отдѣла III вн. I, II, и т. д. должна быть XIX, XX и т. д.

КОМИССИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНИЯ,

состоящая при учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. З.

Москва, Большая Никитская, домъ Рихтеръ, близъ Университета.

Правила для сношеній читателей съ комиссіей.

1) Читатели могутъ пользоваться руководствомъ Комиссіи: а) обращаясь къ Комиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и возникшихъ при занятіяхъ поставленными темами вопросовъ; б) представляя Комиссіи краткіе отчеты о прочитанномъ въ формѣ конспектовъ или отвѣтовъ на провѣрочные вопросы, поставленные Комиссіей; в) представляя на просмотръ и оцѣнку Комиссіи болѣе или менѣе обширныя и самостоятельныя письменныя работы.

2) Желающіе пользоваться указаніями Комиссіи въ означенныхъ предѣлахъ уплачиваютъ: при занятіяхъ по программамъ систематическаго чтенія (науки математическія, физико-химическія, биологическія, философскія, общественно-юридическія, историческія и исторія литературы) по 3 рубля за каждый изъ этихъ семи отдѣловъ (два философскія программы считаются за особый отдѣлъ какъ вмѣстѣ, такъ и порознь); при занятіяхъ по отдѣльнымъ темамъ— по 1 руб. за каждую. Читатели, выбирающіе какую-либо часть одного изъ семи перечисленныхъ отдѣловъ (напр., химию, предвѣтную культуру, греческую литературу и т. п.), платятъ какъ за руководство по отдѣльной темѣ (т. е. 1 р.). Нормой времени для прохожденія отдѣла или темы принять 1 годъ; при чемъ теченіе годового срока считается съ мѣсяца записки.

Примечаніе: Люди, не могущія уплачивать означенныхъ взносовъ по недостатку средствъ, могутъ быть освобождены отъ взноса платы за пользование руководствомъ Комиссіи, по представленіи объясненій о своемъ имущественномъ положеніи.

3) Уплатившіе означенные взносы имѣютъ право получать письменные отвѣты на свои обращенія къ Комиссіи въ теченіе срока отъ недѣли до двухъ недѣль, смотря по степени сложности вопросовъ. На каждый отвѣтъ должна быть прилагается почтовая марка; въ противномъ случаѣ Комиссія не беретъ на себя обязательства отвѣчать.

4) Для большей успѣшности руководства занимающіеся приглашаются сообщать, кромѣ своего имени и адреса съ обозначеніемъ отдѣла (или отдѣловъ), по которымъ они хотятъ заниматься: а) возрастъ, б) какое и гдѣ получили образованіе, в) настоящее общественное положеніе и главное занятіе и д) знаютъ ли иностранныя языки и какіе.

5) Книги, признанныя „необходимыми“ для занятій по программамъ, Комиссія предлагаетъ доставлять читателямъ на льготныхъ условіяхъ двоякаго рода:

а) книги высылаются читателямъ на срокъ не болѣе шести мѣсяцевъ безъ залога (отъ читателей зависитъ превращеніе этого правила изъ временнаго въ постоянное), съ уплатою 5% номинальной стоимости книгъ (безъ уступки) за каждый мѣсяцъ пользования; такимъ образомъ, за книгу, стоящую 1 рубль, съ читателя будетъ взиматься 5 коп. за одинъ мѣсяцъ, 10 коп. за два и т. д. до шести мѣсяцевъ. Плата должна быть внесена впередъ за всѣ 6 мѣсяцевъ (т. е. 30% стоимости книги); при возвращеніи же книги раньше шести мѣсяцевъ, соответствующая часть платы возвращается читателю; читатель, желающій удержать книгу долѣе шести мѣсяцевъ, долженъ уплатить остальные 70% ея стоимости, съ правомъ получить при возвращеніи книги часть уплаченной суммы обратно на основаніи слѣдующаго пункта правилъ (б).

б) читатель уплачиваетъ при выпискѣ книгъ полную стоимость книгъ (безъ уступки), но по минованіи надобности можетъ возвращать ихъ въ Комиссію, получая обратно часть уплаченной цѣны, смотря по времени пользования книгами, т. е. 35% номинальной цѣны— по истеченіи мѣсяца, 90%— по истеченіи двухъ и т. д. По истеченіи 20 мѣсяцевъ книга считается собственностью читателя и обратно не принимается.

Примечаніе. Теченіе сроковъ начинается со времени полученія книгъ читателемъ. Всѣ почтовые расходы по пересылкѣ книгъ должны быть оплачиваемы читателями. Книги доставляются въ переплетахъ и должны быть возвращаемы назадъ въ полной исправности и безъ помярокъ.

6) Комиссія принимаетъ на себя порученія по покупкѣ всѣхъ книгъ, указанныхъ въ программахъ (какъ необходимыхъ, такъ и рекомендуемыхъ и справочныхъ) и находящихся въ продажѣ, съ уступкой, которую дѣлаютъ самой Комиссіи книгопродавцы.

Кандидатъ Фил. Н. Д. Свистунъ